

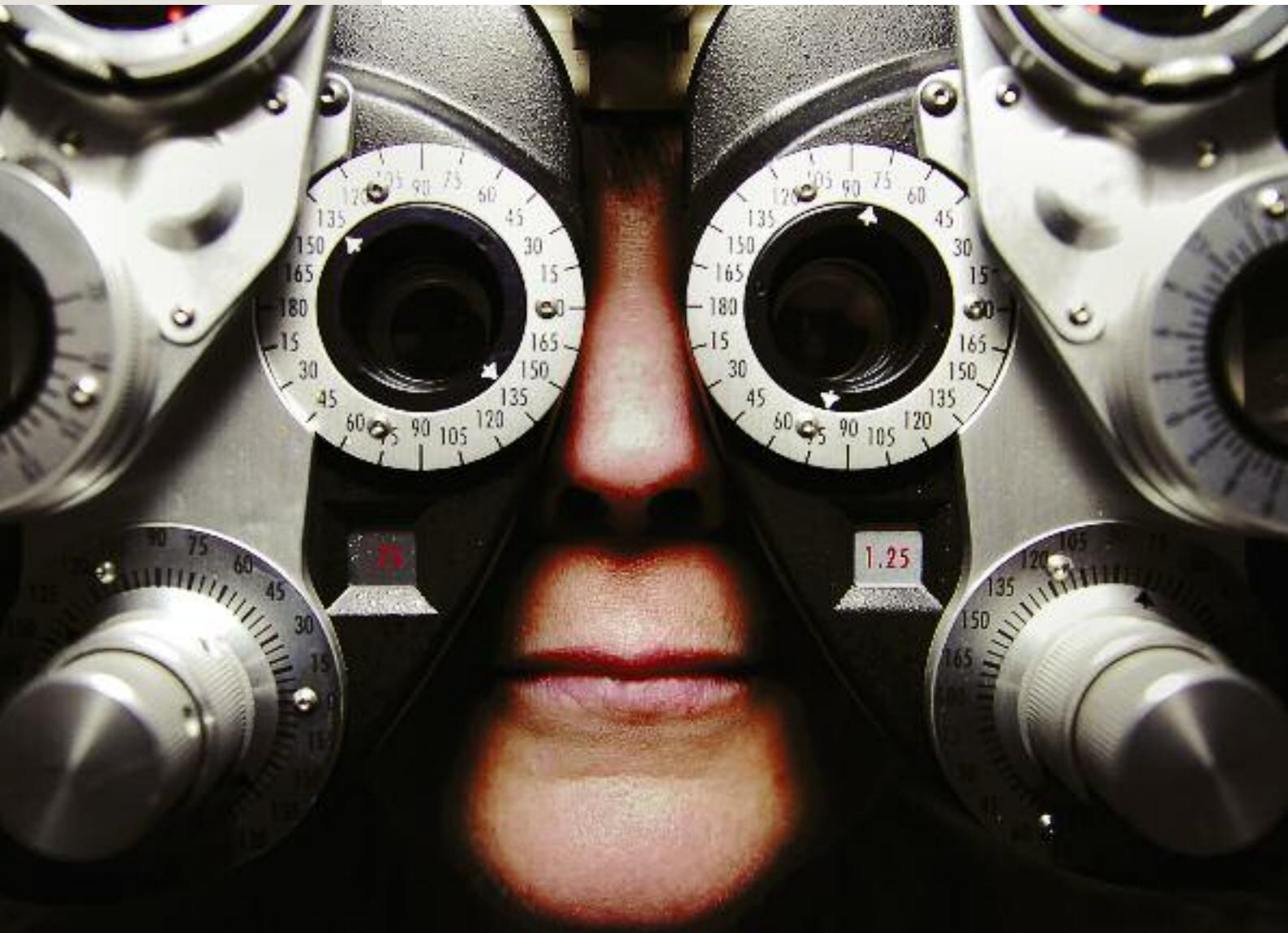
Развитие и Экономика

сентябрь 2015

14

И восходит солнце,
и заходит солнце...

Интернет-журнал «Развитие»

Выходит два раза в месяц, публикуется на сайте www.devec.ru
и рассыпается подписчикам по электронной почте.

Для подписки направляйте заявку в произвольной форме по адресу
info@devec.ru с указанием своей электронной почты.

СОДЕРЖАНИЕ

сентябрь 2015 | №14

редакционная колонка

- 4 М.Ю. Байдаков, С.Н. Белкин
Нерешенные задачи

СССР и развитие

- 6 Виталий Третьяков:
«Советский опыт, советский строй надо воспринимать как величайшие цивилизационные ценности»
Интервью декана Высшей школы телевидения МГУ имени М.В. Ломоносова В.Т. Третьякова альманаху «Развитие и экономика»

6

- 32 Спартак Никаноров: мыслитель и эпоха
(30 августа 1923 – 29 января 2015)

- 34 С.Н. Белкин
Обдумывая «Уроки СССР»

34

На обложке: Валерий Кошляков. Восход на Раушской набережной. 2006 год

Развитие и Экономика

Научный и общественно-политический альманах

Учредители:

М.Ю. Байдаков, С.Н. Белкин

Издатель: М.Ю. Байдаков

Главный редактор: Сергей Белкин

Первый заместитель главного редактора: Дмитрий Андреев

Заместитель главного редактора:
Вадим Прозоров

Арт-директор: Олег Фирсов

Ответственный секретарь:
Елена Колесникова

Адрес:

129090, г. Москва, Протопоповский переулок, дом 19, стр. 10.

Тел.: +7 (495) 788-98-68

Факс: +7 (495) 788-98-69

www.devec.ru

info@devec.ru

Издание зарегистрировано
в Министерстве РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ
№ ФС77-44936 от 4 мая 2011 г.

ISSN 2304-3962

Печать: ООО «ПК «Союзпечать»

Тираж: 2500 экз.

Дата выхода в свет: 25 сентября 2015

© М.Ю. Байдаков, С.Н. Белкин
Перепечатка материалов возможна
только с разрешения редакции.
При использовании материалов
альманаха «Развитие и экономика»
в любой форме ссылка на альманах
«Развитие и экономика» обязательна.

Распространяется почтовой
рассылкой по собственной базе
данных, а также на форумах,
конференциях, круглых столах и т.п.
Заявку на включение в список
рассылки направлять в редакцию.
Оформить заявку можно на сайте
www.devec.ru

Партнеры:

МОФ «Фонд Святого
Всехвального апостола
Андрея Первозванного»

Международный
общественный форум
«Диалог цивилизаций»

54

Захирджан Кучкаров:

«Без концептуального проектирования управляемость не восстановить»

Интервью академика РАЕН, директора Центра инноваций и высоких технологий «Концепт» З.А. Кучкарова альманаху «Развитие и экономика»

80

80

Г.А. Бордюгов

Профессионалы и советская власть: взгляд из и для нашего времени

98

С.Ф. Черняховский

Романтика и Твердость

Некогда эта страна была значительно сильнее...

108

Л.А. Булавка-Бузгалина

СССР – незавершенный проект

Семь поворотов

108

122 Ю.С. Черняховская**Языком советской фантастики**

Научно-технический романтизм как форма политического сознания

поздравление**132** Джульетто Кьеза – 75 лет**право и развитие****134** В.И. Карпец**Исцеление (от) права****146** А.В. Коврига**Глобальный кризис и переустройство государственного дела: вспомним камерализм?****устройство жизни и развитие****174** А.П. Люсый**Куда ж нам плыть своею собственной рукой?**

Советское в конфигурациях и ритмах пространства и времени

184 О.В. Фомин-Шахов**Русский уклад в XXI веке****in memoriam****220** Олег Тимофеевич Богомолов (20 августа 1927 – 14 августа 2015)**annotated table of contents****222** Анонтированное оглавление на английском языке**анонс****224** Итоги и перспективы

**Михаил Юрьевич
Байдаков –**

издатель альманаха «Развитие и экономика», председатель правления «Миллениум Банка», президент Фонда Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного

**Сергей Николаевич
Белкин –**

главный редактор альманаха и портала «Развитие и экономика»

Нерешенные задачи

Нерешенные задачи иногда возвращаются и вновь требуют их решать. А если задачи поставлены самой историей, то они возвращаются непременно. Плохо, если мы не осознаем их как «исторические», опасно, если не понимаем, что они порождены объективным ходом вещей: мы тогда от них отмахиваемся, уговаривая себя, что те проблемы ушли в прошлое, а сегодня перед нами новые – актуальные – задачи.

Четверть века тому назад, разрушив СССР и провозгласив рождение «новой России», мы отбросили в прошлое всё, что считали «проблемами социализма». Социализм был нами казнен, уничтожен и сдан на свалку истории со всеми своими нерешенными проблемами. Именно это по сути и провозглашалось «архитекторами новой России», исходя из этого строилась стратегия нового – «очищенного от социализма и коммунизма» – государства.

Что же нам удалось? Какие задачи были поставлены, какие проблемы решены, каких целей удалось достичь? Авторы не склонны просто «ругать власть» и не замечать того, что многие задачи решены и заявленные цели – достигнуты. Была цель: уничтожить социализм – ее достигли. Была цель: построить капитализм – ее тоже достигли. Была задача ликвидировать систему управления государством, названную «административно-командной», – ликвидировали. Решили в качестве универсальной системы управления обществом запустить рыночные отношения – запустили...

Авторы склонны не критиковать, а размышлять о том, правильно ли были цели? Насколько верными они были с точки зрения развития общества? Удалось ли, например, использовать те огромные возможности, которыми обла-

дает капитализм в развитии промышленности и накоплении капитала? Удалось ли раскрепостить личность и получить всплеск творческой активности, свободной от идеологического диктата, обогатить самих себя и человечество новыми научными, художественными, культурными достижениями? Смогли ли мы за четверть века вырастить новое поколение, которое образовано лучше предыдущего, способно к социальному и промышленному конструированию, которое знает, как и в каком направлении следует развивать государство? Удалось ли нам придумать и воплотить в жизнь эффективный механизм влияния общества на управленческие решения элиты или нам хватило многократного повторения слова «демократия» в качестве мантры? Сделали ли мы людей более счастливыми? Живем ли мы с чувством гордости за свою сегодняшнюю страну? Стала ли страна позитивным примером для других стран? Построили ли мы, в конце концов, заявленное в Конституции «социальное государство» или хотя бы понимаем – что это такое? Наконец, научились ли мы своевременно различать исторически нерешенные проблемы развития общества, игнорирование которых приводит к разрушению общества и его конструкций?

Четверть века тому назад мы уже разрушили государство, тоже считавшее себя «социальным», – обществом социальной справедливости. К тому же это государство было для большинства из ныне живущих – Родиной. То общество и то государство тоже ставили перед собой цели, решали задачи собственного развития: промышленного, сельскохозяйственного, улучшения быта и «удовлетворения возрастающих потребностей». Что-то «тому государству» решить удалось, что-то – нет.

И вопрос сейчас состоит не в оценке СССР, а в необходимости понять – какие из задач, решавшихся нашим народом в тот период, были «историческими», то есть поставленными самим процессом нашего существования на земле и стремлением к исполнению земной миссии, реализации предназначения. Надо попытаться эти задачи осознать, чтобы вовремя увидеть их возвращение в новые времена: «исторические» проблемы не уходят, покуда не оказываются разрешенными.

Пройдя четвертьвековой путь, мы сломали то, что сломали, и построили то, что построили... И по всем признакам вновь вступили в полосу социальных трансформаций. Вновь конструкция государства испытывает перегрузки, угрожающие новым обрушением. Мы уже наблюдаем сегодняшние проявления тех глубинных процессов и противоречий, которые не были осознаны во времена СССР и которые стали причиной распада и государства, и его институтов. Поэтому опыт СССР становится не просто историческим нравоучением, а практически важным знанием о социальной динамике и ее неотменяемых закономерностях.

Актуален ли в связи с этим опыт СССР? Несомненно – да! Хотя бы потому что это наш собственный, наш единственный, наш органичный опыт. Сейчас в нашем обществе и государстве протекают очень похожие процессы распада структур, несущих конструкций. А разрушение социальных конструкций, распад структур всегда есть следствие размывания или утраты смыслов. Смыслы «сами по себе» – бессмертны и неуязвимы, они пребывают где-то «в мире идей», причем – в полной безопасности. Однако там они существуют в такой же полной стагнации.

Смыслы становятся влиятельной силой, «субстанцией действия» и «скрепами» только посредством деятельности людей. В обществе должны иметься люди – носители и промоутеры идей и смыслов: жрецы, брахманы, пророки, мудрецы, политики, идеологи... Воздействие смыслов на общество осуществляют они и созданные ими институты – партии, правительства. Утрачивают партии и правительства смыслы как «субстанции действия» – общество разрушается.

КПСС рассыпалась, потому что ее в последние десятилетия существования удерживали лишь такие вещи, как «партийная дисциплина», как страх – уже не тот страх сталинского времени, а страх мелочный, скорее даже приспособленческий невроз, а не страх. Смыслы ее уже не удерживали. КПСС удерживало также то, что она являлась параллельной исполнительной власти системой управления народным хозяйством, но в этом своем качестве она была наполовину паразитным звеном и вполне заменяема. А вот единство смыслов и высоких целей, которое она должна была обеспечивать, было утрачено, вернее – превращено в лозунги, лишенные «огня»: «пепел Клааса» уже не стучал в сердца коммунистов. А без «пламенных революционеров» и без религиозного горения, от которого КПСС не просто отказалась, а боролась с ним, как только могла, – без этого распад основного института, призванного обеспечивать развитие, движение вперед, каковым и была в то время Коммунистическая партия, становился неизбежным.

Так что СССР рухнул не потому только, что его утащила за собой погибавшая партия – несостоятельная носитель-

ница смыслов, но и потому, что эти смыслы перестали быть силой, объединявшей, удерживавшей страну от распада. Одни партийные жрецы-идеологи закостенели в догматике и тормозили развитие, другие променяли свое духовное водительство, свое смысловое предназначение на материальное обогащение.

Важно, однако, не забывать, что для целостности и прочности государства нужны не просто скрепляющие его институты, смыслы, цели и задачи: такие смыслы и цели есть и у любой банды, у каждой ОПГ. Нужен высший, объединяющий всех смысл существования государства как целого и его развития. Утрата именно этого высокого смысла – один из уроков СССР. Неужели историческое предназначение современной России в том, чтобы к этому уроку СССР добавить еще один: замена высоких идейных смыслов существования государства как целого на разрозненные цели составляющих его ФПГ и иных институтов – тоже приводит к распаду государства?

Просто отбрасывая опыт СССР, заменяя анализ – оценкой, мы допускаем ошибку, которая неотвратимо обернется трагедией. И неважно, какой оценкой мы обошлись: негативной или позитивной. Не поняв глубоко природу возникновения непримиримых противоречий и их многолетнего развития, приведшего к гибели КПСС, и нарастания противоречий в системе государственного управления СССР, мы почти наверняка повторим эти ошибки при встрече с возвращающимися уже в новых условиях и на новом витке исторически нерешенными проблемами. И тот уровень псевдоанализа, который был явлен в перестроочные годы в форме обличения «административно-командной системы» и «партиократии», есть профанация и пропаганда, а не анализ. Повторим: надо изучать историю болезни умершей сущности, даже если никто не собирается ее воскрешать. Дело ведь не в том, чтобы побольше ударить по своему «проклятому прошлому», и дело во все не в том, чтобы «это никогда не повторилось»: еще Гераклит знал, что возродить прошлое невозможно. Да и не стремится к этому возрождению никто.

Да – социализм вместе с СССР убит, капитализм в России построен... Возникли новые структуры, новые несущие конструкции общества. Прочны ли они? Не смертельные ли для них – а значит, и для государства – раздирающие нас противоречия? Едина ли в своих смыслах «Единая Россия»? Есть ли у членов этой самой влиятельной партии объединяющая их высокая духовно-политическая цель, глубинный смысл? Едины ли, целостны ли в этом смысле и другие важнейшие институты общества и государства – армия, система образования, специальные службы?

Чтобы понять те процессы в общественной динамике, которые приводят к опасным напряжениям в наших общественно-государственных устройствах и конструкциях, надо уметь эти противоречия видеть, различать, научиться принимать своевременные меры по предотвращению социальных катастроф, по адекватной адаптации государственных и общественных институтов к требованиям времени. А сделать это можно только на основании доброжелательного и глубокого постижения собственной жизни, опыта своей страны.

Попыткам осмыслиТЬ опыт СССР посвящены основные статьи настоящего номера альманаха.

Виталий Третьяков:

«Советский опыт, советский строй надо воспринимать как величайшие цивилизационные ценности»

Интервью декана Высшей школы телевидения МГУ имени М.В. Ломоносова **Виталия Товиевича Третьякова** первому заместителю главного редактора альманаха «Развитие и экономика» Дмитрию Андрееву

— Виталий Товиевич, в настоящее время вы являетесь одним из немногих — я бы даже сказал, что совсем немногих, буквально считанных, — известных и, как сейчас говорят, медийно узнаваемых мыслителей, которые чрезвычайно положительно, без всяких оговорок типа «с одной стороны — но с другой стороны» относятся к советскому прошлому нашей страны. Вы много раз выступали с этой позиции в печатных и электронных СМИ, в своем блоге, но, как правило, в связи с конкретными темами — Великая Победа, Сталин, Советский Союз в системе международных отношений и так далее. Поэтому я хотел бы, чтобы мы во время нашей беседы попробовали взглянуть на советское прошлое, советский опыт как на некий целостный феномен, не углубляясь при этом в какие-то отдельные его аспекты. Я знаю, что в уже изданных частях ваших воспоминаний вы в той или иной степени несколько раз размышляли об эпохе, в которую вы родились и выросли, именно как о некоем центральном периоде, нуждающемся в комплексном, а не дискретном рассмотрении. Так что замысел сегодняшнего интервью вполне соответствует этому вашему пожеланию.

— Говоря о советском опыте, я исхожу из нескольких, как мне кажется,

фундаментальных, то есть объективных — но таких объективных, которые свою объективность сохраняют на протяжении не трех лет, а, как минимум, десятилетий, а то и столетий, — исторических законов. Таких законов, которые я одновременно воспринимаю и как ценности — во всяком случае, как ценности для себя самого. Потому что я убежден в том, что если некий исторический закон подтверждается на протяжении длительного времени — как я сказал, в течение десятилетий или тем более веков, — то значит, жизнь устроена именно в соответствии с этим законом, значит, он абсолютно точный и правильный. А следовательно, мы — как имеющие непосредственное отношение к жизни, организованной по такому закону, — не можем не воспринимать его как ценность. Вот почему я сказал, что для меня эти базовые исторические законы являются одновременно и законами как таковыми — причем непреложными законами, — и ценностями. Да, тебе в твоей жизни что-то может не нравиться, ты можешь чему-то сопротивляться — но только не этим фундаментальным законам, потому что в противном случае ты идешь против самой жизни — и своей собственной, и своего народа, и своей

страны. И если я воспринимаю как абсолютные ценности свой народ, свою страну, а также народы, проживающие за пределами официальных государственных границ современной России, на пространстве, которое сейчас называют Русским миром, а я бы скорее назвал Большой Россией, и при этом не испытываю никакого желания переехать отсюда в Америку, Европу или куда-либо еще, то я тем более просто обязан беречь эти ценности как нечто самое сокровенное, как часть самого себя. Поскольку если этой части, этого основания моей жизни не будет, то и меня самого тоже не будет. Напрашиваясь аналогия тут – с литературой. Если бы я знал, скажем, французский язык так же, как русский, то есть мог бы чувствовать то, что чувствует носитель языка, мог бы думать на этом языке, то тогда для меня, наверное, русская литература и французская литература были бы одинаково равновеликими... Нет, они и так для меня равновелики. Я неодно-

кратно говорил, что, на мой взгляд, существуют пять великих европейских литератур – французская, немецкая, итальянская, английская с американским ответвлением и, наконец, русская, которая позже других возникла – если не воспринимать американскую отдельно от английской. Ну, может быть, шестая великая литература – испанская. Вот и всё. Попробуй ворваться в этот круг избранных – не получится. Именно целой литературой, национальной литературной традицией ворваться – я не говорю про отдельных писателей, принадлежащих по своему происхождению к другим народам. По своей моли эти литературы для меня равновелики. Но только в русской литературе я чувствую себя как дома. Для меня Григорий Печорин, Андрей Болконский, Наташа Ростова, Мастер и Маргарита, Макар Нагульнов, Григорий Мелехов, шукшинские герои – это все реальные люди из моей жизни, которых я хорошо знаю, понимаю и чув-

ствую, с которыми могу общаться. Такое ощущение, что я со всеми ними за руку здоровался. И вот точно то же самое представляет для меня моя страна, под которой я понимаю – подчеркиваю это еще раз – не только Российскую Федерацию, но и Большую Россию.

– Виталий Товиевич, вы, видимо, очень основательно, с длинным вступлением подходите к разговору о советском опыте. Извините, пожалуйста, что я вас прерываю, но я боюсь, что мы можем отклониться слишком далеко в сторону от главной темы интервью...

– Не беспокойтесь, я прекрасно помню эту главную тему и просто, как вы верно заметили, подхожу к ней издалека... Так вот, в эпохи революционных потрясений и сломов – а последней такой эпохой на нашей памяти было время конца 80-х – начала 90-х – обычно кажется, что все окружающее настолько плохо, что ничего кроме полного или почти полного уничтожения не заслуживает. А если ты человек

пишущий и думающий, то для тебя все эти революционные потрясения являются еще и интеллектуальной ценностью. Да потом революция захватывает не только интеллектуалов, но и вообще всё общество в целом. Люди впадают в романтический настрой: вот сейчас наступит время нового мира, который будет во всех отношениях лучше мира старого, прежнего. И если брать нашу последнюю революцию, произошедшую четверть века назад, то тогда таким чаемым, желанным новым миром представлялась демократия на западный манер. Подобные наплывы революционно-романтических мечтаний – это не что иное, как периоды умственных помутнений, когда сознание становится каким-то однобоким, дефектным. И когда революционный угар проходит, наступает отрезвление и сознание восстановливает свою полноту, то оказывается, что новый мир, пришедший на смену старому миру, в значительной степени не только не соответствует тем идеалам и тем лозунгам, которые были начертаны на революционных знаменах, но и часто не вызывает даже житейского, бытийного, повседневного удовлетворения. И такое проторезвление действительно очень напоминает состояние похмелья, когда подчас даже не понимаешь и элементарно не помнишь – как, что и главное зачем произошло. Причем это ощущение возникает даже у тех, кто обладает определенными способностями, которые – как может показаться – более заметны, нежели у других. Некоторую растерянность испытывают порой и те, кому удается вписаться в новые реалии, у кого всё более или менее складывается, кто себя нашел – или вот-вот найдет. Просто все эти люди, прежде ратовавшие за слом старого мира или даже сами

его активно уничтожавшие, вдруг начинают обнаруживать вокруг себя трущобы, нищих в огромном количестве – которых раньше не было, разные финансовые клоаки. Можно, конечно, попытаться от всего этого отгородиться большими деньгами – как высоким забором, но и в этом случае рано или поздно, но непременно приходит ощущение, что ты находишься в тюрьме – пусть благоустроенной и комфортной, но вместе с тем в самой настоящей тюрьме, из которой не так-то просто выйти. Но вместе с тем, начиная понимать, что всё происходит далеко не так, как предполагалось, и новый мир на самом деле не настолько радужный, каким его видели в момент революционного натиска на старый мир и в ходе активной фазы уничтожения этого старого мира, люди боятся признаться даже самим себе в том, что совершили фатальную ошибку, и продолжают заниматься тем, что Ленин метко называл «политической трескотней», то есть оправдывать разрастающийся разрыв между революционными лозунгами и постреволюционной действительностью, покрывать многие собственные неблаговидные поступки, ссылаясь на, так сказать, «революционную необходимость» или «революционную целесообразность», закрывать глаза на то, что демократия – это отнюдь не самое справедливое государственное устройство и даже не волеизъявление большинства, а всего-навсего отражение некоего ситуативного консенсуса интересов сильных мира сего. И с определенного момента я стал отчетливо понимать, что все эти специфические особенности постреволюционного поведения один к одному проявляются в России 90-х. Чем больше назревало проблем и чем серьезнее они оказывались, тем исступленнее становились попытки вместо конструктивной работы заниматься ох�иванием советского прошлого: дескать, тогда было еще хуже. И чем больше люди, особенно из известных – а в силу жизненных обстоятельств многих из известных я знаю лично, – начинали говорить, как в Советском Союзе всё было плохо, тем меньше я им верил. Потому что помнил эту советскую жизнь, адекватно сравнивал ее с жизнью постсоветской и ни на секунду не забывал, как эти новоявленные критики вели себя тогда, что говорили и писали – и что за это получали, и мне становилось понятно, чего стоят их теперешние анафемы «проклятому советскому режиму», как они его называли. Со временем такая «политическая трескотня» не то чтобы уменьшилась, но стала чуть менее оголтелой, хотя ее спекулятивность и абсурдность при этом ничуть не приутихли. Например, с какого-то времени повадились говорить, что России, Российскому государству, десять, пятнадцать, двадцать и так далее лет. Ну, сейчас – двадцать четыре года. То есть отталкиваются от 91-го года, как будто до того вообще ничего не было – никакой страны и никакого народа. Для меня же и для многих других абсолютно очевидно, что подобный взгляд не выдерживает никакой критики. Можно отсчитывать историю России с прихода Рюрика в 862-м, можно от крещения Руси при Владимире, можно – если в качестве критерия датировки брать дальнейший непрерывный суворенитет – с 1480-го, с падения ордынского ига. Но в любом случае – не с 91-го года! Советский Союз – то же самое государство, что и Российская империя, – страна стран. Эта страна стран на протяжении столетий была империей, оформленной в результате

Василий Шукшин

своей экспансии на евразийском пространстве — а значит, точно так же, на тех же самых основаниях, что и другие европейские монархии. И после того как Россия перестала быть монархией, сильная и авторитарная власть осталась ее системообразующим началом. Очевидна преемственность и в идеологиях: нельзя отрицать того явного факта, что в коммунистическом мировоззрении много общего с православной и вообще с христианской этикой. Не в Советском Союзе Иисуса Христа называли первым коммунистом, а намного раньше Октябрьской революции. Национальный архетип русского православного человека остался прежним — что при большевиках, что сейчас. И когда Россию пытаются реформировать на основе чуждых ее при-

Только в русской литературе я чувствую себя как дома. Для меня Григорий Печорин, Андрей Болконский, Наташа Ростова, Мастер и Маргарита, Макар Нагульнов, Григорий Мелехов, шукшинские герои — это все реальные люди из моей жизни, которых я хорошо знаю, понимаю и чувствую, с которыми могу общаться. Такое ощущение, что я со всеми ними за руку здоровался. И вот точно то же самое представляет для меня моя страна, под которой я понимаю — подчеркиваю это еще раз — не только Российскую Федерацию, но и Большую Россию.

роде моделей, то всё идет на-перекосяк не столько из-за злой воли тех, кто это затевает, хотя и она тоже вносит свою лепту, сколько по причине противостояния таких моделей самой природе России, ее историческому естеству. Эти горе-реформаторы не понимают или не хотят понимать, что гнаться за какими-то передовыми образцами всего подряд и насаждать их в своей стране — в корне не-

правильно, что история — это не олимпийский вид спорта: кто быстрее добежит. Куда добежит-то? До собственного финиша? До конца своей цивилизации? Так еще надо подумать, а стоит ли торопиться, надо ли гнаться за народами, считающимися передовыми и прогрессивными, если эти народы сами себе ударными темпами роют могилы? Может, лучше не торопиться и спокойно со стороны смотреть,

как Запад мчится к собственному концу, а самим стараться растянуть свою жизнь на как можно более длительный исторический срок? Несмотря на то что сейчас слово «скрепы» вызывает у кого-то истерический смех, у кого-то — саркастический смех, у кого-то — просто лютую ненависть, то, что это слово обозначает — а именно, неизменные, трансисторические и трансвременные основы культуры, — действительно, на самом деле существует. И среди этих скреп, безусловно, есть и православие — как основа ментальности русского сообщества, Русского мира, соответствующие политические организмы которых постоянно воспроизводятся в нашей стране и всякий раз несут в себе больше авторитаризма, чем демократизма и больше иерархичности, чем начал самоорганизации — иначе ведь на этом гигантском пространстве и не получится. И для меня самоценен каждый этап истории нашей страны, нашего общества. Я могу дать объективное историческое обоснование действиям людей — независимо от того, оценивают ли их сегодня, в настоящий момент позитивно или негативно. Все эти кровавые, катастрофические коллизии — разломы, войны, революции и сопутствующие им смертоубийства — являются объективно неизбежными. Констатация неизбежности не оправдывает их — но объясняет. Нет в мире идеальной страны, которая долгое время существовала бы, не переживая таких коллизий. А если к тому же принять во внимание масштаб России, то еще неизвестно, кому в нашем мире нужно каяться за совершенные преступления, за кем их числится больше и у кого они изощреннее и кровавее. Возьмем наших «мастеров» в кавычках, которые в 91-м году без всяких репрессий и

ГУЛАГов обеспечили, по их словам, «безболезненный» и «бескровный» транзит от «советского несчастья» к «демократическому рыночному счастью». Но «бескровность» 91-го — это иллюзия, потому что при распаде Советского Союза кровь проливалась не в центре, а по окраинам. И сколько ее пролилось! Кто-нибудь и когда-нибудь подсчитывал, сколько погибло в гражданской войне в Таджикистане русских и самих таджиков? Или в Узбекистане? Или в Киргизии, которую несколько раз трясло — и уже не в 90-е, а позже? Или в Приднестровье? Или в Карабахе? А то, что происходит в Донбассе, — разве это не запоздалый отголосок гибели СССР? Да на этом фоне обвинения Сталина блекнут и теряют свой пафос. Из, скажем, ста обвинений в адрес вождя девяносто пять в самую пору дезавуировать, поскольку иные постсоветские вожди пролили не меньше — если не больше — крови.

— То есть вы считаете советский период органичной частью нашей более чем тысячелетней истории — частью, которая также, как и досоветский с постсоветским этапами, подчиняется каким-то общим закономерностям развития, свойственным нашей цивилизации?

— Я неоднократно говорил и писал, что внутри европейско-христианской цивилизации четко просматриваются три составные части: собственно европейская, или западноевропейская, самая молодая — североамериканская, выделившаяся из западноевропейской, и восточноевропейская — так или иначе организуемая Россией или сопрягающаяся с ней, Российский Союз — под разными названиями. Когда-то эта цивилизация была единым организмом. Затем она разделилась на две части — Западную Евро-

пу и Восточную Европу. Обе части бурно развивались, занимались экспансией, осваивали внешний мир. Западные европейцы делали это более жестко, восточные — значительно мягче. Серьезные учёные на конкретных фактах могут показать, что в результате экспансии русской цивилизации ни один народ не погиб, не исчез, чего не скажешь о западноевропейском колониализме и уж тем более о молодом и резвом колониализме североамериканском, практически полностью уничтожившем индейцев. А ведь исторически этот североамериканский колониализм был совсем недавно — не в эпоху крестовых походов. Еще одна важная особенность восточноевропейской — или русской — цивилизации: она никогда не вела религиозных войн. Мы просто несли христианскую цивилизацию за Урал, в Сибирь — до Тихого океана, в Среднюю Азию. И делали это не в виде насаждения православия, а путем приобщения местного населения к европейским ценностям, прежде всего — культуре. Поэтому естественно, что главенствующая роль в восточноевропейской цивилизации принадлежит России, русским. Не поляки же с чехами осуществляли эту цивилизаторскую миссию на северо-восточных, восточных и юго-восточных пространствах и оконечностях Евразии. Не болгары же дошли до Тихого океана, а русские. И если мы веками выполняли миссию по распространению европейских культурных ценностей на большей территории Евразии и до сих пор эту самую миссию продолжаем, то значит, в этом есть особый смысл, заложенный Богом и объективным ходом истории, вытекающий из физической истории земного шара и уже потом перешедший в человеческое и в социальное измерение.

Богдан Виллевальде. Открытие памятника 1000-летия России в Новгороде в 1862 году. 1864 год

ния. Или, может быть, где-то возникла новая цивилизация, которая взяла на себя эту же миссию? Где-то забил ее источник, возник цивилизационный центр? Нет, мы видим то же самое цивилизационное лоскутное одеяло, которое существовало и раньше. В крайнем случае, у той или иной цивилизации как бы открывается второе дыхание. Например, существовала когда-то персидская цивилизация, которая, в свою очередь, наследовала еще более древним цивилизациям. А сейчас персидская цивилизация воплощается в Иране – современной мощной региональной державе. Османская цивилизация, некогда державшая в страхе всю Европу, уж точно – Восточную Европу, хотя и специфическим образом, путем фактического отрицания, но тем не менее всё же сохранилась в нынешней Турции. Иберийская цивилизация перешагнула через Атлантический океан, и сейчас ее

Можно отсчитывать историю России с прихода Рюрика в 862-м, можно от крещения Руси при Владимире, можно – если в качестве критерия датировки брать дальнейший непрерывный суверенитет – с 1480-го, с падения ордынского ига. Но в любом случае – не с 91-го года! Советский Союз – то же самое государство, что и Российская империя, – страна стран. Эта страна стран на протяжении столетий была империей, оформившейся в результате своей экспансии на евразийском пространстве – а значит, точно так же, на тех же самых основаниях, что и другие европейские монархии.

основной плацдарм не в Европе, а в Латинской Америке. Словом, человеческие цивилизации в своих основах, каркасах сложились не в момент подписания Хельсинкского акта или создания ООН, не во Вторую мировую и не в Первую мировую, не при Наполеоне и не в эпоху Великих географических открытий, а гораздо раньше. И цивилизационные различия до сих пор сохраняются, а значит, остаются основания и для провоцируемых ими конфликтов. В результате этих конфликтов происходит какая-то сшибка

интересов различных цивилизаций, их взаимная притирка. Границы между цивилизациями пульсируют и двигаются то в одну, то в другую сторону – но при этом всё же не на гигантские расстояния, так как в целом цивилизационные ареалы – вещь довольно устойчивая. То же самое можно сказать и об ареале русской цивилизации. Этот ареал, его границы и его пространство – безусловные глобальные ценности, которые нельзя уничтожить, ибо в противном случае нарушится планетарный баланс сил. Пытать-

Эдгар Паксон. Последний рубеж Кастера. 1899 год

В результате экспансии русской цивилизации ни один народ не погиб, не исчез, чего не скажешь о западноевропейском колониализме и уж тем более о молодом и резвом колониализме североамериканском, практически полностью уничтожившем индейцев. А ведь исторически этот североамериканский колониализм был совсем недавно – не в эпоху крестовых походов.

ся уничтожить русскую цивилизацию – это значит покушаться на мироустройство, созданное не в прошлом веке, а Творцом, Промыслом, каким-то алгоритмом, заложенным еще Большим взрывом бог знает когда. Да это и невозможно, не получится, потому что на такой шаг ни у кого элементарно не хватит сил. И к тому же даже в своем замысле, в своей потенции разрушение русской цивилизации представляется дурным, безумным, самоубийственным. Ну, хорошо – ты разрушишь русскую цивилизацию. А что ты создаешь на ее месте? И какие процессы начнутся на планете, если вдруг русская цивилизация как держательница ос-

новной территории Евразии куда-то исчезнет? Да эти процессы в первую очередь сметут самого разрушителя. Лоскутное одеяло цивилизаций, о котором я говорил, начнет рассыпаться. Иными словами, наступит общепланетарная катастрофа сродни Всемирному потому. На месте русской цивилизации возникнет воронка, в которую затянет все остальные цивилизации. Поэтому всё что имеет отношение к организационным формам этой цивилизации – государственное устройство, общественные взаимодействия, культурные основания – это абсолютная, безусловная и непреходящая общепланетарная ценность. И

на этом фоне меня вообще не интересует, что в России никогда не было и до сих пор нет гражданского общества по западному стандарту. А потом – почему это не было? По западному стандарту – не было, не спорю. Но вообще гражданское общество само по себе было, и оно решало собственные проблемы, управляло своими членами не по формальным писанным законам, которые на данный момент являются основными и официальными, а путем свободного взаимодействия, предписывающего определенные поведенческие стереотипы. Да, получается, что такое гражданское общество не подпадает под четкие западные критерии. Да, возможно, такое гражданское общество находится в иных, нежели на Западе, отношениях с государственной волей и вообще с государственной конструкцией. Но сказать, что его не было во все или что оно было плохим

на всех этапах своего существования и остается таким до сих пор, — это, во-первых, антинаучно, а во-вторых, крайне спекулятивно и тенденциозно. Просто Запад подверстывает всех остальных под собственную модель развития и выносит на основании такого сравнения вердикты о полноценности или неполнценности. Отсюда, кстати, возникло и незаметно внедрилось в общественное сознание понятие «цивилизованные страны». Абсурдное само по себе понятие, если не отказывать в праве на существование другому понятию — «человеческая цивилизация». Элементарный здравый подсказывает, что эти понятия — взаимоисключающие. Если мы признаем наличие, существование человеческой цивилизации, то какие внутри нее могут быть разделения на «цивилизованные» и «нецивилизованные» страны и народы?.. В общем, здесь я заканчиваю вступление к теме, которое сильно затянулось, и перехожу к СССР. Советский Союз — это никакой не тупик, а прыжок вперед, масштабный эксперимент по созданию общества, построенного по принципам коммунистической идеологии, родившейся вовсе не в России, а на Западе. Сама задумка, сам замысел коммунизма, его конечная цель и предназначение — построение рая на земле — были под стать породившей их эпохе абсолютной, неколебимой веры в научно-технический прогресс, способный — наконец-то! — навести порядок и в сфере общественных отношений. Понятно, что затея техническими и научными изобретениями исправлять души людей и несправедливости общественного устройства — изначально утопична, что она обречена на провал. Но не надо забывать, что эта утопия разрабатывалась в интересах

всего человечества, всей человеческой цивилизации. Предположим, некий прыгун зался целью прыгнуть выше всех остальных. Первый раз прыгнул — не получилось. Второй раз — снова не получилось. А на третий раз удалось, и он стал так каждый день прыгать выше других, вкладывая в прыжки все свои силы, и в конце концов обессилел, упал и разбился. Но за что его воспринимать как исчадие ада? Другие тянулись за этим прыгуном, сначала уступали ему — брали меньшую высоту, — а потом один за другим и его рекорд побили. Но о них ни слова плохого не говорят — весь ушат клеветы на первого, к тому же уже мертвого, прыгнуна. Почему? Потому что другие не рискнули стать перво-проходцами? Потому что он решил принести себя в жертву — чтобы других своим примером научить брать эту высоту? Причем принести в жертву себя коллективного, соборного: советский строй — это же целый организм со своими элитами, своим сложносоставным обществом, котороеправлялось самыми разными технологиями — иерархическими и сетевыми, авторитарными и демократическими.

— Виталий Товиевич, только сейчас до конца понял, зачем вам потребовалась такая долгая разгонка к нашей основной теме. Готовясь к беседе, я предполагал, что вы, видимо, станете говорить о каких-то принципах, моделях развития, но при этом не будете слишком отклоняться от практических примеров из советской эпохи. То есть мне представлялось, что схематически ваши размышления будут строиться так: пример, пример — обобщение — актуализация в контексте сегодняшней повестки. Вы же предпочли гораздо более фундаментальный подход — фактически выстроили свои рассуждения в виде треугольни-

ка, в котором каждая вершина замыкается на две другие. Эти вершины — исторические законы, цивилизация или цивилизации, ценности. Причем, как я понимаю, треугольник равнобедренный, в котором главный угол — вершинный — это ценности.

— Верно. Советский опыт, советский строй надо воспринимать как величайшие цивилизационные ценности. Именно так и только так. Я убежден в этом, это мое кредо, если хотите. И тогда всё сразу встает на свои места: весь исторический опыт моей страны без какого бы то ни было исключения является глобальной ценностью. Одной из пяти аналогичных глобальных цивилизационных ценностей наряду с исламской, индуистской, китайско-конфуцианской цивилизациями и наряду со своей второй половинкой — католическо-протестантской частью европейской христианской цивилизации. Не одной среди двухсот или ста и даже не одной из двадцати, а одной из пяти системообразующих ценностей мирового цивилизационного каркаса. И если именно так воспринимать Россию, ощущать ее, то как же можно говорить о том, что в ней что-то отвратительно, что многое нужно изменить, привести в соответствие с какими-то чужими и чуждыми ей цивилизационными образцами, пусть и кажущимися лучшими? Лучшее вообще может восприниматься как лучшее только на фоне чего-то иного, другого, воспринимаемого как худшее. То есть кем-то так воспринимаемого, а кем-то воспринимаемого противоположным образом — худшее как лучшее, а лучшее как худшее. А как же тогда быть с разнообразием мира, с его, как говорил Леонтьев, «цветущей сложностью», если всё окажется только лучшим? Каким обра-

зом в таком случае получится вычленить худшее, подлежащее уничтожению по причине его несовершенства? Поэтому когда обозреваешь современные политические реалии, то неизбежно приходишь к выводу, что поголовная демократия есть демократический тоталитаризм, или тотальная демократия, причем сами словосочетания «тотальная демократия», «тоталитарная демократия» в конечном итоге подавляют, уничтожают смысл демократии, выворачивают демократию наизнанку. А уж о каком-то разнообразии и подавно не может быть речи. С определенного момента мне это стало ясно. Я не претендую на авторство этих терминов. Наверное, я их у кого-то заимствовал, но я, в конце концов, не ученый и не обязан следить за каждой цитатой, проверять, кто ее впервые произнес, и тут же давать ссылку — мол, это я не сам придумал... Получается абсурд. В обычной повседневной жизни люди обычно восхищаются букетом, составленным из разных цветов. Но когда приходят в политику, тут же начинают смотреть на вещи противоположным образом и говорят: «А здесь все цветы должны быть однотипными, и только цветом они могут отличаться друг от друга. Например, все розы — красные, желтые, пусть даже черные, — но только розы». Почему же вы тогда не уничтожаете все остальные цветы — за пределами политики, в реальной жизни? Наверное, потому что понимаете, что если всё, кроме роз, уничтожите, то и роз никаких не будет? Иначе говоря, благодаря накоплению неких знаний, пусть и хаотичных, благодаря жизненному опыту, в том числе политическому — собственному, моей страны, — поскольку в некий политический слой я вхожу, хотя и своеобразно, однобоко, не с самого верха, я

просто начал ценить то, что, на мой взгляд, не ценить нельзя в силу его фундаментальности. А дальше всё объясняется и складывается автоматически, само собой. Действия всех субъектов политического процесса, социально-экономического процесса, культурного процесса я начинаю оценивать с позиции очень простого критерия: если кто-то заявляет, что он разрушит всё плохое, что было в Советском Союзе, и вместо этого плохого создаст нечто новое и хорошее, то я ему не верю, исходя из своего жизненного и политического опыта. Я понимаю, что этого человека нужно бояться. И еще хорошо, если он это говорит и делает по недоразумению. А то ведь, может, и по злой воле или по специальному заданию от конкурентного с нами центра. Это никакая не конспирология, а реальность, вся история состоит из заговоров. Только недалекие люди могут утверждать, что история — это последовательное развитие гражданского общества, которому какие-то там государства периодически мешали нормально жить, функционировать и расцветать. К тому же я своими глазами видел, как разные реформаторы доводили дело до катастрофы, делали ситуацию намного, неизмеримо хуже, чем она была до предпринятых ими реформ. И на таком фоне мое отношение к большевикам, которое в свое время — по понятным причинам, во многом в соответствии с общим перестроичным настроем — становилось всё более и более критическим, начало меняться в обратную сторону.

— Виталий Товиевич, сегодня, как я сказал в самом начале беседы, вас считают одним из апологетов советского прошлого — ну, я говорю упрощенно, не будем вдаваться в оценочные нюансы, речь в данном случае

не об этом. И в связи с этим у меня к вам вопрос: с какого момента ваше отношение к советской эпохе снова стало преимущественно позитивным? Когда вы только что сказали, что под воздействием «перестроичного настроя» у вас нарастало критическое отношение к советскому прошлому, я понял, что вы имели в виду вашу работу в «Московских новостях» под началом Егора Яковлева, о чем вы так подробно рассказали в своем первом интервью нашему изданию два с половиной года назад. Потом вы более десяти лет руководили «Независимой газетой» и первое время в своих редакторских колонках преимущественно анализировали текущую конъюнктуру. Но под конец вашей работы в «Независимой газете», уже при Путине, вы действительно стали уделять много внимания советскому опыту, причем выставляя этот опыт именно в положительном свете. Так вот, я спрашиваю: когда именно у вас произошла эта реверсивная переоценка? В вашей известной статье «Сталин — это наше всё. Русское реформаторство как диктатура», приуроченной к круглой дате со дня рождения Сталина и опубликованной в «Независимой газете» 22 декабря 1999 года, вы уже говорите о наследии СССР как о безусловной ценности и даже как о своего рода оптической системе, через которую смотрите на современную вам Россию. Готовясь к интервью, я выписал небольшой фрагмент этой статьи, который сейчас прочитаю: «Просвещенный чекист Владимир Путин, просвещенный жестокий реформатор Анатолий Чубайс, просвещенный олигарх Борис Березовский — вот три лица Сталина сегодня. Сталина как квинтэссенции русского pragmatизма и квинтэссенции русского реформаторства, жестокого, бесчеловечного, насилиственного. Редко эффективного, чаще — неудачного».

Во дворце османского султана Топкапы

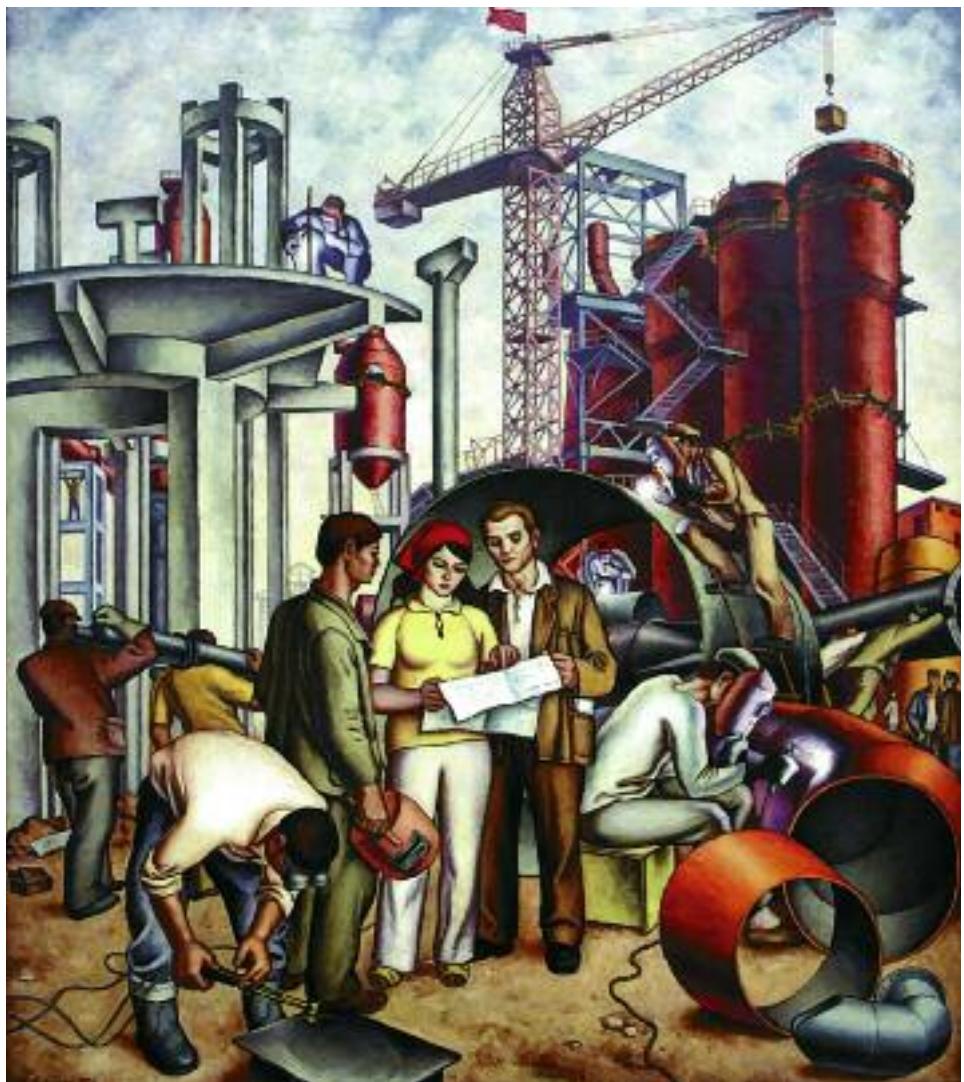
Возвращаюсь к своему вопросу: я правильно понимаю, что вы изменили свое отношение к советскому периоду примерно в то время — в конце 90-х?

— Я не сказал бы, что в конце 90-х. Наверное, несколько раньше. Во всяком случае, в течение второго ельцинского срока мое отношение к коммунистическому наследию и его значению было уже во многом прежним, доперестроенным. Что касается упомянутой вами статьи, то и после ее публикации я продолжал развивать в том же направлении приведенную в ней оценку названных лиц, во многом опираясь на собственный опыт общения с ними. Да и не только с ними. А такого опыта к рубежу веков у меня было достаточно. И я неоднократно писал, что ни чуть не сомневаюсь в том, как повели бы себя все эти рыночники и реформаторы, оказвшись они в ситуации Гражданской войны или 20-х годов. Точно так же, как и большевики, ходили бы с маузерами, сажали бы в тюрьмы и стреляли бы

Османская цивилизация, некогда державшая в страхе всю Европу, уж точно — Восточную Европу, хотя и специфическим образом, путем фактического отрицания, но тем не менее всё же сохранилась в нынешней Турции.

своих врагов, создавали бы лагеря. Потому что на поверку всегда оказывается, что врагов на самом деле гораздо больше, чем виделось на первых порах, что тюрем не хватает. А потому действовать надо безжалостно, безо всякой там щепетильности, не думая ни о каких правах человека. То есть вели бы себя по-большевистски. И подтверждений тому я нахожу массу, особенно в той сфере, в которой работаю последние семь лет. Я имею в виду систему высшего образования. Точнее — реформу высшего образования. Здесь происходит всё то же самое, о чем я сказал. Для кого-то реформирование высшей школы превратилось в выгодный бизнес. И уж точно в результате преобразований ничего хорошего не возникает. Положение дел, складывающееся в их результате, на-

много, неизмеримо хуже, чем было прежде, до начала реформирования. И потом я просто не могу понять, зачем резать курицу, несущую золотые яйца? Советская система образования, выросшая из системы образования, сложившейся в Российской империи, которая в свою очередь была в XVIII веке взята из Германии, действительно принесла золотые яйца — то есть формировалась по-настоящему грамотных и образованных людей, специалистов своего дела. И являлась в своем роде уникальной. И вот так взять это уникальное и уничтожить только лишь потому, что оно, видите ли, советское, а взамен взять стандартное, подогнанное под западный шаблон! Я студенткам на этот счет привожу пример. Представьте себе, говорю я им, что у вас есть старое винтажное платье, укра-

По западным стандартам в России не было гражданского общества. Но вообще гражданское общество само по себе было, и оно решало собственные проблемы, управляло своими членами не по формальным писанным законам, которые на данный момент являются основными и официальными, а путем свободного взаимодействия, предписывающего определенные поведенческие стереотипы.

шенное настоящими драгоценными камнями. И вам говорят это платье выбросить, а вместо него в супермаркете купить ширпотреб. Вы всё это делаете, потом надеваете новое платье, идете в нем на вечеринку и видите, что там все в таких же платьях. И в итоге на вас никто не смотрит.

— Виталий Товиевич, вы представляете реформаторов носителями, выразителями и исполнителями неких злонамеренных замыслов. Но большевики

тоже ведь были реформаторами, и Петр Великий проводил реформы, и многие наши государи допетровской эпохи вводили те или иные улучшения, то есть реформировали реалии, в которых жили. Как отличить реформатора от «реформатора» в кавычках? Отличить сразу, потому что ждать результатов изменений и судить по ним — это непозволительно долго.

— Отвечаю. Я начинаю подозревать по меньшей мере в неискренности любого рефор-

матора, который утверждает, что в результате его реформ станет лучше, чем было раньше. И даже более того. Примерно полгода назад я завел на своем рабочем столе файл, который назвал «Смерть реформаторам!» Именно так — с восклицательным знаком на конце. И с тех пор регулярно заношу в этот файл разные мысли, которые, может быть, когда-нибудь обработаю и напишу книгу под таким названием... По-моему, после сказанного понятно, что я против не развития, а тех, кто пресекает естественное развитие с участием человеческой воли, мешает ему или даже отводит его в какие-нибудь побочные русла, чтобы там постепенно развитие, если уподобить его водному потоку, пересохло или ушло в землю. А поскольку советское прошлое было таким развитием, зрымым и наглядным примером того, как общество должно двигаться в истории, какими темпами и к каким результатам приходить, то поэтому оно — это прошлое — является для меня ценностью, от которой я никогда и ни при каких обстоятельствах не откажусь. И все остальные подробности этого прошлого — от машиностроения до сельского хозяйства, от ГУЛАГа до космоса, от шабашек до академгородков — я готов рассматривать и обсуждать, только лишь исходя из этого своего основополагающего восприятия советской эпохи как ценности. В том числе и ту цену, которую пришлось заплатить за эту ценность, я тоже готов обсуждать исключительно при одном условии: что ценность при этом будет по-прежнему восприниматься как ценность, а не как преступление или какой-то тупиковый путь развития. Меня иногда попрекают: «Для вас что миллион убитых, что полмиллиона убитых, что стотысяч убитых — всё одно и то

же». Как только человек произносит эту фразу, мне уже понятно, что он скажет дальше, и в его гуманизм я больше не верю. Возьмем, например, вопрос об организации государственной власти в Советском Союзе. Раз государство существует тысячу с лишним лет и не рассыпается при опасностях и угрозах, которые неминуемо уничтожили бы любое другое государство – в Европе уж точно, – а если все-таки рассыпается на какое-то время, то потом неминуемо возрождается, то значит, имеется некая оригинальная фундаментальная политическая конструкция, которая не позволяет ему до конца разрушиться. Обратимся к последним примерам: ни сто лет назад, в Гражданскую войну, ни в 91-м мы не погибли как государство, а выстояли. После Гражданской войны быстро восстановили свою террито-

Советская система образования, выросшая из системы образования, сложившейся в Российской империи, которая в свою очередь была в XVIII веке взята из Германии, приносила золотые яйца – то есть формировалась по-настоящему грамотных и образованных людей, специалистов своего дела.

рию – за небольшим исключением, которое добрали еще примерно через два десятилетия. Я имею в виду Прибалтику. А что не добрали – Польшу, – так это и не надо было добирать. И так эта проблема саднила весь XIX век. Да и сейчас мы уже начали исправлять искусственные границы Российской Федерации 91-го года – воссоединились с Крымом. То есть русскую политическую систему я считаю феноменом, который реально существует и который нужно изучать. Эта система отличается от западноевропейской, но при этом ничуть не хуже ее. Она – иная, с другой компоновкой, другим сочетанием

составных элементов. В ней имеются и цезаризм с патернализмом, и какой-то уж очень специфический демократизм. Я не первый, кто говорит о какой-то цивилизационной особости крупного народа, расселенного на гигантской территории, – особости, не вписывающейся ни в одну из известных классификаций. Даже такой гигант мысли, как Маркс, который разложил всю мировую историю по функциональным, так сказать, «полочкам», дав каждой из них объяснение и выводя одну из другой, – даже он оказался перед необходимостью признать феномен «азиатского способа производства», харак-

терный для огромных пространств преимущественно в древнюю эпоху. Что это такое — «азиатский способ производства»? Почему его нельзя подогнать под известные классические формации — рабовладельческую или феодальную? Потому что этот «способ производства» качественно и по основным своим параметрам отличается от классических формационных схем. То же самое и русская политическая система. Маркс был просто вынужден дать какое-то иное название азиатским политическим системам, отталкиваясь от их цивилизационного своеобразия. От же ведь был настоящим ученым и не приспособливал живую конкретику под априорно придуманные умозрительные схемы, а действовал наоборот —шел от практики, от эмпирики к обобщениям и теоретическим построениям. Вот и пришлось разглядеть «азиатский способ производства». Да и с феодализмом, похоже, не все так однозначно, как казалось Марксу — тут я уже выхожу за пределы его учения. В наше время можно сказать, что феодализм — это, видимо, одна из самых универсальных когда-либо существовавших и ныне существующих моделей организации общественных отношений. Элементы феодализма мы видим и в капитализме, и в социализме. О чертах феодализма в социализме очень любят говорить, а вот о вкраплениях феодализма в капитализм предпочитают умалчивать. Но куда же от них денешься? Вся эта система васалитетов и сюзеренитетов как специфическая социальная организация, основанная не на капиталистической эксплуатации, не на товарно-денежных отношениях и во многом даже вопреки им, прекрасно уживается с рынком. Это я к чему? Раз есть «азиатский способ производства»,

то почему же не может быть другой цивилизационной изюминки — русской политической системы, воспроизводящей себя, обновляющейся, приспособливающейся к новым условиям, в большей или меньшей степени отличающейся от других цивилизационных систем? Нам — в данном случае я имею в виду не только Россию, но все человечество, проживающее за пределами ареала «золотого миллиарда», — пытаются навязать некую унифицированную цивилизационную модель. Но такой модели нет и не может быть в принципе. Это все равно что наставлять всех подряд, что модно и какую одежду надо носить. Ну и что? Что мы видим? Модные вещи начинают надевать на себя даже те, кому они совсем не идут и просто не по фигуре. Многие люди смотрятся в костюмах, предлагаемых «Бурдой» или новыми коллекциями от Версаче, карикатурно, но все равно их носят. А то, что при этом тут выпирает, здесь смотреть нельзя, поскольку мода создавалась под другой образец, под другую фигуру, на это не обращают внимания. Поскольку возникает конвейер производства модной продукции — в том числе продукции политической — и запустившие этот конвейер рассчитывают получить максимальную прибыль, такая продукция всучивается потребителю самым что ни на есть тоталитарным образом. Отбросим идеологию — здесь первоначально работает элементарный меркантильный интерес. Чем больше потребителей ты смог приучить к своему бренду, к восприятию твоей продукции как самой модной и топовой, тем больше и стабильнее твой доход. Всё просто — как в обыденной жизни, как в коллективе, когда один задает тон всем остальным, притом что каждый, вроде

бы, индивидуальность. С чего это вдруг такие индивидуальности начинают одинаково одеваться, а тот, кто не следуя новоявленной групповой моде, пусть и шутовской, воспринимается как отщепенец и недотепа?

— Хорошо, Виталий Товиевич, про нашу цивилизационную самость понятно. Но мы так убежденно, так непреклонно доказываем, что эта самость не выдумка, что она действительно имеет место, не из любви к этой самости как к таковой, как к чистой и отвлеченной модели, а потому что она объясняет и оправдывает тот особенный способ развития, движения в истории, который присущ России. В чем, по вашему мнению, заключается этот способ?

— Россия развивается эволюционными скачками — вот наша специфическая модель. У нас немереное количество богатств — природных богатств, — поэтому нам совсем не обязательно ежедневно повышать производительность труда на десять процентов, чтобы нормально существовать. Причем в данном случае нормально существовать — это не значит есть столько же бананов, сколько едят в Средиземноморье. Я, например, с гораздо большим удовольствием ем бруснику и чернику. И в своем детстве я ел эти ягоды в изобилии, мне их родители покупали на рынке. Тогда я, естественно, за границу не ездил, но когда стал ездить, то увидел, что там, конечно, тоже продаются эти ягоды, но выращенные искусственно. В Европе за ягодами в лес не пойдешь — запрещено, да и нет их уже в тамошних лесах в таком количестве. А в Подмосковье до сих пор сохранились ягодные места, несмотря на продолжающееся дачное освоение близких и не очень близких от столицы территорий. Замечательно, что к моему рациону сейчас прибавились ба-

наны, но я не ем их каждый день. Но если мне кто-то говорит, что в Советском Союзе не было бананов, то я этого человека воспринимаю как лжеца и политического спекулянта, потому что я в своем детстве ел бананы и воспринимал их как что-то вполне заурядное. Вкусное — но при этом заурядное. Согласен, что, возможно, такая ситуация была лишь в Москве, Ленинграде и некоторых других крупных городах. Помню, как в 72-м году, когда я работал в стройотряде в районе Целинограда — нынешней казахстанской столицы Астаны, — то помогавшие нам местные ребята — мои сверстники, — к моему удивлению, никогда в жизни не пробовали апельсинов. Знали об их существовании — но не пробовали. Всё верно — было и такое в нашем советском прошлом. Но судить по одному лишь этому критерию — чего не было — несерьезно, очень искривленная картина получается, как в комнате смеха. Опираясь на свой жизненный

Поскольку советское прошлое было развитием, зримым и наглядным примером того, как общество должно двигаться в истории, какими темпами и к каким результатам приходить, то поэтому оно — это прошлое — является для меня ценностью, от которой я никогда и ни при каких обстоятельствах не откажусь.

опыт, могу сказать со всей определенностью, что если ты чего-то не видел, не пробовал, если ты чего-то не знал, то из данного факта не следует, что ты без этого не можешь жить. Конечно, когда границы открылись и мы начали ездить по миру, то глаза стали разбегаться, а вслед за ними и сознание, но всё же опять-таки мой жизненный опыт говорит о том, что прилавки магазинов, их размер и разнообразие того, что на них лежит, это далеко не главный показатель качества жизни и далеко не главная ценность. А главное — это именно ощущение этого огромного, гигантского цивилизационного Русского мира как чего-то своего, глубоко личного, того, что всегда с тобой и является неотъемлемой частью твоей жизни —

частью, которую никто не сможет у тебя отобрать. Я называл бы такое ощущение цивилизационным пространственным чувством, чутьем. Это то самое чутье, которое вообще легитимирует само понятие Русского мира, выходящего далеко за пределы официальных государственных границ нынешней Российской Федерации. Это то самое пространство, та самая территория, на которой свои, то есть принадлежащие к русской культуре, если не все, то, по крайней мере, их подавляющее большинство. Ведь что сильнее всего ранит в репортажах из Донбасса и вообще с Украины? Даже не ужасы и кошмары, в которых там живут люди. Вернее, не столько они, сколько то, что по обе стороны фронта там — одни и те же род-

Раз государство существует тысячу с лишним лет и не рассыпается при опасностях и угрозах, которые неминуемо уничтожили бы любое другое государство – в Европе уж точно, – а если все-таки рассыпается на какое-то время, то потом неминуемо возрождается, то значит, имеется некая оригинальная фундаментальная политическая конструкция, которая не позволяет ему до конца разрушиться.

ные для меня русские лица. Понятно, о чем я говорю. Есть несколько типов французских лиц, есть несколько типов итальянских лиц, есть несколько типов немецких лиц. То же самое могу сказать и про английские лица, хотя Англию я знаю меньше – не так часто бывал там. А типы американских лиц мы хорошо знаем по голливудским актерам – все наиболее характерные американские внешности в этой империи кино представлены. Но на Украине точно такие же лица, как в Донбассе, как и в России. Мы – один народ, мы выглядим одинаково. Я не беру специфиче-

скую и очень пеструю в этническом отношении территорию Западной Украины. А Малороссия – точно такая же, как Новороссия и Великороссия. Хотя, конечно, много поездив по Советскому Союзу, я могу отличить южнорусскую казачку от женщины Центральной или Северной России. И украинку от русской отличу. Эти нюансы и особенности внутри нашего единого народа гораздо виднее именно в женщинах. У каких-то народов эти внутриэтнические различия заметнее среди мужчин, а у нас – русских – среди женщин. И граница, за которой русских лиц становится

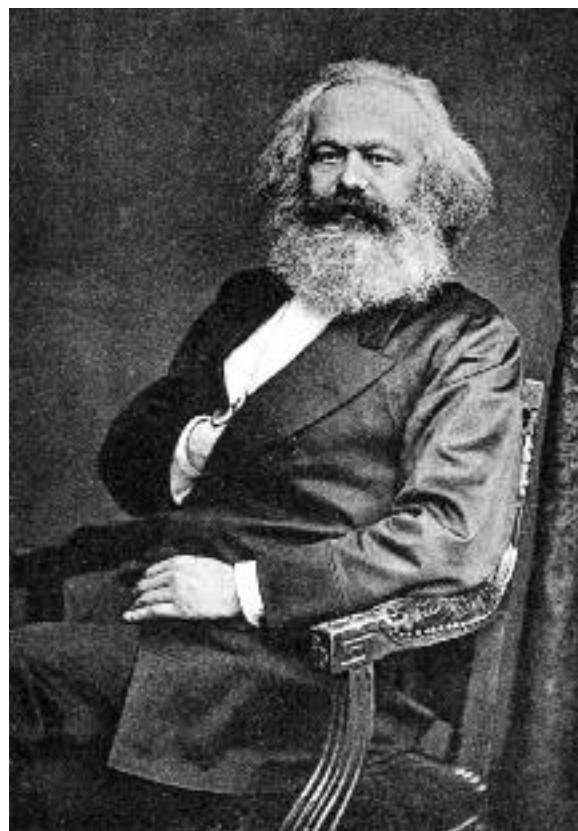
сразу меньше или они исчезают вовсе, пролегает не по Донбассу и не по Днепру, а где-то сильно западнее Киева. Наверное, в Предкарпатье.

– А в чем еще заключается специфическая модель развития России – помимо движения эволюционными скачками?

– Еще одна наша особенность – это масштабность территории, которую мы считаем своей, родной. Очень многое происходит именно из ощущения такой размерности нашей страны. Даже не просто многое – а вообще все. Вплоть до каких-то совсем уж комичных своеобразностей. Например, вспоминается снятая по чеховским произведениям «Неоконченная пьеса для механического пианино». Помните, один из героев там говорит, что в Европе города близко расположены друг к другу, поэтому и мысли передаются от одного человека к другому быстро, а у нас между городами большие расстояния – поэ-

тому и мысли распространяются гораздо медленнее. Между прочим, это не сарказм — это очень похоже на реальность. Во всяком случае, точно одно из верных объяснений специфики нашего мира, нашей русской цивилизации. С ходу реформировать такую машину невозможно. Поэтому и беремся что-то подправлять, когда ситуация уже на грани катастрофы, а пока всё еще более или менее работает, никому и в голову не придет заниматься усовершенствованиями. Да пусть даже хотя бы в нескольких областях нашей необъятной России что-то не так — но неужели ради этого затевать капитальный ремонт всего этого гигантского здания? Максимум — подпорки поставишь да леса возведешь, но никак не более того. И совсем другое дело — Европа. Францию за один день получится проехать на автомобиле, а Франция — большая европейская страна. То же самое можно сказать и про Германию. И чтобы там на ту или иную проблему обратили внимание, ей достаточно проявиться буквально на каком-нибудь пятаке. А у нас чтобы проблему хотя бы даже сдвинуть с места, нужен чуть ли не катастрофический повод. Помню, в детстве игра такая была, когда катали обруч, направляя и поддерживая его на крючке. Это несложно, особенно на большой скорости. Но достаточно даже самой незначительной выбоины на дороге, чтобы обруч, попав в нее, потерял равновесие и упал. Потом мы точно так же катали автомобильные покрышки — что уже сложнее, в отличие от обруча. А каково будет покатать покрышку от БелАЗа? И чтобы при этом ею маневрировать? Подобных примеров, иллюстрирующих инерционность — еще одну характерную черту нашей ци-

вилизации, — можно привести великое множество. То есть размеры делают нас чрезвычайно инерционными. А тут еще периодически возникает необходимость делать с этим гигантским колесом эволюционные скачки. И вот я снова выхожу на магистральную тему нашего разговора. Я не настолько хорошо знаю историю, чтобы утверждать это безапелляционно, но скажите мне, кто кроме большевиков в обозримом историческом прошломставил задачу поменять одновременно и фактически одномоментно экономический и политический строй? Не скорректировать, не реформировать, а именно полностью поменять, чтобы построить рай на земле, сиречь коммунизм? Люди веками грезили о таком рае, но никто и не думал переводить эти меч-

Карл Маркс (на фото) был просто вынужден дать какое-то иное название азиатским политическим системам, отталкиваясь от их цивилизационного своеобразия. От же ведь был настоящим ученым и не приспосабливал живую конкретику под априорно придуманные умозрительные схемы, а действовал наоборот — шел от практики, от эмпирики к обобщениям и теоретическим построениям. Вот и пришлось разглядеть «азиатский способ производства».

тания в плоскость практических решений. А вот большевики замахнулись именно на это. Была ли у них вера в возможность реализации такого замысла? Ну, извините, когда мне говорят, что младореформаторы начала 90-х верили в возможность капиталистического рыночного процветания России, меня берет сомнение. Я многих из них знал и знаю лично, а потому могу со всей ответственностью сказать, что, с одной стороны, будучи циниками, они в принципе ни во что не могли верить, а с другой стороны, наследование капитализма в России было их идеей фикс. Идея фикс, как известно, затягивает и заставляет верить в себя —

в данном случае в правильность сделанного выбора и в возможность принести людям рыночное счастье. И чем в этом смысле большевики отличаются от младореформаторов? Практически ничем. Они, похоже, на самом деле верили в коммунизм, но эта их вера была именно идеей фикс. Между прочим, современный Запад многое заимствует у большевиков, хотя при этом и не ссылается на первоисточник. Возьмем пресловутую идеологию сексуальной свободы, распространившуюся на Западе в конце 60-х. Больше- вики, когда пришли к власти, с ходу санкционировали эту свободу, будучи в данном вопросе последовательными сто-

В «Неоконченной пьесе для механического пианино» один из героев говорит, что в Европе города близко расположены друг к другу, поэтому и мысли передаются от одного человека к другому быстро, а у нас между городами большие расстояния – поэтому и мысли распространяются гораздо медленнее. Между прочим, это не сарказм – это очень похоже на реальность.

ронниками взгляда на развитие как на постепенное освобождение всех сторон жизни человека, в том числе и этой стороны. Правда, они вскоре были вынуждены дать задний ход – благо, что тогда репрессивный аппарат не был таким забитым, как сейчас. Так или иначе, но сексуальную свободу мы попробовали на полвека раньше Западе. Хорошо, сфера сексуальных отношений – чрезвычайно специфическая. Всегда такой была и останется, несмотря ни на какие сексуальные революции. Но обратимся к политике. Мне неоднократно приходилось писать, что Советский Союз строился Лениным по модели Соединенных Штатов Европы. Фактически это было именно так, хотя сам этот лозунг Ленин отвергал, поскольку в условиях капитализма Соединенные Штаты Евро-

пы означали бы союз эксплуататоров против эксплуатируемых, а он хотел прямо наоборот и с перспективой создания Соединенных Штатов всего мира. Но не получилось. Революция в Германии провалилась. И Ленину не оставалось ничего другого, как построить восточноевропейские Соединенные Штаты – своего рода первый Евросоюз. Нынешний Евросоюз сделан с учетом советского опыта, мне это совершенно очевидно. Мы здесь были лидерами – первыми осуществили на практике эту модель. Да и эволюционные скачки, о которых я говорил, – это не просто специфический способ хотя бы как-то сократить отставание от самых развитых стран, это именно вырывание в лидеры, однократное преодоление сразу нескольких этапов развития, которые эти самые лидеры преодолевали за десятилетия, а то и за столетия своего существования. О таких скачках гениально написал Волошин в «Северовостоке»: «И швырнуть вперед через столетья вопреки законам естества». Советский Союз трижды за время своего непродолжительного – по историческим меркам – существования выбывался в мировые лидеры. Причем один раз он лидировал в сфере практического внедрения в повседневную жизнь новых политических конструкций – я имею в виду все эти эксперименты 20-х годов. Но надо было готовиться к войне, и тут уж стало не до разных социальных и политических экспериментов. И следующие два пика лидерства СССР относились уже к военно-технической области. Первый из них – это собственно война и победа в ней, а второй – 60–70-е годы. И между прочим, несмотря на явный военно-технический крен второго и третьего пиков мирового лидерства нашей страны, вся западная интеллигентская элита, которая тогда придерживалась преимущественно левых взглядов – разных оттенков, но при этом в диапазоне левой идеологии, – была просто влюблена в нашу страну, в отличие от наших собственных интеллигентов, среди которых господствовала нескрываемая мода на диссидентские взгляды. Таких скачков, как в советское время, мы никогда прежде не совершали. Наш самый мощный предыдущий скачок – при Петре – все-таки не превратил Российскую империю в мирового лидера развития. Разрыв с лидерами сократил и даже в военном отношении, может быть, и вовсе свел на нет, в великую державу Россию превратил – но лидером развития не сделал. Вообще говоря, в императорский период русская элита и не ставила себе цели сделать Россию

первой среди равных по мощи держав. Пределом мечтаний было войти в клуб таких держав — и на этом остановиться. А вот коммунистов подобная многополярность не устраивала, и они решили всех обогнать и впрыгнуть прямо в будущее. Отсюда и этот лозунг «Догнать и перегнать!» — то есть опередить те государства, которые на тот момент являлись лидерами развития. Впервые его произнес Ленин, причем еще до Октябрьской революции, но уже незадолго до нее, осенью 17-го. А второе дыхание этому лозунгу придал сорок лет спустя Хрущев, имея в виду уже единственного конкурента — Америку. И по многим параметрам это удалось. Другое дело — какой ценой. Ценой колossalного надрыва, из-за которого впоследствии не удалось сохранить лидерство — даже в тех точках роста, где оно было.

— И почему у нас не получилось задержаться в лидерах? Что нам помешало? Из-за чего мы надорвались?

— Вот я и веду к ответу на этот вопрос, почему наше мировое лидерство оказалось столь недолговечным. Я в последнее время периодически думаю об этом. Видите ли, если ты прыгаешь в рай, то значит, ты рассчитываешь на некоего идеального человека, который способен совершить такой прыжок и затем в состоянии удержать взятую высоту. Но идеальных людей нет. Это только в молодости веришь, что такие люди существуют. Причем вера эта довольно устойчивая, хотя, казалось бы, именно в этом возрасте человек впервые сталкивается с несправедливостью. Но мизантропии не наступает, и образ идеального человека — это в молодости реальность, чуть ли не материально ощущаемая. Возможно, такой образ заимствуется из любимых книг и фильмов — в молодости всё

Современный Запад многое заимствует у большевиков, хотя при этом и не ссылается на первоисточник. Возьмем пресловутую идеологию сексуальной свободы, распространившуюся на Западе в конце 60-х. Большевики, когда пришли к власти, с ходу санкционировали эту свободу, будучи в данном вопросе последовательными сторонниками взгляда на развитие как на постепенное освобождение всех сторон жизни человека, в том числе и этой стороны.

воспринимается острее и сильнее. Но, увы, из литературных героев и киногероев реальную жизнь не построишь. И вот здесь я подхожу к чрезвычайно важному заключению. Для меня очевидно колossalное, гигантское преимущество капитализма над социализмом. По крайней мере, над тем социализмом, который был в Советском Союзе. Ведь что такое капитализм? Это рыночные механизмы, в том числе и политические рыночные механизмы, которыми, вроде бы, управляет «невидимая рука», но всем давно и хорошо известно, за исключением упер-

тых рыночников-романтиков, что есть еще и вторая «рука», тоже «невидимая», которая рынок регулирует. И благодаря такому регулированию капитализму удается воздействовать и обращать на пользу собственного развития как позитивные, так и негативные человеческие качества. А советская модель апеллировала только к положительным качествам, отрицательные же отвергала, игнорировала, пытались с ними всячески бороться, но и речи не было о том, чтобы как-то их использовать себе же во благо. И я просто не могу себе объяснить, чем была вызвана такая соци-

Наш самый мощный предыдущий скачок – при Петре (на иллюстрации) – все-таки не превратил Российскую империю в мирового лидера развития. Разрыв с лидерами сократил и даже в военном отношении, может быть, и вовсе свел на нет, в великую державу Россию превратил – но лидером развития не сделал.

альная – а в итоге и политическая – близорукость. Создатели советской системы были умными и начитанными людьми и не могли не понимать, что даже среди них – убежденных и последовательных революционеров – нет людей, которым не присущи в той или иной степени отрицательные качества. Да, для строительства нового общества нужны героизм и самоотверженность. Но вот общество построено – в каких-то своих основных чертах. Наступает повседнев-

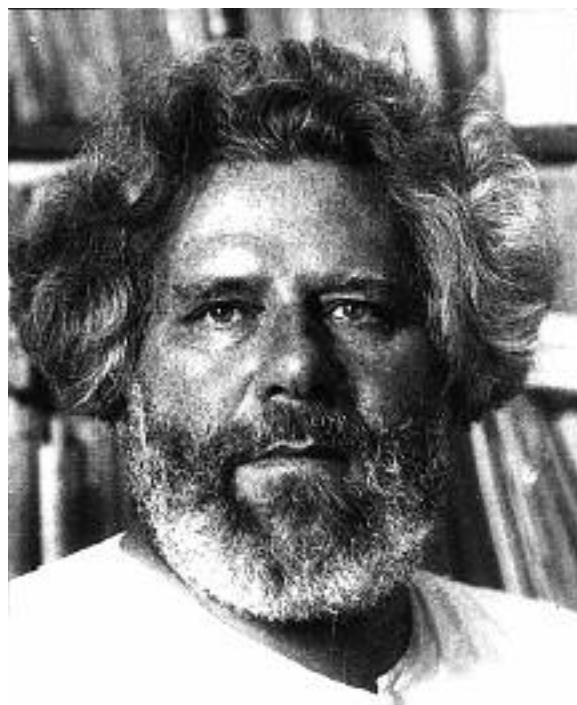
ность. И тут уже явно недостаточно одного героизма и одной самоотверженности. Возникает необходимость задействовать и иные человеческие качества – пусть даже не всегда высокие и нравственные. Ригористический максимализм в данном случае неуместен. Иначе «о быт» будет разбиваться не только «любовная лодка» – о него споткнутся и остальные намерения, в том числе и политические. Но советская система напрочь игнорировала это отрицатель-

ное измерение на шкале человеческого поведения. Она исходила из того, что плохой человек не может быть строителем коммунистического будущего. Эта убежденность явственно присутствует в литературе, поэзии, кино и мелосе советской эпохи. А вот при капитализме плохой человек – тоже строитель. И ему тоже полагается достойная оплата труда. А в некоторых случаях и большая, потому что просто хороший человек – это еще не профессия. Кстати, эта поговорка появилась как раз в 60-х, в самом начале проявления массового любопытства – тогда пока что именно любопытства – советских людей к рыночным ценностям. У нас сейчас принято во всем обвинять советскую номенклатуру: мол, она возжелала легализовать свой теневой рынок и поэтому обрушила Советский Союз. Не спорю, нельзя недооценивать этот фактор. Но куда более значимой причиной краха советского эксперимента мне представляется то, что не только номенклатура по своей мотивации и по своему целеполаганию не соответствовала идеалам человека коммунистического будущего, но и само общество откатывалось от этих идеалов всё дальше и дальше. А у нас, между тем, вплоть до последних лет существования советской системы, когда резко развернулись в противоположную сторону и стали буквально пропагандировать «чернуху», упорно насыщали какую-то сузальную и далекую от реальной жизни систему представлений типа: только хороший рабочий – хороший человек, только хороший человек – хороший рабочий, хороший рабочий – не пьет, хороший рабочий – хороший семьянин. Ну и так далее. Эта советско-схоластическая цепочка рвалась уже на втором-третьем звене.

— Так, может быть, без зазора между действительностью и идеалом никак нельзя? Может быть, это своего рода инструмент управления: зазор можно увеличивать — а можно и уменьшать, варьировать им в зависимости от ситуации. Когда режим хочет более доверительных отношений с обществом, его риторика становится упрощенной, приближенной к обычной жизни. Когда же возникает надобность поиграть с обществом — а такое случается, причем нередко, мы это знаем на множестве примеров, — тогда, напротив, начинает больше обычного использоваться так называемый птичий язык. В советские времена этот птичий язык представлял собой схоластические чеканные формулировки партийных документов. В наше время он сводится к иным риторическим приемам — но сегодня не о них речь. Так все-таки, как вы считаете, такой зазор во вред или же иногда он может оказаться полезным?

— Да нет, тот зазор, о котором вы говорите, в советскую эпоху был чересчур большим. Взять хотя бы эту дурацкую фразу, ставшую знаменитой, хотя при этом и придуманную, потому что на самом деле сказано было иначе. Я имею в виду выражение: «В СССР секса нет». И никто сейчас не вспоминает о том, что в ходе того самого телемоста Познера и Донахью было сказано, что в Советском Союзе не рекламируется секс. Но то, что это переиначенное и надуманное высказывание оказалось таким живучим, свидетельствует о том, что разрыв между официозом и здравым смыслом в советское время нарастал и становился более и более вопиющим. И мнение, что в Советском Союзе вообще всё было запрещено, держится до сих пор. Я постоянно говорю своим студентам, что не следует бездумно повторять чужие мысли о том,

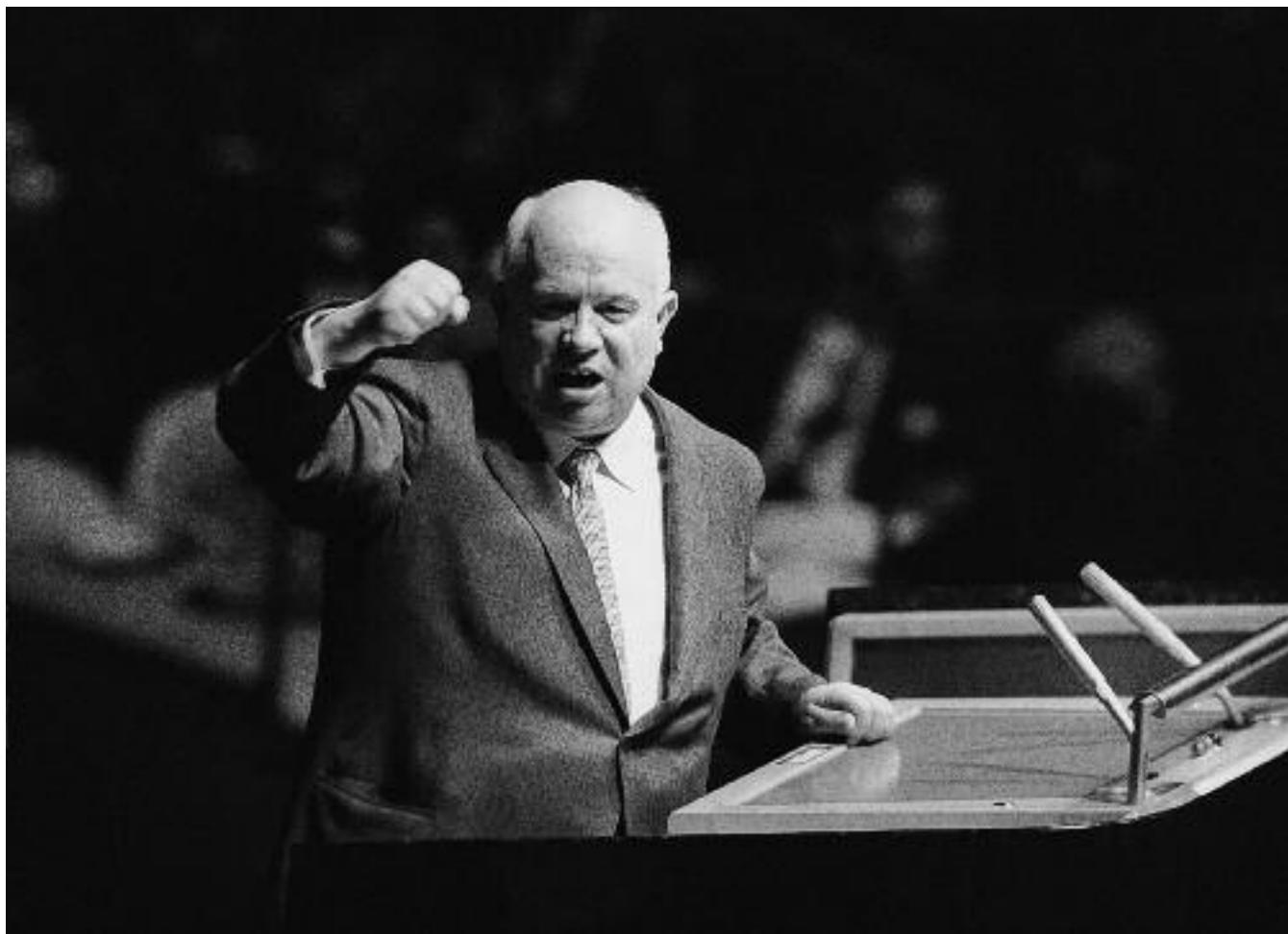
что было в Советском Союзе, а чего в нем не было, тем более что сами они тогда не жили. Я сейчас работаю над следующей частью своих воспоминаний. И я предполагаю поместить в нее выдержки из моих тогдашних дневников, которые у меня сохранились. Эти фрагменты будут, наверное, самыми интересными местами этой части в том числе и потому, что они — реальные исторические документы эпохи рубежа 60-х и 70-х и очень точно передают дух того времени. И по ним как по исключительно надежным историческим источникам можно судить, что тогда было, а чего не было. А зазор, про который вы спрашиваете, страшен тем, что он создавал об-

Эволюционные скачки — это не просто специфический способ хотя бы как-то сократить отставание от самых развитых стран, это именно выпрыгивание в лидеры, одновременное преодоление сразу нескольких этапов развития, которые эти самые лидеры преодолевали за десятилетия, а то и за столетия своего существования. О таких скачках гениально написал Волошин (на фото) в «Северовостоке»: «И швырнуть вперед через столетья вопреки законам естества».

становку лицемерия, стимулировал формирование двойной морали. С одной стороны, вся мощь советской пропагандистской машины была направлена на то, чтобы всячески утверждать тот самый идеал хорошего и правильного человека, о котором я говорил. Но с другой стороны, система как-то уж очень вяло и нерешительно сопротивлялась инокультурному влиянию, показывавшему жизнь отнюдь не в черно-белом цвете, как это делалось у нас. В 70-е годы мы, студенты, причем студенты не только гуманитарных, но и негуманитарных вузов, совершившие свободно читали переводную западную литературу и хорошо в ней разбирались. Те же американцы в то же самое время кроме Солже-

ницина и пары-тройки классиков никого и не знали из русских писателей, а мы разбирались в американской и вообще в западной литературе как в родной, она становилась нашей культурной повседневностью. Это всё было. Но был и разрыв, о котором мы с вами говорим, я это не отрицаю. Я просто за то, чтобы не оценивать то время упрощенно и одномерно. Или возьмем музыку. Говорят, что до войны цыганская музыка была запрещена. Не знаю, я тогда не жил. Но с самого раннего детства, то есть где-то с середины 50-х, я помню цыганские романсы, которые звучали по радио, цыганских исполнителей показывали по телевизору, их песни пели во время застольй. Да что там

Лозунг «Догнать и перегнать!» впервые произнес Ленин, причем еще до Октябрьской революции, но уже незадолго до нее, осенью 17-го. А второе дыхание этому лозунгу придал сорок лет спустя Хрущев (на фото), имея в виду уже единственного конкурента – Америку. И по многим параметрам это удалось. Другое дело – какой ценой.

цыганская музыка, я прекрасно помню из своего детства, как на танцплощадках танцевали рок-н-ролл, твист и шейк. Никаких запретов на западную музыкальную культуру не было. Ну, положим, *Back in the USSR* Битлов запретили. Хотя непонятно, почему. Если посмотреть на перевод слов этой песни, то это просто стопроцентная реклама многонациональной советской страны – реклама, написанная с любовью и интересом. Думаю, тут просто сыграло свою роль время записи этой песни – в конце августа 68-го, то есть когда были чехословацкие со-

бытия. Видимо, наши чиновники, особо не вникая в перевод, решили на всякий случай песню запретить. А как популярна тогда была у нас итальянская музыка, с которой познакомились сначала благодаря итальянскому неореалистическому кинематографу, а потом она стала распространяться и сама по себе, без фильмов. Порой даже забывали, откуда, из какого именно фильма та или иная мелодия, хотя сами эти фильмы у нас тоже показывали. А Джо Дассена и Мирей Матье в СССР, похоже, любили гораздо сильнее, чем во Франции.

То есть советские люди жили в абсолютно интернациональной музыкальной культуре с явным преобладанием в ней современного западного мелодика. Но музыка как часть культуры, причем часть исключительно важная, функционирующая на неверbalном уровне и формирующая иррациональный эмоциональный настрой – индивидуальный и общественный, – это определенная идеология. Рок – это в том числе идеология, и идеология явно не коммунистическая. А еще был Высоцкий, была бардовская песня, наполовину диссидентская, с многочисленными намеками, которые так любили обсуждать. При этом Главлит работал, соответствующие структуры ЦК выпускали разные постановления, запрещали какие-то там наши рок-группы, на что их участники до сих пор

любыят жаловаться. Получалось самое дурное и деструктивное: одной рукой не просто разрешали, а чуть ли не санкционировали всю эту разноголосицу, а другой рукой запрещали. Публично осуждали и запрещали, а на деле повторствовали. Такое идеологическое двурушничество по-своему верно — но лишь отчасти и с определенными оговорками — подметил Высоцкий в песне: «Меня к себе зовут большие люди, чтобы я им пел “Охоту на волков”». Вот так и разрастался этот разрыв, достигал немоверных размеров. Если, положим, в 70-е — начале 80-х было бы возможно провести точные социологические замеры одновременно в США и СССР с целью определения характера взаимоотношений между правящим классом и основной массой общества в обеих державах, то у нас восприятие «народом» «верхов» было бы гораздо более критическим, чем в Америке. И это притом что мы, вроде бы, на словах в своем подавляющем большинстве шли в фарватере, указанном партией и правительством, а там — разгул демократии и свободы слова. Значит, не всё так прямолинейно.

— Так это наша национальная черта — внешне быть паниками, а самим тем временем держать фигу в кармане. Тоже своего рода разрыв. Как говорится, отвечали разрывом на разрыв: поведенческим разрывом «снизу» — на идеологических разрыв «сверху».

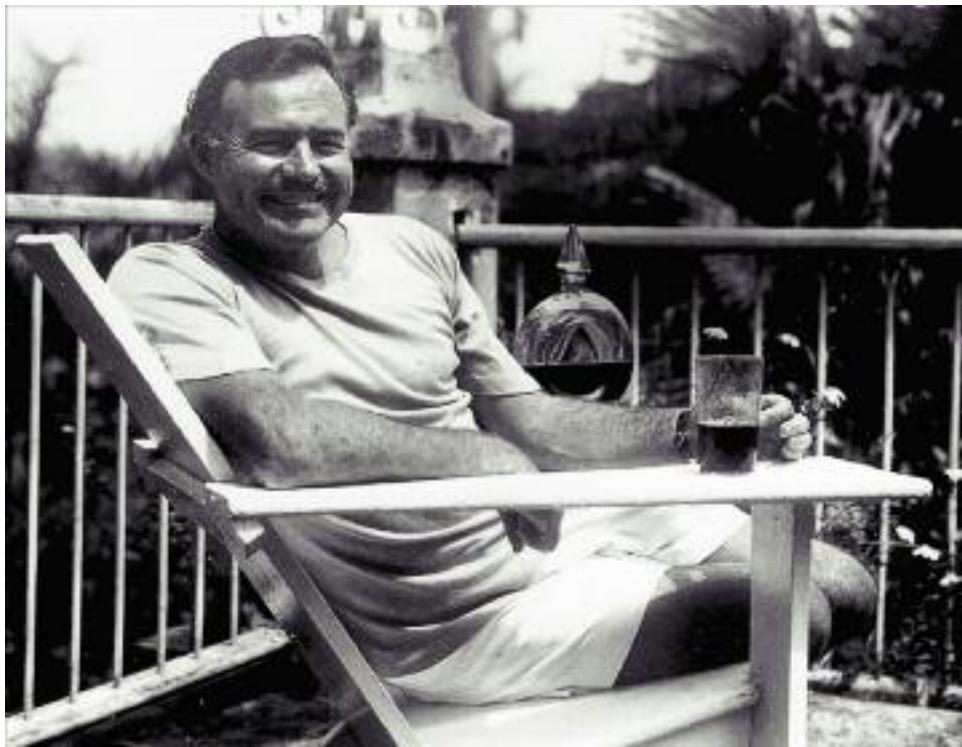
— Но в то же самое время эта система уравновешивающих друг друга разрывов, о которой вы говорите, порой приводила к труднообъяснимым с обыденной точки зрения результатам. Я думаю, что во многом именно здесь ключ к пониманию и объяснению, например, вкусовой парадоксальности советской интеллигенции. Ну, скажите мне, как можно быть влюбленным

Джо Дассена (на фото) и Мирей Матье в СССР, похоже, любили гораздо сильнее, чем во Франции. Советские люди жили в абсолютно интернациональной музыкальной культуре с явным преобладанием в ней современного западного мелоса.

одновременно в Хемингуэя и в Шукшина? Оказывается, можно. Оба писателя прекрасно сочетались в культурном мире советского человека и даже в чем-то дополняли друг друга. К тому же само советское общество тогда было гораздо более поликультурным, чем сейчас. Понятно, что русская культура оставалась в нем доминантной. Но на нее влия-

ли другие культуры, причем по-разному, с неодинаковой интенсивностью. Например, воздействие казахской культуры и казахской интеллигенции на русский менталитет вряд ли было существенным. А вот, скажем, про грузинскую культуру такого не скажешь — она основательно вошла в культуру русскую. Уж точно — в столице и в крупных городах. По-

Как можно быть влюбленным одновременно в Хемингуэя (на фото) и в Шукшина? Оказывается, можно. Оба писателя прекрасно сочетались в культурном мире советского человека и даже в чем-то дополняли друг друга. К тому же само советское общество тогда было гораздо более поликультурным, чем сейчас.

добное проникновение выражалось и на бытовом уровне — культура застолий, гастрономические заимствования, — и на уровне высокой культуры — актеры, режиссеры, Пироманы... Тут целый культурный ряд выстраивается. И до определенного времени эта культурная полифония была устойчивой. Но любое многообразие, любое соцветие, любая сложная конструкция нуждаются в постоянном обновлении, развитии. В примитивной системе застой не так разрушителен, как в системе сложной. Выйти такую сложную систему из некоего организующего ее силового поля, и внутренние процессы в ней потекут с разными скоростями и в разных направлениях, а это — верный путь к гибели сложноорганизованной целостности. Вот мы и перегорели от этой своей многообразности, не справились с собст-

венной пестротой, когда общее силовое поле — я имею в виду коммунистическую идеологию — стало ослабевать. Фатальную роль сыграли и эти странные идеологические дерганья, когда людей заставляли клясться в том, что они любят что-то одно — то, что следовало любить по идеологическим соображениям, — а на самом деле не только позволяли, но и подталкивали любить всё подряд, в том числе и то, с чем следовало бы вести себя осторожнее — особенно в обществе с единой господствующей идеологией, обязательной для всех. Сейчас никакой организующей идеологической рамки нет — и любое многообразие в нашей жизни воспринимается по-будничному, без скрытого пафоса или тем более подтекста, как в советское время. Когда в конце 70-х у нас стали продавать пепси-колу, то одни превращали ее

употребление в чуть ли не политический акт диссидентской окраски, а другие их клеймили за приверженность к идеологически чуждым брендам... и одновременно продолжали продажу этих же самых брендов продавать в наших советских универсамах. Так что это несчастное «поколение пепси» появилось не в 90-х, а гораздо раньше — в конце 70-х. Но в идеологическом хаосе 90-х преклонение перед этим брендом выглядело уже никаким не скрытым протестом, а откровенным фарсом и безумием.

— О каких вообще подтекстах может идти речь в открытых обществах, каким сейчас является наше общество? Я в данном случае не оцениваю, хорошо это или плохо, что мы являемся открытым обществом, а просто констатирую очевидный факт. Подтексты, намеки, иносказания — это удел закрытых обществ. Я что-то сейчас не слышу политических анекдотов, а в советское время мы ежедневно обменивались парой-тройкой свежих хохм. Правда, говорят, что тогда их специально сочиняли в соответствующих структурах КГБ, чтобы подобным образом стравливать пар... Словом, сейчас многообразие естественное, никакого зазора оно не создает.

— О том и речь. Я, например, очень люблю итальянские и французские вина. Но при этом не отказался от водки и пью ее, когда у меня на столе борщ, сало, соленые огурцы. А когда моя жена готовит свои любимые средиземноморские блюда, то с ними я пью вина — красные или белые. А иногда я пью виски, хотя делаю это нечасто и не считаю себя знатоком и приверженцем этого напитка. Бывает, что пью граппу, а в каких-то случаях — херес. В зависимости от того, что мне сегодня хочется и что у меня на столе. То же самое могу сказать и о круге своего

чтения. Я читаю самую разную литературу. Вот недавно купил «Пятьдесят оттенков серого» — надо же быть в курсе того, о чем все говорят. Начал читать, дошел до брутального развития событий. Ну, я много такого читал, ничего особенного, что меня поразило бы, не находжу. Но главное — что я хочу в данный момент почитать, то и беру с полки. Что меня тянет послушать из музыки, тот диск я и ставлю. Это может быть и цыганский романс, и Высоцкий, и советская песня, которую я очень люблю, и классика, и рок, и джаз. И я не один такой. Подобное разновкусие у нас как раз с советской эпохи осталось. А в нее перешло из эпохи дореволюционной. Всемирной ли отзывчивостью объясняй это качество, широтой ли русской души, стихийным ли плюрализмом — не знаю. Но мы, русские, хватаемся буквально за всё, нам всё новое надо попробовать самим — начиная с гастрономии и заканчивая разными идеологическими инновациями. Потому-то наша Конституция 93-го года менее всего нам подходит, о чем я неоднократно писал и говорил. Можно указывать разные ее недостатки и изъяны, но мне лично главным из них представляется то, что она рассчитана на какую-то гомогенную, единообразную страну. А Россия не является одинаковой во всех своих частях. Не может быть одинакового устройства в Чечне, Московской области, Тыве, Нижегородской области, Якутии, Калининградской области. Да его, собственно, и нет. А в Конституции написано, что в перечисленных и других субъектах Федерации всё одинаково. Сама идея Основного закона — единого для всей территории государства — не для нас. Она заимствована на Западе, где совершенно другие масштабы и совсем иные реа-

лии. Конституционная идея как идея унифицированного и однородного правового пространства не подходит нам именно потому, что она — как шаблон — не соответствует природе разных частей нашего государства. То есть для каких-то территорий она вполне нормальна, а для каких-то — нет, просто ни в какую. В устройстве дореволюционной России это многообразие империи, кстати сказать, отражалось. Из-за своей географии и своего местоположения Россия вынуждена гибко подходить к своему внутреннему устройству. Мы в этом смысле не Америка с ее лоскутным одеялом штатов, двумя океанами по сторонам и двумя граничащими с ней государствами, из которых одно — абсолютно лояльное, фактически американская провинция, а другое — гораздо, несопоставимо слабее. Но ведь и с последним возникают проблемы. Того и гляди — лет через двадцать или сорок вернет себе земли, оттяпанные американцами.

— Вы полагаете, такое может быть?

— Ну, де-факто. В конце XXI века родным языком для президента США будет испанский. Это я имею в виду, говоря, что Мексика отвоюет обратно свои территории... Но я о другом — привел в пример Америку как державу, которая в принципе может быть гомогенной и однородной по своему устройству. А Россия не может. Но как зафиксировать это внутреннее своеобразие нашей страны, непохожесть ее частей друг на друга? Это сложная проблема. Россия, как я уже сегодня говорил, — страна стран, сложное и многообразное по своему внутреннему составу образование с уникальной синтетической идентичностью. Поэтому-то любовь к Хемингуэю и уживалась с любовью к Шукшину. И

они становились популярными во всех слоях общества. Интеллигенция заводила эту моду, быстро ее транслировала, и эта мода оказывалась действительно, по-настоящему всеобщей.

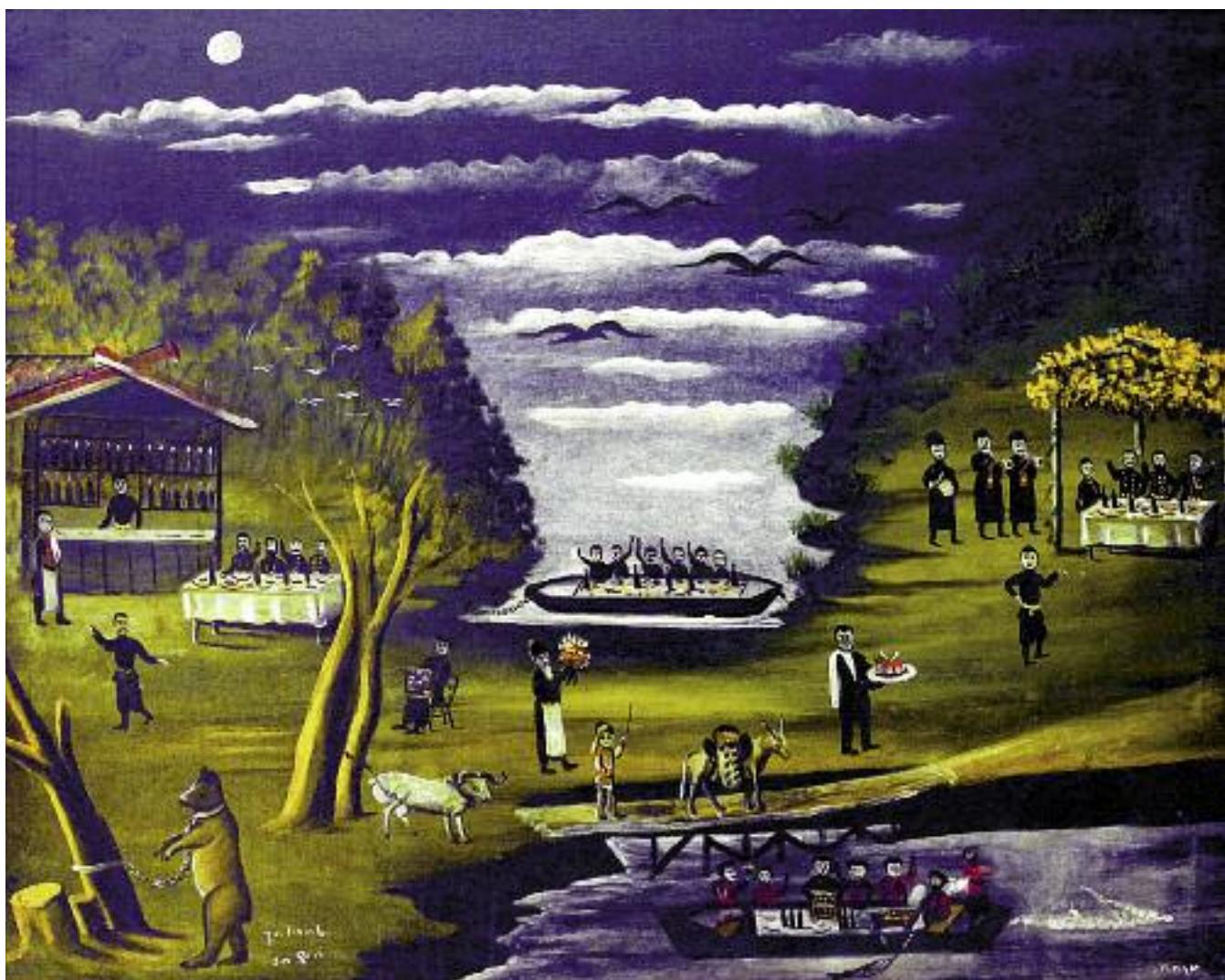
— Согласен. Причем что удивительно, такая всеобщность доходила даже до каких-то совсем уж элитарных вещей типа «Моби Дика».

— Американцы считают «Моби Дика» чем-то вроде своей литературной библии. Другое дело, что я ни разу ни от одного американца не слышал упоминаний о Мелвилле и о его романе. Эта книга расчитана на уровень, который гораздо выше уровня среднего американца, американского большинства. А у нас ее читали и перечитывали и студенты, и инженеры, и представители других групп советского общества... Нет, все-таки феномен русского-советского-российского общества XX века еще ждет своего фундаментального изучения и описания. Есть много работ, которые с разных сторон подступают к этой теме, но именно целостного, всеобъемлющего взгляда пока нет.

— А Зиновьев, до сих пор остающийся непонятым, но при этом превращенный в икону? Или Никаноров, которому в номере, где будет вот это ваше интервью, предполагается посвятить целую подборку материалов? Но вы правы — можно по пальцам пересчитать мыслителей, которые подошли к пониманию самой сути советского строя.

— Так ведь если двум половинам мыслителям удалось что-то понять, это еще ничего не значит. Их оригинальные взгляды должны быть транслированы всему интеллектуальному классу, который, в свою очередь, либо их примет, либо не примет. Но он даже не знает эти взгляды. Понятно, что подобное незнание характеризует прежде всего сам ин-

Нико Пирсмани. Ишачий мост

Грузинская культура основательно вошла в культуру русскую. Уж точно – в столице и в крупных городах. Подобное проникновение выражалось и на бытовом уровне – культура застольй, гастрономические заимствования, – и на уровне высокой культуры – актеры, режиссеры, Пиросмани...

теллектуальный класс. Не слышал про Никанорова, но Зиновьева за постсоветское время издавали и переиздавали много раз. Не берусь утверждать, но, по-моему, на данный момент в России издано всё его наследие. И что помешало интеллектуальному классу внимательно изучить это наследие и оценить его?.. Представления о советском обществе до сих пор остаются поляризованными. Кто-то считает его раem, кто-то – адом. Но даже те, кто считает его адом, далеко не всегда

последовательно отстаивают эту точку зрения. Если дать им возможность говорить о советском прошлом не пять минут, а два часа, то где-то со второго получаса они начнут вспоминать и что-то хорошее из собственной жизни в СССР. В финальной фразе они, конечно, снова, встрепенувшись, заявят, что в Советском Союзе всё было отвратительно, но до этого – забывшись и раслабившись – успеют сказать о нем много хорошего. Поэтому обе эти полярные позиции дробятся на массу оттенков,

которые можно систематизировать, но с экрана телевизора звучит, как правило, либо одна, либо другая точка зрения. Правда, в последнее время всё чаще демонстрируется и третья позиция – близкая к положительной оценке советского прошлого, но тем не менее существенно от нее отличающаяся. Я имею в виду восприятие советского как своего рода бренда, моды на советское в целом и на его отдельные элементы – вплоть до каких-то бытовых повседневных деталей. Но такой взгляд фальшив. Он представляет собой сугубо рекламный подход, когда всё остальное – сериалы про бандитов, олигархов и золушек, сначала побывавших принцессами, а потом оказавшихся на панели, –

надоело. Сейчас захотелось чего-то натурального, с настоящими человеческими трагедиями и страданиями, когда ты можешь доказать свою правоту или оспорить чье-то неправильное решение, но при этом не думаешь каждую минуту, убьют тебя или не убьют. А в сериале «Бандитский Петербург» героям только об этом и приходится думать. В фильмах об олигархах ни о какой собственной точке зрения или собственном мнении не может быть и речи. Олигархам либо подчиняются — и что-то за это имеют, либо не подчиняются — и тогда получают пулю в лоб или в лучшем случае всего лишаются, удаляются в бега. И как это ни парадоксально, оказывается, что именно советская действительность стала вдруг представлять собой благодатный материал для режиссеров, которые хотят показать именно самостоятельных и цельных людей, которые свободно высказываются и действуют, поступают сообразно с традиционными представлениями о добре и зле. Иначе с чего это вдруг жизнь советской деревни, пусть и приукрашенная, стала привлекательной для производителей сериалов? Они же отнюдь не идеологией руководствуются, а пытаются уловить какие-то глубинные желания аудитории — желания, которые она и сама-то для себя еще не вполне прояснила, — и дальше работать на удовлетворение этих желаний.

— То есть на сегодняшний день бренд советского, советской жизни, советского прошлого стал некой точкой сборки большинства телеаудитории?

— Во всяком случае, в последние годы по всем опросам стablyно выходит, что самым великим отечественным политиком XX века был Сталин. И сколько по телевизору ни пытаешься показать его в непри-

глядном свете, опросы всё равно дают тот же самый результат. И на вопрос, какая эпоха из обозримого прошлого нашей страны была самой светлой, наполненной жизнью и свободной, большинство отвечает — советская. На фоне таких явственно артикулированных предпочтений киножурналистам и телевизионщикам не остается выбора, с каким, как они любят говорить, контентом работать. Можно сказать, что этот выбор — от необходимости, что он — на абсолютном, буквально тотальном безрыбье, потому что ничего другого не клеится. На таком фоне возникает элементарная ностальгия, охватывающая в определенные моменты всех без исключения — и старых, и молодых. А сейчас ностальгия стала частью национального психологического самочувствия, причем частью весьма и весьма значимой. Будущее туманно. Ясно, что цивилизованный капитализм не получился и не получится. Да и относительно перспектив политического устройства, организационных форм цивилизационного проекта полная неясность. И наконец, последнее. Советская эпоха — это не просто золотой век по сумме показателей, а время величайшего в истории могущества нашей страны, когда в течение полувека мы являлись одной из двух сверхдержав. Такого могущества, какого никогда прежде не было. И теперь уже не будет — хотя бы из-за новой многополярной архитектуры современного мира. Поэтому ценность советской эпохи, несмотря на все ее известные особенности — прежде всего сталинского времени, — будет лишь становиться всё более и более очевидной для всех. Весь этот бред, что, мол, это был тупиковый путь, движение в неправильном направлении, постепенно сойдет на нет. Думаю, что элита дозреет до

того, чтобы отказаться от таких взглядов. По крайней мере, хочу надеяться, что так оно и будет. Ну, разве что самая идеологизированная и компрадорская ее часть будет по-прежнему клеймить советское прошлое — но с маргиналов какой спрос?

— Виталий Товиевич, спасибо вам за беседу. Конечно, нельзя сказать, что вы дали исчерпывающие ответы на обсуждавшиеся вопросы о советском прошлом. Но это и невозможно в рамках одного разговора. Главное, что в целом, крупными мазками вы представили ваше понимание проблемы. Понимание, во многих своих аспектах оригинальное, а в чем-то даже и парадоксальное. Вообще по завершении интервью я понял, что его ценность не столько в получении от вас каких-то готовых ответов, сколько в тех вопросах, которые зададут себе читатели по его прочтении. Поэтому нам остается с нетерпением ждать выхода следующих частей ваших эпохальных воспоминаний, чтобы, ознакомившись с ними, задать себе следующую порцию вопросов о том, что же собой представляло наше недавнее прошлое. Вопросов по большей части непростых и даже неудобных. Но ведь только через такие вопросы и возможно приблизиться к пониманию прошлого. Я преднамеренно подчеркиваю: не узнать, не уточнить что-то, не выяснить, а именно подойти к пониманию. К сожалению, изучение истории чаще всего и у нас, и на Западе сводится к другому — к инвентаризации фактов или к их подгонке под требуемые закономерности, а такой взгляд на прошлое никак не способствует тому, чтобы это прошлое стало хотя бы в чем-то лучше и тоньше пониматься. Вам же удалось продвинуться в этом направлении гораздо дальше профессиональных историков.

23 июня 2015 года

Спартак Никаноров: мыслитель и эпоха

30 августа 1923 – 29 января 2015

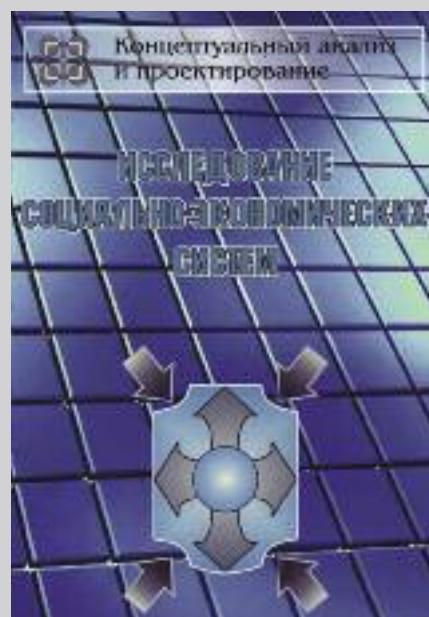
Биография Спартака Петровича Никанорова выглядит очень типичной для представителей его поколения – людей, рожденных в бурные 20-е, ковавших на трудовом фронте Великую Победу, стремившихся получить и, в конце концов, получивших фундаментальное высшее образование, попавших на работу в оборонный комплекс в ту самую эпоху, когда эта отрасль была самой приоритетной для советской экономики. То есть эта часть биографии Спартака Петровича – вплоть до конца 50-х – выглядит вполне характерной для огромного количества его современников. Важной, отмеченной трудовыми достижениями – в данном случае в деле создания систем противовоздушной обороны – и, безусловно, определяющей для той сферы деятельности, которой он стал заниматься позже и благодаря которой получил известность, – но вместе с тем вполне заурядной по своим внешним и формальным показателям.

Переход же с этого «широкого» пути на путь «узкий», которым шли уже единицы, произошел в конце 50-х, когда Никаноров занялся изучением американского опыта управления и сетевого планирования. Причем новый поворот в его судьбе стал вовсе не увлечением, которому предаются в свободное от работы время, а вполне институализированной и формализованной трудовой деятельностью в структурах Министерства ра-

диопромышленности. В те же годы Спартак Петрович имел возможность вживую познакомиться с американским опытом управления крупными корпорациями во время своей командировки в США, о чем далее рассказывает в своем интервью альманаху ученик и продолжатель дела Никанорова Захирджан Кучкаров. С этого времени и до конца жизни Спартак Петрович стал заниматься теоретизированием и разработкой способов управления большими системами и планирования их деятельности – то есть тем, что впоследствии получило название концептуальных методов. Никаноров не был одиночкой на этом поприще. Хочется надеяться, что когда-нибудь будет написана подробная история развития этого направления в советской мысли и создававшихся ею практических разработок – и такая история станет интереснейшим свидетельством, метко характеризующим советскую эпоху со всеми ее противоречиями – особенно меж-

предельно жестко обходясь с работавшими в них людьми. Такова, например, трагическая судьба Лаборатории систем управления разработками систем МГПИ имени Ленина – знаменитой ЛасУРС, в которой несколько лет проработал и Спартак Петрович, занимаясь, в частности, переводом «Системного анализа» Стэнфорда Оптнера.

В дальнейшем ведомственная аффилиация Никанорова неоднократно менялась. Он работал в различных структурах союзных Минэнерго и Госстроя. Но неизменной оставалось само направление его деятельности, которая уже на излете советской эпохи принесла богатые результаты – например, проект Автоматизированной системы проектирования систем организационного управления... в 40 томах! Вместе с тем основные наработки писались «в стол», а главной формой сотрудничества стали домашние семинары с узким кругом учеников, о чём также подробно рас-

ду колossalным внутренним потенциалом развития и не менее колossalными внутренними нестыковками, в конце концов и предопределившими крах всего советского эксперимента. Очень симптоматичным с этой точки зрения было то, как, в каком режиме и в каких условиях в позднесоветское время велась работа на поприще концептуалистики. С одной стороны, власть проявляла к ней интерес, санкционировала и поддерживала, придавая некие организационные формы и обеспечивая ведомственное «прикрытие». В противном случае, на одной лишь самодеятельности Никаноров и его единомышленники в тех условиях вряд ли сумели бы не то что добиться каких-то практических результатов своей деятельности, но даже элементарно сохраниться в качестве профессионального сообщества, объединенного общим проектом. Но с другой стороны, та же самая власть относилась к этой деятельности с подозрением, порой прерывая работу ею же сама созданых структур и

сказывается далее в интервью Кучкарова. И несмотря на активное издание в последние годы наследия Спартака Петровича, в том числе и его наиболее известной работы «Уроки СССР», очень многое еще ждет своего часа, чтобы быть предъявленным общественности. И что самое удивительное, работы Никанорова – как его самого, так и его ближайших последователей – не только не утрачивают актуальности для нашего времени, но и буквально адресованы ему. Такое впечатление, что они будто и создавались как своего рода письмо в бутылке, посланное следующим поколениям, которым придется взять на себя ответственность за постсоветскую Россию.

Хочется надеяться, что очевидный дефицит такой ответственности будет хотя бы отчасти амортизирован этими «подсказками отсроченного применения», оставленными нам Спартаком Петровичем Никаноровым.

Редакция

Сергей Николаевич Белкин –

главный редактор альманаха
и портала «Развитие и экономика»

Обдумывая «Уроки СССР»

Чем дальше от нас – во времени – Советский Союз, тем актуальнее становятся размышления о том, чем он являлся. Ведь мы так и уплыли на корабле истории, унося с собой не только тезис «мы не знаем общества, в котором живем», но и описываемое им состояние. И унесли мы его не как актуальный вопрос, а как род наследства над недотепами из прошлого. Причем так и не понятое нами общество легко и беспечно отвергается как «плохое». «Не знали, не знаем – но отвергаем!» – твердят нам пропагандисты и «прогрессивная интеллигенция». Но несмотря на исключительные по своей интенсивности и длительности пропагандистские усилия, направленные на интерпретацию советского периода как черной дыры русской истории, как государства тоталитарного ужаса, несмотря на то что «после СССР» родилось и выросло целое поколение «промытых мозгов», общественное мнение неуклонно не только удерживает в своем сознании позитивный образ СССР, но и наращивает такую оценку. Пропагандисты антисоветского толка, разумеется, этим

обеспокоены, поскольку рост «пропагандистских» настроений дезавуирует все их многолетние усилия.

Вероятно, если бы построенное нами ко дню сегодняшнему государство и сформированное общество были явно лучше, чем СССР, то ностальгия по прежним временам носила бы не более чем лирический характер. В действительности же мы имеем раздражающее неэффективное государство, общество в состоянии раздора и недовольства и плохо предсказуемые, но весьма вероятные нежелательные перспективы.

Сравнивая свое настоящее с прошлым, люди ощущают фундаментальные отличия того базиса, на котором строилось советское общество, от той системы отношений между людьми, на которой даже не стоит, а неустойчиво колеблется наше современное государство. Всё актуальнее становится вопрос: что же именно мы тогда – в девяностые – еще раз «разрушили до основания»? Не пора ли, наконец, извлечь уроки из того грандиозного, драматичного и очень дорогостоящего опыта, который обрел наш народ за десятилетия «строительства социализма в СССР»?

К сожалению, имитация стремления «извлечь уроки» превращена в натиск пропаганды, в обличие «тоталитаризма», «застоя», «административно-командной системы», в замену знания – штампами и лозунгами. Такой подход ничего общего с продуктивным непредвзятым анализом не имеет и призван как раз препятствовать подобного рода размыщлению. Столь же непродуктивен и вреден примитивно «просоветский» взгляд: всё было прекрасно, но завелись враги внутренние и внешние, которым удалось подточить здоровое дерево социализма и погубить страну. Мы оказались зажаты между двумя полюсами: «всё было очень хорошо» и «всё было очень плохо». И это не просто две полярные точки зрения, между которым должна лежать «истина», это принципиально неверная система координат, в рамках которой «истину» обнаружить невозможно.

К тому факту, что «СССР распался», у каждого имеется свое эмоциональное отношение. Большинство сожалеет, меньшинство считает это благом.

К тому факту, что «СССР распался», у каждого имеется свое эмоциональное отношение. Большинство сожалеет, меньшинство считает это благом. Количество статей, в которых даются ответы на вопрос «почему распался Советский Союз?» велико и продолжает возрастать. В этих статьях представлены различные суждения, указаны факторы, влиявшие на распад СССР, что позволяет людям, имеющим собственное эмоциональное отношение к произошедшему, обрести нечто вроде «научной основы» и «серезной аргументации».

Чаще всего объяснение причин распада СССР сводят к той или иной комбинации «причин»: Советский Союз распался, потому что был не жизнеспособен изначально,

по своему замыслу; потому что руководство страны его намеренно уничтожило либо допустило смертельные для государства ошибки; страну уничтожили внешние и внутренние враги; СССР не выдержал мировой конкуренции. Среди причин называют также центробежные усилия националистов, отсутствие достойных преемников Сталина, стремление партийного руководства к материальному обогащению и вхождению в мировую элиту путем конвергенции, есть и простенькие объяснения типа «все империи распадаются».

Для тех, кто находит в этом или расширенном наборе «причин», гармонирующую с его уже существующей эмоциональной оценкой, «усвоение уроков истории» на том и

Статья является попыткой размышлений в связи с опубликованным в 2012 году исследованием Спартака Никанорова «Уроки СССР. Исторически нерешенные проблемы как факторы возникновения, развития и угасания СССР».

завершается. У политических пропагандистов перечисление причин гибели страны тоже присутствует в арсенале средств, но для них еще важнее утвердить общество в мысли: распад СССР доказывает, что коммунистическая идеология и модель социализма несостоятельны, что историческая ошибка исправлена и Россия вернулась на единственно верную — «естественную» — дорогу развития, такую же, как у всех «цивилизованных стран».

Казалось бы, в современной России совершенно иное государственное устройство, другие принципы и основания жизни: в СССР был социализм, в России — капитализм. Социализм умер — почтим па-

мять о нем и будем созидать новую Россию, свободную от ошибок и груза прошлого. Зачем нам уроки СССР, если мы не собираемся его восстанавливать и не хотим возрождать социализм в России?

Эта статья не имеет целью в очередной раз проанализировать причины распада СССР. И не является пространным призывом «извлечь из истории уроки». Эта статья — попытка обосновать жизненно важную ценность «уроков СССР», без усвоения которых невозможно никакое стратегическое планирование развития современной России. Да и мира в целом.

То, что «уроки СССР» выходят далеко за рамки анализа проблемы строительства социализма, но позволяют приблизиться к пониманию глобальных исторических процессов, разглядеть ранее не замеченные движущие силы истории, сформулировать исторически

на его объяснении как исторического опыта и извлечении из него уроков для будущего человечества». Такую позицию невозможно ожидать от политологов и историков, не говоря уже о действующих политиках или публицистах: они призваны давать именно оценки, трактовать все явления с точки зрения «хорошо» или «плохо», а не бесстрастно вскрывать суть происходящего *per se*. При этом автор «Уроков» весьма скептически оценивал круг возможных читателей, полагая, что ими станут «пока еще редкие сторонники разработки различных методологических подходов к исследованию гиперсложных предметных областей, поэтому искомые уроки не ориентированы на текущую политическую практику России и других стран». Мы же, напротив, охвачены стремлением расширить круг лиц, размышляющих об «уроках СССР», причем размышляющих не на уровне праздного философствования, а с целью практического применения в текущей политике. Стремясь донести до читателей основные идеи работы Никанорова, мы не станем ограничиваться реферированием, поскольку, во-первых, ставим перед собой дополнительные задачи, а во-вторых, язык и методы работы этого автора нуждаются в определенной адаптации, популяризации.

■

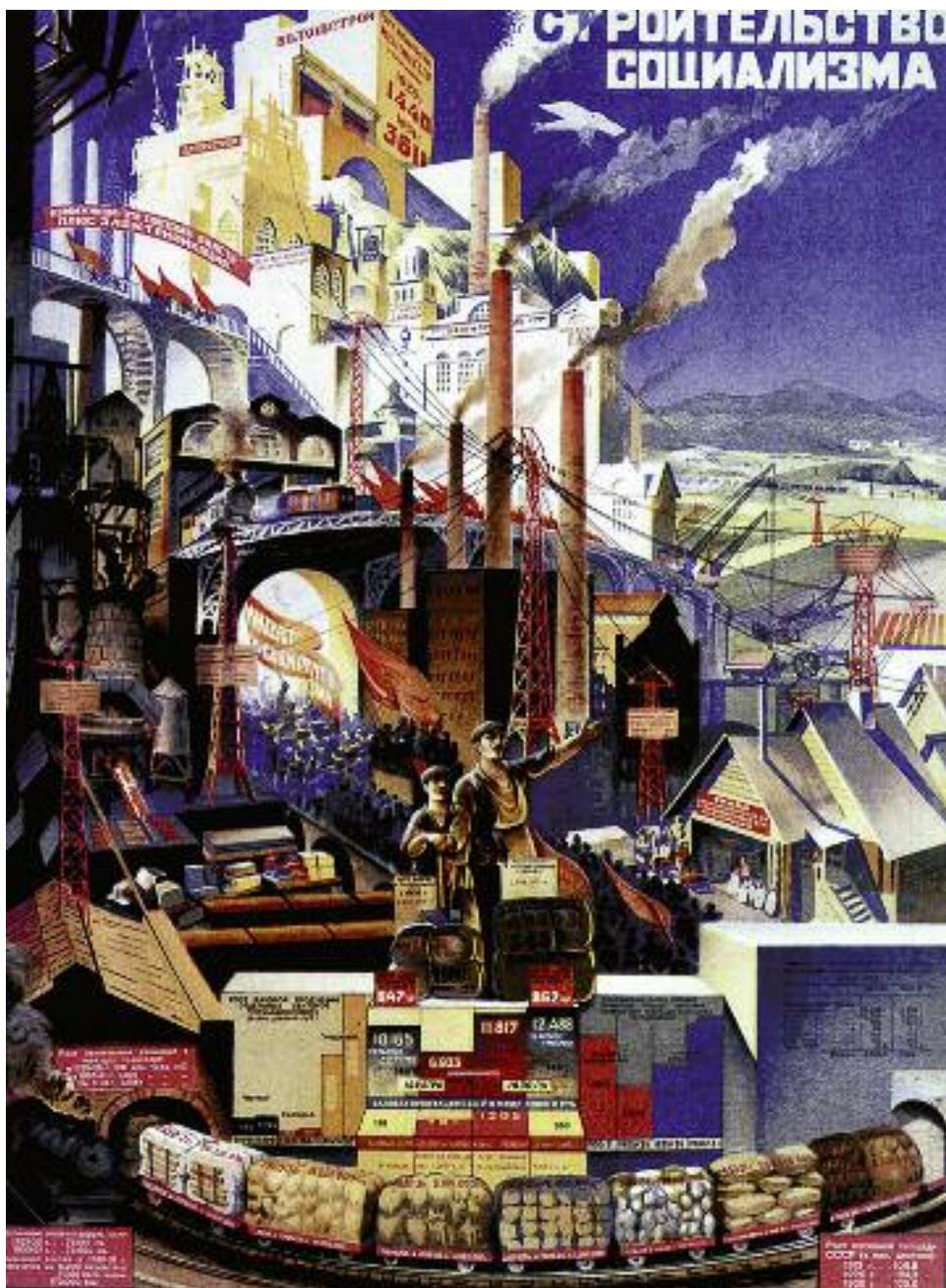
СССР — это сложное социально-политическое явление, это почти вековой процесс, в который были вовлечены гигантские ресурсы. Процесс, принесший очевидные результаты, за которые человечеством — нашим народом прежде всего — заплачена огромная цена и которые не должны быть просто отброшены или почтительно вывешены в красный угол. Это явление —

как неотъемлемая часть непрерывной мировой истории – должно быть изучено и понято как объект исследования, а не только лишь как сердечная рана или гордость. Однако пока еще нет мультидисциплинарного всестороннего научного объективного исследования СССР как социально-политического феномена на определенном историческом отрезке существования России и мира. Имеются, как мы говорили, только разного рода оценочные суждения, более или менее подкрепленные фактологической аргументацией, стремящиеся «оправдать», «осудить» или «возвеличить» СССР.

Никаноров не ограничивается констатацией необходимости такого исследования, он заявляет, что «уроки СССР» – самостоятельная научная отрасль, которую надлежит сформировать. Говоря о своей работе, он подчеркивает не ее «междисциплинарный» характер, а взгляд на проблему с точки зрения концептуального анализа – научного метода, одним из авторов которого он является.

В «Уроках» рассмотрен очень широкий круг вопросов, высказано много нетривиальных идей, введено немало новых понятий, сформулированы выводы и задачи для будущих исследователей. Учитывая исключительную «плотность» мысли и текста Никанорова, необычность и сложность обсуждаемых проблем и подходов к их рассмотрению, представляется весьма затруднительным «выделить главное».

Тем не менее я буду, сознавая меру неполноты и упрощения, пытаться сделать именно это, поскольку считаю работу Никанорова не просто заметной в ряду многих иных исследований «про СССР», а работой исключительной важности, не имеющей аналогов ни по постановке вопросов, ни по

Опыт строительства социализма в СССР не следует считать «ошибкой» – поскольку изначально никто не знал, что именно должно в конце концов получиться, «норматива» не существовало. А вот «неудачей» этот опыт назвать можно.

методологии подходов к их разрешению.

Мы здесь коснемся лишь нескольких идей и положений фундаментального, как нам кажется, характера, знакомство с которыми не только вызовет интерес к «Урокам» и стремление их вдумчиво прочитать, но и составит самостоятельную ценность как но-

вая точка отсчета, как оригинальный угол зрения на проблему «уроков истории» вообще, а не только СССР. Отослать читателя к оригиналу – самое простое, но нерезультативное решение. Я вижу свою роль в попытке превращения непростого академического текста в факт публицистики, в точку роста об-

щественного дискурса об «уроках СССР». Дискурса, целью которого должны стать прорыв к глубокому пониманию произошедшего и происходящего, осознание почти всего, ранее высказанного «об СССР», как поверхностного пропагандистского потока слов — потока, имеющего целью либо очернение, либо апологетику как «теории социализма и коммунизма», так и практики построения социализма в СССР.

Всем, кто сегодня думает о будущем, кто размышляет о моделях развития — тем более в формулировке «альтернативные модели развития», — не сдвинуться с места и не породить что-либо продуктивное, не погрузившись в анализ «уроков СССР» — прежде всего в виде «нерешенных вопросов», сформулированных в работе Никанорова.

Ошибка и неудача

Обладая абсолютным интеллектуальным слухом, особой чуткостью к каждому вводимому в аналитический оборот слову или понятию, Никаноров уточняет смысл некоторых важных понятий, воспринимаемых без этих разъяснений как очевидные, знакомые на бытовом уровне. Во вводной части даны разъяснения применяемых понятий — таких, например, как «знание», «сознание», «ошибка», «неудача», «основатели СССР», «неизвестное», — и ряда других.

Так, например, отмечается, что значение слова «ошибка» понимают как несоответствие фактического результата некоторого действия ожидаемому результату. При этом причина, вызвавшая несоответствие, не рассматривается. Никаноров указывает, что действия, приводящие к этому несоответствию, могут быть разделены на две противоположные групп-

пы: к первой группе относятся действия, которые определены установленным, бесспорным нормативом (дважды два — четыре), а ко второй — те, для которых норматива не существует (иногда — и в принципе не может существовать). Отсюда следует правило: «ошибкой» следует называть только несоответствие фактического результата ожидаемому — результата, возникающего при наличии норматива на действие: «Действовал не по правилам». В случае, когда норматива на действие не имеется, несоответствие между фактическим и ожидаемым результатами следует называть «неудачей».

Для чего Никанорову нужно это разъяснение? Для того, чтобы опыт строительства социализма в СССР не называли «ошибкой» — поскольку изначально никто не знал, что именно должно в конце концов получиться, «норматива» не существовало. А вот «неудачей» этот опыт назвать можно. «Обвинение может быть предъявлено только лицу, совершившему ошибку, то есть отклонившемуся от нормы. А “неудачник” может сделать вторую попытку или может быть заменен на “удачника”», — пишет Никаноров.

Важной является и справедливая оценка Никаноровым заявлений о «крахе социализма» (добавим от себя: и коммунизма) как безосновательных, поскольку никто не знал в начале строительства социализма в СССР, не знает и сейчас — каким он, социализм, «должен быть», поскольку ни у кого нет и никогда не было точных описаний, детального проекта «в чертежах» того, что планировали построить. В связи с этим Никаноров ссылается на реплику Ленина, высказанную им в ходе обсуждения Программы партии на VII съезде РКП(б) в марте 1918 года. Приведем ее в более пол-

ном, чем у Никанорова, виде. Было предложено (Бухарином) дать в Программе развернутую характеристику социализма. На что Ленин высказал следующее:

«Я никак не могу согласиться с поправкой тов. Бухарина. Программа характеризует империализм и начавшуюся эру социальной революции. Что эра социальной революции началась, — это абсолютно точно установлено. Что же хочет тов. Бухарин? — Характеризовать социалистическое общество в развернутом виде, то есть коммунизм. Тут неточности у него. Мы сейчас стоим безусловно за государство, а сказать — дать характеристику социализма в развернутом виде, где не будет государства, — ничего тут не выдумаешь, кроме того, что тогда будет осуществлен принцип — от каждого по способностям, каждому по потребностям. Но до этого еще далеко, и сказать это — значит ничего не сказать, кроме того что сказать, что почва слаба под ногами. К этому придем в конце концов, если мы придем к социализму. <...> Дать характеристику социализма мы не можем; каков социализм будет, когда достигнет готовых форм, — мы этого не знаем, этого сказать не можем. <...> Нет еще для характеристики социализма материалов. Кирпичи еще не созданы, из которых социализм сложится. Дальше ничего мы сказать не можем, и надо быть как можно осторожнее и точнее».

То есть процесс строительства социализма осуществлялся методом проб, образ строящегося общества был очерчен лишь в некоторых своих чертах (отмена сословий, частной собственности на средства производства и т.п.), и в этих чертах он был реализован на практике. Вне понимания и, соответственно, целепола-

гания оставалось еще очень многое. И это важно не забывать, чтобы никогда более не говорить об «ошибке». Следует также понимать, что этим же методом – придумыванием нового, а не копированием каких-либо образцов – были созданы многие системы – в финансах, в экономике, в государственном управлении, в планировании, в образовании, в энергетике, в науке и др., обеспечившие СССР небывалые возможности. Именно эти системы, взаимодействовавшие как целое, стали той силой, с помощью которой СССР решал свои исторические задачи. У этой «системы систем» есть, как минимум, то достоинство, которое уже нельзя ни отринуть, ни даже принизить: это первая в истории человечества попытка целенаправленного проектирования и создания хозяйственного механизма грандиозного масштаба, охватывающего всю страну и все ее стороны жизни. Сам по себе этот факт имеет непреходящее значение и для науки, и для практической жизни людей.

Что такое «уроки истории»?

Никаноров подчеркивает важный аспект, отличающий просто информацию о неких исторических результатах тех или иных событий от «уроков»: «Уроки – это знания, необходимые лицу, создающему будущее». Перечисляя в связи с этим все основные действия и события, произошедшие в истории СССР и изложенные в курсах истории, Никаноров говорит, что они не могут являться «уроками СССР», поскольку не определяют, что нужно сделать, чтобы следующие опыты построения новых обществ стали удачными. При подведении итогов опыта СССР теми, кто в этих итогах заинтересован, необходимо вначале по-

Владимир Ленин, Николай Бухарин и Григорий Зиновьев на II конгрессе Коминтерна. Июль-август 1920 года

Ленин:

«Что же хочет тов. Бухарин? – Характеризовать социалистическое общество в развернутом виде, то есть коммунизм. Тут неточности у него. Мы сейчас стоим безусловно за государство, а сказать – дать характеристику социализма в развернутом виде, где не будет государства, – ничего тут не выдумаешь, кроме того, что тогда будет осуществлен принцип – от каждого по способностям, каждому по потребностям».

нять, что такое эти «итоги». Очевидно, что, кроме любопытствования, у этих интересующихся может быть что-то серьезное, а может быть, и жизненно необходимое. В этом случае «итоги опыта СССР» должны быть тщательнейшим образом определены, потому что они служат основанием для действий.

Приведем еще одну весьма важную и нетривиальную мысль Никанорова: «<...> понятно, что если бы основатели и руководители СССР каждый раз знали, что нужно и можно им сделать, то у проводимого ими опыта заведомо была бы удача. Таким образом, проблема уроков СССР именно и состоит в определении того, чего основатели и руководители СССР не знали. От-

крытие этого им неизвестного и определяет содержание уроков СССР».

История и ее движущие силы

Работа Никанорова ставит одной из своих целей выявление источников движения истории и отыскание практически полезных результатов, которые могут быть использованы в строительстве будущего. При этом Никаноров отмечает низкую практическую ценность взглядов на ход истории, развившихся в философии, рассматривающей движение истории как процесс, подчиненный неким «историческим законам» (от простого к сложному, по спирали и т.п.), и в исторической науке, указывающей на роль ле-

гендерных личностей, народных восстаний, научно-технических открытий и т.п. В своих «Уроках» Никаноров делает попытку найти факторы исторического развития, обладающие прикладной ценностью, а опыт СССР рассматривает как источник понимания движения истории. Фундаментальным положением автора «Уроков» является мысль о субъектности исторического процесса: «...» история производится, можно положить, что субъектом является общественное сознание. Если эта идея принимается, то историю СССР можно рассматривать как сознательно поставленный эксперимент гигантского масштаба и сложности». И еще: «Природа субъективна, иными словами, у нее есть свой разум, свои цели и свои методы их достижения и свой язык для разговора с людьми. Автор является атеистом, хотя с уважением относится и к религиям, и к верующим. Его точка зрения является естественнонаучной». То, что «история производится», не вызывает возражений, а вот кто или что является субъектом этого – неочевидно, и на сей счет имеются разные точки зрения. Марксизм – по крайней мере, в своей наиболее распространенной у нас в стране форме «исторического материализма» – в качестве субъекта видит «классы», двигателем которых является их «борьба». Религиозные и квазирелигиозные точки зрения субъектом происходящего считают Бога, природу или некий мировой разум. Есть модели, в которых двигателями истории считаются герои или гении, совершающие открытия; некоторые полагают, что всем движут доминантные инстинкты, потребности и т.д.

Никаноров, выводя себя за рамки религиозного взгляда на мир, наделяет функциями

субъектности «общественное сознание». Принимая этот подход как рабочую гипотезу, мы не можем оставить ее без комментариев. Природа существовала и развивалась до появления человека и общества, то есть «по Никанорову» – до появления общественного сознания, а стало быть, до обретения природой субъектности. Ежели так, то в силу каких причин она все-таки развивалась и «доразвивалась-таки» до появления человека и общества со своим сознанием? «Креационисты» имеют на сей счет свой ответ, «естественнонаучники» – тоже. Первые, однако, наделяют субъектностью не природу, а Бога или мировой разум, вторые не наделяют свойством субъектности никого, кроме человека. Никаноров ближе к последним, складывая понятие «общественное сознание» и представляя его, видимо, как некий этап формирования сложной системы, состоящей из людей, обладающих индивидуальным сознанием. Никаноров не забывает о необходимости уточнить свое понимание «сознания»: «...» под «сознанием» здесь понимается способность мышления человека делать предметом рассмотрения накопленные и используемые им знания о чем-либо». И указывает на отличие толкования этого понятия в иных источниках, в которых под «сознанием» понимается человеческая способность идеального воспроизведения действительности в мышлении. Важным понятием в системе взглядов Никанорова является «подъем сознания». Вот что он об этом пишет: «“Сознание” называют знанием о знании. Сознание может иметь различную структуру. Основным элементом сложной структуры сознания являются уровни сознания, называемые “рефлексией”: первый – знание о знании (сознание), вто-

рой – знание о сознании, третий – знание о сознании о сознании. <...> Переход с одного (низкого) уровня сознания на другой (высокий) называется “подъемом сознания”. Заметим, что под “сознанием” здесь понимается только продуктивная рефлексия. Непродуктивная рефлексия может называться “размышление”, “мечта”». Мы ниже еще вернемся к проблеме «подъема сознания», но несколько комментариев сделаем сейчас. Общественное сознание – на каком-то этапе или уровне своего «подъема» – должно осознать себя таковым, обрести органы «речи» и управления, социальные институты, через которые осуществляются то стратегическое планирование и та деятельность, которые воспринимают как «исторический процесс». Важно при этом не упустить из вида неоднородность и общества, и его «общественного сознания». Трудно привести пример существования общества, общественное сознание которого обрело форму, отражающую его идеалы, цели и ценности в непротиворечивом виде. В наблюдаемой действительности субъектами исторического процесса являются различные социальные группы, институты, личности, связанные с неоднородным общественным сознанием сложным, часто спекулятивным образом. Не будем, однако, приписывать автору того, чего он не говорил: Никаноров не утверждает, что в своем анализе рассматривает идеальное соотношение между общественным сознанием и институтами, существовавшими рассматриваемые преобразования. Он отмечает лишь то, что такой подход позволяет считать явления возникновения и угасания СССР – «опытом», то есть осознанными действиями с определенной целью, но зара-

нее не известным результатом. И при этом указывает на необходимость определить, «кто и зачем поставил этот опыт, что экспериментаторы хотели получить, почему и как в условиях противодействия, невероятной сложности и противоречивости задача создания принципиально нового общества была ими решена». Этот кажущийся очевидным термин — «опыт» — и его обоснование важны, поскольку позволяют встать на беспристрастную исследовательскую позицию и не считать окончание опыта «крахом» или наоборот «избавлением от», а подведение итогов «опыта СССР» и сами итоги воспринимать «уроками», то есть «знаниями, необходимыми лицу, создающему будущее». Мне не близко предположение о наличии у «истории» собственной цели, направленной куда-то в отдаленную «конечность» или в неведомую бесконечность. Такой подход — попытка закрыть проблему, а не

Марксизм – по крайней мере, в своей наиболее распространенной у нас в стране форме «исторического материализма» – в качестве субъекта истории видит «классы», двигателем которых является их «борьба».

исследовать ее. Это подход религиозно-мифологический, а не исследовательский. Оставаясь методологически строгим исследователем, следует не приписывать неведомые цели неведомо кому, а постулировать отсутствие целей — и придерживаться этого вплоть до того момента, когда иное не будет выявлено и верифицировано. Иной путь — в мифотворчество и «трансперсональную психологию», где можно приступить к анализу самого себя и своих ощущений.

Что касается попытки исследования социальных явлений и «целей истории», я бы вновь обратился к однажды мною сформулированной мысли о применении адиабатического приближения к анализу социальных явлений. Суть адиабатического приближения —

метода, развившегося в теоретической физике, — в выделении и последующем раздельном рассмотрении двух подсистем явлений и процессов, протекающих в единой общей большой системе: один процесс течет медленно, изменения становятся заметными спустя длительные промежутки времени, другой процесс протекает быстро. Если быстрые изменения рассматривать как протекающие на фоне почти неизменных, медленно меняющихся параметров, удается выстроить модели, позволяющие выявить важные свойства системы в целом. Возвращаясь к «целям истории», к явлениям социальным, можно утверждать, что есть медленные социальные (исторические) процессы, длящиеся дольше жизни многих

поколений и даже дольше документированной истории рассматриваемого периода. И поэтому мы не можем увидеть, осознать, зафиксировать и сформулировать те причинно-следственные связи, которые эти процессы вызывают и поддерживают. Вот и строим на сей счет догадки, выдавая их за утверждения. Иные процессы — возникающие и длящиеся на более коротких отрезках (столетия, тысячелетия) — мы описываем, обдумываем и строим обоснованные предположения (типа марксизма). На этих отрезках мы можем приписать субъектность и «истории», и классам, и личностям, и партиям и пр. И даже предоставить нашим «теориям» экспериментальную доказательную базу. Но оснований для обобщения, для расширения этой эмпирики, этой феноменологии на сколько угодно протяженный промежуток времени вплоть до бесконечности — у нас не имеется.

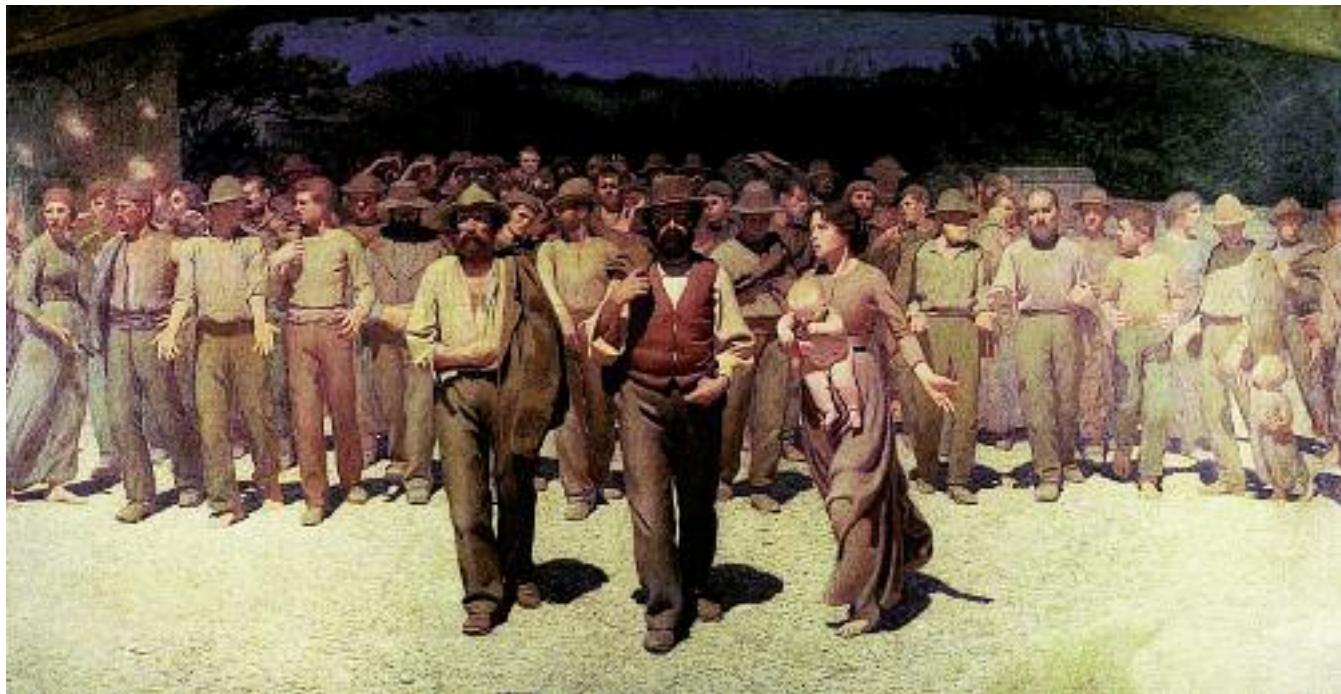
Так, например, выявление путей миграции первобытных людей, процесса их расселения по планете позволяет строить предположения о целях их деятельности и, как следствие, — о движущих силах истории в «доисторические» времена. И объяснение тут надо принять самое простое: стремление к выживанию, следование инстинктам и накапливающемуся опыту совместной деятельности — тоже направленной на выживание. Размышления о «смысле жизни» и «движущих силах истории» выделились в отдельное занятие далеко не сразу и не без причины. Рост численности людей, их взаимодействие внутри групп и племен, потом взаимодействие между племенами, борьба за ареалы обитания и обусловленный этим рост степени сложности решаемых задач — вот начало и модус становле-

ния проблематики «движущих сил истории» и «смысла жизни». Поиск механизмов управления растущими группами людей, всё более сложными социальными системами привел к становлению таких инструментов, как мифы и кодексы, как религии и предания, как история и идеология, как политика и социально-политические, социально-экономические теории и парадигмы.

Я также не могу не задавать себе вопрос: смысл истории — он есть? Никаноров «спрятался» за «общественное сознание» — что, конечно, может быть неплохой рабочей моделью, но он ничего не говорит о принципах целеполагания, которыми это самое «общественное сознание» руководствуется. Никаноров говорит про «подъем сознания» (и как цель, и как результат), не раскрывая его содержания, о чем мы далее еще скажем. Я же предлагаю прямо признать, что цель исторического процесса нам неизвестна. И тут же зафиксировать важную развилику: цель существует, но нам неизвестна или цель не существует в принципе. Это два разных мировоззрения, из которых происходят полярные следствия. Если же оставить эту дилемму как существующую, но неразрешенную, то надо сказать: да, мы об этой дилемме знаем, ответа не имеем, но жить как-то надо, и поэтому мы ищем такую тактику, которая не противоречит никакому из возможных вариантов. Как это можно осуществить? Это можно сделать, если ограничить горизонт планирования тем, что вижу, а когда выйду на новый рубеж, установлю новый горизонт планирования. И не буду заморачиваться «вечным». Метод прогноза и коррекции. Тогда я выстраиваю тактику такого движения, которое не противоречит моему уровню

понимания смысла истории в данный момент, на данном отрезке. И всё. Пойму больше — скорректирую. Сие означает, что я опираюсь, скажем, на несколько тысячелетий исторического процесса и экстраполирую процесс дальнейшего движения на основании выявленных, познанных движущих сил, целей, и — этого еще никто не сделал — инвариантов истории. Как мне кажется, ими и являются этические принципы. Тогда анализ произошедшего в России-СССР как фрагмента движения истории к собственным целям на некотором отрезке и последующая экстраполяция на не слишком удаленное будущее не становятся квазиэсхатологией, а напоминают более или менее честную эмпирику.

То есть у «истории» как процесса, протекающего «от самого начала до самого конца», нет изначальной отдаленной — и тем более конечной — цели, нет и «объективных» законов. Есть объективные факторы, но факторы — это не законы. Люди живут, размножаются, толпятся на планете, ведомые как «низшими» мотивациями (инстинкты-потребности), так и придуманными комплексами идей, смыслов и пр. Все они — инструменты, которыми пользуются те, кто к ним подобрался (жрецы, вожди, цари, политики, или, условно говоря, элиты). Субъектами истории, сменяя друг друга на отдельных отрезках, являются именно они. А их мотивации просты и могут быть разделены на два вида: эгоистические и альтруистические. Идеальными эти мотивации не бывают, в каждой присутствует доля антагониста. Но что-то на каждом этапе превалирует. Одни борются за «счастье народное», другие — за собственное. Но и те и другие в чем-то альтруисты, а в чем-то эгоисты. И каждый в оправдание — а оно нужно

Джузеppe Пеллица да Вольпедо. Четвертое сознание

или из комплекса религиозных страхов, или из побуждений электорального порядка — приводит, опирается на этические системы, на кодексы о добре и зле.

Исторический процесс течет от борьбы за физическое/биологическое выживание и конфликтов за территории кормления/обитания — к тому же самому, только с грузом комплексов культуры в широком смысле, которые охраняются так же, как и ареал кормления/обитания. Источник пищи — неважно, материальной или духовной — продолжает играть роль и быть в ранге не менее чем источника пищи, то есть — жизни. Не каждый исторический эпизод — войны, революции и иные социальные движения — стоит считать «экспериментом». Такие эпизоды лучше называть попытками. Попытками обеспечить выживание и безопасность. Следует лишь учесть, что в комплексе желанных, охраняемых ценностей не только родник, пастбище и пещера, но и язык, на котором у костра в пещере рассказывают истории, и свод правил поведения, и сами истории, и представления о добре и зле...

Никаноров «спрятался» за «общественное сознание» — что, конечно, может быть неплохой рабочей моделью, но он ничего не говорит о принципах целеполагания, которыми это самое «общественное сознание» руководствуется.

Что касается попытки построения социализма в СССР, то она с самого начала обладала признаками проектности, хотя и далеко не полными. Однако достаточными, чтобы считать эту попытку экспериментом, «опытом». Опыт СССР отличается не столько охранительными побуждениями, сколько стремлением изменить, исправить несправедливость (то, что частью людей стало считаться несправедливостью, причем настолько значимой, что ради ее устранения было дозволено убивать других). А эти устремления оседывались конкретными людьми с самыми разными целями: от возвышенно-духовных до примитивно-мистических и алчных.

Хотя и нет оснований приписать «истории» какую-либо отдаленную — тем более конечную — цель, люди — отдельные личности и так или иначе организованные группы — всегда нечто подобное придумывали.

Не касаясь здесь представлений о религиозной эсхатологии, оставаясь в рамках рассуждений о действиях и намерениях людей, а не божественных сил, отметим, что политические, идеологические конструкты, исходящие от той или иной социальной группы, всегда содержат некую конечную цель, выдаваемую тем или иным образом за общее благо. На самом же деле все они в своих существенных признаках сводятся к двум аспектам: «для себя» (мировое правительство, глобализация по-американски, фашизм и неофашизм) или «для всех» (социализм, мировая пролетарская революция, коммунизм и т.п.). Компромиссный вариант — «многополярный мир», то есть разбиение планеты на зоны, в каждой из которых осуществляется «свой проект», а между зонами устанавливаются правила взаимодействия. Пока потенциальным базисом устойчивости та-

кой (предполагаемой и, быть может, даже ожидаемой) системы является опора на страх взаимного уничтожения. Ничего более единственного и надежного человечество не придумало. И в связи с этим уместно обратиться к метафоре Никанорова о «подъеме сознания» и зафиксировать: не поднялось оно пока настолько высоко, чтобы взаимодействовать друг с другом на иных, нежели угроза и страх, основаниях. А почему? А потому что вся мировая культура воспитывает в людях только этот базис. Все религии и идеологии именно в такой парадигме обрабатывают и формируют сознание.

Подъем сознания

Словосочетание «подъем сознания» является одним из ключевых, но недостаточно, на наш взгляд, раскрытых в рамках работы Никанорова понятий. Можно, конечно, положиться на интуитивное «понимание» этих слов как образа, как метафоры, воспринимая изменения сознания — неясно, в каких величинах оцениваемые, — как «подъемы» и «спуски». И попытаться это состояние непонимания — но хотя бы некоего осознания — воспринять как приемлемо комфортное. Если получается — этого достаточно для дальнейшего восприятия. Если нет, если хочется дойти до самой сути, то придется выйти далеко за пределы выстроенной конструкции. Почти безбрежное море спекулятивной литературы, посвященной теме «сознания», затрудняет формирование простой и ясной картины, которая должна возникать как отклик на словосочетание «подъем сознания».

Многочисленные «эзотерические» школы приписывают сознанию разные «уровни», призывают двигаться, расти,

осваивая их в определенной последовательности... Путаницу вносит не всегда четко проводимое разделение личного и общественного сознания, неточны и описания того, что есть общественное сознание, как его измерять. Развитие сознания, эволюция сознания — это древнейшие из вопросов, волновавших всех философов во все времена. И сегодня они остаются на передовом крае междисциплинарного анализа. Поскольку Никаноров называет в данном контексте имена Шри Ауробиндо и Кена Уилбера, упомянем их и мы. И даже приведем цитату из книги Кена Уилбера «Интегральное сознание», приоткрывающую хотя бы направление мысли о сознании и его структуре:

«Психология представляет собой изучение человеческого сознания и его проявлений в поведении человека. К функциям сознания относятся восприятие, желание, волеизъявление и действие. Структуры сознания, некоторые аспекты которых могут быть бессознательными, включают в себя тело, ум, душу и дух. В число состояний сознания входят нормальные состояния (например, бодрствование, сон со сновидениями, глубокий сон без сновидений) и измененные (например, неординарные состояния, медитативные состояния). <...> Развитие сознания охватывает весь спектр от доличностного к личностному и надличностному, от подсознательного к самосознанию и сверхсознательному, от Оно к Эго и Духу. Соотносительные и поведенческие аспекты сознания относятся к его взаимодействию с объективным внешним миром и с социокультурным миром общих ценностей и восприятий».

Приведенная цитата мало что объясняет, она лишь иллюстрирует возможность некой

систематизации разговоров о структуре сознания и его изменениях. И если рассуждения о росте, развитии сознания индивида и прочем, что допустимо отнести к метафоре «подъема», можно считать интуитивно понятными, то когда речь заходит об общественном сознании, система координат — «верха» и «низа» — размыивается.

И это — принципиально. Множество разного рода «учений» для искателей «просветления», «путей к себе» и прочих «духовных практик» хороши или плохи только с точки зрения личного опыта. Претендую на исследование и тем более управление социумом, большими системами, следует тщательно проанализировать и осознать, в чем состоит и чем измеряется процесс «подъема сознания» целого народа. Не найдя удовлетворительного раскрытия этого понятия в обсуждаемой работе Никанорова, мы не обескуражены. Потому что располагаем собственной точкой зрения на проблему, высказанной в ряде статей, посвященных роли этики в жизни социума, в которых рассматриваются такие понятия, как ценностная матрица и этическая система, формирующие базис общества. Опираясь на эти представления, мы сформулировали свое понимание сути развития общества — как восхождения к этическому идеалу взаимоотношений между людьми. Развитие — это движение от общества вражды и модели «хищник—жертва», общества, в котором «человек человеку волк», к обществу, в котором «человек человеку друг, товариш и брат», где свободное развитие всех есть условие и цель свободного развития каждого. Вы где-то последние слова уже слышали? — да-да, вы не ошиблись... Приостанавливая рассуждения о «подъеме сознания»,

Игры с быком. Роспись дворца в Кноссе. Середина II тысячелетия до н.э.

подбросим еще одну метафору – о восхождении по ступеням абстракции: от конкретного – к абстрактному, от абстрактного – к еще более абстрактному и так далее, полагая, что и этот аспект имеет отношение к оставшемуся неопределенным концепту «подъем сознания». В дальнейшем мы будем относиться к «подъему сознания» как к интуитивно понятной метафоре, не усложняя рассуждения указаниями на отсутствие его концептуализации.

Форма общества и формообразование

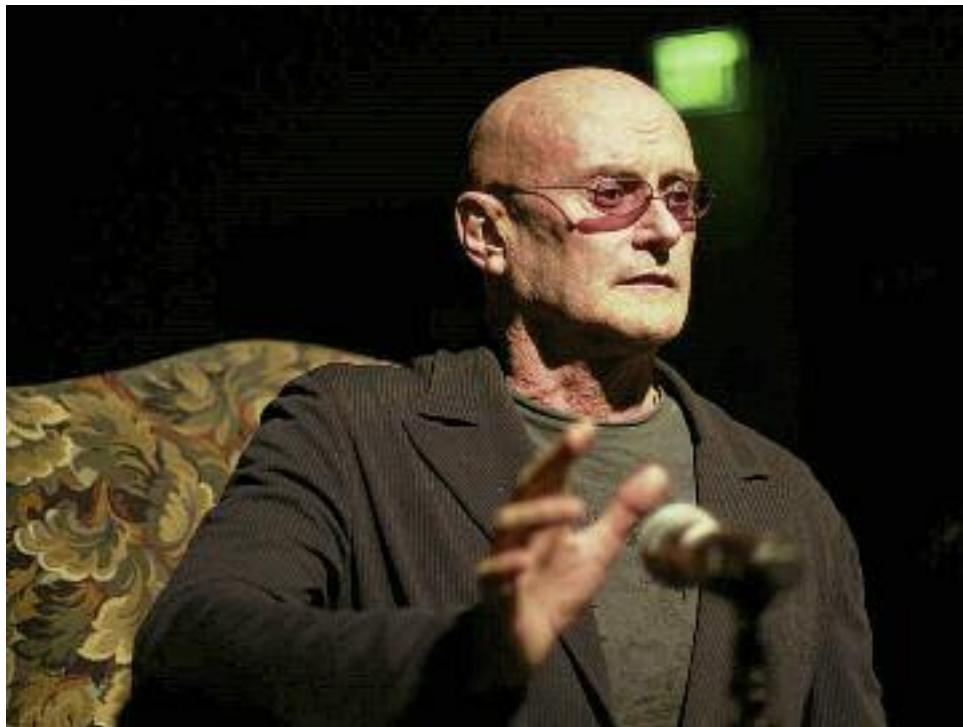
В обществоведческом и бытовом обиходе используется много подводных для описания разных способов государственного и общественного устройства. В историческом материализме их определяют как «общественно-экономические формации»: первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, социалистическая (коммунистическая). Формации считаются стадиями общественной эволюции и характеризуются определенной ступенью развития производительных сил общества, соответствующим этой ступени историческим типом экономических производственных отношений, которые зависят

Есть объективные факторы, но факторы – это не законы. Люди живут, ведомые как «низшими» мотивациями, так и придуманными комплексами идей и смыслов. Все они – инструменты, которыми пользуются те, кто к ним подобрался (жрецы, вожди, цари, политики, или, условно говоря, элиты). Субъектами истории, сменяя друг друга на отдельных отрезках, являются именно они.

от нее и определяются ею. Другим влиятельным – наряду с формационным – подходом является цивилизационный, основанный на выявлении схожих черт политической, духовной, культурной, географической среды и исторических особенностей. Существуют и иные подходы к периодизации изменений, происходящих в общественном устройстве на протяжении истории.

Никаноров предлагает достаточно общее понятие «форма общества», предварительно уточняя содержание понятия «общество»: «Назовем “обществом” совокупность индивидов, между которыми имеется множество связей, или, более общо, – отношений. Совокупность принципов, определяющих, между какими индивидами общества какие отношения существуют, называется “формой общества”, или “общественной формой”. Изменение состава индивидов может не влиять на форму общества. Функцио-

нирование общества, определяемое его ценностями, обычно сопровождается изменением его формы. Процесс изменения формы общества называется формообразованием общества. Формообразование общества может иметь стихийный характер (складывание), но может иметь планомерный характер. Возможны также различные сочетания стихийного и планомерного формообразований. Могут существовать общества, различные части которых имеют различные формы, а форма общества как целого остается неопределенной либо меняющейся от случая к случаю». Анализируя переход от одной формы общества («капитализм») к другой («социализм») в ходе революции 1917-го и последующих лет, автор «Уроков» указывает на принципиально важный недостаток теории, которой руководствовались (и продолжают руководствоваться) социальные реформаторы. При этом Никаноров достигает предель-

Кен Уилбер (на фото):

«Развитие сознания охватывает весь спектр от доличностного к личностному и надличностному, от подсознательного к самосознанию и сверхсознательному, от Оно к Эго и Духу. Соотносительные и поведенческие аспекты сознания относятся к его взаимодействию с объективным внешним миром и с социокультурным миром общих ценностей и восприятий».

ной глубины, употребляя в своем анализе такую базовую категорию диалектики, как «снятие», отмечая, что неразработанность этой категории применительно к переходу от капитализма к социализму в 1917 году, а также при переходе от социализма к капитализму в наше время привела ни много ни мало к колossalным жертвам, революции, Гражданской войне, трагедии раз渲ала СССР, текущей деградации экономики и остальных аспектов жизни общества.

Никаноров считает, что социализм должен «вырасти» из капитализма, вобрав в себя и сохранив всё самое лучшее: «<...> в принципе, социализм — снятие капитализма, а не его уничтожение». В реальности всё произошло иначе. В течение двух лет — с 1918-го до 1920-го —

был пройден путь от установления рабочего контроля через экспроприацию частной собственности к «экспроприации экспроприаторов», то есть ликвидации собственников. Такое социальное преобразование далеко от «снятия» капитализма путем перерастания в социализм. Капитализм рассматривался как социальное зло, подлежащее уничтожению. Никаноров указывает на эту проблему как «исторически нерешенную»: «<...> теоретических исследований взаимоотношений эволюционной и революционной формы исторического развития общества не имелось в распоряжении основателей СССР». Объяснить такое жестокое поведение революционеров можно как отсутствием надлежащей теории, так и знанием зловещего опыта Парижской ком-

муны: сопротивление будет кровавым — «или мы их, или они нас»!

Говоря о возможной благотворности так и не состоявшегося перехода от капитализма к социализму путем «снятия», Никаноров отмечает следующие черты капитализма: «Термин “капитализм” по своему смыслу (“обращение капитала”) совершенно не характеризует общество, которому он сопоставляется, ничего не говорит об “эксплуатации пролетариата”. Главная черта этого общества — индустриализация, продуктом которой является невиданная в истории промышленная цивилизация, преобразившая человечество. Что, большевики против индустриализации? Вместо названия “капитализм” это общество следовало бы называть “индустриализм”. Формационное название заменить цивилизационным».

Никаноров напоминает, что «капиталист не только человек, “обращающий капитал”, он также нередко — “предприниматель”, то есть человек, живущий своей инициативой. Оборот капитала дает ему средства, на которые он создает нужное населению и обществу производство. Как социальная форма он не хуже и не лучше других социальных форм. Все формы специфичны, но все имеют исторически определенные достоинства и недостатки. Характерные для капитализма экономические кризисы являются его органическим недостатком. Капитализм проектирует и строит одну сторону общества, а не общество в целом. А строго централизованная плановая система социализма (пока что) лишает широкий круг профессионалов возможности осуществить свою инициативу. Практика многих стран уже широко использует различные формы “социалистического капитализма”».

Но при этом Никаноров напоминает, что «капитализм является закономерным развитием человечества; он преодолел господство феодализма, создал быстро развивающееся, во многом весьма эффективное общество, главное достижение которого — создание индустриальной цивилизации, опирающейся на быстрое развитие науки и техники». «Защищая» капитализм, Никаноров обращает внимание на то, что «квалификация капитализма как господства частной собственности и безжалостной эксплуатации пролетариата является верной, но односторонней». Нашлись у Никанорова добрые слова и про либерализм, которому удалось преодолеть некоторые отрицательные стороны капитализма.

Так что «любые социальные формы являются носителями положительных начал», однако Никаноров с горечью констатирует, что «пока наука не только не разработала методы систематического исследования социальных форм, но даже не понимает необходимости такого исследования». Подчеркнем еще раз, что неразработанность теории перехода от одной социальной формы к другой привела не только к трагедии революционного строительства социализма при полном уничтожении капитализма в 1917 году, но и к трагедии обратного перехода от социализма к капитализму, осуществленного в России в 90-е годы со столь же чудовищно безумным уничтожением социализма — из которого новая форма могла бы и должна была бы вырасти, обеспечив благодатное развитие страны и общества.

Переход тем не менее уже совершен на практике. Поэтому, казалось бы, поздно теоретизировать. Возможно, для тех, кто не заботится о развитии государства и общества, кто

Развитие – это движение от общества вражды и модели «хищник–жертва», общества, в котором «человек человеку волк», к обществу, в котором «человек человеку друг, товарищ и брат», где свободное развитие всех есть условие и цель свободного развития каждого.

создает и использует момент перехода для грабежа, это и не нужно. Тем же, кто обеспокоен судьбой страны, кто намеревается ее развивать, созидать будущее, конечно, важно пони-

мать – что же произошло в действительности, каковы причины произошедшего и какие уроки из истории можно извлечь сегодня ради лучшего завтра.

Никаноров считает, что социализм должен «вырасти из капитализма, вобрав в себя и сохранив всё самое лучшее: <<...> в принципе, социализм – снятие капитализма, а не его уничтожение». В реальности всё произошло иначе.

Исторически нерешенные проблемы

Формулируя предмет своей работы, Никаноров вводит важнейшее понятие – «исторически нерешенные проблемы». Так он обозначает некие неочевидные специфические факторы, влияющие на ход исторических процессов в каждом рассматриваемом периоде, формулируя их в конце каждой главы. Выявление исторически нерешенных проблем и составляет предмет работы.

Представление о существовании «исторически нерешенных проблем» – одно из важнейших в системе взглядов Никанорова. Мы уже сказали, что он наделяет историю свойством субъектности, основанием которого является постановка историей целей и проблем, подлежащих разрешению. Можно ли принимать всерьез всю его аналитику, не принимая этого тезиса? То есть не считая, что у «истории» имеются собственные цели и

задачи, что всё происходящее в мире есть либо *среда*, либо *исполнители*, которым предначертано решать задачи, заданные «историей»? Поскольку этот вопрос был для меня одним из препятствий в восприятии подхода Никанорова, я не мог не найти какого-то его разрешения, хотя бы и компромиссного. Сперва я отдалил подход Никанорова от более распространенного взгляда на историю как на «промысел Божий». Несмотря на кажущееся почти полное совпадение, Никаноров не выводит субъект истории куда-то вовне, не прибегает к конструкции «Творец – и созданный, управляемый им мир». В его системе взглядов субъектом является «общественное сознание»: оно творит историю, оно ставит цели и решает задачи. От прямого проектирования и планирования эта картина отличается не то чтобы лишь невербализованностью целей и задач, но я бы сказал – отсутствием их осознания. То есть обществен-

ное сознание варит в своем неопределенном пространстве на неясном языке чувств и образов некую субстанцию, из которой вылупляются понятия, идеи и цели, пригодные для формулирования и трансляции друг другу.

Придумав такое разъяснение, я смог хотя бы «в рабочем порядке» пользоваться никаноровским конструктором «исторически нерешенные проблемы». А конструкт этот принципиально важен. Если таковые проблемы есть и они поставлены «самой историей», то решать их придется – хочешь или не хочешь, можешь или не можешь. То есть во всём этом есть некая если не фатальная предопределенность, то все-таки детерминированность хода истории – пусть и нелинейная, пусть и на отдельных временных отрезках, пусть и с разрывами и всякий раз заново устанавливаемыми начальными и граничными условиями.

Обратимся снова к тому, что пишет Никаноров: «Исторически нерешенные проблемы существуют в истории всегда, но не сознаются как значимые. Если их сознают, то о них говорят не как о проблемах, подлежащих решению, а как о реальности, которая «такова», изменить которую нельзя. Очевидно, что исторически нерешенные проблемы могут сохраняться независимо от смены эпох, но в некоторых консервативных эпохах могут не проявляться как значимые, а в крутых исторических поворотах становятся ключевыми, как это и имеет место сейчас».

Роль «исторически нерешенных проблем» такова, что именно они и «ограничили возможности построения социализма; они определили характер возникновения СССР, его прогрессивного развития, деградации и ликвидации». В своей работе Никаноров фор-

Генеральный секретарь ЦК КПСС, председатель Верховного Совета СССР Михаил Горбачев (в центре) и члены Политбюро ЦК КПСС, секретари ЦК КПСС Александр Яковлев (слева) и Вадим Медведев (справа) в Кремлевском дворце съездов

мулирует ряд «исторически нерешенных проблем» и подчеркивает, что именно эти формулировки составляют главную ценность работы: «Продуктом работы являются вскрытие на примере истории СССР исторически нерешенные проблемы. Для десяти выделенных для исследования этапов развития СССР определены 35 исторически нерешенных проблем, оказавших существенное влияние на ход его развития. Кроме того, предложены для дальнейшего исследования еще 23 исторически нерешенные проблемы. Эти 58 описаний исторически нерешенных проблем могут рассматриваться как исходные идеи заданий на исследования». Эта цитата призвана направить читателя к первоисточнику.

Подчеркнем еще раз, что настоящая статья не является рефератом работы Никанорова «Уроки СССР» – хотя бы в силу своей существенной неполноты. В работе Никанорова шаг за шагом рассмотрены и поэтапно проанализированы история СССР, все ее ключевые моменты – политические, идеологические, экономические, военные. Выявляя и формулируя «исторически нерешенные проблемы», Никаноров затрагивает, наряду с ожидаемыми вопросами, немало совсем неожиданных. Например, в качестве важнейшей проблемы он указывает на неизученность природы гениальности в политике и роли гениев в истории: не «личностей в истории», как это делается многими, а именно гениев. Или, например, несмотря на грандиозный объем литературы по истории Второй мировой войны, Никаноров указывает на то, что «исторически не решены проблемы, определившие претензии Германии в 20–40-х годах XX века на мировое господство», и обосновывает это

«Перестройщики» не знали, к чему приведут их действия. Стало быть, то, что произошло – гибель социализма в СССР и гибель СССР, – есть открытие «неизвестного», а это и означает вскрытие «исторически нерешенной проблемы» перехода от одного состояния и вида социализма к другому, улучшенному.

утверждение. Да и сам ход войны, мотивации Гитлера и Сталина Никаноров трактует весьма нестандартным образом. Навскидку упомянем некоторые из сформулированных в работе «исторически нерешенных проблем», чтобы хоть чуть-чуть отразить широту проблемного поля:

- ◆ не разработаны формы, методы и условия преодоления или сохранения индивидуальных особенностей исторически сложившихся обществ;
- ◆ отсутствует теория развития человеческих обществ;
- ◆ проблема необратимости индивидуального и общественного сознания всё еще остается не поставленной и не привлекающей внимания исследователей;
- ◆ необходимо открыть, утвердить и развить культуру Неизвестного.

В этой большой по объему – более 13 печатных листов –

работе затронут очень широкий круг вопросов и тем, оставшихся не упомянутыми в нашей статье в надежде, что сказанное нами послужит толчком к внимательному изучению первоисточника – работы Никанорова «Уроки СССР».

Отталкиваясь от идей и методов, высказанных в «Уроках», попытаемся взглянуть на текущие актуальные проблемы.

Перестройка и постперестройка

Поставим вопрос: какие «исторически нерешенные проблемы» решались в ходе перестройки и в последующий период?

Предположим, что намерения «перестройщиков» были благими: они запустили некоторые общественные процессы, стремясь «улучшить социализм». В результате, однако, запустились процессы, «убив-

Бытовой «вещизм» перерос в консюмеризм на уровне политических целей КПСС («всё большее удовлетворение материальных потребностей»). При этом идеологи КПСС не увидели в этом смертельной опасности для самой идеи социализма-коммунизма и его развития (а как оказалось – для его существования в России). Отказ от духовного в пользу материального де-факто произошел на уровне менталитета народа, хотя в программных документах было написано иное.

«предприниматели» социализм. То есть «перестройщики» не знали, к чему приведут их действия. Стало быть, то, что произошло – гибель социализма в СССР и гибель СССР, – есть открытие «неизвестного», а это означает вскрытие «исторически нерешенной проблемы» перехода от одного состояния и вида социализма к другому, улучшенному.

Публичной целью перестройки было «улучшение социализма», и в период манифестирования этой программы были озвучены соответствующие задачи. Вот некоторые из них. «Больше демократии» – потому что советское народовладение действительно не было эффективным. А для успешного развития социализма оно должно быть самым эффективным в мире.

«Больше гласности и свобод» – это действительно важные

элементы здорового общества, а информационный контроль и придатленность «свобод» реально ощущались, что заметно тормозило развитие социализма.

«Увеличение производительность труда» – несомненно, ее надо было повысить, изменив и элементы управления, и техническое/технологическое оснащение, да и отношение к труду было ослаблено расслабленностью и безответственностью.

«Совершенствование планирования экономики» – проблема детального планирования в сверхсложной системе народного хозяйства стала неразрешимой, надо было искать пути к изменению ее самой и методов планирования, расширять сегменты свободного рынка.

Обо всем этом руководители СССР не только говорили, но

и пытались изменить. Важнее, однако, понять – что осталось ими не замеченным. В разряд «исторически нерешенных проблем» перешли не только лишь озвученные, но так и нерешенные, но и те, которые остались вовсе не осознанными. Среди них, в частности, следующие проблемы.

Не было признано отставание теории социализма и коммунизма от практики. Не было осознанно то, о чём в «Уроках» Никаноров написал так: «Абстракция «социализм», используемая СССР в политработе, имеет мало общего с реально достигнутыми в СССР конкретными формами социализма, которые не были определены как таковые и не имели названий. В этом смысле концепция коммунизма, утверждающая материальное благополучие, духовность и свободу, при ее реализации может приобрести форму рафинированного бытовизма. Дифференциация плохо понимаемого будущего на конкретные, доступные шаги не подготовлена. Драгоценные находки Советского Союза пока не находят действенного обобщения».

Не была осознана необходимость идеологического разнообразия, теоретических дискуссий по проблемам социального развития, развития марксизма, научного коммунизма, исторического материализма, политической экономии на протяжении всего периода строительства социализма и коммунизма. Вся эта динамично изменяющаяся в реальной жизни область проблем была догматизирована, превращена в подобие «устава». Из-за догматизации идеологии, остановки ее внутреннего теоретического развития остались непонятными порочность сползания к вульгарному материализму, «остывание» общественного сознания, утратившего стремление к строительству собственного будущего. А когда вопрос о необходимости выхода из идеологического застоя стал очевиден, вместо движения вперед и глубь была принята административно закрепленная на уровне Конституции директива об отказе от господствующей идеологии и политической власти КПСС, приведшая к замораживанию политической интеллектуальной деятельности по развитию идеологий.

То, как осуществлялся переход от социализма к капитализму в России, нельзя ни забыть, ни принять. Это бездумное и безжалостное, насилиственное воздействие на сознание, на память, на поведенческие стереотипы, на нормы морали, на весь этический базис, на цели и смыслы жизни.

Бытовой «вещизм» перерос в консюмеризм на уровне политических целей КПСС («всё большее удовлетворение материальных потребностей»). При этом идеологи КПСС не увидели в этом смертельной опасности для самой идеи социализма-коммунизма и его развития (а как оказалось – для его существования в России). Отказ от духовного в пользу материального де-факто произошел на уровне менталитета народа, хотя в программных документах было написано иное.

Постперестройка и все последующие годы вплоть до наших дней – содержательно иной период. Причем это и по сути, и по форме совершенно новая историческая эпоха, а не просто корректировка «перестоечного» вектора, и она ни в малейшей мере не является «продолжением реформ». Была поставлена иная историческая задача: не улучшать социализм, а уничтожить его. Не реформировать, не пойти

по пути конвергенции, а именно уничтожить социализм и в России, и вокруг нее.

Попытаемся взглянуть на происходящее с точки зрения «конструкции Никанорова», попробуем понять – какую «историческую задачу» история поставила и решала переводом России в современное русло? Что история хотела нам сказать, какие возможности для «подъема сознания» нам предоставлены?

К таким возможностям я бы отнес то, что стали намного более глубоко понятны ошибки в строительстве социализма как на уровне теории, так и на уровне практики. Существенный вклад в понимание вносит и работа Никанорова «Уроки СССР». Но понимание это нужно для тех, кто хочет все-таки продолжать строить социализм, освобождая его от заблуждений, проблем и недостатков. А что же «надо истории», если оставаться в рамках конструкта Никанорова? Ей нужен социализм или капита-

Шанхай

Именно Россия как обладающая (пусть еще и не осознанным) « опытом СССР» и Китай, продолжающий двигаться по своему участку исторического пути, могут преподнести миру необходимое разнообразие действительно альтернативных социальных форм, каждая из которых отразит свое оригинальное понимание развития.

лизм? Или чуть уже: социалистическая Россия или капиталистическая Россия? На второй вопрос ответить проще: в развитие капитализма как явления Россия, по-видимому, не сможет привнести ничего нового. А вот в развитие социализма – вносить и может вносить. Так что если истории нужно и то и другое, то роль России – строить социализм-коммунизм.

Если эту историческую миссию принять, не оправдывая, а объясняя произошедшее, то, быть может, России пришлось уничтожить своими руками созданный социализм, опуститься в пучину и мерзости капитализма, чтобы «сиять заставить заново» идею социализма? Осознать совершенные ошибки, прочувствовать «прелести» пути иного и вернуться на столбовую дорогу развития, зная и умея – как не допустить новых ошибок? Теория перехода от социализма к капитализму отсутствует –

даже на уровне постановки вопроса. На уровне ощущения целесообразности этого перехода действуют лишь подражательные инстинкты – про то, «как хорошо заграницей», про количество сортов пива, про товарное изобилие и т.д. Об основания «преимущества» индивидуализма и капитализма, построенного на его основе, находятся на неубедительном с научной точки зрения уровне, хотя они немало преуспели на уровне пропаганды и популистских лозунгов. Кроме того, то, как осуществлялся сам этот переход в России, мы не можем ни забыть, ни принять. Это бездумное и безжалостное, насилиственное воздействие на сознание, на память, на поведенческие стереотипы, на нормы морали, на весь этический базис, на цели и смыслы жизни. Так не поступали ни с одним народом мира даже колонизаторы, а здесь одна часть народа подвергла насилиственной транс-

формации другую свою часть. И в этом тоже можно и должно усмотреть и исторический урок, и «исторически нерешенную проблему»: осознание глубинной пропасти, раскола, существующего в народе. Осталось понять: сможет ли с расколом такой глубины и по таким основаниям (онтологического характера) народ объединиться для решения исторических проблем?

«Горбачевскому» этапу можно приписать «благие намерения» по улучшению социализма, а в отношении «ельцинского» периода благой целью объявлено создание рынка и частной собственности, то есть построение капитализма. Результат достигнут: капитализм построен, но какой-то «неблагой». Эпитеты к этой форме капитализма подбираются из ряда: «криминальный», «бандитский» и т.д. Оснований приписывать «ельциноидам» цель построения «идеального, справедливого капитализма» – немного. Быть может, «идеального» никто изластной группировки и не хотел, а хотели именно что уворовать и стать губернаторами нефтегазовой колонии Запада. Поэтому трудно утверждать, что они чего-то «не знали», а значит, и нет оснований говорить о выявлении «исторически нерешенных проблем» при построении капитализма из социализма, выводя их из расхождения целей с достигнутыми результатами.

Таким образом, в этих двух процессах и исторических периодах – в перестройку и постперестройку – решались разные задачи: с разными целями и разными движущими силами.

Альтернативные модели развития

Завершая наше первое знакомство с кругом идей и методов, высказанных в «Уроках»

Никанорова, перебросим мостик к актуальной проблеме, остающейся в центре нашего внимания уже несколько лет и ставшей одной из центральных сквозных тем альманаха «Развитие и экономика» — проблеме социального развития, его сути, смысла, целей и форм.

Тема «альтернативных моделей развития» в общественно-политическом дискурсе формируется вокруг старого остова, сложенного из таких строительных элементов, как «капитализм» и «социализм», «плановая» и «рыночная» экономики, «цивилизации Запада и Востока», «либерализм», «тоталитаризм», и прочих широко употребительных понятий и практик.

При этом под «альтернативой» обычно имеют в виду нечто не полностью копирующее «западную» модель развития. Актуальные вариации касаются дозировок в сочетании «прогрессивного» и «традиционного», «западного» и «восточного», «свободы предпринимательства» и «государственного регулирования», «глобализации-американизации» и «многополярности мира» и т.д. То есть речь так или иначе идет о выборе тех или иных инструментов, путей и методов достижения более или менее одинаково понимаемого состояния «развития»: «как в Америке» или «как в Европе».

Таким образом, под «моделями развития» чаще всего понимают технологические модели достижения этого состояния, а вовсе не вариативность в видах, смыслах и целях развития. Но это не просто ограниченный подход к проблеме, это тупиковый путь. Вариативны в первую очередь формы развитого общества, цели и смыслы развития, а не пути их достижения, которые тоже, конечно, могут быть разными.

В этом смысле именно Россия как обладающая (пусть еще и не осознанным) « опытом СССР» и Китай, продолжающий двигаться по своему участку исторического пути, могут преподнести миру необходимое разнообразие действительно альтернативных социальных форм, каждая из которых отразит свое оригинальное понимание развития. На теоретическом уровне создание таких моделей должно идти и в России, и в Китае, и в других странах «альтернативных ценностей и этических систем». Какие-то из этих моделей могут и должны быть опробованы на практике.

Мы уверены в необходимости непрерывного поиска самых разных моделей развития и разделяем уверенность Никанорова «в перспективности новых обществ, в частности, осваивающих модифицированный советский социализм». Но мы также уверены и в том, что никогда не будет «самой лучшей» или «единственно верной» экономической модели, формы государственного устройства или идеологии. Мир изменяется, и человеку свойственно изменяться, искать и находить новое во всем, включая новые социальные формы, — человечество уже прошло достаточно сложный, разнообразный и драматичный путь, для того чтобы осознать эту простую мысль. То, как надо переходить от одной социальной формы к другой, по каким критериям следует принимать или отвергать новые формы и цели развития, составляет, быть может, самую главную область знаний об обществе, которая только начинает складываться. И работа Никанорова в этом смысле является одной из основополагающих и вдохновляющих. Вот в заключение еще несколько высказываний из «Уроков», настраивающих на оптимистич-

ный поиск путей к лучшему будущему.

«Случившееся с СССР не является “крахом” социализма, а является торжеством опыта построения социализма, поскольку этот опыт учит, как надо решать подобные или еще более сложные задачи в различных ситуациях».

«Состоявшийся — вопреки всему — опыт СССР указывает на исторически нерешенные проблемы, определившие границы того, что было сделано СССР, а теперь сдерживающие улучшение понимания социализма и его реализации, что и является уроками СССР».

«Восстановление СССР в России или где-либо еще не только невозможно, но и нецелесообразно. Опыт СССР проводился совсем в иных исторических условиях и при особых конкретных обстоятельствах».

«Царящее в мире непонимание происходящего, страх перед любыми новациями в формах общества делают выявление и освоение уроков СССР необходимыми. Обострение несостоятельности капитализма может вызвать общенародное шараханье к советскому социализму, что опасно».

«Единственным продуктом любого текущего исторического этапа является подъем сознания человечества, его качественное изменение, всё остальное — продукт роста сознания; уроки прошедшего заключены в исторически нерешенных проблемах».

«Теперешние общественные формы, порождаемые устаревшими ценностями, становятся несостоятельными».

«Исторически нерешенной проблемой является разработка основ понимания происходящего».

«В современных условиях развитие способности решать задачи, подобные строительству социализма в СССР, становится всё более актуальными».

Захирджан Кучкаров:

«Без концептуального проектирования управляемость не восстановить»

Интервью академика РАН, директора Центра инноваций и высоких технологий «Концепт» **Захирджана Анваровича Кучкарова** первому заместителю главного редактора альманаха «Развитие и экономика» Дмитрию Андрееву

— Захирджан Анварович, идея издать специальный тематический номер альманаха, который был бы посвящен советскому опыту и его восприятию, звучанию и актуальности — или же, на-против, неактуальности, исчерпанности — для дня сегодняшнего, вызревала у нас в редакции давно, чуть ли не с самых первых номеров. И вот, наконец, дошли руки. Сегодня, говоря на эту тему, естественно, никак нельзя обойти загадочную фигуру недавно скончавшегося уникального мыслителя Спартака Петровича Никанорова. Хотелось бы узнать о нем, о его наработках, до сих пор остающихся как бы «под спудом», мало кому известных, что называется, из первых рук, то есть от вас — как от одного из его ближайших учеников и последователей, своего рода хранителя ключей от школы учителя. Это — с одной стороны. А с другой стороны, посмотреть, каким может быть практическое воплощение наследия Никанорова в наши дни, в контексте нынешней повестки и всех тех вызовов, которые испытывает Россия, — в вашем понимании и вашем — как практика — исполнении.

— По мере выслушивания вашего вопроса у меня стал складываться примерный план ответа на него. Размышляя о том проблемном пространстве, которое вы очертили, я бы выделил две точки фокусировки. Прежде всего, конечно, это личный опыт. У меня, как и у многих не только живших, но и сформировавшихся, а главное — работавших — в советскую эпоху, просто не может не быть к ней некоего глубоко личного — я бы даже

сказал, ценностного — отношения. Мы же, в конце концов, собираемся говорить об опыте не какой-то там Римской империи, о которой знаем только из книг, а Советского Союза, из чрева которого и вы, и я, и многие окружающие нас люди появились на свет. То есть некая очень личная рефлексия по поводу советского прошлого — это первая точка фокусировки. А вторая точка — собственно аналитическое осмысление закономерностей развития советской системы, ее дефектов и проблем. Не знаю, насколько у меня получится последовательно придерживаться то одной, то другой фокусировки. Не исключаю, что личное будет перебиваться какой-то претензией на объективное осмысление и наоборот.

— Захирджан Анварович, я-то как раз думаю, что не стоит преднамеренно разводить личное и аналитическое. Пусть они остаются переплетенными — так ваш рассказ будет выглядеть гораздо более жизненным, в нем не будет какой-то чрезмерной умозрительности.

— Ну, посмотрим. Во всяком случае, начать я собираюсь именно с каких-то личных воспоминаний. Я родился в ту эпоху — в 57-м году, — и сейчас мне полных 57 лет. Вот такое любопытное совпадение цифр. И я буквально с детства знал, что Советский Союз можно метафорически и при этом по существу точно обозначить одним словом — строительство. Давайте сейчас, если можно, не будем рассматривать ту эпоху с иных позиций — например, оценивать политический режим или вспоминать репрессии.

Мой отец – Анвар Марасулович Кучкаров – всю свою жизнь непрерывно что-то строил. Понятно, что под строительством я в данном случае понимаю не укладку кирпичей, а созидание – в самом широком смысле этого слова. В разное время он занимал разные министерские посты в правительстве советского Узбекистана – был зампредом Совмина, министром иностранных дел, просвещения и дважды – министром культуры. Находился на партийной и дипломатической работе – был Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в странах Африки. Трижды летал на Генассамблею ООН с Андреем Януарьевичем Вышинским, когда тот был министром иностранных дел, а потом – после смерти Сталина – представителем СССР в ООН. 24 ноября 1954 года сопровождал гроб с телом Вышинского из Нью-Йорка, где тот неожиданно умер от сердечного приступа, в Париж. Замечу по ходу, что распространенная легенда, согласно которой Вышинский утверждал, что признание об-

виняемого является лучшим доказательством его вины, действительности не соответствует. В своей главной работе он декларировал обратный принцип. Помню рассказ отца о том, как в компании людей, в том числе из Грузии, соревновавшихся в том, кто «с какого расстояния видел товарища Сталина», он после всех поведал, что ему Stalin несколько раз жал руку. А дело в том, что Stalin принимал членов советской делегации перед их отлетом на Генассамблею и по возвращении с нее. Трижды два – итого шесть раз! Это подняло его статус в той компании настолько, что в честь него грузины произнесли не один тост. Его как успешного и целеустремленного управляемца бросали то на один, то на другой «фронт». При этом принципиальная новизна для него какой-то очередной сферы или отрасли, которой он начинал руководить, недостаток содержательных представлений о том, что она собой представляет и как функционирует, не были для него препятствиями. Да, разумеется,

данное обстоятельство характеризует его способности как управляемца. Но вместе с тем нельзя забывать, что советская система подготовки, переподготовки, ротации руководящих кадров была, что называется, заточена на формирование у людей готовности и компетенций к многопрофильной административной деятельности – по принципу «куда партия пошлет». Помню, когда он во второй половине 60-х стал республиканским министром просвещения...

– Это уже после завершения дипломатической карьеры?

– Да, он тогда вернулся из Африки со своих посольских должностей – что как раз было по профилю его образования: он заканчивал Высшую дипломатическую школу – нынешнюю Дипакадемию МИД РФ. Он ведь и карьеру-то свою начал с дипломатического поприща: сразу после выпуска его командировали в советское посольство в Афганистане. Это было после окончания войны – в 45-м. А в 46-м там, в Кабуле, родился мой старший брат. Так вот, получил он

Мой отец – Анвар Марасулович Кучкаров (на фото) – всю свою жизнь непрерывно что-то строил. Понятно, что под строительством я в данном случае понимаю созидание – в самом широком смысле этого слова. В разное время он занимал министерские посты в правительстве советского Узбекистана – был зампредом Совмина, министром иностранных дел, просвещения и дважды – министром культуры. Находился на партийной и дипломатической работе – был Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в странах Африки.

под свое начало сферу народного образования. Понятно, что на каком-то общем уровне – в конце концов, у самого высшего образования за плечами – он представлял себе, что такое просвещение. Но ведь, как говорится, дьявол кроется в мелочах, а таких мелочей в деле управления школами – тьма. И отец как опытный управленец начал с инвентаризации всего того хозяйства, которое ему досталось, чтобы вообще понять, с чем имеет дело. Он решил провести паспортизацию школ. Это сейчас многочисленные МБОУ СОШи то и дело оцениваются по какому-то совершенно неимоверному количеству критериев, и их

руководство без конца пишет отчеты по всем этим пунктам. А в то время – да к тому же еще фактически в моноотраслевой республике, специализировавшейся на хлопководстве, один Чкаловский авиазавод в Ташкенте практически не менял этой общей картины, – никто толком и не знал, что такое паспортизация школ. Разработали какую-то самую общую анкету: сколько в каждой школе учителей по всем предметам, каким оборудованием они обеспечены и прочие такого же рода самые незатейливые вопросы. Потом сводили статистику по районам и областям. И в результате этой паспортизации выяснилось, что в школах Узбекистана жуткий дефицит учителей русского языка: в городах – двадцать про-

не закономерная претензия: мол, а где ты был раньше, почему довел положение дел до такой катастрофической нехватки учителей «языка межнационального общения»? Но тем не менее не стал препятствовать отцу, чтобы тот сам поехал с этой запиской в Москву. Отец поехал и добился приема у Михаила Андреевича Суслова. Суслов его принял, выслушал и вскоре подготовил совместное постановление ЦК КПСС и Совмина СССР о дополнительной подготовке и распределении в Узбекистан учителей русского языка. Пяти вузам – в Москве, Ленинграде, Киеве и еще где-то – было поручено увеличить набор студентов – каждому примерно на 30–50 человек – на отделения русского языка и литературы филологических факультетов и, по мере их выпуска, отправлять по распределению на работу в Узбекистан. Я могу привести похожие примеры и из отцовского руководства республиканским Минкультуры. То есть где бы он ни работал, чем бы ни руководил – он везде строил. Это было его профессией – строительство общества, строительство государства.

– Вы абсолютно верно заметили, что сама советская система порождала таких, так сказать, «строителей по жизни». Помните Онисимова из «Нового назначения» Александра Бека? Режим поставил на поток производство таких вот онисимовых. Правда, оговорюсь: это было при Сталине, какое-то время по инерции при Хрущеве, но к застою онисимовых было уже очень мало – оставались какие-то отдельные одиночки. А к перестройке и они исчезли.

– Удачный пример вы привели. Если помните, Онисимов обладал феноменальной памятью – мог в любой момент привести требуемую точную цифру, назвать какой-то конкретный показатель производ-

ства, известный лишь самым узким спецам, имеющим к этому показателю непосредственное отношение. И отец был таким. Он постоянно опирался большим набором статистических данных. И я воспринимал такую его способность как нечто само собой разумеющееся. Отчасти подобный высокий уровень, скажем так, «цифровой культуры» в нашей семье и предопределил мой выбор — я закончил МФТИ. Хотя вторым фактором, предопределившим такой выбор, были мой школьный учитель математики и родная тётя — учительница математики. Уже будучи студентом, я стал интересоваться социальной проблематикой. Причем этот разворот от физики и математики произошел во многом вынужденно: я наблюдал нарастающую неэффективность управлений практик на всех уровнях и чувствовал, что в системе что-то разлаживается, а значит — необходимо предпринимать какие-то меры. Иначе получается абсурдная ситуация: в космос летаем, а мясом не можем нормально обеспечить население. И поэтому к моменту окончания института я для себя четко решил, что наука — это, конечно, ценность, близкая для меня к высшей, но если я уйду в науку, то окажусь очень далеко от возможности быть причастным к решению всех этих общественных проблем, которые меня волновали всё сильнее и сильнее.

— Очень любопытно, Захирджан Анварович. Между нами разница — двенадцать лет. Это время — в общем-то, совсем непродолжительное — оказалось эпохой, в которую многое поменялось. Вы закончили школу в 74-м. Тогда своеобразная харизма космоса, БАМа, обороны была еще очень сильной. Выпускники школ массово шли в технические вузы не только

потому, что в Советском Союзе их было намного больше, чем нетехнических, а в том числе и потому, что таков был тренд. Быть технарем считалось модным. А вот когда я закончил школу в 86-м, картина была иной. Да, в технические вузы продолжали идти — но прежде всего из-за того, что оттуда — точнее, из некоторых таких вузов — какое-то время еще не брали в армию, когда отовсюду уже брали. А когда я в 87-м ушел в армию, то брали изо всех высших учебных заведений без исключения. Моих одноклассников и меня в том числе гораздо больше привлекало образование гуманитарное. Это был новый тренд — мода переменилась. А заговорил я об этом, потому что вы сделали выбор в пользу социогуманитарной проблематики еще задолго до того, как она стала модной. Почувствовали ее континентальность и востребованность в недалеком будущем?

— С одной стороны, наверное, действительно что-то почувствовал. Я же сказал, что меня очень волновали те усугублявшиеся кризисные явления, которые просто бросались в глаза. Но с другой стороны, я еще в бытность студентом напряженно искал возможную сферу приложения своих текущих и будущих знаний, навыков, какого-то накопленного опыта. Интересовался журналистикой, пошел учиться в общественную школу журналиста — слушал там лекции Виталия Товиевича Третьякова, тогда пятикурсника журфака МГУ, — и стал работать в редакции институтской газеты «За науку», дорос там до редактора. После второго курса перешел к кафедре радиолокации на кафедру управления с базой в Институте проблем управления Академии наук. Внутри ИПУ тоже переходил от технических систем в сторону биотехнических. В общем,

было несколько разных переходов, и в итоге на пятом курсе я пришел к Спартаку Петровичу Никанорову, который занимался концептуальным проектированием сложных систем. Пришел — и остался. И проработал с ним тридцать три года. Многие приходили к нему — но потом уходили куда-то еще, а я так с пятого курса и находился рядом с ним. Памятный для меня разговор с Никаноровым произошел шесть лет спустя. Он предложил мне заняться концептуализацией политэкономии. Я согласился, потому что понял: через концептуальную экономику проектирование может стать не просто поиском оптимизационных схем для разного рода министерств или корпораций. Ну, корпораций тогда, правда, еще не было — вместо них речь шла о промышленных или научно-промышленных объединениях. Так вот, мне стало ясно, что Никаноров предлагает заняться совсем не этим. Точнее, этим — постольку-поскольку, а главное — реализовать накопленный нами потенциал и квалификацию для концептуализации совершенно новых социально-экономических форм, общественных систем. И на протяжении пяти лет каждую неделю — без пропусков! — в один из выходных, в субботу или в воскресенье, мы собирались дома у Никанорова и работали весь день, с утра и до вечера. Его жена, Мария Дмитриевна Колганова, каждую встречу кормила нас обедом, поила чаем в полдник. Я непрерывно записывал ход работы, идеи, дискуссию, аргументацию, свою рефлексию и пометки на будущее продумывание. У меня сохранились все стенограммы этой нашей «пятилетки». Каждая из них — это примерно 20 листов А4, плотно исписанных моим довольно убористым почерком, фиксирую-

щих ход рассуждений. Мы членами вели обсуждение, искали решения, причем я успевал записать не только Никанорова, но и себя — говорящего. И всего 181 такая стенограмма. Практически без перерывов на отпуск — встречи были еженедельными. И естественно — на голом энтузиазме, никто нам за это не платил. А я ведь не был москвичом, и мне приходилось еще работать в « почтовом ящике », как тогда называли оборонные предприятия, ради получения прописки и жилья. Так я жил с 85-го и по 89-й год. А потом ушли годы на то, чтобы всё это обработать, эксплицировать, вычертить схемы синтеза, описать и издать. Это уже было в кутерьме 90-х. Мы на тех наших « рабочих выходных » углубились в невероятные абстракции, вышли далеко за пределы марксистской формационной схемы, поняли, насколько примитивна дилемма « социализм — капитализм », увидели структурное разнообразие социально-экономических форм и варианты переходов от одной формы к другой — об разно говоря, а что там дальше, за социализмом, капитализмом... Причем одна форма конструктивно сменяет другую, наследуя плюсы и снимая минусы, совсем не в духе примитивных пропагандистских клише. Помню, когда мы этим занимались, регулярно возникал соблазн взять какуюнибудь из назревших тогда проблем, так и сяк повернуть ее, опубликовать с десяток статей, книги, защититься, наконец, — и стать знаменитым. Но это означало бы отказ от продолжения масштабной подготовительной работы по перепроектированию общества, что, как ни крути, стратегия, нежели просто-напросто обретение собственной ниши в научном сообществе.

— То есть вы взялись за дело на кануне перестройки или в самом

ее начале, а закончили еще до того, как она перешла в свою фатально деструктивную fazu. Рубиконом здесь стал, как я понимаю, 88-й год — самые разные события того года: от начала карабахского конфликта до XIX партконференции, визита Горбачева в Америку и многоного другого.

— Да, наша « пятилетка концептуализации » невольно выпала на этот стык доперестроечной и перестроечной эпохи. Проделав работу, мы поняли масштаб того, на что замахнулись. Это ощущение стало возникать задолго до завершения наших мозговых штурмов. Бывало, под вечер, когда мы выдыхались и позволяли себе порелаксировать, нас охватывало ощущение собственной исключительности. Мы буквально ощущали, что та степень рефлексии, до которой мы доходили, просто никому недоступна. И вообще самое время садиться за компьютеры и проектировать новое общество. Но тут на тебе — 91-й год: бюджеты одномоментно обнулились, научные институты стали сокращаться и даже закрываться. Нам пришлось взяться за то, что Никаноров презирал, — управленческий консалтинг, — чтобы хотя бы как-то выжить. То есть получилось не совсем так, как в фильме Захарова « Убить дракона » по пьесе Шварца: рыцарь Ланцелот сумел победить дракона во многом потому, что горожане тайно выковали меч и сделали воздушный шар для схватки с драконом и только ждали, когда же придет герой, который этим оружием сможет воспользоваться. Мы же почти выковали свой меч, практически сделали инструмент и были готовы отдать его в руки того, кто сумел бы им эффективно действовать. Сказать, что у нас была готовая технология « под ключ », — это, конечно, преувеличение. Но в целом всё уже было. Мы могли предъявить эскизы, идеи и концепции, на основе этих намеченных концептуальных « дорожных карт » было понятно, что у нас что-то выстраивается. Только вот, в отличие от фильма, герой так до сих пор и не пришел... Мы не были одиноки, с некоторыми коллегами, которые занимались аналогичной проблематикой, я был знаком, общался. Я имею в виду Георгия Петровича Шедровицкого, Сергея Ервандовича Кургиняна, Побиска Георгиевича Кузнецова, Иосафа Семеновича Ладенко из Новосибирска. Школа в Академии имени Можайского в Ленинграде — Кронин, Зминев, Соколов и другие — впервые эксплицировала теорию систем в аппарате родов структур. Триплетную модель понятий развивал Владимир Иванович Кузнецов в Институте философии в Киеве. Над языком тернарного описания « вещи — свойства — отношения » работал Авенир Иванович Ўёсов. Все более или менее ясно понимали, что проблемы нарастают удручающим образом, что для парирования этих угроз требуются новые когнитивные средства, мощные интеллектуальные технологии, ресурсы и креативные люди, способные в ускоренном режиме заняться выстраиванием действенной альтернативы рушившейся советской системе. Меры, предлагавшиеся разными органами власти, не выдерживали никакой критики: всё сводилось к каким-то частным и притом сомнительным по своей эффективности мероприятиям — например, изменить структуру того или иного министерства, создать новое подразделение в Госплане и тому подобные идеинные заплатки. Но главная проблема заключалась в другом — в демотивации людей. Я здесь имею в виду какую-то одномоментную и повсеместную утрату веры в то, что со-

ветскую систему можно удержать, спасти — я уже не говорю о вере в возможность ее улучшения, открытия у нее второго дыхания. То есть сначала деградировали ценности, а уже затем деградировал и функционал, в котором функционеры крутились. Идейное и интеллектуальное уныние переросло в апатию, в неверие, что можно возобновить развитие.

— Захирджан Анварович, а когда именно, на ваш взгляд, произошел такой перелом в господствующем настроении? Я уже сказал, что считаю именно 88-й год тем переломным моментом, когда перестройка превратилась в катастройку. А что вы думаете по этому поводу? Или же к сдаче, к слому системы стали готовиться еще раньше?

— Хороший вопрос. Кажется, Сергей Борисович Чернышов — автор книги «После коммунизма», руководитель проекта «Иное» — рассказывал, что в начале 80-х где-то сумел подсмотреть долгосрочный американский прогноз, известным способом добытый и предназначавшийся для наших высоких и закрытых кабинетов. В этом прогнозе прямо говорилось, что в СССР будут нарастать трудности, в 83-м или в 84-м году к власти придет молодое руководство, которое начнет реформы, а в 90-м Советский Союз распадется. То есть, когда я в конце 70-х — начале 80-х был сначала студентом, а потом аспирантом МФТИ в трапезниковском Институте проблем управления, кому-то всё уже было ясно. И кстати, помню, что и в этом институте, в котором писались какие-то аналитические записки в ЦК, Ольшанский из лаборатории доктора технических наук Александра Михайловича Петровского показал мне американскую статью, которую он переводил — тоже «для отправки наверх». В этой статье прямо

В начале 80-х уже были некие люди, формировавшие странное отношение власти к происходившему тогда в стране. Чего тут было больше — какой-то рефлексии от уныния, борьбы в «верхах» или сознательной подготовки к демонтажу советской системы — сказать и сейчас трудно.

говорилось: каналы управления в СССР напоминают атеросклеротические сосуды, прохождение решений затруднено, система окостеневает, теряет управляемость. Я тогда по молодости удивился тому, что такие вещи могли переводиться и предъявляться самим этим «костенеющим» высоким инстанциям. А коллега ответил на мое удивление ухмылкой: мол, «оттуда» так просто и просят — писать больше именно про «окостенение», про этот самый «атеросклероз». Понятно, да? То есть в начале 80-х уже были некие люди, формировавшие такое вот странное отношение власти к происходившему тогда в стране. Чего тут было больше — какой-то рефлексии от уныния, борьбы в «верхах» или сознательной подготовки к демонтажу советской системы — мне сказать и сейчас трудно. Но очевидно, что процесс в направлении некой

фундаментальной трансформации страны на момент начала 80-х уже был запущен. Но, видите ли, даже при таком раскладе никакой фатальной предрешенности не было и быть не могло в принципе. Я порой говорю, что если одному человеку удается подчинить своей воле две сотни миллионов людей, то значит, эти миллионы такие. Это и по сей день не получило научного объяснения. То есть так называемый сталинизм не исследован как социокультурное явление, как явление, допустимое развитием общества. Далее — ведь практически никто не пикнул, когда власть собственными руками откровенно ломала сложившееся государство в 91-м. Помните, проголосовали на референдуме за сохранение Союза? А через несколько месяцев Союз распустили — и это молча проглотили. Я уж не говорю о каком-то более или менее массо-

вом движении против такого решения власти. Думаю, что те самые уныние и апатия, о которых я сказал, сделали свое дело — полностью обезвредили общество. Вспоминаю еще один рассказ Никанорова о любопытном разговоре с одним главным конструктором — тот и подавно отодвигал начало раз渲ала еще в начало 60-х, аргументируя свою мысль тем, что, по его словам, после смерти Сталина ни одно — вы только в это вдумайтесь: ни одно! — постановление ЦК и Совмина не было выполнено... Но что мы всё о советском времени говорим. Давайте посмотрим на последнюю постсоветскую почти четверть века. Управляемость становится только хуже — даже по сравнению с тем, что мы имели до 91-го года. С одной стороны, «планирование» — это сейчас идеологически запрещенное слово. Какое может быть планирование, если мы официально заявили, что у нас рыночная экономика. Но с другой стороны, во всю практикуются федеральные целевые программы — а что это, как не завуалированное планирование? Все министерства социального блока сидят на бюджете — а это разве не планирование? То есть планирование никуда не делось, но сама ситуация с планированием выглядит гротескной: им вовсю пользуются, но при этом избегают называть вещи своими именами. Вот вы упомянули «Новое назначение» Бека, и я на это ответил, что Онисимов постоянно прокручивал в памяти колоссальные объемы цифр, боясь в чем-то ошибиться, опасаясь, что где-то может случиться нестыковка. А сейчас у нас расхождения даже не в цифрах, а в целых объектах, в инфраструктуре, в логистике — в общем, не в количествах, а в качествах. Например, заканчивается строительство морского порта пропускной

способностью в миллионы тонн. И тут вдруг — вдруг! — выясняется, что пропускная способность подведенной к нему железной дороги рассчитана только на десять тысяч тонн. При этом в целевых программах — как я уже сказал, такой нынче применяется эвфемизм вместо планирования — не было предусмотрено модернизировать железнодорожную дорогу или строить новую, более современную. Есть и обратные примеры: строится дорога под определенные номенклатуру и объем грузов — например, в добывающих отраслях, — а инвестор по каким-то своим соображениям, не уведомив никого, решает делать шахты, для которых и предназначена эта дорога, «чуть-чуть» в другом месте. Или совсем уж фантасмагорическая картина: представьте себе мощную ЛЭП с трансформаторами и распределительными блоками, которая может питать два-три завода, но эта линия заканчивается в степи — в пространстве, в котором вообще ничего нет производящего. Все эти истории я знаю из разговоров в разных министерствах, они не придуманы, а из реальной жизни. И как бы кто-то ни пытался забыть про планирование и целиком положиться на «невидимую руку рынка», нам просто придется отмотать ситуацию назад — примерно в поздний застой, в канун перестройки, — понять, какие тогда накопились проблемы в планировании и как их предполагали решать, и уже вооружившись таким пониманием, взяться за вживление плановых — по-настоящему, а не имитационно — начал в нынешнюю экономику. Никуда мы от этого не денемся. Подругому просто не получится. Обнадеживает то, что в последние годы в чиновничих кабинетах появились относительно молодые люди тридца-

ти — тридцати пяти лет, которые уже лет десять—пятнадцать работают в разных «вертикалях», выросли там. И вот у них есть некое комплексное понимание ситуации, они не плохо схватывают, где полномочия не стыкуются, где цели не согласованы. А то доходит до смешного. Идет на высоком уровне обсуждение серьезного документа по энергетической политике, и тут выясняется, что у Минэнерго и Минтранса разные цифры в показателях. И они не могут состыковать свои статистические данные, поскольку процесс планирования толком не наложен.

— Вы говорите о необходимости возврата к серьезному, основательному планированию — а возможно ли это в принципе после двух с половиной десятилетий «ударного» — в кавычках — строительства рыночной экономики, причем в ее самом худшем — сырьевом — варианте и буквально «на костях» советских наукоемких отраслей? Я правильно понимаю, что вы по-прежнему верите в возможность что-то кардинально перепроектировать в нашей стране?

— А мы в своем кругу вообще никогда веру не теряли. Ведь планирование — это целеполагание. Никто не собирается обязывать кого-то производить что-то вопреки его воле или производить нечто нерациональное. Цели же в силу сложности объектов и систем, длительности сроков их реализации должны быть согласованы и скординированы. Что, от этого кому-то будет плохо? Или если есть ясные цели, планы и бюджеты, какие-то игроки рынка будут воротить нос? Да, простите, будут. Те, кто привык выбирать как раз нерациональные цели и неконтролируемые по результатам проекты. Мы больше трех десятилетий последовательно ковали меч и делали воздушный шар. И продолжаем заниматься этим до сих пор. Про-

блема-то на самом деле очень простая. Как в свое время советская система, так и нынешняя – постсоветская – у нас на виду. Она нам насквозь понятна. Мы не только хорошо себе представляем, что с ней происходит сейчас и чего следует ожидать в будущем, но и четко знаем, что именно и как именно надо делать, чтобы исправить ситуацию – сначала путем четких системных и в то же время оперативных мер, дабы остановить разрастание кризиса, а потом и в режиме долгосрочного, но и форсированного развития. Экономика, общество, страна, развитие, история – не системы. Система – без которой невозможно восстановить управление – нужна в головах. В этом смысле нам всё понятно. Я стремился покрыть концептуальными схемами как можно больше предметных областей. Поэтому столь различны темы НИР и проектов, для которых я искал и заключал контракты. Полистайте список тем: управление оборонным комплексом и безопасностью, строительством, здравоохранением, образованием, молодежная политика, культурная политика, промышленная экологическая политика и Экологический кодекс, Водный реестр, Лесной реестр, Реестр полномочий, стратегическое планирование, прогнозирование и управление развитием транспортного комплекса, техника нормотворчества, конверсия, информатизация, корпоративные стратегии – ЛУКОЙЛ, «Вимм-Билль-Данн», «Эксперт», «Фармимэкс», могу продолжать и дальше, – региональные стратегии и управление, муниципальное управление, моногорода, управление персоналом, оргструктуры заводов, инновации, налоговое администрирование, логистика, концепции, законо-проекты, регламенты... Вы мо-

Сейчас расхождения даже не в цифрах, а в качествах. Представьте себе, например, мощную ЛЭП с трансформаторами и распределительными блоками, которая может питать два-три завода, но эта линия заканчивается в степи. И как бы кто-то ни пытался забыть про планирование и целиком положиться на «невидимую руку рынка», нам просто придется отмотать ситуацию назад.

жете себе представить, что всё это разнообразие выполняет крохотная по любым меркам науки и проектирования организация? В каждом проекте я делал постановку задачи так, что не только достигался заказанный результат, но и развивался наш собственный аппарат, концептуализировались новые объекты. Поэтому я так и не научился тиражировать результаты как «готовые продукты» и жить на этом припеваючи. Проблема в другом – не накопилось определенной «критической массы» людей, годных по своим мотивам, волевым качествам и интеллектуальному, концептуальному «оснащению» для такой затеи, как модернизация страны. В свое время Ленин мечтал о ста тысячах тракторов. А я мечтаю о ста тысячах таких вот людей. Но где же их возьмешь. Наша кафедра в МФТИ выпускает пять–десять человек в год. То есть, выходит, нужную нам критическую массу людей

мы наберем лишь через десять тысяч лет. Понятно, что мы одни с такой задачей не справимся. Необходимо запустить систему массовой подготовки кадров, соответствующих той шкале требований, которую мы разработали. Надо перейти от логарифмической кривой к экспоненциальной. А если мы говорим о массовой подготовке, то тут уже без мотивирующих прорывных идей никак не обойтись. Но «идеология» – это следующее после «планирования» запрещенное слово. И что остается делать в такой ситуации? Во-первых, несмотря ни на что, продолжать ковать меч. А во-вторых, внимательно, с широко раскрытыми глазами ждать. Ждать своего часа. Ситуация объективно работает на нас. Уже никто не отрицает произошедшей деинтеллектуализации страны, уже нарастает понимание того, что надо что-то делать – восстанавливать образование и науку, что ры-

Советский теневой рынок – это не всегда в прямом смысле купля-продажа. Скажем, ремонт «Жигулей» в гаражном кооперативе – это тоже рынок. Вы приезжали к какому-нибудь условному дяде Васе, у которого в этом кооперативе был свой гараж и тут же рядом в каком-нибудь пустовавшем помещении – небольшая мастерская, и он вам вытачивал ту или иную деталь, которую невозможно было купить в магазине.

ночный механизм сам по себе очень многое не отлаживает, что весь этот на четверть криминальный и на четверть бюрократический рынок будет усугублять проблему. Такой обнадеживающий поворот в общественном сознании наметился. Переоценивать его – тоже не следует. Оснований для оптимизма пока еще крайне мало. Нынешнюю управляемческую систему можно уподобить состарившемуся Советскому Союзу. Я-то в свое время думал, что советского наследия, разных там основных фондов хватит на пять – от силы десять лет. Но ведь до сих пор доедаем. Советский потенциал был огромный, просто фантастический. Об основных фондах уже несколько лет сетуют, что они изношены на семьдесят процентов, а они тем не менее продолжают работать. Не все, конечно.

– Помню, на рубеже веков часто указывали на 2003 год как на время, когда разом просядут все фонды и у нас наступит коллапс...

– Да, советское наследие продолжает тянут на себе страну. Но главное – продолжает тянуть не только «матчсть», но и мотивация «советских людей». Вот это для меня большая загадка. Несмотря на объективные материальные проблемы – в конце концов, зарплата всех волнует – и на своего рода стерилизацию цинизмом, которую «верхи» начали еще до перестройки и только теперь пытаются остановиться, люди продолжают работать, потому что «а как же иначе?», и при этом считать, что их труд действительно нужен нашему обществу и нашему государству. Такие люди и впрямь, как сказал Маяковский, радуются тому, что их «труд вливается в труд» всей республики, которой остро необходимо, чтобы они продолжали заниматься тем, что делали раньше, до директивного провозглашения рынка. Но, к сожалению, эти люди – с советской трудовой закваской – сейчас в лучшем случае предпенсионного возраста, а у

поколения, идущего за ними, такого опыта и такого воспитания уже нет. Разумеется, что-то они унаследуют от своих отцов и дедов, но потенциал этого «чего-то» будет значительно меньшим, нежели у их предшественников. Они в массе своей демотивированы, их картина мира иная, нежели у старшего поколения. В СССР был получен опыт управлять населением как некой целостностью – я снова ухожу от оценки тех «ошибок трудовых», чей «сын» этот опыт, – теперь бы сказали: управлять человеческим капиталом. Сейчас такой задачи и близко нет. Я в данном случае говорю не о какой-то электоральной кампанийщне, предназначеннной для того, чтобы вытащить человека к урне и побудить его поставить галочки в нужных местах в бюллетене. Под управлением человеческим капиталом я понимаю сложные многоуровневые процессы по целенаправленной мотивации, повышению уровня – образовательного, профессионального, культурного, здоровья наконец. Об этом мало задумываются, а любые попытки в этом направлении – в экономике, управлении, идеологии – демпфируются, гасятся.

– Захирджан Анварович, как известно, рынок у нас появился не на излете перестройки, а намного раньше. Другое дело, что в советское время он был теневым, нелегальным – а потому, наверное, и не мог тягаться с мобилизационными установками в открытом противостоянии, он их подтасчивал, так сказать, из подполья. Хотя и недооценивать силу этого теневого рынка ни в коем случае нельзя. По этому поводу я всё время вспоминаю один очень симптоматичный факт. После войны Сталин, находившийся, казалось бы, на пике своего могущества, не смог ввести в стране продуктообмен из-за откры-

венного саботажа и сопротивления тогдашних «хозяйственников», интересы которых лоббировал Микоян — как зампред Совмина. Так что не надо рассказней про якобы всесильного вождя, которому никто не смел перечить. Генералиссимус оказался слабее торговой мафии и отступил. А Микоян тихо и спокойно продолжал делать свои дела. Как говорили: «От Ильича до Ильича без инфаркта и паралича». То есть теневой рынок был исключительно влиятельным. И что самое интересное, он и после 91-го года остался теневым. И в социокультурном смысле теневым — я имею в виду культурный мир, систему образов и символов, а также язык людей, занимающихся торговлей. Например, мода общаться «по фене» — о многом говорит. И в оценочном смысле он воспринимается подавляющей частью нашего общества как нечто неэтичное, аморальное. Но главное — рынок и в содержательном, и в инфраструктурном отношениях продолжает быть теневым. Сейчас оппозиционеры ставят в вину действующей власти, что она реанимирует советские порядки. Не знаю, что уж она там на самом деле реанимирует, но вот теневой рынок и реанимировать не пришлось. Он просто перешагнул из советской системы в постсоветскую, оставшись при этом теневым по своим ключевым параметрам, но при этом неизменно усилившись в силу собственной легитимации. Да, вот такой оксюморон получается — рынок остался теневым и после легитимации.

— Начну отвечать вам с концептуальной квалификации, или оценки. Для меня торговля — одна из важнейших функций, обеспечивающих распределение и обмен произведенного. В ней как в функции ничего негативного нет. Советский теневой рынок — это не всегда в прямом смысле купля-продажа. Ска-

жем, ремонт «Жигулей» в гаражном кооперативе — это тоже рынок. Вы приезжали к какому-нибудь условному дяде Васе, у которого в этом кооперативе был свой гараж и тут же рядом в каком-нибудь пустовавшем помещении — небольшая мастерская, и он вам вытасчивал ту или иную деталь, которую невозможно было купить в магазине. Или возьмем репетиторство — за наличные. Были разнообразные мелкие платные услуги за счет личного труда — без задействования основных фондов. Они-то во многом и создавали массовый теневой рынок советской эпохи. Или, например, две соседки по лестничной площадке. Сначала одна присматривает за ребенком другой, пока та сходит в магазин, и одновременно за своим ребенком, а потом они меняются. Они оказали друг другу услуги, но натуральные, тут не было факта оплаты — а значит, не с чего брать налоги и, следовательно, нет оснований для формализации, легализации рыночности отношений этих взаимных услуг. А вот в Америке услуги, оказанные в домохозяйстве, входят в статистику ВВП. И это очень сложная статистика. Многие экономические процессы остаются не наблюдаемыми и не фиксируемыми с сугубо технической, операционной точки зрения. То есть даже если бы кто-то и захотел заплатить налог со своего червонца за помочь по математике соседскому ребенку-лоботрясу, то куда для этого надо было бы пойти, чтобы продекларировать полученный дополнительный доход, каким должен был бы быть размер налога? Мы называем такие проблемы операционно-недоступными. К слову, теперь по многим «тем» теневым услугам институты рынка введены.

— Понятно, Захирджан Анварович, вы говорите об архаичном

советском теневом рынке услуг. Но я-то имел в виду другое — тот же рынок дефицита, например, или рынок лоббистских услуг. Помните, по министерствам шныряли разного рода «толкачи», которые должны были договариваться, «проталкивать», «пробивать». Именно «пробивать», а не «выбирать»: «выбирать» стали рэкетиры в 90-х. Про «толкачей» даже шутка ходила, что они — как партработники: и те и другие официально зарплату и премии получают за одно, а на самом деле занимаются совсем другим. Так вот, когда я сказал, что рынок как был теневым в советское время, так и остался таким же и в постсоветское, то имел в виду, что все наши новые реалии — такие, как олигархат, постолигархат, или новый олигархат, госкорпорации, — по-прежнему основываются на получении непрозрачных преференций, что не имеет ничего общего с классическими рыночными отношениями.

— Я вас понял. Отвечаю. Я знаю, что история не имеет сослагательного наклонения, но если бы мы еще в советское время постепенно, малыми шагами и грамотно начали разгосударствление и приватизацию, то в итоге и рынок вывели бы из тени, и государство сохранили бы. Что я имею в виду? Приватизировать пекарни, магазины, кафе, легализовать извоз, репетиторство, стоматологию — сотни, тысячи функций, которые были придушены без адекватных рыночных организационно-правовых форм. Или сняли бы ограничения на поголовье скота в личных подсобных хозяйствах на селе. Но при этом крупные заводы не трогали бы — оставили бы их в руках государства. Ну, остались же и по сей день не частными мосты, метрополитены — почему? На первых порах стали бы выводить предпринимательство из тени. Не впопыхах,

а системно разработали бы законодательную базу, где четко прописали бы все необходимые критерии легитимности бизнеса. Возражение реформаторов знаем: «Политически не дали бы времени, задавили бы нас». А если начальные реформы были бы «вкусными», а не горькими, как «шоковая терапия»? Не знаю, из-за чего именно — общего уныния, геrontократии, сознательной внешней работы на слом советской системы или чего-то еще, — но ренессанса нэпа в СССР не получилось. Хотя о нэпе у нас ходят далекие от действительности мифы как об успешном, но искусственно прерванном властью эксперименте.

— Нэп в принципе не мог быть успешным. Если бы он был успешным, он сломал бы Сталина и не дал бы ему возможности реализовать его мобилизационные проекты. Тут уж кто кого: если бы Сталин не сломал нэп, то нэп сломал бы Сталина. И тогда еще не известно, с чем мы подошли бы к войне, выдержали бы ее вообще.

— Верно, но объективная польза нэпа заключалась в том, что он вообще оживил хозяйственную жизнь в стране. А это необходимо было сделать. Другое дело, что Сталин использовал нэп как своего рода стартер, а когда почувствовал угрозу от этого стремительно набиравшего силу уклада, он просто этот стартер отключил. Но если в 20-е годы нэп представлял собой реальную альтернативу социалистической экономике, то в 70-е годы его дозированное и регулируемое введение не несло в себе никакой угрозы советскому строю. А вот в Китае пошли на создание государственного капитализма — и оказались в выигрыше: и страна в целости и сохранности, и КПК у власти, и легальные миллиардеры имеются. Да, собственно, изменения у нас

ни на минуту не останавливались, без деклараций, явочным порядком идут и сейчас. Посмотрите, чем занимаются теперешние олигархи в тех регионах, где у них добывающий, перерабатывающий или производственный бизнес. Они налаживают там социально-экономическую жизнь: «ставят» приличного управленца с завода мэром города или главой администрации района, кое-кто даже строит птицефермы и коровники, чтобы с продовольствием было всё в порядке и никаких претензий или, не дай бог, волнений не было. То есть они фактически, как и советские директора заводов, занимаются не только производством или бизнесом, но и социальным обустройством территории вокруг своих объектов — особенно, если эти объекты градообразующие, если мы говорим о моногородах. И никуда от этого не денешься, потому что завод — это не абстракция, рабочие с него должны куда-то уходить, а их семьям требуются детские сады, школы, поликлиники. И вот эта складывающаяся по факту система сама по себе уже ведет к какому-то планированию или социальному прогнозированию... Сейчас начали говорить еще и о кадровой проблеме. Положим, некий крупный предприниматель собирается построить завод или вложитьсь в реконструкцию старого производства, а кадров, на которые он может рассчитывать, просто нет. Людей нет, которые стали бы на этом заводе работать. Демографическая карта страны качественно изменилась за постсоветское время. Значит, надо откуда-то завозить кадры, а для этого необходимо разработать законодательную базу такой трудовой миграции. Вот вы вспомнили «толкачей». Так они никуда не делись — по-прежнему сидят около министерских каби-

нетов, что-то просят решить, о чем-то договариваются, налаживают. Только называются они теперь не «толкачами», а лоббистами.

— Вот я вслед за вами и говорю, что современная Россия — это во многом никуда не девшийся Советский Союз, только, увы, обкусанный по сухопутному периметру.

— Да, но, к сожалению, в этом «новом старом СССР» бюрократизация превзошла все мыслимые пределы. Тут в ходу еще один эвфемизм — это называется «административные барьеры». На борьбу с ними отряжен Агентство стратегических инициатив, Открытое правительство и так далее. К концу 90-х у нас было, точно не помню, двенадцать или четырнадцать нефтяных компаний. Сейчас, правда, их стало меньше. Но если на тот момент в офисах каждой из них работали где-то около двух тысяч сотрудников, то сейчас их численность всего за полтора десятилетия возросла раза в полтора. У российской нефтяной компании сотрудников порядка трех-четырех тысяч. А во всём советском Миннефтегазстрое работали, кажется, 1800 человек. И ведь это министерство всю нынешнюю добычу разведало, разбурило, обустроило месторождения — то есть преподнесло сегодняшним компаниям. И зачем им в таком случае раздувать штаты? Зачем эти тысячи управляемцев? В главке — так раньше называли главное управление министерства — прежде работали от силы несколько сотен — и при этом они контролировали от 50 до 100 заводов или иных производственных мощностей. Вот вам повод для сравнения эффективности. Что же, выходит, государственное плановое управление было эффективнее, чем современное рыночное? Мне приходилось и приходится довольно часто консультировать

корпоративные управленческие структуры. Если бы вы только могли себе представить, сколько среди них малоэффективных. Время расходуется крайне нерационально. Например, два отдела пашут до девяти вечера, а в третьем отделе в пять часов вечера на рабочем месте уже никого нет. Бесконечные авралы, а на этом фоне многие сотрудники на рабочих местах играют в компьютерные игры или копаются в Интернете по своим интересам. Я уже не говорю про разные нестыковки в документообороте, регулярные потери важных бумаг — которые потом находятся в самых неожиданных местах.

— Простите, вы имеете в виду даже не госструктуры, а именно корпорации? Выходит, им присущи те же самые изъяны, какими страдают министерства и другие институты административной вертикали?

— В том-то и дело! Негосударственный сектор точно также неэффективен, как и государственный, потому что проблема выстраивания эффективного контура управления в нашей стране вообще не решена — ни научно, ни технологически, вообще никак. Не скажу, что в Советском Союзе дела обстояли заметно лучше, но тогда пытались хотя бы что-то предпринимать в этом направлении. И многое получалось. В Китае мне рассказали, что у них есть специально созданный институт, который изучает опыт СССР. В нем небольшой штат сотрудников — примерно 400 человек. Они квалифицированно и досконально разбирают по кирпичикам, что собой представлял Советский Союз, как он функционировал. Вплоть до того, что анализируют наши стандарты — ГОСТы, СНиПы, — процедуры межведомственных соглашений, принципы планиро-

Объективная польза нэпа заключалась в том, что он вообще оживил хозяйственную жизнь в стране. А это необходимо было сделать. Другое дело, что Сталин использовал нэп как своего рода стартер, а когда почувствовал угрозу от этого стремительно набиравшего силу уклада, он просто этот стартер отключил. Но если в 20-е годы нэп представлял собой реальную альтернативу социалистической экономике, то в 70-е годы его дозированное и регулируемое введение не несло в себе никакой угрозы советскому строю.

вания. То есть выясняют, как вообще всё это работало. И по итогам таких исследований формулируют некую результирующую сумму выводов — для своего партийного руководства. Так что опыт СССР не пропал, а пристально изучается. Жаль только, что не в нашей стране... Хотя еще раз повторю: новая генерация управленцев — квалифицированных, понимающих дела, которыми они занимаются, — все-таки складывается и медленно пробивает себе дорогу. Я говорил о молодых — ну, условно молодых — управленцах, которые в последние годы занимают руководящие должности. И эта новая генерация крайне негативно воспринимает и оценивает управленцев прежних. Мне время от времени приходится от таких молодых управленцев выслушивать в адрес их предшествен-

ников: «полный ноль», «ничего не делает», «с этим бесполезно иметь дело — он всё завалит» и так далее. Самое главное, что отличает этих новых госслужащих — я, конечно, не могу говорить обо всех без исключения, — так это их совершенно иная мотивация, нежели у прежних постсоветских менеджеров. Те воспринимают должность как возможность заниматься собственным бизнесом, обеспечивать свои или чьи-то интересы, а эти хотят заниматься делом — именно как управлением той сферой, в которой они могут употребить квалификацию, навыки, знания, опыт, получить в итоге ощутимый результат. И уже как следствие — повысить собственный статус... Зачем я всё это говорю? Понимаете, критика современной системы как абстрактно плохой, нежизнеспособной, обреченной — а

Новая генерация управленцев – квалифицированных, понимающих дела, которыми они занимаются, – все-таки складывается и медленно пробивает себе дорогу.

именно подобное мнение на- саждается сейчас в отдельных СМИ и части блогосферы как безапелляционное – в прин- ципе неверна. Система – как абстрактная модель – вполне нормальная и работающая. Ну, можно говорить о каких-то отдельных деталях, которые следовало бы оптимизировать, но в целом всё годно к упо- треблению. Проблема – в лю- дях, по-прежнему «кадры ре- шают всё». Высшие уровни выработки и принятия реше- ний не обучены логике, си- стемному анализу, целеполага- нию, целедостижению, нор- мотворчеству. А между тем на низовом уровне у нас огром- ное количество добросовест- ных, старательных и исполни- тельных работников – пре- имущественно женщин. Тру- дятся они с утра до вечера, что-то набирают на компью- рах, собирают данные, под- считывают значения десятков тысяч – да-да, именно такого

количества! – показателей, пишут в огромном количестве различные справки и отчеты. Иными словами, «внизу» по- всюду – незаметный, но ко- лоссальный по своему объему, без преувеличения героиче- ский труд. И... во многом бес- полезный. А на выработку ре- шений он не ориентирован и не востребован.

– Но этот трудовой героизм низового звена – героизм поне- воле. Кто-то ведь должен зани- маться этим нарастающим ва- лом бюрократической докумен- тации – в большинстве своем никчемной.

– Приведу такой пример. Не- давно по заказу Министерст- ва культуры была проведена работа: собрали и системати- зировали все параметры отчет- ности, которые учреждения культуры на местах должны регулярно направлять в вы- шестоящие инстанции. Как вы думаете, какое количество параметров получилось? Двад-

цать тысяч. Вы только пред- ставьте себе – двадцать тысяч! В том числе и такие, как – ну, это уже не грани курьеза – «обновление фонда рыб в ак- вариумах зоопарков». Авторы этого исследования предло- жили сократить число па- раметров отчетности с двадцати до примерно двух тысяч. Казалось бы – здравое предло-жение. Но при его обсуждении было высказано резонное воз-ражение аппарата: дескать, уменьшить объем параметров не проблема, но через месяц-другой, когда какой-нибудь имярек собирается посетить ту или иную область или рес-публику, мы получим «сверху» задание за несколько дней подготовить справку о состоя-нии учреждений культуры в этой области, а готовых дан-ных у нас не будет. Ну и в итоге решили пока ничего не менять. Александр Михайлович Шолохов – внук велико-го писателя и директор му-зея-заповедника своего деда – рассказывал мне, что на со-ставление разного рода доку-ментов и отчетов, докумен-тов для проведения закупок по конкурсам у музея за год ушло пятьдесят пачек бумаги А4. Двадцать пять тысяч листов, понимаете? И это не какое-то сборочное производство, а всего-навсего музей-заповед-ник. Между тем в системном анализе давно выработан очень простой и бесспорный критерий рациональности и качества информации – слу-жит ли та или иная информа-ция выработке и принятию решений или не служит. В ки-бернетическом отношении информация должна быть та-кой и ее необходимо столько, чтобы понять, в каком состоя-нии находится изучаемый объ-ект управления, и выработать в отношении него правиль-ное решение. Вместо этого в управленических структурах со-бирается, без преувеличения, на два-три порядка больше

информации — причем в основной своей массе ненужной, — и руководящие работники просто не знают, что с ней делать. Попутно поясню для людей с гуманитарным образованием, что когда физики или математики говорят «на порядок» — это значит на нулик, то есть в десять раз больше. На два порядка — значит, два нулика добавьте — в сто раз... Проблема заявила о себе еще в советское время, когда повсеместно в министерствах и на заводах стали вводиться автоматизированные системы управления — АСУ. Помню, как один директор завода показал мне толстенную пачку распечатки — представьте бумажную ленту шириной формата А3 с дырочками по краям, которая складывалась по перфорации в стопку подогнанных друг к другу и неразделенных листов. Он сказал мне тогда, что каждое утро ему приносят такую пачку, в которой дается полная сводка по заводу за день, прошедший... неделю назад: что выполнено, что осталось, трудодни, выходные, коэффициенты производительности, реализация готовой продукции, складская логистика... Ну, в те времена еще не знали слова «логистика», но понятно, о чем я говорю. И еще многое другое. И он жаловался мне: мол, даже если я весь день буду только и делать, что читать эту распечатку, то я ее всё равно не дочитаю к концу рабочего дня, а утром мне принесут уже новую. И кому, спрашивается, нужен такой переизбыток информации? Стали придумывать палиативные понятия типа «агрегированной информации». А о каком вообще агрегировании можно было говорить, если сам принцип сбора информации напоминал работу пылесоса: втягивать, собирать всё что было вокруг — без какой-либо предварительной систематизации и тем более без оценки полезности получаемых данных. А сбор информации должен подчиняться какой-то целевой установке. А для этого, в свою очередь, необходимо понимать, кто мы такие, чем мы управляем, в каком направлении движемся и чего добиваемся. Если же мы имеем явное перепроизводство информации непонятно какого качества, то такая информация просто перестает быть информацией как таковой. Пачка распечаток с буквами и циферками — это не информация, а целлюлозно-бумажная стопка, потому что, еще раз, информация — это только лишь те сведения и данные, которые, будучи осознанными и проанализированными, способствуют выработке решений.

— Захирджан Анварович, вы при характеристике общего настроя

Виктор Михайлович Глушков (на фото с Мстиславом Келдышем) — создатель и многолетний руководитель киевского Института кибернетики — отвечал перед Политбюро за создание и внедрение автоматизированной системы управления страной. Она называлась ОГАСУ. Глушков предложил выстроить Общегосударственную автоматизированную систему учета и обработки информации, то есть связать все существовавшие на тот момент вычислительные центры министерств и заводов в единую сеть и уже на основе этой сети комплексно решать задачи по развитию страны.

поздней советской эпохи употребили очень меткое слово — уныние. Наверное, усугубление управленческого уныния во многом провоцировала именно неспособность справиться со стремительно разраставшимся объемом информации.

— Безусловно! И автоматизированные системы управления как раз и были призваны помочь управленцам работать с информацией. Но ведь мало придумать АСУ, их еще надо научиться эксплуатировать и — самое главное — создать массового пользователя ими — что-то вроде сегодняшнего «юзера», работающего на

своей «персоналке». А до этого в советское время не дошли, и АСУ остались в массе своей бесполезными. Оговорюсь, что в массе, поскольку были уникальные и очень эффективные системы. Говорят, что во многом это произошло в результате спецоперации Запада, приложившего руку к тому, чтобы застопорить у нас развитие АСУ. Ничего не могу сказать по этому поводу. Видел недавно документальный фильм про советского академика Виктора Михайловича Глушкова — создателя и многолетнего руководителя киевского Института кибернетики.

Глушков отвечал перед Политбюро за создание и внедрение автоматизированной системы управления страной. Она называлась ОГАСУ. Глушков предложил выстроить Общегосударственную автоматизированную систему учета и обработки информации, то есть связать все существовавшие на тот момент вычислительные центры министерств и заводов в единую сеть и уже на основе этой сети комплексно решать задачи по развитию страны. И это задолго до появления Интернета. Конечно, техническая база тогда была еще слабенькой, не было оптоволокна, способного выдержать такую нагрузку. Я уже не говорю про сложное программное обеспечение, которое требовалось быстро разработать. В общем, чтобы запустить такую общегосударственную сеть, нужно было вложить средства, эквивалентные чуть ли не половине потенциала страны. Но, в конце концов, это уже конкретные перипетии истории. Главное – возникло само понимание того, каким образом следует управляться с информацией и в каком направлении двигаться дальше.

– Так в чем же заключалась западная спецоперация, где произошла та самая корректировка извне, после которой всё пошло не в том направлении, в каком следовало бы?

– Я уже сказал, что никакой конкретной информацией на этот счет не располагаю. Но точно знаю следующее. Может быть, проект Глушкова и был утопией. Но эта утопия возникла не на пустом месте. В Советском Союзе существовало пять или шесть школ, занимавшихся разработкой вычислительной техники. Вам, наверное, ничего не говорит такое название, как БЭСМ-6? Это электронно-вычислительная машина, компьютер на нынешнем новоязье, которую

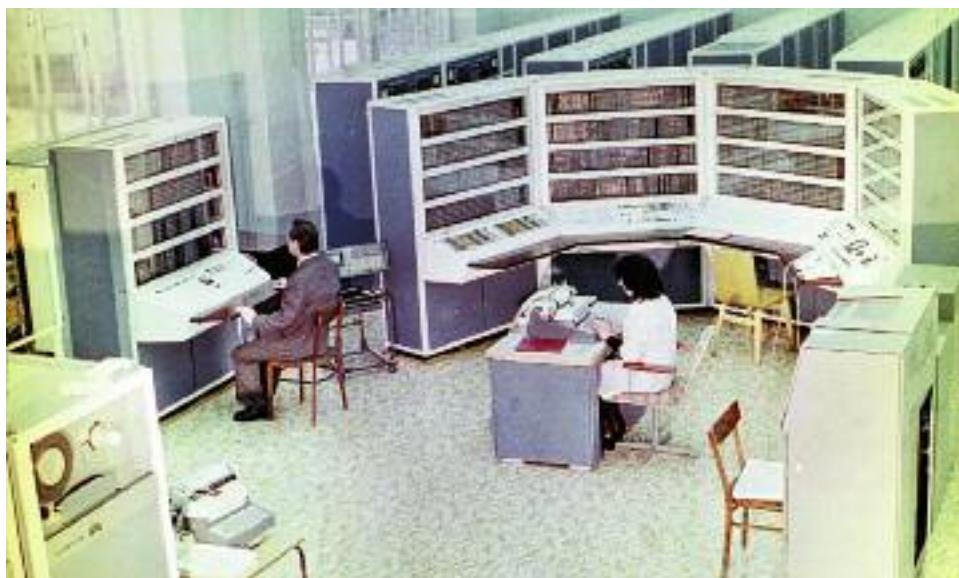
выпускал Московский завод счетно-аналитических машин имени Валерия Дмитриевича Калмыкова – был такой союзный министр радиопромышленности. Помню белорусские компьютеры серии «Минск». Я сам работал на этой технике, на «Минске-32», когда был студентом, – ЭВМ рассчитывала для «Мосхлебторга», какое количество машин следует вывести на линию, чтобы утром развезти хлеб по всем городским булочным, какой должна быть загрузка каждой машины и ее маршрут, чтобы охватить сразу несколько точек... Так вот, всего один любопытный факт, который проливает свет на возможную причастность некоторых внешних сил к сворачиванию советских программ создания АСУ. Дело было в 70-х. Собралось представительное межведомственное совещание по развитию АСУ. Встал вопрос о том, что программы для разных машин несовместимы. То есть программное обеспечение для БЭСМ не годится для «Минска» и наоборот. Поэтому заговорили о том, что хорошо бы иметь некую универсальную программу, подходящую для любой машины. Началось обсуждение, и никто не зафиксировал, кто именно с задних рядов вдруг сказал: «А вот в Америке сейчас идет серия IBM-360. Давайте мы ее архитектуру возьмем за базу, и на ее основе унифицируем всю нашу технику». Предложение на том совещании даже не обсуждалось: ну, высказывание – и ладно. А потом в протоколе совещания появилась рекомендация: все отечественные разработки свернуть и перейти на архитектуру IBM с операционной системой OS-360. И что в итоге? Наши машины были очень быстрыми. БЭСМ делала миллион операций в секунду. Скорость «Минска-32» была порядка ста тысяч опера-

ций в секунду. А через несколько лет, когда мы прекратили собственные разработки и перешли на ЕС ЭВМ – то есть единую серию, которая копировала IBM-360, – скорость первой новой советской машины ЕС-1010 составляла всего десять тысяч операций в секунду. Потом усовершенствовали до ЕС-1020 с двадцатью тысячами. А до миллиона дошли только лет через десять, на ЕС-1060. Но к тому времени мы уже потеряли все наши пионерские разработки и плелись в хвосте у американцев.

– То есть факт целенаправленной диверсии все-таки имел место?

– Не знаю. В нашем случае более значимое обстоятельство, нежели чья-то заготовленная инициатива перейти на IBM на том самом совещании, – это позиция руководства. Почему отказались от предложения Глушкова создать сеть машинных центров? Совсем не потому, что денег на такой проект не было. Когда действительно чего-то хотели – ракеты, бомбы, – ни с какими тратами не считались. Наверное, наши руководители почувствовали, что если проект академика Глушкова реализуется, то у них уже не получится рулить страной по-старому, так как многое станет прозрачным. Приписки будут затруднены. Ситуация во многом аналогичная вашей истории о Микояне. Да, сеть Глушкова не создали по вполне понятным причинам недостаточной технологической оснащенности. Но, видимо, предпринимались и какие-то соответствующие действия, чтобы законсервировать эту неразвитость. То есть, как часто бывает, – комбинация внутренних и внешних причин. А вот американцы активно заимствовали из советского опыта то, что считали заслуживающим внимания. Например, идеи пятилетнего пла-

нирования использовались Министерством обороны. Но только с корректировкой: не как у нас было — пятилетний план принимался на партийном съезде и более не уточнялся до следующего съезда. В США фактически каждый год принимается новый пятилетний план. Иначе говоря, по итогам года оценивается его выполнение и с учетом полученных результатов принимается измененный план на следующие пять лет. И так далее, внахлест. Разумно, правда? Вот и нам надо было постоянно держать руку на пульсе. Не замалчивать ошибки и сбои, а напротив — не бояться обсуждать их, делать из них выводы и как можно скорее исправлять. Не отказываться от трехлетнего бюджетирования, а сделать его по статусу вырабатываемым каждый год на следующие три года. Раз уж взялись проектировать государство, то надо было не останавливаться на достигнутом, а постоянно совершенствовать проектную разработку. А мы в какой-то момент перестали проектировать, любые планы всё больше и больше становились имитационными, фиктивно-демонстративными. Настоящее планирование должно быть адаптивным, а не догматически зафиксированным. Если мы сверяем часы с текущим состоянием дел, сравниваем полученные результаты с аналогичными в прошлом, это позволит нам точнее определять контур развития и его динамику, которая всегда неравномерная в разных сферах экономики. А Госплан исходил из неверного понимания концепта «растущая система». Он полагал, что темпы роста во всех отраслях могут быть едиными. То есть система может увеличиваться в размерах пропорционально по всем направлениям. Но смотрите, как растет ребенок, животное, растение, как рас-

Может быть, проект Глушкова и был утопией. Но эта утопия возникла не на пустом месте. В Советском Союзе существовало пять или шесть школ, занимавшихся разработкой вычислительной техники.

тет город, компания. Размеры увеличиваются, но при этом не все линейно пропорционально, меняются соотношения. Ведь инвариантна структура системы, и приrostы должны быть разные. Назывались разные показатели. В какой-то момент остановились на пяти процентах. Но ведь это нереально, абсурдно наращивать в одном и том же темпе и нефтедобычу, и высокоточное машиностроение, и книгоиздание. Если у ребенка все части тела будут развиваться с одинаковым темпом, то к взрослому состоянию его голова достигнет троекратно больших размеров. Госплан же линейно всё растил. Естественно, возникали нестыковки, появлялись дефициты, выбрасывались на ветер ресурсы. Ну и, конечно, сыграло свою роль и то обстоятельство, что по сравнению с 40—50-ми годами само народное хозяйство качественно усложнилось, а система управления им осталась неизменной. Да, работы по усовершенствованию системы имели место. В 70—80-е годы непрерывно пи-

сались разные методики, разрабатывались модели оценки эффективности, пересматривались ГОСТы и СНиПы. Были целевые отраслевые институты, изыскивавшие возможности, как усовершенствовать управление в той или иной сфере народного хозяйства. Да, всё это было — но без должного азарта, без вызова, без пафоса, под бдительным надзором «сверху»: чтобы мы не переборщили с поисками нового. А потому все эти наработки оказались никчемными — как та самая распечатка АСУ директора завода — с соответствующим к ним отношением как к тому, что является сугубо «для галочки». Тем не менее все эти попытки улучшить ту систему планирования и управления представляют собой очень ценный опыт. Ведь по сути тогда без серьезной теоретической проработки, без предварительного опыта аналогичных проектов удавалось проводить серьезные научные исследования проблем и достигать высокого уровня их осмысливания. Если бы в то время имелись

Учитель высыпает на белый лист бумаги металлические опилки, подносит снизу магнит, и опилки выстраиваются вдоль линий магнитного поля. Затем магнит из-под листа убирается – и опилки снова лежат на бумаге бесформенной кучкой. Так и с концептуальным проектированием. Я вношу интеллектуальный «магнит» в организационную деятельность – и всё сразу становится на свои места, всё четко и понятно.

коллективы, подобные нашему, то у них получилось бы нашупать тот путь, по которому следовало бы двигаться дальше, чтобы при этом и не растерять действительные приобретения, и не допустить скатывания в застой. Ну, а дальше мы упираемся в уже действительно серьезную проблему – нараставшую количественную и качественную сложность. И если с количественной сложностью – увеличивавшимися объемами чисел – еще как-то научилисьправляться, хотя бы с помощью имеющихся вычислительных машин, то прорыва в качественном осмыслении новой реальности, новой онтологии так и не произошло – это было просто невозможно без специальной концептуальной методологии. Я имею в виду мощные технологии работы с понятиями и с системами понятий. Недавно мы анализировали различные отраслевые системы законодательства. Возьмем, например,

природоохранную законодательную базу. В ней сейчас действует порядка восьмисот нормативно-правовых актов. Это кодексы, международные соглашения, федеральные законы, постановления правительства, ведомственные акты Минприроды, Росводресурсов, Рослесхоза, Роспотребнадзора, Росгидромета, Роспотребнадзора, Ростехнадзора, Россельхознадзора, Минсельхоза, Минздрава, Минпромторга, Минфина – понимаю ваше чувство омерзения, – но потом еще идут санитарные нормы и правила, ГОСТы и прочее. В них – несколько тысяч понятий и терминов. Такой массив крайне трудно усвоить, запомнить, где и о чем написано. То есть понятийную и терминологическую сложность не ухватишь голыми руками. Одновременно владеть примерно двадцатью предметными дисциплинами, чтобы работать с таким законодательным комплексом, че-

ловеческому мозгу невозможно. Их не получается систематизировать не только в голове, но и в специальных информационных технологиях ведения. А вот концептуально-логическими методами это делать можно. Эта сложность не осознается должным образом. О ней пишут и говорят в узких кругах, но делают это совсем не так, как следовало бы. Не осознается, например, что восемьсот законов и актов об охране природы от хозяйственной деятельности – ну, это безобразие, и с этим что-то надо делать. В 88-м году я был ответственным исполнителем одной научно-исследовательской работы, посвященной логизации законодательства. Мы придумали концептуальную схему проектирования идеального по ряду свойств законодательства. Это, кстати, тоже было в русле выковывания меча для ожидающего героя. Взвесив результат, Никаноров пригласил для обсуждения и рецензирования нашей работы двух ведущих юристов из Института государства и права, один из которых был Борис Павлович Курашвили. Они высоко оценили нашу работу, новизна которой сводилась к воплощенной мечте о том, что сотни документов удерживать вполне реально – просто для этого нужна определенная технология. Потом Курашвили озвучил идею, что многие сотни законов вовсе и не требуются, нужно бороться с этой чрезвычайной регламентацией всего и вся, достаточно вообще оставить двадцать–тридцать законов Гражданского кодекса, а об остальном хозяйственных субъекты сами договорятся между собой. М-да... Что мы имеем сейчас? Ежегодно Дума принимает сотни законов, а правительство выпускает тысячи постановлений. То есть производство этой регламентирующей документации

тации возобновилось и происходит с невероятной скоростью, но уже без оглядки на то, что часто одна норма не стыкуется с другой. Но конвойер всё равно работает без остановки: надо имитировать бурную деятельность и получать за нее все причитающиеся награды. Поэтому первоначально необходимо концептуальное конструирование. Чтобы сорганизовать деятельность многих, нужно иметь единую концепцию, и деятельность конкретных людей выстроится как ее операционализация. Вот скажите, какая главная цель у Минздрава? Вы думаете снизить смертность населения и улучшить состояние его здоровья? Ничего подобного! Называются совершенно иные ориентиры, и даже слова используются совсем уж какие-то канцелярские — типа «кайкооборота», «числа пролеченных». А какая цель у МВД? Прочтите Положение о министерстве, потом вдумайтесь в показатели и критерии так называемой эффективности.

— Ну, тут должно быть всё четко прописано — декриминализация.

— Нет! Нет там таких слов. Говорится о другом. Например, о раскрываемости преступлений. Но как увеличивается этот показатель? Самый легкий способ увеличить раскрываемость преступлений — это сократить их... «регистрируемость»... Словом, работать в этом направлении можно и должно. Для этого, во-первых, нужно стратегическое системное решение руководства и, во-вторых, нужна критическая масса людей, которые понимают ситуацию в том ключе, в каком я о ней рассказываю, которые обладают рычагами влияния и которые мотивированы действовать в указанном направлении. И которые понимают, что это реально можно сделать, что это

получится. А сейчас такой критической массы нет. Имеются отдельные мыслители, аналитики, теоретики, практики, осуществившие чудеса новых организационных форм, просто «предлагатели всего хорошего», критики «всего плохого», даже небольшие работоспособные группы — типа нашего «Концепта», — но этого недостаточно. Вот это главное. И этой критической массе придется взяться за дело даже в том случае, если шансы на успех будут представляться минимальными. Другого выхода просто нет. Да и на Западе уже тоже подошли к осознанию необходимости менеджмента нового поколения. Понятно, что если мы говорим о насущной потребности новой управляемой культуры, то делаем это по той простой причине, что стоим на краю пропасти, а их мотивация совершенно другая — оптимизировать имеющиеся наработки, изыскать дополнительные возможности извлечения капитализации. Ну и нормально — мы и они подходим к одним и тем же технологическим решениям, но с разных сторон и по разным причинам. Вон Питер Сенге говорит о «самообучающейся организации». Разве Госдеп США построен в соответствии с какой-либо концепцией? Нет. Так же, как и МИД РФ. На какой концепции основывается Минпромторг РФ? Ни на какой. Есть чиновники, начальники, департаменты. А какая организационная концепция, какая теория организации? Никакие. То, что мы себя сами строим, в принципе не рассматривается. А если начать это рассматривать и изучать, то тогда сразу посыплются вопросы: какими методами мы себя строим, кто строит, а кто функционирует? Кто отвечает за то, что проект правильный, а кто отвечает за то, что его реализация правильная, и за

то, что его текущее функционирование правильное? Вот если начнет складываться понимание по всем этим вопросам, если разрозненные озарения и догадки станут стягиваться, как воронку, в некое кумулятивное осознание, то значит, процесс самоорганизации уже близок.

— Захирджан Анварович, то, о чем вы говорите, можно назвать культурой больших проектов, культурой больших структур. И ваша проработка пространства, топографии такой культуры буквально филигранна.

— «Культура структуры» — мне понравилось, у нас не было такого словосочетания.

— Да, культура структуры. И в советские времена этим занимались прикладным образом. Возьмем хотя бы наши научограды — нынешние ЗАТО. Стерженев — это градообразующее производство, как правило — научноемкое производство или просто конструкторский, разрабатывающий, проектирующий центр. А вокруг этого стержня накручивается социальная инфраструктура и всё остальное.

— Город-функция.

— Да, город-функция, очень верное определение... Захирджан Анварович, мы уже довольно долго говорим, и в результате, я надеюсь, читателям будет понятен тот контекст, в котором группа Никанорова начинала в советское время, чего вы добивались, как воспринимали окружавшую действительность. Ясен и сегодняшний контекст, о котором вы так подробно рассказали. И сейчас хочется узнать все-таки более детально о том, как вы сейчас работаете. Я в данном случае имею в виду не ваши инструментарий и методологию, а скорее ответ на вопрос, где и почему деятельность «Концепта» оказывается востребованной. Почему заказчики обращаются именно к вам, несмотря на то что вы, как я понял, — очень не-

Никаноров, а также будущий академик и создатель советской школы искусственного интеллекта Гермоген Сергеевич Поспелов некоторое время работали в США в проекте «Поларис», в рамках которого разрабатывалась одноименная баллистическая ракета (на фото) для атомных подводных лодок.

удобные исполнители, потому что никогда не идете на конъюнктурные компромиссы.

— Хорошо, тогда я начну прямо с ответа на последний вопрос. Когда мы встречаемся с потенциальным заказчиком нашего продукта, рассказываем ему о своих возможностях, об уже имеющихся у «Концепта» наработках в близких проблемных областях, то в десяти случаях из десяти — ну, может, в девяти случаях из десяти — этот человек стоит на неколебимо скептической позиции: мол, ничего из этого не выйдет, ничего не получится, в России это не внедряется, все реформы терпят крах и тому подобное. И я

обычно отвечаю на это: да, всё это действительно так, и шансы на успех не очень велики, но одна из причин — возможно, главная причина, — почему в нашей стране не удается ничего сделать, заключается в том, что ничего не предъявляется. То есть нет проектов, которые хотя бы на уровне оперативных моделей демонстрировали ту или иную эффективно функционирующую сложную структуру. В реальность этого не верят, потому что никто ни разу не пробовал предъявить такую модель. Если нажать на выключатель, то зажечется свет. Но до тех пор пока не сделаешь этого, можно и не верить в то, что лампочка загорится. Я вспоминал пьесу Шварца. Ведь пока не появился Ланцелот, никто не верил в то, что можно убить дракона. А отдельные люди верили и ковали меч для того момента, про который никто не знал, когда он наступит. Трудно сказать, кто в нашей

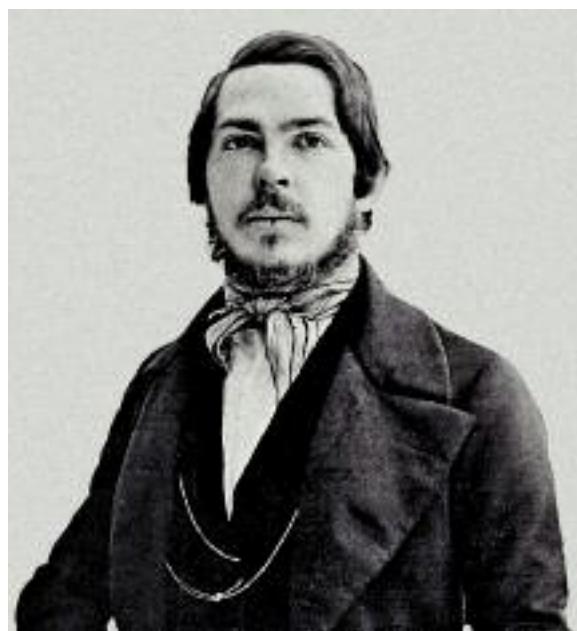
ми разработками. Надо ездить по стране, брать заказы — ведомственные, региональные, муниципальные. И пусть на малом плацдарме, на небольшом полигоне, но выстраивать что-то дееспособное и — главное — практическое. А Никаноров мне возражал в том ключе, что не следует размениваться на мелочи, надо как раз пока не выходить за пределы кабинета и заниматься оттачиванием и совершенствованием тех теоретических разработок, которые у нас имеются на данный момент. То есть не торопиться с демонстрацией меч — это я опять к образности Шварца, — а делать его еще острее, еще совершеннее, еще эффективнее. И при этом не соприкасаться с миром, потому что мир сам к нам придет, когда дозреет до осознания необходимости сделать такой шаг. У Никанорова даже лозунг такой был: «Нас должны начать искать!» — а вот когда они к нам якобы придут, тут-то мы и продемонстрируем весь арсенал наших возможностей.

— А Никаноров продолжал руководить вашей неформальной группой и в постсоветские времена? Вы сказали про поиск возможных заказов по стране — а это явно постсоветская реалия.

— Поиском заказов я занимался сам, Никаноров этот практический срез нашего существования не курировал. Ему было предоставлено всё необходимое для написания серии монографий — кабинет, наборщица и корректор, макетировщик, он круглогодично сидел и писал книги. Практически немедленно я эти книги издавал. А внедрением и даже апробацией идей он не занимался. Наоборот, он не раз повторял: не надо этим заниматься, не надо тем заниматься, не надо ездить в непрерывные командировки — у нас работы шли по всей стране, от

Южно-Сахалинска, Омска, Перми, Воронежа, Твери до Санкт-Петербурга, — лучше сидите и разрабатывайте рода структур да нормальные операции. А как и когда эти операции будут применяться, не объяснял. Этого и до сих пор в широком окружении «Концепта» никто не понимает. Кто-то из представителей школы Никанорова что-то уяснил про понятия, кто-то — про теорию множеств, кто-то — про теорию систем, но держателей, скажем так, «гипотезы Никанорова» в ее целности и совокупности не существует. Считать меня «хранителем ключей от школы», как вы сказали в самом начале беседы, — преувеличение. Но в конечном итоге я со своим стремлением апробировать наши наработки на практике, переведя постепенно НИР в НИОКР, в технологии проектирования, не ошибся. Методология развита и превращена в технологию, она проверена и усовершенствована в экспериментах с различными объектами. А практический опыт работы с властями разных уровней! Это язык трансляции наших рекомендаций. Приходилось использовать пойрой и самые разные уловки — от увещеваний до «страшилок». Случались и арбитражные процессы, которые мы регулярно проигрывали, поскольку настаивали, что делать надо не то, что записано формально в техническом задании, а то, что действительно следует предпринимать в данной ситуации. Мы научились ставить цели, разбираться в проблемах, в людях и конфигурировать благоприятные проектные ситуации. Наше ноу-хау тиражируемо и может перетекать из моей головы в чужую голову. Мы работаем со студентами МФТИ, причем сразу окунаем их в какой-нибудь конкретный проект. И через какое-то время они гово-

рят, что им стало скучно с однокашниками, что они начали по-другому, иначе видеть проблемы и походя решать их. Помните известный школьный опыт на уроке физики? Учитель высыпает на белый лист бумаги металлические опилки, подносит снизу магнит, и опилки выстраиваются вдоль линий магнитного поля. Затем магнит из-под листа убирается — и опилки снова лежат на бумаге бесформенной кучкой. Так и с концептуальным проектированием. Я вношу интеллектуальный «магнит» в организационную деятельность — и всё сразу становится на свои ме-

В письме Фридриха Энгельса (на фото) Конраду Шмидту говорится о том, что после отделения торговли деньгами от другой торговли — товарами — первая начинает развиваться по своим собственным законам. Это и есть обособление, или относительно независимое существование того, что надстроено. Возникают ростовщические деньги, финансовый капитал, деньги продаются как деньги, появляются акции, а позже — теперь каждая домохозяйка это знает — деривативы. Вторичные деривативы... То есть происходит обособление за обособлением, в старом организме идет бурная новая жизнь.

ста, всё четко и понятно. Или другой пример. Мы же с вами понимаем, что такое прямоугольник. Я говорю: «Прямоугольник», — и у вас в голове возникает тот же самый прямоугольник, что и у меня. И у любого третьеклассника возникает в голове то же самое. То есть у каждого из нас в сознании есть идеальная конструкция прямоугольника. Вот вам первая концептуальная конструкция, которой две с половиной тысячи лет и которая возникла вследствие потребностей измерять площадь пашни и сравнивать участки земли. Если один и тот же конструкт присутствует в нескольких головах, то эти головы могут действовать согласованно. И никакая совместная деятельность невозможна, если отсутствуют одинаково пони-

маемые цели и одинаково понимаемая схема деятельности. Это как бы идеальное магнитное поле, задающее рамку возможности что-то сделать. А дальше начинаются чисто человеческие проблемы: один опаздывает, другой стремится смошенничать, третий пытается недоработать и уйти пораньше. Поэтому на магнитном поле конструкта возникают разного рода «надстройки» типа правового обеспечения, регламентов, мотиваций, представлений об ответственности и прочего. То, что у нас обычно выдается за самое главное — финансовое обеспечение, кадры, материально-техническая база и тому подобное, — это всё вторично. Главное — это то, что целевая деятельность людей должна быть организована по некото-

Пока сложившаяся система более или менее функциональна – она так или иначе выполняет свое предназначение. Но наступает следующий этап – система слежалась. Представьте себе старый заброшенный дом, некоторые этажи которого просели и срослись с нижними этажами. Опрокинем этот образ на систему. Такая система в принципе не подлежит реформированию, поскольку любые попытки что-то в ней изменить грозят обрушить разом всю конструкцию. Поэтому обитатели слежавшейся системы больше всего на свете боятся перемен и сопротивляются им.

рой конструкции, по некоторой концептуальной схеме, разделяемой всеми в качестве некоего базового консенсуса, и при этом она должна отражаться в нормативных актах, фиксироваться ими. Без концептуального проектирования управляемость не восстановить.

– Заходиан Анварович, про опилки было всё понятно, про прямоугольник тоже, но потом – по мере ваших дальнейших рассуждений – стала ощущаться острая нехватка конкретики...

– Хорошо, перехожу к конкретике. Итак, с чего начал Никаноров? Он, а также будущий академик и создатель советской школы искусственного интеллекта Гермоген Сергеевич Поспелов некоторое время работали в США в проекте «Поларис», в рамках которого разрабатывалась одноименная баллистическая ракета для атомных подводных лодок.

– То есть как это так?..

– Понимаю ваше изумление. Я и сам узнал об этом факте из

биографии Никанорова только спустя тридцать лет после знакомства с ним. Да, оказывается, было такое начинание, когда по договоренности между Хрущевым и Кеннеди в качестве конкретного практического шага в направлении разрядки и налаживания взаимного доверия между СССР и США большая группа – двести человек – советских ученых, имевших отношение к оборонке, была командирована поработать в, так сказать, «братьской» в кавычках отрасли. Ну, понятно, что они там много всего «позаимствовали» «по-братски», и потом это было воплощено в соответствующих советских изданиях. Сети PERT он привез оттуда. Конфигурационное управление к нам попало в связи с этим сотрудничеством. Эти американские системы управления появились у нас «вдруг, откуда ни возьмись». Никаких теорий управления до 60-х годов, даже осмысле-

ния их не было. Вернувшись, наши люди попали в странное двусмысленное положение. Хрущева уже не было: при нем поехали, а вернулись при Брежневе. То, что Никаноров был знаком с министром обороны США Робертом Макнамарой, я знаю от Марины Александровны Лактаевой. Она устроила ему встречу с Макнамарой уже в наше время, году эдак в 2005-м, может быть – в 2008-м, – когда он приехал на пагушскую конференцию в Москву при помощи Александра Ивановича Бучнева. Никаноров с Макнамарой разговаривали по-английски почти полчаса. Не знаю, правда, о чем.

– Фантастика! Никогда ничего не слышал об этой групповой командировке. Это, конечно, ничего не значит, но всё равно трудно поверить, что такое могло быть после Карибского кризиса и на фоне набиравшей обороты гонки вооружений.

– А вот все-таки было. Я сейчас не буду касаться сугубо военно-технических аспектов этой совместной работы над «Поларисом» – да я их и не знаю, – а скажу о том, чем конкретно занимался Никаноров. После возвращения в СССР он написал и издал статью о конструировании организаций как этапе развития теории систем в США. Эта статья была как гром среди ясного неба. Потом он участвовал в переводе книги о системном анализе, а возглавлял группу переводчиков Побиск Кузнецова. С английского переводили, последовательно сменяя друг друга, три группы. Наконец, Побиск Георгиевич подрядил группу под руководством Майи Васильевны Крут – заведующей кафедра иностранных языков МФТИ. Она делала перевод, каждую главу досконально обсуждали на семинаре в ЛаСУРСе – Лаборатории систем управления разработками систем, –

по поводу каждого термина дискутировали: что такое система, что такое функция, как адекватно перевести эти и другие понятия? Никаноров во всём этом участвовал, а потом свел воедино результаты работы всех переводчиков. А Поспелов подготовил к изданию другую часть системного анализа — программно-целевое планирование и управление: то, что обозначается аббревиатурой PPBS — *Planning-Programming-Budgeting System*. Работавший над переводом под началом Поспелова его ученик — Валерий Алексеевич Ириков — стал потом деканом факультета управления и прикладной математики того же МФТИ... Понятно, почему Никаноров по итогам своей командировки в США написал статью о проектировании и создании организаций. Просто американцы поняли, что технические системы приобрели такой большой масштаб, что ни одна организация не в состоянии в одиночку их понимать, делать и поддерживать. Для этого требуются десятки тысяч людей, сотни компаний, фирм — субподрядных, субсубподрядных и так далее. «Поларис» делали две тысячи компаний с двенадцатью уровнями субподрядной кооперации. Так и возникло сетевое планирование. А у нас вся эта системотехника пошла не в ту сторону. Не знаю, руководство не поняло, побоялось трудностей или не было в ней заинтересовано — может, всего понемногу. Да, потом разрабатывались оптимизационные модели, развивалось исследование операций, что-то делалось, но при этом как-то ушло то, что все эти разработки являются составными частями методологии системного решения проблем. Поэтому у нас оптимизационные модели никогда и нигде в экономике не применялись. Докторские диссер-

тации по ним защищались — но не более того, никакого внедрения в государственное планирование или управление не последовало. Исключение составили разве что сетевые графики и сетевое планирование для технических систем. Например, головной институт Минэнерго СССР делал сетевые графики строительства крупных электростанций на десять тысяч событий, но при этом не возникло понимания, что и организации, занимавшиеся этим строительством, должны быть скординированы.

— На какое время пришелся пик разработок в этом направлении? Какие это годы?

— Это в основном 60-е и начало 70-х. «Системный анализ» опубликован в 71-м. Но к 80-м уже наступил застой. Повторю, что чинившиеся «сверху» препятствия были деструктивны даже не столько сами по себе — хотя в условиях директивного управления их значение трудно переоценить, — сколько опосредованно: своим демотивационным эффектом. Отказ от практического внедрения разработок и, следовательно, отсутствие зримого, ощутимого эффекта от них разлагали людей, вгоняли их в то самое уныние, о котором я говорил. И сейчас мы наблюдаем во многом похожую ситуацию. С чиновником происходит такая самая «обыкновенная история», потому что он думает: «Всё равно не получится ничего исправить, поэтому будь-ка я лучше думать о том, как пополнить свои доходы с помощью тех возможностей, которые мне дает моя должность». И правильно — не получится, до тех пор пока не будет предъявления. А предел падения — это когда как бы предъявляющий и принимающий решения просто договариваются, чтобы ничего не получилось, и «пилят» отпускаемые фонды и ресурсы.

Можно подробно показать, как именно в большой системе происходит потеря управляемости. Образно говоря, что из какого прямоугольника проистекает. Вот она — теория систем в чистом виде. Есть динамические системы, есть статические системы, есть рас тущие, развивающиеся системы. Как спроектировать развивающуюся систему? Как организовать сельское хозяйство как динамично развивающуюся систему? То ли больше коров разводить, то ли — племенных быков? Как определить, чтобы всё это развивалось сбалансированно? Эти и подобные им вопросы оставались и остаются без ответов. Технические системы наращивали. Мы до сих пор ими пользуемся и даже какие-то новинки типа «Арматы» достаем из старых наработок. Но организация управления как была архаичной, так архаичной и осталась. Вернее, даже не осталась, а заметно ухудшилась. Я специально не подсчитывал, но навскидку могу предположить, что эффективность снизилась в десять раз по сравнению с советским периодом. Получается парадоксальная ситуация. С одной стороны, по всем видимым параметрам люди сейчас в материальном отношении живут гораздо лучше, чем при Сталине. Но с другой стороны, за этот очевидный рост благосостояния платится невероятно высокая цена. Если бы частная фирма функционировала подобным образом, то она разорялась бы каждые полчаса. Советский Союз не разорялся, потому что он не был открытой балансовой системой — что производил, то и проедал. Теперь же, когда Россия стала открытой системой, экономика прошла несколько дефолтов, да и сейчас балансирует на грани из-за зависимости от цен на энергоносители на мировых рынках. А меж-

ду тем принципы регулирования усложняются, схемы организации деятельности усложняются, но отстают и гибкого внесения изменений не обеспечивают. Структуры окостеневают, затем придумывают себе работу, чтобы их не ликвидировали, и начинают вести обособленное существование. По поводу феномена обособления я вспоминаю замечательное, но совершенно не цитируемое письмо Фридриха Энгельса к Конраду Шмидту. В этом письме говорится о том, что после отделения торговли деньгами от другой торговли — товарами — первая начинает развиваться по своим собственным законам. Это и есть обособление, или относительно независимое существование того, что надстроено. Возникают ростовщические деньги, финансовый капитал, деньги продаются как деньги, появляются акции, а позже — теперь каждая домохозяйка это знает — деривативы. Вторичные деривативы... То есть происходит обособление за обособлением, в старом организме идет бурная новая жизнь. Если использовать эту образность, то можно увидеть, что в больших организациях также случаются обособления: возникают группировки с разными целями, начинаются конфликты. Причем речь в данном случае не только о государственных структурах, но и о частных корпорациях. Внутри и тех и других формируются индивидуальные и групповые субъекты, которые работают на себя, а не на организацию-работодателя. То есть обособление — это первая концептуальная модель, о которой следует сказать в контексте рассуждения об утрате управляемости. Вторая концептуальная модель — это цепочка последовательностей: «сложившаяся система» — «слежавшаяся система» — «осыпавшаяся система». Что значит — система сложилась? Для иллюстрации прибегну к образу корабля, днище которого оббросло ракушками. Так и сложившаяся система представляет собой конгломерат разных эпох, разных идей и мыслей, разных руководителей, которые давно ушли, и их управляемых наследий. Но пока, тем не менее, эта сложившаяся система более или менее функциональна — она так или иначе выполняет свое предназначение. Но наступает следующий этап — система слежалась. Представьте себе старый заброшенный дом, некоторые этажи которого просели и срослись с нижними этажами. Опрокинем этот образ на систему. Такая система в принципе не подлежит реформированию, поскольку любые попытки что-то в ней изменить грозят обрушить разом всю конструкцию. Поэтому обитатели слежавшейся системы больше всего на свете боятся перемен и сопротивляются им. И наконец, третий этап — это осыпание, разрушение слежавшейся системы, сохранить которую не помогло даже то, что ее обитатели замерли и вообще не шевелились. Эти три концептуальные модели дают исчерпывающее представление о том, что собой сегодня представляют управляемые структуры. В них totally отсутствует какая бы то ни было субъектность. Россия — бессубъектная — или очень уж мультисубъектная? — пустыня, в которой, кроме президента, нет субъектного начала. А ведь только при наличии такого начала возможно концептуальное проектирование. Люди приходят на работу, что-то делают, а сами при этом не верят в то, что их труд принесет какие-то позитивные результаты. И чем выше должности, тем сильнее неверие.

— Хорошо, но эти управленцы, которые не верят в самих себя как управленцев, на что вообще рассчитывают? Они же должны понимать, что у системы запас прочности не вечен. Прибегая к вашей концептуальной модели, можно сказать, что система слежалась и вот-вот начнет осыпаться. И что они тогда станут делать? Рассчитывают на то, что успеют вывести свои активы на заграниценные счета и уехать? А пока напоследок торопятся еще что-то «попилить»? Хочется понять их мотивацию.

— Кто-то действительно дорабатывает и одновременно пакует вещи. Это влиятельный, но вместе с тем небольшой слой. А основная масса о том, чтобы уехать, думает как о возможной, но пока еще отдаленной перспективе. Нет у нас сейчас общепризнанного гуру, который ходил бы и говорил: это кончится вот этим, а это — вот этим, это плохо, так не надо делать — а надо делать вот так. Нет субъекта порядка, причем под таким субъектом я понимаю уже не личность — того или иного гуру, вождя или национального лидера, — а правильную, рациональную, эффективную управленческую структуру. Корень всех наших проблем — в отсутствии такой структуры. В отсутствии ее ценностного признания всеми. Во второй половине прошлого века наступила эпоха сверхбольших организаций, сложных структур. Но осознания, понимания этой трансформации не произошло. Получается, что де-факто уже имеется некий организационный уровень существования материи, но вместе с тем этот уровень движения не воспринимается, не изучается как нечто материальное. Никаноров говорил: «Нужно овладеть разнообразием социальных форм». И этот призыв не просто сохраняет свою актуальность, он по-настоящему никем и не воспринят, не услышан. Вот мы, наш центр, би-

лись и бьемся над тем, чтобы всегда можно было достать некий аналог «таблиц Брадиса», найти в нем нужную социальную формулу и применить ее на практике. Нужны технологии, нужен концепт такой конструкции, которая адекватна сегодняшней ситуации. Эта конструкция должна быть правовым образом точно закреплена. И надо очень серьезно работать над трудовой мотивацией. Необходимо материальное стимулирование, но главное — почти исчезнувшее — психологическое и моральное. Чтобы каждый чиновник гордился: «Я — профессиональный госслужащий, я — профессиональный управленец».

— У нас сейчас чуть ли не в каждом вузе учат «деловому администрированию» по программам МВА...

— МВА — это управляемый фарс. Нынешнее управление не может быть таким, какому продолжают учить по западной модели. У нас привыкли отмахиваться: мол, у них всё хорошо, а здесь всё плохо, поэтому давайте будем просто копировать то, что есть у них. Да не хорошо у них, а плохо, серьезные управляемые проблемы имеются. Толкуют, что господин Обама не смог реализовать реформу здравоохранения США. Не смог именно из-за ее недостаточной концептуальной проработки. И в итоге пятьдесят миллионов граждан — страшно подумать! — не имеют медицинской страховки и соответствующей медпомощи. И это в ведущей мировой державе! Когда Тэтчер возглавила британское правительство после нескольких лет правления лейбористов, новые чиновники-консерваторы пришли в ужас: какой беспорядок в государственном управлении оставили им в наследство лейбористы. И новое консервативное правительство стало в

спешном порядке издавать государственные регламенты, выпустили более двадцати томов. Ну, это же просто повторение советского опыта регламентирования. А уже потом, в наше время, Греф обратил внимание на этот опыт у англичан, когда стал вводить свои административные регламенты. Не знаю, был ли он в курсе того, что он внедрял в основе своей не британский, а советский опыт, когда вводил свой НЭП.

— Греф вводил нэп?

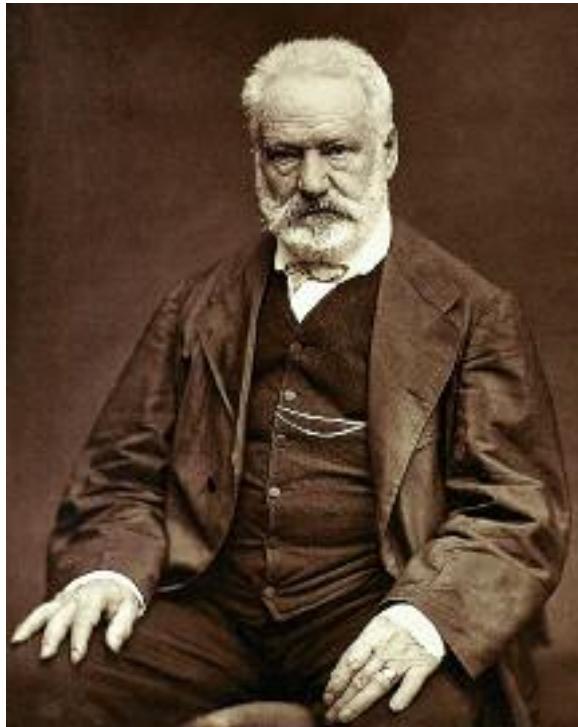
— Тут игра омонимов. Вводился не нэп — новая экономическая политика. НЭП — это аббревиатура установки: «Навести элементарный порядок».

Герман Греф (на фото) вводил не нэп — новую экономическую политику, — а НЭП — это аббревиатура установки: «Навести элементарный порядок». А уже после такого НЭПа должна начинаться высшая алгебра — концептуальная. Как вовремя подвозить к киоску коробки со сникерсом — давно ясно и понятно.

док». А уже после такого НЭПа должна начинаться высшая алгебра — концептуальная. Как вовремя подвозить к киоску коробки со сникерсом — давно ясно и понятно. Да что там киоск — даже для завода с номенклатурой в тридцать или сорок тысяч изделий имеется соответствующее программное обеспечение, позволяющее грамотно организовать его работу. Это всё, образно говоря, концептуальная арифметика, с ней никаких проблем нет. А я имею в виду более высокий уровень — концептуальную алгебру уровня корпораций, министерств, гуманитарной сферы. И вот тут начинаются проблемы. В том числе и из-за того, что нет грамотного подступа к такой концептуальной алгебре — не приходит гуру, который задал бы целеполагание. Не может быть никакого эффективного управления без целеполагания. Значит, сначала гуру должен за-

дать цели, которые отвечают законам развития. Следовательно, требуется знать законы развития той или иной системы, отрасли, сферы и выбрать цели в соответствии с интересами работающих там субъектов. А для этого таким субъектам надлежит научиться артикулировать собственные интересы, искать компромиссы, находить баланс сил. Если со всем этим разобрались, то можно переходить на следующий уровень — собственно стратегического, долгосрочного и смыслового целеполагания. Я прохладно отношусь к разного рода дискуссиям на тему: кто мы, откуда мы и куда идем. Неучаствую по одной простой причине: потому что даже если участники таких дискуссий и придумают себе какие-то ответы на эти вопросы, у них всё равно ничего не выйдет. Для того чтобы вышло, нужно иметь в наличии все этажи пирамиды: государственное управление,

Виктор Гюго (на фото):

«Нет ничего сильнее идеи, время которой пришло».

законы, регламенты и прочее. Эти дискутанты могут сказать: «Мы – великая цивилизация, мы всех опередим». Отлично, а дальше-то что? Дальше нужно быстро разрабатывать тысячи документов, устанавливать правила игры, мотивировать сотни тысяч людей, ориентировать их и формулировать для каждого из них его собственные маленькие цели. Я ведь неспроста задавался вопросом, какая цель у Минздрава. У нас был заказ – разрабатывали целевые установки для системы здравоохранения на областном уровне. На уровне не абстрактной системы, а вполне конкретной – Ленинградской области. Какая должна быть цель у районного главврача? Его цель – снизить смертность на подведомственной территории. Не абстрактно «пролечить» количество, а именно снизить смертность, то есть добиться иного качества. Цель у медсестры больницы того же самого района – совсем другая: не снизить

смертность, а вовремя и качественно сделать уколы и другие процедуры, поставить капельницы. Да, опосредованно эта медсестра работает на ту же самую цель районного главврача – участвует в системе мер, направленных на снижение смертности. Но в такой формулировке цель не должна быть поставлена перед ней. И вот эта эмерджентность – точнее, неочевидная декомпозируемость – у нас, как правило, отсутствует. Поэтому, пожалуйста: можно сколько угодно заниматься рефлексиями, анализом и самополаганием. Но потом-то всё равно придется обращаться к нам за концептуальным обеспечением любого подобного начинания – если, ко-

полнение этого рутинного уровня должно быть гарантировано. Переходим на следующий – управленческий – уровень. Целеполагание здесь должно стать нормой практики. У нас если кто-то начинает заниматься целеполаганием – просто умозрительно, – то уже чуть ли не оппозионер, потому что претендует на выработку альтернативных решений. Институты проектирования должны быть четко отделены, ограничены от всяких потребностей, желаний, не говорю уже – от завильтальных идей разных «идеологов». И вот, кстати, об идеологии. Это – следующий этаж нашей пирамиды. Если нет идеологии – хорошо, назовем ее иначе – высшими ценностями например, – то нет и не может быть никакой осмысленной деятельности. Нельзя, невозможно просто заработать, поесть и поспать. Нет таких обществ и государств, которые могли бы существовать в такой системе координат. Осмысленная человеческая деятельность идеологизирована. Для меня интереснее другой вопрос: а как управляться с идеями? А если идеи начнут бороться друг с другом? Ведь идеи – самые «кровожадные» сущности. Существование одной идеи нестерпимо для другой идеи. Одна идея будет бороться с другой идеей, пока полностью не уничтожит ее – без всякой логики и аргументации. Если идея овладела некоторой массой людей, то эта масса станет уничтожать другую массу людей – ту, которой овладела другая идея. Значит, необходимы институты экспликации, артикуляции и согласования разных идей – этого недостает и нашей культурной политике. Правые и левые, либералы и консерваторы всех мастей и оттенков не могут договориться: кто мы такие, какие у нас общие цели и какие ресурсы на что мы

тратим. Никакие институты планирования не могут внести ясность в эти вопросы — эти институты делают металл, нефть, дороги, мосты, стекло, покрышки, а кто должен делать смыслы? Общая социальная рефлексия, которая будет возрастать, — это ресурс. Причем ресурс неизмеримо более мощный, чем мускульный, силовой, машинный или энергетический. Виктору Гюго принадлежит высказывание: «Нет ничего сильнее идеи, время которой пришло». Я хочу понять, почувствовать хотя бы — пришло время идеи, которой занимается «Концепт», или еще не пришло. О том, что мы тут нарабатываем, надо писать и писать. И только тогда, может быть, выйдет какой-то толк. О каждом нашем проекте хорошо бы написать по две-три книги и по паре десятков статей. У нас в архиве 1542 тома отчетов по проектам и НИР. И каждый том — подчеркиваю, каждый! — содержит новизну. Если я буду редактировать и издавать по одной книге в день, то уйдет более четырех лет. А если по одной в неделю, то 29 лет... Я не могу. И при этом надо преподавать нашу методологию во всех вузах — и в университетах, и в авиационных, и в сельскохозяйственных. И так далее. Причем преподносить эту методологию как некий комплекс взаимосвязанных дисциплин — логики, теории систем, основ рефлексии, основ системотехники, основ управления и других — близких — предметных областей.

— Хотите вырастить целую армию кандидатов в Ланцелоты?
— Да вот всё время приходится раздаваться. С одной стороны, продолжать ковать меч для ожидаемого Ланцелота, а с другой стороны, самому порой махать небольшой копией этого меча, брать на себя кусочек миссии этого героя. Поэтому сейчас крайне востребо-

ваны те, кто возьмет на себя задачу популяризации нашей деятельности и наших разработок. Вот как вы, например, в вашем альманахе. Информация о нас должна расходиться широкими кругами. И конечно, надо самым серьезным образом продумать вопрос о том, как, на каком языке транслировать наши наработки. Никаноров учил нас быть предельно дотошными, пунктуальными и даже занудными при работе с языком. Для этого мы и оттачиваем синонимы с омонимами, занимаемся вычленением понятий, их «расчисткой», группированием, обобщением, придумыванием новых терминов и так далее. Работы тут — на годы. Я вот, например, не вижу, не знаю и не могу придумать или нарисовать способ перевода наших концептуальных операций на английский язык. Я уж не говорю — на китайский язык. Почему? Потому что для такого перевода надо быть в равной мере виртуозом и в иностранном языке, и в нашей концептуальной области. Бесмысленно же переводить слово «концептуальный» словом *conceptual*, это ровным счетом ничего не значит. *Conceptual* — это «понятийный», но никак не «концептуальный» в нашей интерпретации. А таких виртуозов-переводчиков, которые способны понять и передать все эти оттенки, нет. По крайней мере, я их не знаю. Но заезжий не появится, до тех пор пока с нашей стороны не будет масштабного предъявления. А перевести хотя бы на английский надо: ведь понятно, что наша методология — это общечеловеческое культурное достижение.

— То есть на сегодня вам остается заниматься спасением управлеченческой культуры здесь и сейчас в режиме интенсивной терапии?

— Да, именно этим. Ничего другого пока нет. И параллель-

но шлифуем собственный концептуальный русский новояз со своими нормами и правилами, на котором только и можно работать. Нельзя писать формальные документы на богатом литературном русском языке с оттенками. Надо писать без оттенков, потому что в противном случае заложишь размытость, и исполнитель промахнется. Наш тезаурус — это специальным образом подобранный, ограниченный, отшлифованный русский язык с определенными правилами построения фраз, но вместе с тем язык, вытекающий из естественного языка.

— Захирджан Анварович, большое вам спасибо за такую основательную беседу. Думаю, что она, с одной стороны, проясняет какие-то аспекты нашего недавнего прошлого, а с другой стороны, провоцирует еще больше вопросов и по поводу упущенных несколько десятилетий назад возможностей, и особенно по поводу текущего момента. Но это, наверное, и хорошо. Вы несколько раз сетовали на отсутствие в настоящее время некой критической массы людей, готовых принять на вооружение вашу методологию. Между тем хорошо известно, что качественный человеческий материал формируется в том числе и в ситуации, когда буквально захлебываешься вопросами, на которые не можешь найти ответа. Да, это рискованный момент. Можно смириться, махнуть на всё рукой — и начать довольствоваться той данностью, в которой существуешь. Но можно и взбрыкнуть, неожиданно для самого себя почувствовать силы и желание начать искать ответы на эти вопросы, чтобы плыть не по течению, а туда, куда хочется... Очень надеюсь, что вы и ваш «Концепт» и впредь будете подавать пример именно такого своеобразного интеллектуального поведения.

8 июля 2015 года

Геннадий Аркадьевич Бордюгов –

кандидат исторических наук, руководитель
Междунраодного совета Ассоциации
исследователей российского общества
(АИРО-XXI)

Профессионалы и советская власть: взгляд из и для нашего времени

Мы привыкли воспринимать как некую очевидность, не нуждающуюся в доказательствах, мнение о том, что главным, системообразующим внутриполитическим конфликтом советской эпохи — конфликтом, унаследованным еще от эпохи дореволюционной, — было противостояние между тоталитарной властью и гражданским обществом. Ну, если и не гражданским обществом как таковым — по причине элементарного отсутствия подобной свойственной западной политической культуре модели общественной связности, — то, во всяком случае, просто обществом: какое-никакое, но общество, не вдаваясь сейчас в его определение, у нас было.

Не ставя под сомнение сам факт указанного конфликта, следует, тем не менее, внести в приведенный взгляд два существенных уточнения. Во-первых, взаимоотношения власти и общества должны описываться гораздо более сложной моделью, нежели простым конфликтом. Да, противостояние между ними действительно имело место и оставалось на протяжении всей советской эпохи исключительно существенной

характеристикой их взаимоотношений. Но одним лишь противостоянием эти взаимоотношения не исчерпывались. Имели место и сотрудничество, и взаимные апелляции друг к другу — равно как и своеобразная игра в поддакки, обоюдные заигрывания по собственным, разработанным каждой из сторон для себя сценариям — либо по режиссуре стороны противоположной. Словом, налицо ситуация, когда конфликтные в основе своей отношения только к напряженности не сводились, но были весьма неоднородными, сложноорганизованными.

Во-вторых, все-таки необходимо разобраться с тем, что собой представляла одна из сторон, а именно — общество. (Власть в этом смысле — несмотря на собственную специфичность, обусловленную тоталитарным характером режима, а значит, своей в принципе нерыночной природой, — была тем не менее гораздо более понятной и верно идентифицируемой в качестве верховного, управляющего начала.) Представляется, что в данном случае гораздо правильнее говорить не об обществе в целом, но лишь об его определенном сегменте, а именно —

сообществе профессионалов, которое и вступало с властью в охарактеризованные выше сложные коммуникации и которое во многих отношениях брало на себя те самые функции, которые в развитых классических демократиях традиционно выполняло и выполняет гражданское общество. Советская власть с самого начала и до самого конца своего существования была вынуждена не просто мириться с существованием подобного «гражданского общества», но и идти ему на определенные уступки, немыслимые применительно к обществу остальному – массовому, находившемуся за пределами этого избранного круга профессионалов, иными словами – рабсилие как таковой. Диапазон таких поблажек был весьма широким – от разного рода спецпайков (которыми, кстати, прикармливались и некоторые сегменты рабсилы) и до того, на что власть скрепя сердце шла исключительно в своих отношениях с сообществом профессионалов: последним позволялось кроме официальной коммунистической идеологии исповедовать что-то еще. Спектр и содержательное наполнение этого «чего-то» варьировалось в зависимости от эпохи и того, что именно власть рассчитывала получить от профессионалов в результате такой поблажки. Скажем, когда после войны потребовалось в кратчайшие сроки создать собственный атомный проект, власть согласилась даже на фактическое «отключение» партийной инфраструктуры от всей атомной отрасли. А в застой, когда советское руководство было уже просто неспособным на подобные радикальные шаги, подчас ограничивались тем, что как бы не замечали откровенно диссидентских настроений, ставших в то время чуть ли не гос-

подствующими в самых разных группах профессионального сообщества.

Такие идеологические привилегии для профессионалов были самыми разными, но всякий раз – вынужденными. Надо сказать, что большевики достаточно быстро осознали, что вовсе не обязательно говорить со всем населением на одном и том же языке. Это допущение осознавалось ими явственно, особых споров и разногласий в партийной верхушке не вызывало. Да, поначалу большевики упирались, им очень не хотелось разбавлять идеологическую однородность управляемого ими населения. Но они поняли, что если будут упорство-

Многие профессионалы ломались, не выдержав собственного умаления до роли обыкновенного чиновника – пусть и высокого уровня. Наглядные тому примеры – судьбы философов Леонида Ильичева, Абрама Деборина (на фото), Георгия Александрова.

вать и пытаться договариваться с профессионалами с помощью одних спецпайков, то далеко не уедут: профессионалов нельзя склонить к сотрудничеству с властью одним пряником или одним кнутом. А вот на ощущение собственной избранности, на положение, при котором им позволено быть не такими, как вся остальная рабсила, русские профессионалы – еще с царских времен ратовавшие за эгалитаризм лишь на словах, а на деле всегда предпочитавшие существовать на некотором расстоянии от народа – по расчетам советской власти должны были клюнуть. Предположение большевиков сто процентно оправдалось: профессионалы действительно оказались чрезвычайно падкими на идеологическую привилегию, и руководству страны оставалось лишь определять длину поводка дозволенного, вокруг чего, собственно, и шли споры в партийной верхушке.

Советское руководство сыграло и на другой характерной особенности русских интеллектуалов – особенностях, также уходящей своими корнями в далекое дореволюционное прошлое: на их страстной любви к хождению во власть – любви гораздо более сильной и горячей, чем к хождению в противоположном направлении – в народ. И этой своей страстью наши профессионалы разительно отличались от профессионалов западных. Те – если, например, говорить о французских интеллектуалах начиная с эпохи Второй империи, а то и раньше – всегда с большим удовольствием критиковали власть, провоцировали ее на реформы, выступали горючим материалом для революций. Но всякий раз, когда эти интеллектуалы одерживали идеальные – а значит, и политические – победы над теми или иными политическими режимами от Наполеона III и до де Голля, они отка-

зывались идти во власть и предпочитали сохранять дистанцию между собой и новым режимом, утвердившимся во многом их стараниями. У нас же интеллектуалы традиционно вели себя прямо противоположным образом: иступленно боролись с властью, обвиняя ее подчас даже в тех грехах, которых она даже и не совершала, но когда им удавалось эту самую власть свалить, они изо всех сил устремлялись на освободившиеся вакансии — конечно, не первых лиц, но вместе с тем часто далеко и не последних, — забывая при этом, что заваривали всю эту кашу, по крайней мере декларативно, ради народа, а не для собственного нового трудоустройства. И когда такой интеллектуал дорывался до чаемого им места, он довольно быстро растрачивал не только свой революционный пыл, но часто и те профессиональные качества, из-за которых его, собственно, и взяли во власть, а также собственную самость. Аппаратная среда в этом смысле всесильна и неумолима: она способна перемолоть любого профессионала, отжать из него всё ценное, а затем либо исторгнуть его обратно — в народ, — либо оставить в качестве заурядного функционального исполнителя, заставив при этом строго соблюдать правила поведения, заведенные во власти. Во втором случае многие профиционалы ломались, не выдержав собственного умаления до роли обыкновенного чиновника — пусть и высокого уровня. Наглядные тому примеры — судьбы философов Леонида Ильичева, Абрама Деборина, Георгия Александрова. Но это — одиозные личности, а можно назвать и других спецов — настоящих профессионалов своего дела, — кооптированных во власть если и не вопреки собственно му желанию, то уж, во всяком

случае, не в результате каких-то предпринятых ими интриг или ухищрений. По личному распоряжению Ленина Николай Кондратьев и Александр Чаянов работали в Наркомзме и Госплане (первый — в союзном, второй — в республиканском). А Владимир Базаров в самом начале 20-х входил даже в состав президиума союзного Госплана. Работа в наркоматах и вообще на поприще управления реальной экономикой страны разительно отличалась от служения на идеологическом фронте: возможностей оставаться именно профиционалами, не муттировать в чиновников здесь было гораздо больше, так как спецов сюда и привлекали для того, чтобы они оставались именно спецами, а не становились, по словам Маяковского, «посыльными в услужении у хозяев — бумаг». Безусловно, личная деградация профиционала в результате его романа с властью не была чем-то предопределенным и неизбежным. Многое тут зависело и от личных качеств самих спецов — твердости, последовательности, умения грамотно распорядиться открывавшимися на управленических должностях возможностями. А возможности были действительно немалыми. Попадая в ЦК, становясь депутатом Верховного Совета или даже простым членом коллегии наркомата, профиционал оказывался причастным к распределению бюджетных и иных ресурсов. И тут перед ним возникал непростой выбор: либо с головой уходить в строительство новой страны, воспринимая то дело, которым он теперь занимался, с личной заинтересованностью, либо ограничиваться лоббированием своего прежнего дела — производства, института или иного учреждения, — к такому решению тоже можно относиться вполне с

пониманием, либо стремительно деградировать, включаясь в аппаратные игры, копируя стиль поведения чиновников и заботясь лишь об удовлетворении личных потребностей. Этот выбор ко всему прочему осложнялся еще и небывало разогретым тщеславием от попадания во власть — попадания, столь желаемого для русского интеллектуала. Перед чиновником никаких подобных искушений не возникало: он просто существовал в парадигме бюрократического этоса, ничуть не изменившись с дореволюционных времен, тихо и спокойно работал на себя, не испытывая никакой экзальтации от близости к власти. И потому был понятен, просчитываем и ограничен самой власти, нуждавшейся в нем как в идеальном исполнителе, с которым можно было особо и не цацкаться. И совсем другое дело — профиционал. Заключая с ним контракт, власть наступала себе на горло и, естественно, испытывала понятное желание при всяком удобном случае поставить своего «партнера поневоле» на место, унизить, раздавить, а то и просто уничтожить. То есть не будет преувеличением сказать, что финал хождения профиционала во власть был для него предугадываемым и всегда одним и тем же — печальным либо, по меньшей мере, удручающим. Протигрыш становился неизбежным. Он варьировался в узком разбросе между мутацией в заурядного чиновника или теми или иными мерами, которые рано или поздно применялись к инородному и органически чуждому власти лицу. Но трагизм положения интеллектуала в советской системе заключался в том, что невозможно было оставаться просто профиционалом, мастером своего дела, не участвовавшим в играх со

властью. Если интеллектуал не лез во власть и сторонился ее, то он всё равно попадал в ее удушающие объятия — но уже опосредованно, через сложные взаимоотношения внутри самих профессиональных сообществ. Эти сообщества были расколоты, но не по научным позициям и даже не из-за конкуренции школ и группировок, стремившихся стягивать лавры проводников единственно верного мнения — и причитавшиеся таким лаврам привилегии, — а опять-таки по отношению к власти и к ее обслуживанию. Состояния подобной опосредованной зависимости могли быть самими разными. Иногда профессионалы оказывались буквально в тисках — как если бы они перешли на работу во властные структуры. Но как правило, если интеллектуал оставался в своем профессиональном сообществе, то его несвобода была все-таки несопоставимо слабее, нежели если бы он находился на службе непосредственно во власти. Но самое главное, что в таких оболочечных институциях, обслуживающих власть на том или ином направлении, профессионалы могли отчасти сами определять, в какой мере они настраиваются на частоты властных колебаний, которые напряженно улавливали в их трудовых коллективах. У кого-то получалось ничего особо для себя и не выпрашивать, чтобы не усугублять свою зависимость, но вместе с тем выполнять те заказы власти, которые в наибольшей мере отвечали профессиональным интересам. Это позволяло как бы и не слишком грешить перед научной истиной, каковой она представлялась. Характерный пример данной позиции — тезис историка Милицы Нечкиной о самодержавии как о «наименьшем зле».

Но не все были готовы к тому, чтобы проявлять такую «раз-

борчивость» и демонстрировать «привередливость». Подавляющее большинство интеллектуалов вступали друг с другом в жесткую конкуренцию за право больше прогнуться перед властью, чтобы получить за это преференции в виде карьерного роста, привилегий, льгот или иных знаков внимания «свыше». Но заметной по своему количественному — и главное, качественному — составу была и другая часть профессионального сообщества, которая пыталась найти компромисс с властью, выстроить с ней договорные отношения. Формулу такого компромисса — сохранение своего достоинства и в то же время самого себя и своего дела — очень четко обозначил Аркадий Белинков в книге «Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша». Литературовед дотошно выписал эту стратегию поведе-

Некоторые спецы — настоящие профессионалы своего дела — кооптировались во власть если и не вопреки собственному желанию, то уж, во всяком случае, не в результате каких-то предпринятых ими интриг или ухищрений. По личному распоряжению Ленина Николай Кондратьев (на фото с женой во время командировки в США) и Александр Чаянов работали в Наркомземе и Госплане (первый — в союзном, второй — в республиканском).

ния, когда интеллектуал не рвется во власть, не ищет близости с ней и не пытается навязать ей свои услуги, а с чувством собственного достоинства ищет почву для сотрудничества в тех вопросах, в которых считает себя компетентным и в которых получит возможность не поддакивать под те заранее известные выводы и суждения, которые от него хочет услышать власть, и при этом еще резервирует за собой право критиковать — разумеется, в разумных и допустимых пределах — своего работодателя. Этот своеобразный алгоритм поведения можно кратко обозна-

чить как «примирение—резервирование». Примириясь с революцией, интеллигенция сначала резервировала за собой право критически относиться к некоторым ее сторонам — например, к политике власти в отношении интеллигенции. Затем, примиряясь с этой политикой, она резервировала за собой право на скептическое отношение к некоторым нравственным нормам, установленным «свыше». Потом, примиряясь с этими нормами, интеллигенция резервировала право не принимать, скажем, преобладание вокальной музыки над инструментальной и т.д. В

конце концов, объект какого-либо резервирования сводился к нулю, оставалось лишь «право безоговорочно соглашаться».

Возможность высказывать то что думаешь всегда была особенно ценной. Конечно, мало кому удавалось получить здесь такой карт-бланш, каким обладал Илья Эренбург, делавший подчас неожиданные и несогласованные заявления и по-отечески журившийся за них вождем. Критиковать власть — точнее, ее режим — позволялось косвенно: например, затрагивая какие-либо нравственные или морально-этические темы. ТERRитория критики могла быть и еще более локальной: например, музыка — симфоническая, народная или, что гораздо удобнее и сподручнее, эстрадная. Или же современная литература и публицистика — в позднесоветское время тут разворачивались целые баталии, причем голоса тех, которые впоследствии стали прорабами перестройки или демократами первой постперестроечной волны, звучали тогда довольно зычно. Чем меньше оказывался участочек, на котором разрешалась критика, тем более смело и решительно можно было ею заниматься. Власть объективно не могла во всем разбираться и отслеживать, чтобы в каждом вопросе расставлялись правильные акценты. Речь в данном случае даже не о каких-то сложных технических или естественнонаучных проблемах, а хотя бы о тех же лингвистике или музыке Шостаковича. И поэтому профессионалы получали уникальную возможность не только критиковать и спорить, но и в итоге добиваться своего. Так, автор «Толкового словаря русского языка» Сергей Ожегов в ответ на обвинения в том, что он использует и заимствует иностранные слова и аббревиатуры, вступил в

переписку с ЦК и сумел убедить «товарищей» в том, что недопустимо искусственно сужать пространство живого и развивающегося языка и никакого низкопоклонства в иностранном словоупотреблении нет. (Скорее, конечно, он не убедил их, а вынудил отстать от него и закрыть глаза — но разве это не победа?) То есть компромиссные отношения с властью давали уникальную возможность профессиональному сохранить и собственное дело, и — что немаловажно — свое лицо.

Первый массовый призыв большевиками профессионалов во власть произошел еще в годы Гражданской войны. Надо сказать, что сразу после Октябрьской революции начался процесс пока что индивидуального трудоустройства отдельных спецов, прежде обслуживавших царский режим, а затем и Временное правительство, в структуры новой — советской — власти. Но уже сама Гражданская война и иностранная интервенция вынудили большевиков всерьез задуматься именно о массовом, масштабном обращении к опыту старых управленцев. Чтобы выстоять, молодой Советской России требовалось мобилизовать все свои силы. Но для мобилизации только лишь героизма и подвижничества было недостаточно. Нужно было грамотно инвентаризировать все наличные ресурсы и выстроить из них дееспособный контур. Естественно, в первую очередь речь шла о профессиональном управлении экономикой — таком управлении, которое невозможно было организовать, не прибегая к опыту прежних спецов. И тогда Ленин принял принципиальное решение — пойти на сотрудничество с такими спецами, пусть даже, мягко говоря, и не сочувствовавшими большевикам, критиковавшими новую власть за

то, что она, сделав ставку на рабочий контроль и фабзавкомы, потворствовала перерастанию частных цеховых интересов в принципы управления экономикой и тем самым отступила от Маркса, отнюдь не считавшего, что социализм должен строиться силами лишь одного пролетариата — без творческого диалога с другими социальными силами. И Ленин, похоже, прислушался к такому мнению. В короткую мирную паузу марта—мая 1918-го, когда одна — Первая мировая — война закончилась (во всяком случае, для России), а другая — Гражданская — еще не началась, он санкционировал фактически переход к госкапитализму ради передышки и преодоления продовольственного кризиса, идя при этом на серьезные компромиссы и допуская существенные отступления от доктринально стерильного социализма. Именно тогда, весной 1918-го, во власть — точнее, в ее исполнительные структуры типа Наркомпрода и Наркомфина — пришли целые группы спецов, согласившихся работать с большевиками в общем-то на условиях последних.

Однако вскоре — после контрреволюции на Украине и возобновившегося наступления германцев — компромиссы были свернуты. Повсеместно вводилось управление на принципах военного коммунизма: развернулась прекратившаяся было «красногвардейская атака на капитал», продовольственная политика начала строиться на основе очень жесткой хлебной монополии — продовольственной диктатуры. Но уже в конце 1918-го — начале 1919-го это закручивание гаек исчерпало все свои управляемые возможности. От большевиков стали отворачиваться не только крестьяне, но и рабочие, начали переходить на враж-

дебные позиции предприниматели, прежде выражавшие готовность сотрудничать с новым режимом. То есть социальная база большевистской власти недопустимо сокращалась. И вот тут подали свой голос работавшие в наркоматах профессионалы. В Наркомпроде заговорили о том, что продовольственная диктатура не срабатывает, и при этом не ограничивались голословными заявлениями, а собирали подробную статистику, выпускали бюллетени и предъявляли свои наработки политическому руководству страны. К тому времени и сам Ленин уже подошел к осознанию необходимости отказаться от чересчур радикальных способов управления экономикой, и звучавшее всё громче экспертное мнение профессионалов Наркомпрода оказалось услышанным. Продовольственная диктатура заменилась менее жесткой продовольственной разверсткой. Однако большевистская идеократия не мыслила себе строительства нового общества на основе компромиссов, пусть даже и временных. И как только в 1919-м советской власти удалось одержать решающие победы на фронтах Гражданской войны, Ленин вдруг начал говорить о необходимости пролонгации продразверстки, искренне полагая, что только на ее основе и можно построить социализм: дескать, никакого рынка не потребуется, всё будет разверстываться и распределяться по устанавливаемым большевиками правилам. Между тем крестьяне согласились на продразверстку лишь как на временную меру во время войны, с их стороны это был компромисс, на который они пошли с большевиками ради установления после нейтрализации внешних угроз совершенно новых договорных отношений с советской властью. Спецы же

из Наркомпрода и Наркомфина, видя реальное положение дел в экономике, уже в конце 1919-го предлагали вводить нэп.

Вслед за спецами из наркоматов военный коммунизм начали критиковать уже и отдельные представители самого партийного руководства, например, Леонид Красин — на тот момент нарком торговли и промышленности и одновременно путей сообщения, мастер привлечения инвестиций — «кошелек партии», как его звали. Так, он в открытую заявил, что большевикам удается контролировать лишь 20 процентов экономики, организованной на принципах военного коммунизма, а остальные 80 процентов — это «Сухаревка», то есть теневая экономика, подпольный рынок, на котором вращаются колоссальные

В оболочечных институциях, обслуживавших власть на том или ином направлении, профессионалы могли отчасти сами определять, в какой мере они настраивают на частоты властных колебаний, которые напряженно улавливали в их трудовых коллективах. Это позволяло как бы и не слишком грешить перед научной истиной, какой она представлялась. Характерный пример данной позиции — тезис историка Милицы Неккиной (на фото) о самодержавии как о «наименьшем зле».

средства, недоступные для власти. Более того, утверждал Красин, на «Сухаревку» работают и некоторые государственные структуры. Данный факт свидетельствовал уже о полной неспособности большевиков навести элементарный порядок в экономике. Сложившуюся ситуацию очень точно характеризовала ходившая тогда поговорка, разрушавшая представление о военном коммунизме как о жесткой, но эффективной диктатуре, державшей руку на пульсе страны: «Пишем по декрету, а живем по секрету». То есть демонстрируем внешнюю лояльность власти, а на самом втихую обделываем — кто как может — свои дела.

А ведь на тот момент шел уже 1920-й, когда Гражданская война в основном завершилась и непосредственная внешняя угроза режиму исчезла. И после победоносного окончания этой войны началась новая война — гораздо более страшная: война с собственным народом, устраивавшим мятежи против власти большевиков. И в итоге в марте 1921-го, под давлением Антоновщины, серии других мятежей, в том числе и наиболее громкого — в Кронштадте, советская власть согласилась ввести нэп.

Важно подчеркнуть, что санкционированная большевиками новая экономическая политика не являлась их идеей.

Юрий Олеша

Заметной по своему количественному – и главное, качественному – составу была та часть профессионального сообщества, которая пыталась найти компромисс с властью, выстроить с ней договорные отношения. Ее своеобразный алгоритм поведения, описанный Аркадием Белинковым в его книге о Юрии Олеше, можно обозначить как «примирение–резервирование».

Для них это было вынужденное решение, своего рода компромисс с обстоятельствами, сворачивание с магистрального, по представлениям их лидеров, пути строительства социализма. Но в очередной раз сработал ленинский pragmatism: уловить мейнстрим общественных настроений и выдать его за собственную проработанную позицию. И вождь принял политическое решение по нэпу вопреки многим, в том числе и влиятельным, представителям большевистской верхушки. Но сделанный им шаг объективно вынуждал предпринять целую серию дальнейших действий. Рыночный фундамент нэпа очевиден. А значит, на место административно-командных мозгов,

привыкших управлять приказами да маузерами, должны были прийти новые мозги, способные управлять рыночной стихией, принимать решения, исходя из оценки их рентабельности, уметь осуществлять синдикацию и трестирование. И вот тут на первый план вышли люди типа упомянутых выше Базарова, Кондратьева и Чаянова, а также Леонида Юрковского из Наркомфина – одного из разработчиков денежной реформы, – то есть именно высококлассные профессионалы, с которыми не могли конкурировать управленцы, выдвинувшиеся после Октябрьской революции и в ходе Гражданской войны.

Нэп – это вообще золотое время для самых разных профессиональных сообществ и ассоциаций. Их в те годы сло-

жилось великое множество. Допущенные властью послабления создавали благоприятные условия для развития этих организаций, их конкуренции друг с другом и выработки форм жизнедеятельности, альтернативных тому строю, который создавался большевиками. Последние же свыклись с необходимостью предпринятого ими «реверса», но тем не менее даже не допускали мысли об оставлении командных высот. На протяжении всего периода нэповского эксперимента он воспринимался советской властью как нечто временное – пусть при том и весьма продолжительное, – поскольку политика рассматривалась ею как сфера неизмеримо более приоритетная, чем экономика. Отсюда, кстати, и многочисленные ошибки, допускавшиеся большевистским руководством, не желавшим во всём следовать рекомендациям профессионалов. Взять, к примеру, очень интересный и исключительно перспективный в реалиях возрождавшейся экономики 1920-х принцип трестирования, когда работа в госсекторе строилась на принципах хозрасчета и экономической самостоятельности, а государству выплачивался фиксированный процент. Власть не дала полностью воплотить в жизнь этот принцип – она не согласилась на оплату труда сообразно вкладу каждого работника, а настояла на сохранении уравниловки. И выходила несуразица. При переводе предприятия на хозрасчет новый принцип организации труда и его оплаты доводился до каждого рабочего места, чтобы все работники смогли на себе ощутить, как выгодно хорошо работать. И соответственно – как невыгодно работать плохо. Если работник ленился или халтурил, то это неизбежно должно было бы отражаться на его зарплате. Но этого-то и не происходило: партия не хотела «давать в обиду» рабочего – пусть даже и злоупотреблявшего таким ее доверием. В итоге хозрасчет не доходил до каждого члена трудового коллектива, а «застревал» где-то на уровне цеха или производственного участка и в итоге не срабатывал. Точно так же не получилось наладить отношения на принципах хозрасчета между предприятиями и их отраслевыми наркоматами. Большевики ни в какую не хотели допускать в новую социалистическую индустрию «классово чуждый» принцип материальной заинтересованности: интересы рабочих могла отстаивать только советская власть, а ни в коем случае не сами рабочие. Так нэп постепенно загонял-

ся в «резервацию» мелких кустарей и артельщиков – своего рода производственных маргиналов, не делавших погоды в серьезной экономике. А значит, не создавалось основы для экономического термидора, при котором интересы нэпманов и зажиточных крестьян со временем получили бы и политическое оформление.

Но развитие никогда не бывает линейным, и если после революции долгое время не происходит термидора, то значит, должен случиться следующий торт революции. Этот торт и начался в конце 1920-х в виде сталинской революции «сверху», завершившейся утверждением административно-командной системы в качестве экономического и политического монополиста. Однако такое усугубление революции, попытка построить настоящую утопию для каких-то идеальных людей, которых просто не существует в действительности, делали термидор тем более неизбежным – разве что отложенным во времени. Он случился спустя несколько десятилетий – в 1991-м, – когда протест против утопии стал всеобщим.

Утверждение сталинской модели делало неизбежным заключение контракта между властью и профессионалами на гораздо более жестких условиях для последних. Жизнь профессиональных сообществ регламентировалась, не осталось никого, не приспособленного к тому или иному профессиональному цеху типа Союза писателей, Союза художников и тому подобных объединений. Прежнего половодья организаций, какое наблюдалось в 1920-х, уже не было: Сталин воспринимал спецов как ценный ресурс режима и потому не мог позволить, чтобы кто-то из них оставался недоучченным или не приспособленным сообразно своей по-

Возможность высказывать то что думаешь всегда была особенно ценной. Конечно, мало кому удавалось получить здесь такой карт-бланш, каким обладал Илья Эренбург (на фото общается с народом), делавший подчас неожиданные и несогласованные заявления и по-отечески журившимся за них вождем.

тенциальной полезности и готовности к употреблению. Но и при таком резком усиении режимности спецы не утратили профессионального интереса к социалистическому строительству, тем более что на первых порах амбициозные сталинские задумки не могли не восхищать и не будоражить впечатления тех, кому вменялась в обязанность их практическая реализация. К тому же тяга к фундаментальной переделке мира была тогда присуща не только советскому народу, но и населению ведущих капиталистических держав. Аналогичные задачи – разве что с национальной спецификой – ставились тогда и в гитлеровской Германии, и в заокеанской Америке, и в совсем уж неведомой и по-прежнему закрытой от мира Японии. Поэтому потребность в драйве, в мобилизационном рывке для построения нового мира, в каком-то специфическом образном языке для описания подобного творческого состояния – это чувство, кото-

рое в 1930-е испытывали интеллектуалы и за пределами СССР. Во всяком случае, в державах, претендовавших на роль пионеров развития и законодателей мод в деле социального конструирования. Старая аристократия – в тех обществах, где она, в отличие от СССР, оставалась, – всюду клонилась к упадку, а профессионалы и – шире – интеллектуалы вообще напротив резко шли в гору. И везде политическая власть играла на этом тренде, решая с помощью такого порыва те проблемы, которые объективно назревали, но одновременно объективно же не могли быть сняты при прежней ритмике социальной жизни. Другое дело, что в либеральных империях Запада – Соединенных Штатах и Великобритании – власть играла с интеллектуалами гораздо более завуалированно и деликатно, чем в тоталитарных режимах Японии, Германии или СССР. Но и там, и там вызовы эпохи открывали для интеллектуалов

Автор «Толкового словаря русского языка» Сергей Ожегов (на фото) в ответ на обвинения в том, что он использует и заимствует иностранные слова и аббревиатуры, вступил в переписку с ЦК и сумел убедить «товарищей» в том, что недопустимо искусственно сужать пространство живого и развивающегося языка и никакого низкопоклонства в иностранном словоупотреблении нет.

огромное количество возможностей проявить себя.

Поэтому, возвращаясь к сталинскому СССР, следует сказать, что и со стороны профессионалов, и со стороны власти имелась объективная заинтересованность в перезаключении контракта на взаимное сотрудничество, сокращение же диапазона свободы для спецов не умаляло их стремления обрести свое место на стройках социализма. Тем более что по сравнению с прагматизмом ленинским — прикладным, готовым ради разрешения конкретной проблемы поступиться теми или иными догматическими принципами, но лишь временно и с неизбежным возвращение на оставленные позиции, — прагматизм сталинский был гораздо менее идеологизирован-

ным (приоритеты свелись к обеспечению лоялизма и обустройству режима личной власти — власти как таковой, в чистом виде, а потому особо и не нуждавшейся ни в каком догматизме) и демонстрировал готовность вести диалог даже с недавними врагами. Так, стало возможным обращение к державности, к патриотическим ценностям, связывавшим воедино прошлое и настоящее, — и при этом не обязательно воспринимавшимся с классовых позиций. Эта метка, посланная «сверху» в общество, была моментально воспринята, и социальная опора режима — в том числе из числа профессионалов, прежде ни в какую не желавших идти в услужение советской власти, так как для этого требовалось демонстрировать

приверженность большевистской идеологии, — заметно расширилась.

Возымела эффект и другая непохожесть обоих вождей. Ленин сам был интеллигентом, причем не сторонился и совсем уж высоких материй, в эмиграции занимаясь философией и поддерживая отношения с европейскими мыслителями левой ориентации. Поэтому он умел обращаться со спецами и вместе с тем особенно с ними не церемонился. Stalin же не считал себя интеллигентом, и ему явно льстило, что он имел возможность приближать к себе профессионалов. А последние, в свою очередь, также готовы были заигрывать с вождем. Stalinская «вненеидеологичность» оказывалась тут как нельзя кстати, о чем свиде-

тельствуют истории взаимоотношений Сталина с Михаилом Булгаковым или Борисом Пастернаком.

Вся эта новая стилистика диалога власти и профессионалов отточилась и вместе с тем обрела некие новые черты в годы войны.

С одной стороны, рамки официальной идеологии, в 1930-е годы и так заметно раздвинувшиеся, с началом войны были перенесены еще дальше — за те ограничительные линии, которые прежде считались непреодолимыми. Власть фактически в открытую призывала перед лицом врага забыть старые классовые обиды и сплотиться вокруг фигуры вождя. Советская страна — пожалуй, впервые с момента своего рождения в горниле Октябрьской революции и Гражданской войны так четко и осознанно — начала позиционироваться как в основе своей тоже самое государство, которое существовало до 1917 года, только обновленное, на новой ступени своего развития, но вместе с тем чущее героизм и патриотизм предков — хотя бы даже и из царского прошлого. После почти четвертьвековых репрессий, гонений и забвения была частично «реабилитирована» Русская церковь. Однако гораздо важнее обратить внимание на то, что имело место, так сказать, с другой стороны. Перечисленные выше нововведения вполне укладывались в общую патерналистскую схему тотального лоялизма: то, что из тени в свет переводились целые сегменты тех, кого раньше считали классовыми врагами, выглядело как бы царской милостью, традиционным русским замирением в годину испытаний — пусть, правда, и с оттенком покаяния самой власти типа проникновенных обращений «братья и сестры», «к вам обращаюсь я, друзья мои», что

тем не менее также было вполне в духе отработанного века-ми сценария самодержавного плача. А потому не меняло ровным счетом ничего в режиме личной власти. Буквально революционная по своей сути новация подступила с другой стороны: власть отважилась на то, о чём раньше даже и близко не помышляла, — на доверие к своим гражданам. Если прежде доверие, аранжи-рованное восторгами и по-клонением, могло подниматься лишь «снизу» «вверх», то теперь оно стало оказываться и в обратном направлении — «сверху» «вниз». Со скрипом, без восторга, вынужденно — но оказываться! В советских реалиях это значило очень многое: фактически в переводе с языка нашей политической культуры на язык западной политической культуры такое властное доверие следовало воспринимать как делегирование сувереном части своих полномочий (в нашем случае — в виде оказываемого доверия и предложения разделить ответственность) гражданскому обществу (опять же в реалиях СССР — сообществу профессионалов).

Доверие оказывалось в первую очередь тем из профессионалов, кто был способен самостоятельно — а не послушно — мыслить и принимать ответственные — а не директивно спущенные — решения. Среди таких лиц были и ученые-техники — например, Петр Капица, Игорь Курчатов, Лев Ландшафт, Сергей Королев, — и капитаны промышленности, как Исаак Зальцман, Алексей Шахурин, Иван Лихачев. Эти и другие отмеченные «высочайшим» доверием фигуры транс-тировали такое доверие ниже — на уровень конструкторских бюро и промышленных объединений, между которыми разворачивалась конкуренция, в ходе которой совершенствовалось качество вы-

Вслед за спецами из наркоматов военный коммунизм начали критиковать уже и отдельные представители самого партийного руководства, например, Леонид Красин (на фото с семьёй в Великобритании) — нарком торговли и промышленности и одновременно путей сообщения, мастер привлечения инвестиций — «кошелек партии», как его звали.

пускающейся продукции, оттачивались практики управления большими предприятиями. И в условиях этой конкуренции уже не имело никакого значения, кто именно добивался лучших показателей — большевик или беспартийный, лицо с безупречным пролетарским происхождением или кто-то из «бывших», человек с незаполненными последними страницами паспорта или уже посидевший в сталинских лагерях.

И самое удивительное, что даже в условиях предельного мобилизационного напряжения эти новые управленцы из оборонной науки и оборонных отраслей промышленности использовали те самые методы стимулирования личной материальной заинтересованности, которые апробировались в годы нэпа, а потом были благополучно забыты. Например, упомянутые Зальцман, Шахурин и Лихачев внедряли у себя принцип хоз-

НЭП – это золотое время для самых разных профессиональных сообществ и ассоциаций. Допущенные властью послабления создавали благоприятные условия для развития этих организаций, их конкуренции друг с другом и выработки форм жизнедеятельности, альтернативных тому строю, который создавался большевиками. Последние же свыклись с необходимостью предпринятого ими «реверса», но тем не менее даже не допускали мысли об оставлении командных высот.

расчета. Опыт использования рыночных механизмов в 1941–1945 годах был впоследствии проанализирован и изложен Николаем Вознесенским, на тот момент возглавлявшим Государственную плановую комиссию при союзном Совмине, в книге «Военная экономика СССР в период Отечественной войны». В ней прямо говорилось о необходимости и в мирное время работать с такими инструментами, как прибыль, цена, рентабельность, хозрасчет, — то есть на повестку дня ставилось то, о чем Косыгин заговорил два десятилетия спустя.

Однако для решительных, новаторских по характеру дей-

ствий и поступков требовалось известное мужество. Неслучайно нарком танковой промышленности Вячеслав Малышев говорил руководителям «Уралмаша» о том, что сейчас и в последующем будет нужна правовая основа для проявления смелости. В условиях налаженного военного хозяйства утвердилась практика «разносов» директоров за нарушение тех или иных прерогатив вышестоящих инстанций, установленных «сверху» лимитов. На многие формы хозяйствования распространялось идеологическое табу, они трактовались как несовместимые с социализмом. Например, критерий прибыли многими руководителями рассматривался как основной в оценке эффективности работы предприятия. При таком положении каждый управляющий должен был подыскивать

тель будет иметь дело с изготавителем. То есть он выступал за такие подлинно плановые начала, которые не предписывают способы движения к общественно важной цели, а создают основу для проявления широкой технической и хозяйственной инициативы. В 1944 году Лихачев решительно отверг предложение лимитировать работу цехов по отдельным элементам затрат и требовал устанавливать задание только по общей себестоимости изделия, не связывая излишней опекой начальников цехов.

Весьма перспективные мысли о методах хозяйствования содержались в записке Константина Белова, представленной в том же 1944 году в Наркомат станкостроения. Вернувшись из командировки в США, инженер призвал обратить серьезное внимание на индустриальную социологию, на разрабатываемые ею принципы и способы реализации на производстве теории «человеческих отношений». Белов видел в ней, как и в системе Тейлора, прежде всего черты, которые могли бы быть использованы в деле дальнейшего развития научной организации труда, создания оптимальных условий для проявления способностей советского рабочего, его изобретательности и инициативы. Все новые идеи, поиски, прозрения венчала работа неизвестного экономиста Николая Сазонова «Введение в теорию экономической политики». Выходец из крестьян, инженер-энергетик по образованию, член партии с 1920 года, он в 1943 году представил в Институт экономики Академии наук СССР свою докторскую диссертацию. По мнению Сазонова, игнорирование таких законов, как законы денежного и товарного обращения, образования и движения цен, привело

к крупным ошибкам, затормозившим развитие страны в 30-е годы. Ликвидация государственной и кооперативной торговли с заменой ее распределением продуктов по карточкам отрицательно отразилась на всем народном хозяйстве. Отсутствие свободной государственной торговли в городе вызвало резкое сокращение предложения сельскохозяйственной продукции со стороны крестьянства. Это осложнило снабжение городов, привело к понижению производительности труда, превратило предприятия в «проходные казармы». Причину острого кризиса финансовой системы страны Сазонов видел в том, что основная доля доходов принадлежала не отдельным предприятиям, а государству. Проведение большой части доходов и расходов народного хозяйства через государственный бюджет приводило к его огромному разбуханию, что, в свою очередь, способствовало быстрому росту государственных учреждений. Такой порядок бюрократизировал все финансово-хозяйственную страны и явился одной из серьезнейших причин больших перевоев в хозяйстве в первые месяцы Великой Отечественной войны. Для оздоровления экономики, ее быстрого восстановления после войны Сазонов предлагал «переключить работу хозяйственного оборота на коммерческие рельсы», продавать товары широкого потребления хотя и по карточкам, но по складывавшимся ценам вольного рынка. Он считал необходимым отказаться от планового вмешательства в хозяйственные процессы, отменить централизованную систему фондирования, предоставить руководителям предприятий право свободного маневрирования фондами материалов, рабочей силы, зарплаты и т.д. Плани-

вая работа, по его мнению, должна была сводиться только к регулированию хозяйственных процессов, к учету и предвосхищению их.

Сложная ситуация с обеспечением тыла необходимыми кадрами объяснялась в диссертации тем, что еще до войны в народном хозяйстве из общей численности работавших по найму около 30 миллионов человек около 6-7 миллионов были заняты непроизводительным трудом, выполнением функций или обязанностей, от исполнения которых государство должно отказаться. Так как за время войны никаких существенных изменений в области организации труда и заработной платы, а также в области фондирования зарплаты не было произведено, то резервы соста-

Сталинская «внедеологичность» придавала власти гибкость, о чем свидетельствуют истории взаимоотношений вождя с Михаилом Булгаковым (на фото) или Борисом Пастернаком.

вили весьма значительную величину. Анализ использования трудовых ресурсов, работавших по найму в 1943 году в количестве 15,8 миллионов человек, показал, что из них около 3,5 миллионов заняты непроизводительным трудом в вахтерской, сторожевой и пожарной охране или выполнением функций, тормозивших хозяйственную работу. Этой армии трудящихся государство ежедневно выплачивало 40 миллионов рублей – или 11,5 миллиарда рублей в год – без получения от ее труда какой бы то ни было материальной продукции.

Сазонов подробно обосновал меры по организации широкого привлечения и использования иностранных капиталов в форме акционерных обществ и концессий. Он считал целесообразным создание акционерных обществ с участием Советского государства как

пайщика и акционерных обществ чисто социалистических. 80 процентов всей промышленности предлагалось перевести на акционерные начала с сохранением в акционерных обществах 51 процента капиталов за государством. В диссертации содержались предложения об отмене монополии внешней торговли и замене ее «национальной таможенной системой».

Исследование Сазонова в июне 1944 года по указанию ЦК было обсуждено на совещании экономистов. В выступлениях директора Института экономики члена-корреспондента АН СССР Павла Хромова, академиков Евгения Варги, Константина Островитянова работа была подвергнута разносной критике, оценена как крамольная попытка опорочить всю довоенную экономическую политику и обосновать необходи-

Петр Капица и Лев Ландау

Доверие оказывалось в первую очередь тем из профессионалов, кто был способен самостоятельно – а не послушно – мыслить и принимать ответственные – а не директивно спущенные – решения.

мость возвращения после войны к капитализму. После такого приговора судьба автора столь необычной для того времени диссертации была предрешена.

И тем не менее война принесла с собой ощущение какого-то удивительного внутреннего раскрепощения, соединенного с ожиданием перемен, которые обязательно будут, которых просто не может не быть. Это ощущение – через разговоры, которые во время войны велись в интеллигентской среде, – талантливо передал Василий Гроссман в «Жизни и судьбе». Люди задумывались о том, какой будет их страна после войны, и они просто не могли себе представить, что после такого страшного испытания могут снова вернуться репрессии, унижение, принудительный труд. Власть как будто услышала, почувствовала это тектоническое брожение в народе и... двинулась навстречу этим чаяниям: вскоре после окон-

чания войны стала разрабатываться новая Программа партии. Однако работа, о которой в обществе делались регулярные «сливы» и к которой был привлечен весь цвет советской гуманитарной и общественно-политической мысли, была свернута, едва начавшись. А потом раздались первые залпы холодной войны, развернулась «борьба с космополитизмом», и по всему стало ясно, что масштабный эксперимент по обновлению советского строя, который в годы войны стал предприниматься отдельными очагами в разных сферах жизни, в основном завершен, а продолжается только в оборонке – да и то в урезанном виде: с конкуренцией КБ, но без хозрасчета.

Похоже, что и власть далеко не всем была довольна и вынашивала замыслы каких-то перемен. Это движение вышло на поверхность не только на самом ХХ съезде – в виде целого ряда неожиданных

кадровых перестановок, – но и накануне форума, когда в «Новом мире», а затем в «Правде» вышел очерк Валентина Овечкина «Районные будни», в котором был представлен конфликт двух управленцев: человека старого покроя, привыкшего размахивать пистолетом и всюду усматривать козни врагов народа, и представителя нового поколения, который пытается повернуть властную систему – на своем уровне, разумеется, – лицом к людям.

1953 год самым непосредственным образом отразился на контракте между властью и профессиональным сообществом. Можно сказать, что с приходом к власти Хрущева и началом «оттепели» отношения ведущего и ведомого поменялись в этом контракте на прямо противоположные. Если в первые три с половиной десятилетия существования советской власти возможности применения навыков спецов и их положение в обществе целиком и полностью зависели от партийного руководства, то начиная с 1953 года профессионалы стали явочным порядком не только делать погоду в своих непосредственных сферах, но и формировать общенациональную повестку. Во многом это явилось результатом неуклюжих попыток Хрущева наладить диалог с интеллектуалами. Вести тонкую игру на манер Сталина у него не получалось, да и извечная ролевая пара – царя и находящегося при троне мудреца – уже явно не соответствовала наступившей эпохе. Осознавая, что он проигрывает таким «мудрецам», Хрущев устраивал им разносы, чем только еще больше ослаблял позиции власти как одной из сторон контракта: с каждым из таких разносов реноме профессионалов как влиятельной и – страшно подумать! – самостоятельной

силы лишь укреплялось. В сложившейся ситуации власть из полновластного хозяина, на своих условиях нанимавшего профессионалов на работу, всё больше превращалась в какого-то невнятного субподрядчика, которого терпели, поскольку он платил, но не более того.

Положение власти в диалоге со спецами заметно улучшилось с приходом Брежнева. Вернее, сам Брежnev был тут ни при чем. В том, что власть на какое-то время вернула себе имидж монопольного держателя смыслов стратегического развития, заслуга Ко-сыгина, с которым профессионалы связывали надежды на реформы. Будучи сам продуктом сталинской системы управления экономикой, Ко-сыгин очень хорошо понимал, какие непреодолимые ограничения для НТР и вообще хотя бы для элементарного – пусть незначительного, но стабильного – прироста экономики создавала административно-командная система. И он очень основательно начал готовить серьезную экономическую реформу, опираясь на идеи, которые были обнародованы в статье харьковского профессора Евсея Либермана «План, прибыль, премия», опубликованной в «Правде» в сентябре 1962 года. Поддержку предложениям Либермана высказали экономисты Василий Немчинов, Станислав Струмилин и эксперты Госплана СССР, руководители предприятий. В западной прессе и советологии концепция реформ получила название «либерманизм». Важно заметить, что как альтернатива реформе в среде интеллигенции радикального «технократического» направления рассматривались идеи академика Виктора Глушкова, который в это же время развивал программу тотальной информатизации экономических

Иван Лихачев

Даже в условиях предельного мобилизационного напряжения новые управленцы из оборонной науки и оборонных отраслей промышленности использовали те самые методы стимулирования личной материальной заинтересованности, которые апробировались в годы нэпа, а потом были благополучно забыты.

процессов с применением системы Общегосударственной автоматизированной системы учета и обработки информации (ОГАС), которая должна была базироваться на создававшейся Единой государственной сети вычислительных центров (ЕГС ВЦ). В каком-то смысле учитывался и опыт реформирования экономики при Хрущеве, в частности, эксперимент с совнархозами. В конце концов, совнархозы тоже ведь были попыткой построить децентрализованную экономику. Эксперимент по внедрению этих «территориальных министерств» не удался – отчасти по причине его недостаточной концептуальной проработки, отчасти из-за нашей

извечной беды – возникновения и бурного роста местничества всякий раз, когда верховная власть «уходит» с территории, и провоцируемого в результате этого очередного витка противостояния «земли» и «державы». Но как бы там ни было, совнархозы тем не менее явились первой попыткой невертикального управления гигантской экономикой, и их уроки нельзя было игнорировать.

Ко-сыгин начал с самого простого, что можно было решить как раз благодаря административно-командной системе, позволявшей быстро и без проволочек доносить на места директивы и контролировать их исполнение – в части, касавшейся не столько

Положение власти в диалоге со спецами заметно улучшилось с приходом Брежнева. Вернее, сам Брежnev был тут ни при чем. В том, что власть на какое-то время вернула себе имидж монопольного держателя смыслов стратегического развития, заслуга Косыгина (на фото во время посещения одного из предприятий Мингазпрома), с которым профессионалы связывали надежды на реформы.

существа дела, сколько бумагооборота. Ему удалось ощутимо уменьшить количество параметров отчетности. Это был первый шаг на пути представления предприятиям широкой экономической самостоятельности.

Следующим шагом стало как раз директивное — а как же иначе при административно-командной системе? — введение непосредственно самого принципа хозрасчета. Дело продвигалось непросто: мешало то, что позже — в перестройку — назвали «механизмами торможения». Причем особенно мощными эти «механизмы» были даже не столько в управленческой вертикали, сколько на самом низовом уровне — в трудовых коллективах и на рабочих местах. До

того уравниловка как базовый принцип оплаты труда позволяла сглаживать острые углы: передовики и ударники компенсировали лентяев и халтурщиков, и в итоге складывалась более или менее приемлемая картина. Долги же, накапливавшиеся на разных этажах хозяйственной вертикали, рано или поздно — но неизбежно — списывались, поэтому руководство предприятий могло особо и не беспокоиться по поводу сведения баланса. А при хозрасчете устанавливался совсем другой порядок. Предприятие оценивалось по конкретным показателям прибыли и рентабельности. Списание долговказалось в принципе невозможным, поскольку предприятие превращалось во

вполне самостоятельную экономическую единицу. У его директора имелась возможность создавать три фонда, в которые разрешалось распределять прибыль после отчисления обязательного процента государству. Один фонд — на развитие производства, другой — на материальное поощрение сотрудников (причем решения о том, какую кому начислять зарплату, принимались непосредственно в самих трудовых коллективах), третий фонд — на социальные нужды работников и их семей. То есть фактор материальной заинтересованности включался на полную мощность. Люди начали зарабатывать реально много — по сравнению со средней зарплатой по отрасли и тем более по стране. На успешных предприятиях превращалась текучка кадров. Рабочими местами стали дорожить, и трудовая дисциплина повышалась буквально на глазах. В итоге VIII пятилетки, на время которой в основном и выпала косыгинская реформа, по основным показателям оказалась намного успешнее предыдущих.

Между тем по мере того как реформа набирала силу, в верхних эшелонах управленческого аппарата нарастало недовольство происходившими переменами. Причины подобного настроя понятны: в результате массового перехода предприятий на хозрасчет административная вертикаль оказалась отключенной от процесса принятия решений, ставших теперь сугубой прерогативой самих трудовых коллективов. Аппаратчики использовали любой повод, чтобы дискредитировать это начинание. Очень кстати оказалась серия громких дел отдельных руководителей низового уровня — прорабов, бригадиров и пр., — уличенных в нецелевых растратах. Свою роль сыграли и другие факто-

ры, непосредственно не относившиеся к экономике, — например, события в Чехословакии или зависть Брежнева к Косыгину: многие доброхоты открывали генсеку глаза на то, что, мол, популярность председателя Совмина росла и уже превысила популярность самого лидера партии. И наконец, главное: Косыгин понимал, что реформа в том виде, в каком она проводилась, исчерпала себя. Да, налицо был подъем экономики, люди стали хорошо зарабатывать и ощутили вкус к новой организации труда и его оплаты. Но теперь требовался следующий шаг — менять отношения собственности, а это было бы уже прямым вызовом политической системе, на что Брежнев и его окружение пойти не могли. Реформа постепенно была свернута, и страна вступила в застой.

Однако застой политический, управляемый не означал застоя интеллектуальной жизни. Профессионалы, соглашившиеся было играть по правилам в видах возможного реформирования страны «сверху» в результате косыгинской реформы, перестали ощущать себя связанными с властью каким-либо договором. Кто-то — как, например, диссиденты — в явной и вызывающей форме. Кто-то начал просто работать в стол, на перспективу, готовя будущие реформы в отложенном режиме, ожидая для них подходящего момента и в то же время не только явно не конфликтую с властью, но и сотрудничая с ней. Среди таких были будущие активные идеологи перестройки Татьяна Заславская, Леонид Абалкин, Николай Петраков, Станислав Шаталин. Кто-то, как тот же Георгий Щедровицкий, создавал полуподпольные «секты» своих учеников и соратников, которые «всплыли» уже в постперестроечные времена,

да и то не с самого начала. Кто-то, как Александр Зиновьев, уехал. А кто-то — правда, таких были уже единицы, например, Эвальд Ильенков — продолжал работать и верить, что достучаться до самого «верха» получится.

С приходом к власти Андропова отчасти повторилась ситуация второй половины 1960-х: как и тогда вокруг Косыгина, так и теперь в непосредственной близости и под личным контролем нового генсека начала работать группа профессионалов — Евгения Примакова, Федора Бурлацкого, Георгия Арбатова, Александра Бовина, Георгия Шахназарова и др., — которые стали готовить перестройку. Точнее, тот пакет реформ, который стал так называться уже при Горбачеве. Андропов понимал реальное состояние страны — как и то, что тянуть с решительным обновлением нельзя, иначе кризис примет необратимые формы. Но вместе с тем и он был готов идти лишь до определенного предела — до тех пор пока преобразования не выльются за пределы того, что называлось социализмом. Однако при Андропове — и в этом его принципиальное отличие от Горбачева — вся эта работа велась в закрытом режиме. Ни о каком политическом обновлении «широкого употребления», «для всех» речи не шло. Генсек считал, что общество в массе своей не готово к тому, чтобы его посвятили в вынашнивавшиеся планы. Во всяком случае, и в таком ключе тоже правомерно понимать крылатую андроповскую фразу: «Мы не знаем общества, в котором живем».

Оглядываясь сейчас на эпоху Горбачева, можно признать, что Андропов в своем осторожничанье с обществом — да и не только с ним, но и с узким кругом интеллектуалов — был во многом прав. Когда в перестройку политические ре-

формы стали намного обогащать все остальные перемены, профессионалы в массе своей забыли о собственном корпоративном предназначении: в них проснулась извечная тяга к власти, к попаданию в нее. Подвернулся и удобный способ массовой кооптации во власть — на волне масштабной реформы законодательной власти и процедуры выборов в нее. Но для этого профессионалы должны были идти на поводу у масс, подыгрывать общественным настроениям, которые становились всё более и более радикальными. А значит, должны были изменять своему предназначению — формировать массовые настроения, а не быть игрушкой в руках этой стихии. А дальше — больше. Как позже признавался Гавриил Попов, радикальные демократы союзного и республиканского съездов народных депутатов были готовы к тому, чтобы установить новый строй явочным порядком — чрезвычайным способом, — если Горбачев и далее проявлял бы нерешительность и метался между «революционерами» и «консерваторами». Если бы ГКЧП не совершил попытку переворота в августе, то радикалы-народные, по словам Попова, сделали бы то же самое в октябре. Собственно, это и произошло, только позже — в декабре — и мягким способом, когда Советский Союз был объявлен несуществующим. То есть вкусив сладость власти, профессионалы были готовы действовать теми же самыми способами, которыми эти власти традиционно управляла страной. Но опора на государственный переворот как на средство для учреждения новой страны закладывает мины, которые взрываются позже и в тот момент, когда этого никто не ждет. И эпоха Ельцина сполна это подтвердила. Ставка на творцов ваучерного способа

Юрий Андропов (на фото) понимал реальное состояние страны – как и то, что тянуть с решительным обновлением нельзя, иначе кризис примет необратимые формы. Но вместе с тем и он был готов идти лишь до определенного предела – до тех пор пока преобразования не выльются за пределы того, что называлось социализмом.

приватизации и залоговых аукционов отрешила всё население от свободного доступа к ресурсам России, заложила экономические, социальные и политические основания нового самовластия.

Похоже, что гражданское общество у нас до сих пор так и не сложилось и по-прежнему замещается своим эрзацем – сообществом профессионалов. А потому советский опыт выстраивания взаимоотношений между этим сообществом и властью до сих пор актуален, несмотря на то что нынешняя Российской Федерации – это уже совершенно другая страна, разительно отличающаяся от Советского Союза.

Конечно, очень хотелось бы, чтобы наши интеллектуалы перестали рваться во власть, а взяли пример хотя бы с тех же французских интеллектуалов, о которых говорилось выше, и превратились бы в зеркало власти, в ее критика и судью, держались бы от нее на рас-

стоянии. Но рассчитывать на такое – пустое резонерство, маниловщина. Национальные поведенческие стереотипы не меняются по мановению волшебной палочки – на это уходят столетия. Чтобы перерождение стало заметным, ему должны подвергнуться многие поколения. Поэтому гораздо правильнее не ставить недостижимых целей, а ограничиться прагматичными палиативами. И если властолюбия интеллектуалов никак не обуздать, то его необходимо соответствующим образом организовать.

Один из наиболее наглядных уроков советской эпохи заключается в том, что конт-

на эквивалентную должность на другом участке – и заваливает дело уже там.

Вместе с тем и советский опыт выстраивания кадровой политики не следует чересчур идеализировать. Его надо воспринимать, скорее, как интенцию, намерение, некое мнение о том, как должно было быть – а не как было на самом деле. Да, в советское время профессионал мог продвигаться по служебной лестнице независимо от своего происхождения, изначально-го уровня материального обеспечения: образование, служба в армии или стаж партийной работы исправляли неудачные анкетные данные и даже придавали карьерному росту такой мощный импульс, какого не было у других. Однако должностное возышение было небесконечным. С определенного уровня начинали всё ощущимее включаться факторы блаты, непотизма, клановости. Во многом на этом и сломался советский контракт власти и спецов. Понятно, что чем выше, тем объективно уже становится горлышко возможностей. Но важно, чтобы перспектива продвижения ясно представлялась, была по возможности прозрачной, предсказуемой, планируемой и реально осуществимой.

Власти надлежит активнее оказывать профессионалам знаки внимания разного рода, тем более что ей это ничего не стоит и она при этом ничем не рискует. Взять хотя бы такой частный и, казалось бы, несущественный формат диалога со спецами, как их участие в коллегиях министерств. В советское время подобная работа не была профанацией. Там реально бурлила жизнь, конкурировали представители разных научных школ. И пусть коллегии в силу своего совещательного статуса не оказывали решающего воздействия

на принятие решений, но к ним всё равно прислушивались, а состоявшие в коллегиях спецы обретали искомое ощущение близости к власти. Имеет смысл примерить к дню сегодняшнему и такой советский принцип работы с кадрами, как квотирование, когда всюду выделялся определенный обязательный процент для молодых специалистов, национальных кадров, женщин и общностей, составленных по иным принципам. В такой сложной, многосоставной и вместе с тем не обладающей развитыми гражданскими институтами стране, как наша, без квотирования кадровых назначений не обойтись. Это – весьма действенный способнейтрализации возможных напряжений. А в наше время – особенно напряжений на этноконфессиональной почве. Нельзя в то же время забывать, что есть вещи, которые профессионалы совершили и будут совершать независимо от любого режима власти, потому что накопленные прежде знания позволяют осуществить прорыв, выводящий осмысление и понимание проблем на качественно иной уровень. Но есть достижения (в военно-промышленном комплексе, ракетостроении, атомной и космической отраслях), которые были бы невозможны без организационно-управленческих решений власти, обеспечивших высокий уровень мобилизации ресурсов для реализации проектов. Любопытны в связи с этим модели, подобные наукоградам – «высокотехнологичным монастырям», в которых те или иные задачи решались не привычными (планово-распределительными) мерами, а своеобразной альтернативной, конкурентной организацией всего пространства человеческого бытия.

Наконец, не стоит пренебрегать и своего рода инверсив-

Москва. Август 1991 года

Если бы ГКЧП не совершил попытку переворота в августе, то радикалы-нардепы, по словам Гавриила Попова, сделали бы то же самое в октябре. Собственно, это и произошло, только позже – в декабре – и мягким способом, когда Советский Союз был объявлен несуществующим.

ной, изнаночной тягой профессионалов к власти – их потребностью в ее критике и даже, если называть вещи своими именами, щипании. Это, безусловно, сублимация – но такую сублимацию можно сделать объективно полезной. К примеру, деятельность ОНФ как кнута, которым власть – правда, на местах, но хотя бы так – понуждается, вынуждается быть более эффективной и прозрачной, может стать одним из направлений, на котором нынешним интеллектуалам стоит сосредоточить свои усилия, поскольку у новой структуры нет политической стратегии, нет решения вопроса о собственности и доступа к ресурсам страны.

■

Представленный выше опыт сотрудничества власти и профессионалов выглядит насквозь проблемным, сложным, запутанным, трудно поддающимся пониманию с точки зрения каких-то простых, одномерных объяснительных схем. Но именно поэтому, во

многом в силу своей такой противоречивости этот опыт создавал уникальное пространство возможностей – причем возможностей не столько актуальных, сколько отложенных, намеченных – но консервированных до какого-то более благоприятного времени. Думается, что сейчас это время и наступило. Нет не-пробиваемых идеологических «заглушек», имеется реальная возможность выбора. Да, административный диктат сменился диктатом бюрократическим – но всё равно настоящие условия не идут ни в какое сравнение с советской эпохой: пространство внутренней – личностной и корпоративной, если говорить об интеллектуалах, – свободы, пусть со всеми оговорками, но реально существует. И в этом – очевидное преимущество настоящего времени. Поэтому не пора ли стряхнуть архивную пыль с некоторых из рассмотренных выше практик и не попытаться ли применить их к сегодняшней повестке дня?

Сергей Феликсович Черняховский –
доктор политических наук, профессор,
действительный член Академии политических
наук

Романтика и Твердость

Некогда эта страна была значительно
сильнее...

Некогда эта страна была значительно обширней.

Аркадий и Борис Стругацкие
«Обитаемый остров»

Cегодня Россия значительно меньше, беднее и слабее, чем некогда был Советский Союз. Ее влияние менее значительно, у нее союзников намного меньше, и с ней разговаривают так, как никогда не посмели бы говорить с СССР. Конечно, на полках магазинов – товаров заметно больше, чем было в советское время, – но и бедных во много раз больше. Причем за это уве-

личение ассортимента товаров страны заплатила гибелью промышленности, деградацией образования и нищенством науки. Для большинства граждан России сегодня проблемой является купить новый телевизор или холодильник – для большинства граждан СССР это перестало быть проблемой еще в 1960-е годы.

Стране, людям и обществу – обидно. И они всё чаще ностальгически

вспоминают о том, когда они чувствовали себя мировым лидером и маяком исторического прогресса. И тоскуют по той мощи и уважению, которые оказались сменены на многообразие товаров повседневного потребления.

Им хочется вернуть мощь и величие СССР – но не хочется расставаться с товарным изобилием на полках. И возникает вопрос: что России взять с собой из советского наследия – чтобы стать такой же сильной, богатой и уважаемой, каким был Советский Союз? Но дело не только в этом, не только в этих материальных факторах силы.

Дело в том, что если Советский Союз ставил задачу самому создавать свое будущее и имел представление о том, куда он хочет прийти – то есть был ориентирован на постоянное движение и созидание, – то Российская Федерация не знает, куда она хочет прийти, не имеет тех целей и идеалов развития и не может ответить на вопрос, где она хочет оказаться в результате своего движения. Она уже понимает, что ей чего-то не хватает от СССР, – но пока не может дать себе отчет в том, чего же именно.

Общество и политический класс так или иначе убеди-

Если Советский Союз ставил задачу самому создавать свое будущее и был ориентирован на постоянное движение и созидание, то Российская Федерация не знает, куда она хочет прийти, не имеет тех целей и идеалов развития и не может ответить на вопрос, где она хочет оказаться в результате своего движения. Она уже понимает, что ей чего-то не хватает от СССР, – но пока не может дать себе отчет в том, чего же именно.

лись в необходимости признать единство и самоценность всех периодов отечественной истории – и досоветского, и советского. То есть, строго говоря, – монархического и республиканского. Но в понимании доминирующей части политического класса это единство выглядит достаточно своеобразно и незавершенно.

Их официальная версия единства истории склоняется к трем тезисам.

Первый. Была некогда великая Российская империя.

Второй. Злые большевики разрушили ее.

Третий. Но великий Сталин восстановил.

С этой точки зрения романовская Империя и Советский Союз – это примерно одно и то же. И тогда нынешней России брать с собой в дальнейший путь нужно исключительно «державное величие»: армию, авиацию и флот. Ну, еще ВПК и атомно-космический комплекс.

Но в таком случае выпадет основное: ответ на вопрос, в чем были слабости Империи – и в чем была сила Союза. И значит, не получится ни ограничить себя от слабостей первой, ни вернуть себе силу второго. Для того чтобы создать Союз потребовалось разрушить Империю. Можно было бы сказать, что Союз пришлось разрушить для создания Федерации. Но Союз был значительно сильнее и влиятельнее Империи, а Федерация оказалась намного слабее и беднее и Империи, и Союза.

Можно было бы сказать, что от Союза Федерации нужно было взять с собой его промышленность, науку, искусство, военную мощь, здравоохранение, образование и всю социальную сферу.

Но с одной стороны, многое из этого было элементами другой эпохи – индустриального мира, – тогда как сегодня нужно позиционировать себя в мире информационном, постиндустриальном. С другой сто-

Образ создателя ВЧК – это не образ сътости и зажиточности развитого социализма, это как раз нечто противостоящее: образ лишений, наполненных романтикой создания Нового Мира и жесткими мерами по его обеспечению.

роны, всё перечисленное было не источником, а результатом некоего иного – позволившего в свое время их создать и развивать.

В сакримальном 1913 году индустриальный потенциал России составлял 10 процентов индустриального потенциала США. В 1985 году индустриальный потенциал Союза

составлял 55 процентов индустриального потенциала Штатов. То есть за время своего существования СССР в среднем развивался в пять с половиной раз быстрее, чем США. Российская Федерация – при своих успехах в нулевые – к благополучному предкризисному 2007-2008 году не достигла в своем экономиче-

ском развитии уровня РСФСР проблемного 1990-го.

Брать нужно не столько то, что удалось создать, – сколько то, что позволило всё это создавать со скоростью, опережающей развитие лидеров остального мира.

Здесь – корень того, что позитивно отличало Союз от Империи. И на всякий случай – относительно легенд о рывках развития дореволюционной России: рывки были, но в целом с 1861 по 1913 год ее разрыв с ведущими странами мира не сокращался, а увеличивался.

Значит, после 1917 года в стране появилось нечто, что позволило эту динамику переломить – и на место нарастающего отставания пришло нарастающее же ускорение.

Вопрос в том, чем было это нечто, и в том, что именно это нечто нужно восстанавливать и брать с собой в новую эпоху. Недавно министр обороны РФ Шойгу подвел итоги расследования трагедии обрушения казармы ВДВ в Сибири. Он сказал, что здание было построено с нарушениями технологии в 1975 году и после проведения реконструкции и капитального ремонта в 2013-м не выдержало и рухнуло.

Это к вопросу что брать с собой из советского опыта и советских достижений, если «некачественное» советское десятилетиями стоит и не ломается, а современное «качественное» не выдерживает и двух лет.

Всё дело в сравнении. Советское можно считать хорошим, можно – плохим. Оно может быть и хорошим, и плохим. Проблема только в том, что нынешнее, как правило, еще хуже.

По данным Левада-Центра на июль 2015 года, к идеи восстановления памятника Дзержинскому положительно относится 51 процент москвичей, отрицательно – 25 процентов. Причем заслуживает

внимания и распределение ответов по возрастным категориям респондентов.

Если в целом в городе идею поддерживает 51 процент жителей, а отвергают 25 процентов, то в возрастной группе 18–24 лет «за» – 63 процента («против» – 18 процентов), в группе 25–39 лет «за» – 39 процентов («против» – 24 процента), в группе 40–54 лет «за» – 48 процентов («против» – 29 процентов), в группе старше 55 лет «за» – 61 процент («против» – 24 процента).

То есть во всех группах – большинство за памятник. Но лидируют в поддержке идеи его возвращения те, кто родился между 1991 и 1997 годами, на втором месте – родившиеся до 1960 года, на третьем – 1960–1975 годов рождения, а в аутсайдерах – родившиеся в собственно «застой» (после 1976 года) и в перестройку (1985–1991 года).

Почему об этой статистике имеет смысл говорить в контексте размышлений о тех элементах советского прошлого, которые должны быть взяты в будущее России? Потому что доминирующее позитивное отношение наиболее молодых групп к Дзержинскому – это уже не ностальгия по социальной защищенности и «дешевой колбасе» 60–70-х.

Образ создателя ВЧК – это не образ сытости и зажиточности развитого социализма, это как раз нечто противостоящее: образ лишений, наполненных романтикой создания Нового Мира и жесткими мерами по его обеспечению. То есть для рожденных до 1960-го – это образ величия страны времен их юности. Но для рожденных после 1991-го – это частично образ того, чего они увидеть не успели, то есть мира, которого они оказались лишенными накануне своего рождения, и образы того, чего в нынешнем мире им не хватает: романтики и жесткости.

«Советское начало» всегда рассматривалось как нечто большее, нежели «коммунистическое начало», несмотря на значительную связанность обоих понятий.

Современное общественное сознание имеет гораздо более сложный, многосоставной характер, чем это кажется адептам примитивных политических схем – адептам, призывающим к «окончательному разрыву» с «советским наследием» и «советской символикой».

Если задавать вопрос: что лучшее из советского наследия имеет смысл брать с собой в будущее России, – то на сегодня именно в такой формулировке вопрос выглядит явно устаревшим. Двадцать лет назад можно было спрашивать: всё ли из советского наследия нужно разрушать? – и ответом

Для кого-то советское – это синоним слова «совок»: всё заскорузлое, серое, убогое, очереди, давка в транспорте, разборы личной жизни на парткоме, унизительные выезды на овощные базы и на картошку.

на этот вопрос во многом стали три выпуска «Старых песен о главном», вышедших в новогодние ночи на 96-й, 97-й и 98-й годы. Особенно первый из них.

А потом Эрнст заявил, что проект закрывается и продолжения не будет: потому что оно наступало уже не в виде ностальгических песен новогодних «огоньков», а в образе полусоветского правительства Примакова, когда оказалось, что старательно сбитый на рубеже 80–90-х антисоветский каркас рассыпается даже не под ударами бессильной и трусливой «компартии», а под тайфуном экономической и политической реальности.

Строго говоря, «постсоветское» вовсе не означает «анти-

советское». В подобных случаях приставка «пост» по смыслу отнюдь не совпадает с приставкой «анти»: она скорее означает «вытекающее из», «основанное на». То есть термин «постсоветское» идентифицирует не «несоветское», а «вытекающее из советского», «основанное на советском».

Убрать «советское» из «постсоветского» – это совсем не значит «очистить советское до досоветского», это значит убрать из него то, на чем оно основано, – а следовательно, вызвать обрушение, новый катаклизм, не говоря уже о том, что возможность подобной элиминации вообще вызывает сомнения. Система советских образов, символов, ценностей в том или ином

виде не только сохраняется в отдельных сегментах общества – скажем, в просоветски ориентированных избирателях КПРФ и ее симпатизантах, – она пронизывает всё общество, все политические силы, все, казалось бы, вовсе не прокоммунистические и совсем не левые структуры и сообщества. Например, по данным Левада-Центра, о распаде Советского Союза со жалеют 62 процента, не сожалеют 28 процентов, затрудняются ответить 10 процентов. 31 процент полагает, что распад был неизбежен, 59 процентов – что его можно было избежать. Восстановить Советский Союз и социалистическую систему хотели бы 60 процентов опрошенных. И большая их часть вовсе не голосует за КПРФ. А «советское начало» и поздно всегда рассматривалось как нечто большее, нежели «коммунистическое начало», несмотря на значи-

тельную связанность обоих понятий.

В каком-то смысле к 70–80-м годам вообще можно было говорить даже не о том самом «советском народе» как «новой исторической общности», а действительно о новой «советской нации», понимая под ней не «нацию коммунистов» и даже не «нацию сторонников советской власти», а нацию отождествляющих себя с пространством единого союзного государства: это как раз примерно те самые три четверти граждан, которые на референдуме 1991 года проголосовали за сохранение СССР. «Советское» в этом смысле – весь тот мир, который был создан в стране за семьдесят лет Великого, в общем, Эксперимента.

Для кого-то советское – это синоним слова «совок»: всё заскорузлое, серое, убогое, очереди, давка в транспорте, разборы личной жизни на парткоме, унизительные выезды на овощные базы и на картошку.

Для кого-то, и причем для большинства, советское – это совсем иное. Именно потому большая часть общества и хотела бы, будь это возможно, вернуться обратно.

Но ведь это – как в старой притче: «Что ты делаешь, тачечник? – Не видишь? Надираешься, везу камни... – А ты что делаешь, тачечник? – Разве не видишь? Я строю храм!»

«Советское» – это некий мир мечты, пусть не победившей до конца – но находящейся в стадии реализации. «Советское» – это созданная в конечном счете самим народом промышленность. Победа в войне. Построенные дома. Шаг за шагом, путь понемногу – но подрастающее благополучие. Чувство надежности и безопасности. Лгут те, кто утверждает, что весь народ пребывал в состоянии страха. Если не весь народ,

то, во всяком случае, его подавляющее большинство было убеждено, что живет в самой свободной, самой передовой и самой справедливой стране – чего сейчас, кстати, это самое большинство не считает. И дело здесь вовсе не сводится к пропаганде: таким до определенного момента было общее настроение – и действительность так или иначе подтверждала эту уверенность.

Вот здесь, наверное, главное в ощущении массами того «советского», которого им не хватает сегодня, – мира реализуемой мечты. Убежденности в том, что потребление менее важно, чем созидание, что материальное благополучие – лишь вторичная сторона жизни, что дружба может быть важнее денег, что реально общество, где человек человеку друг. Веры в торжество свободы и справедливости. Попытки бросить вызов всей предыдущей истории и всему остальному миру – и создать свой особый, нигде не виданный мир.

«Советское» для массового сознания – это все те успехи, которые были. И поскольку люди так или иначе сами работали на их достижение – и кстати, подчас платили за них

**К ДАЛЕКИМ МИРАМ ПРОЛОЖИМ ПУТИ,
И В ТАЙНЫ ПРОНИЖЕМ ВСЕЛЕННОЙ!**

Главное в ощущении массами того «советского», которого им не хватает сегодня, – это мир реализуемой мечты. Вера в торжество свободы и справедливости. Попытка бросить вызов всей предыдущей истории и всемуциальному миру – и создать свой особый, нигде не виданный мир.

своим собственным перенаряжением, своим собственным недоеданием и своим собственным недопотреблением, – эти успехи были тем дороже и тем явственнее.

«Советское» – это и оборона Ленинграда, и битва за Москву, Сталинград, и штурм Берлина. Опустившиеся после Вьетнама на колени Соединенные Штаты.

«Советское» – это достигнутое величие в мире. Гагарин и выход в космос, атомные станции и великие стройки.

И в этом смысле «советское» содержало в себе некоторое разделение: оно было и тем, о чем мечталось, и тем, что удавалось. Но тем самым одновременно несло в себе развалку – дельту между обоими началами, то, чем они различались.

Относительно массовое противопоставление себя системе к концу советского периода имело характер не антисоветского протеста и неapelляции к досоветскому началу. Оно вырастало из разницы между мечтой и достигнутым. Не из них противостояния, а из требования их соединения, требования дойти до мечтаемого.

Общество разочаровалось в КПСС не потому, что ему стали говорить о репрессиях, нелепостях и ошибках, бюрократизации и загнивании верхушки — загнивании, которое, кстати сказать, было намного меньшим загнивания власти в последние четверть века, — а потому, что КПСС отказалась строить коммунизм. То есть КПСС отказалась от реализации той мечты, которую подарили ей ее основатели, под реализацию которой она получила от народа власть.

И общество ответило: «Допустим, но зачем для строительства рынка нужна коммунистическая партия? Его должны строить совсем другие люди». Общество отказалось от советского строя не потому, что считало его плохим, а потому, что хотело большего: более советского, более «мечтаемого». Антисоветский переворот в основе своей был освящен «советской мечтой». Большая часть несет в себе память о «советском» как о «достигнутом», а самой глубине общественного сознания, на его подземных этажах «советское» воспринимается как «мечтаемое». А те, кто не несет в себе эту личную память, воспроизводят ее в качестве «преданий» и «легенд». В сознании большинства — минимум двух третей, а то и больше — в тех или иных формах оживают слова Высоцкого:

*Было время — и были подвалы,
Было дело — и цены снижали.*

И текли, куда надо, каналы И в конце, куда надо, впадали.

Здесь вполне резонно возникает вопрос о том, не происходит ли в данном случае некая абсолютизация «мечты» и за скобками оказываются те, кто вовсе не мечтал и не мечтает о «советском», а напротив — его ненавидит, равно как возможен упрек в определенном перекосе в сторону положительного в «советском» и умаление отрицательного в нем же.

В принципе можно подойти и с точки зрения уравновешивания обоих подходов. Просто здесь речь идет не о рассмотрении взгляда одной стороны и взгляда другой — это само собой разумеется, — а о попытке понять и объяснить, почему «советское» остается — и не просто как воспоминание молодости, а как некий объективный фактор — и почему остается у большинства, почему тот самый зазор между «мечтаемым» и «достигнутым», как правило, трактуется с позиции не отказа от первого, а запроса на его достижение.

Хотя такой взгляд и не отрицает того, что подчас действительно разные люди, говоря об одном и том же времени, об одних и тех же ситуациях, видят в них совершенно разное. Но это уже тема для отдельного разговора.

Общество в массе своей хочет получить не что-то «несоветское», а что-то «еще лучшее, чем советское». Не вернуться в «досоветское» — что вообще нереализуемо, — а попасть куда-то в «сверхсоветское», «надсоветское». Так, чтобы от «советского» не отказываться — но чтобы еще лучше было. И родилось все это не потому, что так людей настроила современная пропаганда власти. Эта пропаганда власти стала такой, потому что поняла: в утверждаемых в обществе

своих образах нужно не элиминировать «советское», а напротив — насыщать их им или имитировать это насыщение, а править обществом при таком его состоянии — другого состояния и не может быть объективно исторически — реально, только опираясь на его «советскую» составную часть во всех ее проявлениях.

Поэтому когда противники Путина упрекают его в том, что он «возвращает страну в «совок»», они лишь повышают его рейтинг. И коллективное бессознательное общества замирает в трепещущей надежде: «Неужто и впрямь? Вот он — пришел освободитель! В «советское достигнутое» вернет! А ведь там — чем черт не шутит, — может, и «советское мечтаемое» проглянет?»

Правители 90-х не понимали, что в постсоветском обществе — то есть обществе, стоящем на советском фундаменте, — нельзя двигаться не только вперед, но и вообще никуда, не опираясь на этот фундамент. А попытки его изничтожить приводили лишь к тому, что вся конструкция проседала и рушилась.

Успех Путина в значительной степени заключается в том, что, неся в себе самого много «советского», он оказался ограничен этим настроениям и к тому же понял, что нужно не ломать их, но, с одной стороны, по возможности укреплять, а с другой — на них опираться в своем движении.

Машин времени не бывает. Вернуться в досоветский период Россия не сможет. Никакая реставрация никогда не бывает полной. И чем более полной она пытается быть, тем быстрее ее сметает новая революция. Сделать из опирающегося на «советское» «несоветское» — невозможно: опираться не на что. И потому постсоветское общество способно двигаться и развивать-

ся, только вбирая в себя и используя в качестве опоры «советское». Никуда не денешься. Более того, как ни парадоксально, но во всех своих целях и устремлениях постсоветское общество подспудно, подчас неосознанно основой этих целей и устремлений будет иметь в той или иной форме «советскую мечту». Иначе не получается.

Вообще в советском начале можно выделить, как минимум, три пласта.

Самый последний и чаще всего вспоминаемый – пласт сытого благополучия, зажиточности и гарантий социальной справедливости, отождествляемый в первую очередь с «советским викторианством» – брежневским периодом.

Второй, более глубокий, – это пласт динамичного роста, наступательного фронтального порыва: пласт Космоса и Целины, пласт Победы и создания Великой Индустрии.

Третий пласт – это именно то, о чем шла речь выше: пласт романтики и мечты, железного натиска и штурма старого мира. Почему победили красные? Конечно же, потому что они землю крестьянам дали – а белые так и не нашли в себе смелости это сделать. Это правда. Но еще и потому что в походных котомках красных конников лежали зачинаемые томики «Города Солнца» Томмазо Кампанеллы.

Белые говорили: «Мы вернем старое – привычное и святое». Красные говорили: «Мы дадим людям самим построить Новый Мир».

Первые несли с собой тоску по утраченному. Вторые – мечту о небывалом.

В чем великая правда «Солнечного удара» Никиты Михалкова? В том, что он своим фильмом блестяще экранизировал строки Маяковского:

*Кругом тонула Россия Блока.
Незнакомки, дымки севера*

Владимир Высоцкий (на фото):

«**Было время – и были подвалы,
Было дело – и цены снижали.
И текли, куда надо, каналы
И в конце, куда надо, впадали».**

*Шли на дно, как идут обломки
И жестянки консервов.*

В том, что показал, как обречены утонуть в истории те, кто так и не понял – почему оказался чужим для своего народа.

Когда-то основные достижения советского общества описывали как перечисление свершений: коллективизация, индустриализация, культурная революция, Победа в Великой Отечественной войне, целина, космос, мощная промышленность, опережающее развитие науки, бесплатное здравоохранение, всеобщее

образование, на мировом уровне признанные достижения культуры и искусства, уверенность в завтрашнем дне, растущее материальное благосостояние, отсутствие безработицы, плановое ведение хозяйства.

На самом деле – без всего этого идти вперед действительно нельзя. Даже без планового хозяйства: чего стоит рыночное – можно увидеть на примере истории российской экономики последней четверти века и четырех кризисов: 1992, 1998, 2008, 2014 годов. А еще – на примере перманентного кризиса ми-

Стругацкие просто описали страну, проигравшую войну. СССР сам отказался от борьбы, которую он вел со старым миром начиная с 1917 года, – и получил то, что и должен получить отказавшийся от борьбы.

ровой экономики, судьбы Греции, Италии, Испании, Португалии.

По недавно полученным данным Левада-Центра, 55 процентов граждан называют лучшей экономической системой «ту, которая основана на государственном планировании и распределении», и лишь 27 процентов – «ту, в основе которой лежат частная собственность и рыночные отношения». То есть почти в точности воспроизводится пропорция отношения к восстановлению памятнику Дзержинскому. «Демократию западного образца» считают лучшей политической системой 11 процентов граждан, нынешнюю российскую модель – 29 процентов, «советскую, которая была у нас до 90-х годов», – 34 процента. По некоторым другим данным еще 11 процентов предпочли бы монархию.

Кстати, и общие политические контуры советской системы – это по сути своей именно то, что пытаются реализовать и пропагандирует Запад. Ведь что такое совет-

ская система в своем конституционном значении? Это власть, организованная снизу вверх, полноправная система местного самоуправления, наделенная полномочиями выстраивать систему центральных органов власти. Что такая «руководящая роль партии»? Подчинение государственного аппарата сверху донизу институтам гражданского общества: потому что политические партии (партия), профсоюзы и комсомол – это именно институты гражданского общества, если понимать под последним совокупность отношений, не опреданных государством. В том или ином виде, под теми или иными названиями это те начала, без которых полноценное общество в XXI веке вообще существовать не может.

Но всё это относительно вторично. Наука, политическая организация, промышленность, социальная сфера, военная мощь, атом и космос – всё это несомненные и вместе с тем во многом растратченные, разрушенные, по дешевке рас-

проданные сокровища советской эпохи.

Но именно сокровища. Маркс в свое время резко разделял и в чем-то противопоставлял сокровища – капиталу. Сокровища – это накопленные богатства, которые можно либо хранить, либо тратить, но они конечны. Капитал – это самовозрастающая стоимость. Это то, что производит богатства – и в своем функционировании постоянно расширяет их воспроизведение.

Брать с собой сокровища советской эпохи – то из них, что сохранено или может быть восстановлено, – конечно, нужно. Но недостаточно – потому что нужно брать капитал. То есть то, что постоянно толкало СССР к развитию, сделало ведущей державой мира и заставляло элиту США быть фатально уверенной в том, что ее соревнование с Союзом обречено на поражение, – до тех пор пока, к ее изумлению, его новые лидеры сами не отказались от соревнования и решили капитулировать, заодно поделив созданные сокровища и отрекшись от создавшего их капитала.

В последней книге Бориса Стругацкого 2007 года «Интервью длиною в годы» помещен его ответ на неоднократно за-

дававшийся вопрос относительно «Обитаемого острова» и описанной в нем Страны Отцов: «Как вам удалось в конце 60-х так точно угадать будущее? Ведь это же современная Россия!» И суть ответа сводится к тому, что ни о каком угадывании не может быть и речи – тут одна чистая логика: Стругацкие просто описали страну, проигравшую войну. СССР сам отказался от борьбы, которую он вел со старым миром начиная с 1917 года, – и получил то, что и должен получить отказавшийся от борьбы. Они просто показали в 1969 году, что станет с СССР, если он от борьбы откажется.

Верная сама по себе идея единства отечественной истории при нерешенности вопроса о соразмерности значимости всех ее периодов не дает решить вопрос и о сути этого капитала, и о том, как развиваться дальше.

Возможны две трактовки единства советского и досоветского периодов.

Первая заключается в том, что основное и главное – это величественная дореволюционная история, главное произошло там и тогда. А советский период – это некое проблемное дополнение, в котором тем не менее тоже было немало достойного и хорошего.

Вторая предполагает, что главное и самое великое для страны – всё же в XX веке. Вполне достойная и героическая дореволюционная история – в целом предмет гордости национальной памяти. Но это – лишь предыстория, фундамент рожденного Революцией прорыва и триумфа страны в советский период.

Первая трактовка заключает в себе предположение, что в будущее России в первую очередь нужно брать ее тысячелетнюю традицию, не забывая и о имевшемся в советской истории.

Вторая трактовка полагает, что с собой нужно брать прежде всего именно содержание советского периода, его способность к прорывам и мобилизации – способность, во многом основанную и на достигнутом в досоветский период.

И здесь опять возникает вопрос о том, что есть капитал советского периода. То есть о том, что качественно отличало советско-революционный период от досоветского. Если использовать модную патриотическую терминологию – в чем коренное отличие Красной империи от Белой.

Дореволюционная Россия была традиционным обществом, обществом постоянства, которое время от времени прерывали стремительные рывки – иначе оно вообще не смогло бы угнаться за временем, – но в целом это было господство традиции (адо петровского прорыва – общество обычая).

1917 год – точнее, Октябрь 1917 года – стал рубежом перехода и России, и мира к обществу прорыва. Начало создаваться общество Фронтира, общество Познания и Созидания.

Прежде мир воспринимался как в основном неизменный, в котором человек принимает его как данность и к нему приспособливается. Советский период – это состояние, когда мир рассматривается как в основном изменяемый, подвластный человеку – но изменяемый не произвольно, как это было сделано после 1985 года, а на основании законов окружающего мира. Но изменяемый – и это главное.

Отсюда суть советского периода, тот его капитал, который всё время толкал его вперед, – это новое мироощущение, ощущение способности менять мир, если существующий мир не самый лучший из миров, и принимать вы-

зов, согласившись на построение Нового Мира и нового общества.

И одним из ядер этого ощущения является укоренение постулата о том, что потребление – не главное. Это – средство: главное – это созидание. Не созидание – средство для потребления, а потребление – средство для созидания. Мир изменяется, а познавать, творить и созидать – интереснее и важнее, чем потреблять. Это – центральный пункт советского наследия и советского мира.

И обеспечивается это среди прочего – и идеологией.

Как фактом ее существования в данном обществе, потому что идеология по сути своей – это цели и ценности, чем она отличается от религии, хранящей ценности, но не признающей власти человека над миром и не ставящей цели его изменения.

Так и характером этой идеологии, потому что подобную задачу может решать только та идеология, которая, с одной стороны, признает познаваемость мира, а с другой – на основе этого познания ставит задачи его изменения.

И здесь ответ и на вопрос о причинах растущей популярности идеи восстановления памятника Дзержинскому и сути тяги к тому, чего явно лишено нынешнее российское общество, – к Романтике и Твердости.

Пользоваться остатками богатств советского общества, торговать ими и не понимать сути того, что их создало, – это же «Пикник на обочине» Братьев Стругацких: Землю посетила великая и непонятная цивилизация – и ушла, оставив некие материальные остатки. И люди живут рядом с этими остатками, разыскивают их и торгают ими, так и не понимая, что это за остатки, чего это остатки и чем была эта цивилизация.

**Людмила Алексеевна
Булавка-Бузгалина –**
доктор философских наук,
профессор Московской
финансово-юридической академии

СССР – незавершенный проект Семь поворотов

Временная дистанция между СССР и Россией неумолимо растет – вот уже и четверть века набежала, но значение Советского Союза не кануло в Лету. Более того, со временем не угасла и частота обращений к его историческим и культурным практикам. И эти повороты в сторону СССР продиктованы тем, что сегодняшний мир, всё более сталкиваясь с ростом социокультурных противоречий, вызываемых глобализацией и «столкновением цивилизаций» (Сэмюэль Хантингтон), «рыночным фундаментализмом» и медийным манипулированием, дегуманизацией и гегемонией масскультуры, ищет пути выхода из этих гуманитарных ловушек XXI века.

Автор также поворачивается в сторону СССР, чтобы разглядеть вектор прорыва из ловушек настоящего в пространство развития будущего, но что очень важно – как настоящего, ибо оно не дает нам сегодня права на ожидание будущего.

Поворот первый: симулякр движения рождает пустоту

Распад СССР обернулся, с одной стороны, самосознанием исторической катастрофы и личной трагедии, с другой – открытием потребительских достижений западной цивилизации (для тех, у кого были деньги): новыми кухонными и стиральными машинами, новыми продуктами в ярких обертках, недоступными прежде возможностями туристического открытия мира. Правда, тут вспоминаются слова Марины Цветаевой о том, что туризм для России смерти подобен.

Особенность современного рынка заключается в том, что, вырастая из глобальной гегемонии капитала и базируясь на информационных технологиях и современных средствах телекоммуникаций, массмедиийной экспансии, рынок становится некой тотальностью, проникающей во все сферы жизни человека и общества. И это действительно так: человек се-

Кадр из фильма «Баллада о солдате»

годня живет в условиях не просто господства рыночных отношений, но именно диктатуры рыночного тоталитаризма, рождающего и своих апологетов.

А в начале 1990-х разнообразие и яркость хлынувшего в Россию потока прежде невиданных товаров поначалу не вызвали мощного эмоционального бума, ибо еще сказывался высокий уровень культуры, с которой советские люди были катапультированы «без парашюта» в лавочное пространство 1990-х. Как писал Марк Блок: «Люди тогда уже знали и куплю, и продажу, но они в отличие от современников еще не жили этим».

Дух потребительства пришел позже — по мере вымывания культуры. И всё же интерес к этим новым товарам был, но это был специфический интерес: поначалу они рассматривались прежде всего как элементы, из которых можно было конструировать образ приватного жизненного пространства в соответствии с личным представлением о за-

В советском искусстве даже тема гибели героя несла большой гуманистический смысл, хотя нередко художнику требовалось это доказывать.

падном стиле жизни. Не о нем ли мечтали многие интеллигенты брежневской поры? А так как интенсивность обновления рыночного ассортимента постоянно возрастает, то возможность потребления (при наличии средств) становится неиссякаемой в принципе. Соответственно и конструирование частного жизненного пространства на основе всё более интенсивной смены вчера купленных на сегодня покупаемые вещи становится перманентным. Так в постсоветской системе происходило утверждение нового *lifestyle* под названием «евроремонт». Именно так автор данной статьи называет этот стиль, ибо понятие «евроремонт» у нас обрело значение символа рыночного обновления, напоминающего гегелевскую «дурную бесконечность» как «неограниченный процесс однообразных, одно-

тических изменений, ничем не разрешающихся».

И чем интенсивнее становится сменяемость рыночных однобразий, тем сильнее оказывается невнятность ощущения как собственного «Я», так и того, что именуется действительностью. Ощущение жизненного пространства времени постепенно сводится к плоскости компьютерного монитора. Можно сказать, что местом поселения современного рыночного человека является хронотоп онтологической мертвчины, где история лишена движения, а культура — живых отношений. Вот эту мертвую всеобщность и являет собой частный интерес, лежащий в основе рыночной (лавочной) глобализации, которую нам преподносят как вершину современной западной цивилизации. Но сама социально-экономическая реальность, казалось

бы, полна движения: в ней как бы идут реформы и модернизационные процессы; имена одних чиновников и бизнесменов, укравших миллионы из госказны, сменяется другими, хотя все они при этом как-то безнаказанно растворяются в анонимности информационного потока. Истории с этими лицами, как и положено, обрываются на самом интересном месте, поэтому то, что происходит с ними, после того как их ловят за руку, — этого нам знать уже не дано — как говорится, «и пучина сия поглотила ея». А дышащие им в спину новые имена высокопоставленных чиновников с новыми накраденными миллионами (вообще-то принадлежащими обществу) вытесняют из оперативной медийной памяти имена предыдущих. Но иллюзия движения тем не менее возникает — как при просмотре стариинного праксиоскопа.

И уже совсем не иллюзорно падают самолеты и вертолеты, опрокидываются автобусы с пассажирами, тонут судна в зимних морях, обваливаются дома и казармы — сколько горя, трагедий каждый день, а драматургии как не было, так и нет. Вот это чудовищное противоречие и есть самая страшная суть антигуманности современного мира, основанного на рыночном тоталитаризме. И то, что сегодня не рождаются ни стихи, ни песни об этой стороне действительности, и есть одно из самых горьких доказательств отсутствия во всём этом смысла и человеческой жизни, и человеческой смерти.

А ведь в советском искусстве даже тема гибели героя несла большой гуманистический смысл, хотя нередко художнику требовалось это доказывать. Так, например, выдающийся советский режиссер Григорий Чухрай в 1961 году был даже исключен из партии

за «чрезмерный пессимизм» в созданном им фильме «Баллада о солдате», и это в пору демократической «оттепели». Вот как ответил на такую критику режиссер: «Одним из обвинений было обвинение в пессимизме (герой фильма погибал). Я пытался объяснить бывшему вождю комсомола, что важно не то, показана или не показана в фильме смерть, а то, ради чего это показано. Если человек только небо коптит, портит жизнь окружающим, но остается в живых, — это совсем не оптимизм. Но если добный человек погибает за правое дело, защищая достоинство других людей или свои идеалы, — это всегда потеря для мира, но пессимизма здесь нет и в помине. Смерть и мертвичина — не одно и то же».

Отсутствие смысла такой жизни, которая была бы связана с живой реальностью и большим делом, посвященным гуманистическому развитию человека, страны, мира, — такого смысла для многих сегодня нет. Не поэтому ли добровольцы сегодня едут на Донбасс, рискуя жизнью, чтобы обрести смысл жизни — и если не в борьбе, то хотя бы в своей героической гибели, — несмотря на все внешние и внутренние сложности? И песни у них про это поются.

Поворот второй: разотчуждение — главный неписанный закон СССР

Та мера отчуждения, которую порождает доминирующая сегодня во всех сферах общественной жизнедеятельности гонка получения прибыли любой ценой, может порождать только жизненно опасную реальность, которая при определенной критической массе становится преступной явью. Сама действительность преображается в то, что убивает и человека, и человеческое в нем.

Впрочем, это закономерно для любого типа капитализма, порождающего разные формы отчуждения.

Лишь Красный Октябрь 1917 года способен был осуществить революционный прорыв из них. Это не значит, что в СССР не было отчуждения: в нем были и те формы, что доились от царского режима, и те, что возникли уже в рамках советской реальности. Но главное было другое: в СССР был утвержден принцип неравнодушного отношения к отчуждению как конкретно-всеобщий этический и гражданский императив, основополагающий для всех сфер советской системы и обязательный для гражданина, для государственного деятеля и для творца (художника и ученого). Он был обязательен для человека любого возраста, любой национальности и любой профессии. Более того, он был главным критерием замера человеческого в человеке. И что особенно важно — он являлся основополагающим принципом советской истории и советской культуры.

Но что очень важно — этот императив имел не идеалистические, а вполне материальные основы своего генезиса, ибо был связан с практическим и качественным преобразованием действительности, сверхзадачей которого было освобождение человека и общества от власти всех форм отчуждения (именуемое автором как «разотчуждение»). Принципиально значимо, что субъектом этих преобразований было само общество. Несмотря на доминирование бюрократических тенденций, советский человек пытался осуществить себя как творец истории, причем в самых разных ипостасях: в 1920-е — как борец за мировую революцию, в 1930-е — как энтузиаст первых пятилеток, в 1940-е — как борец против мирового фашизма.

На строительстве БАМа

ма, в 1950-е — как энтузиаст освоения целинных земель, в 1960-е — как строитель «городов, у которых названия нет», и в 1970-е — как строитель БАМа.

Именно разотчуждение явилось основополагающим принципом одновременно и советской истории, и советской культуры, став основой их диалектического единства. Более того, разотчуждение имело силу едва ли не главного неписаного закона советского мира, который выступал прежде всего как этический императив, задающий отношение к самым разным вещам, делая понятным без слов, почему нельзя красть продукты в детских садах, почему надо так строить дома и казармы для будущих защитников страны, чтобы не было стыдно перед самим собой, почему, замерзая от холода, люди в блокадном Ленинграде не вырубали деревья в Летнем саду.

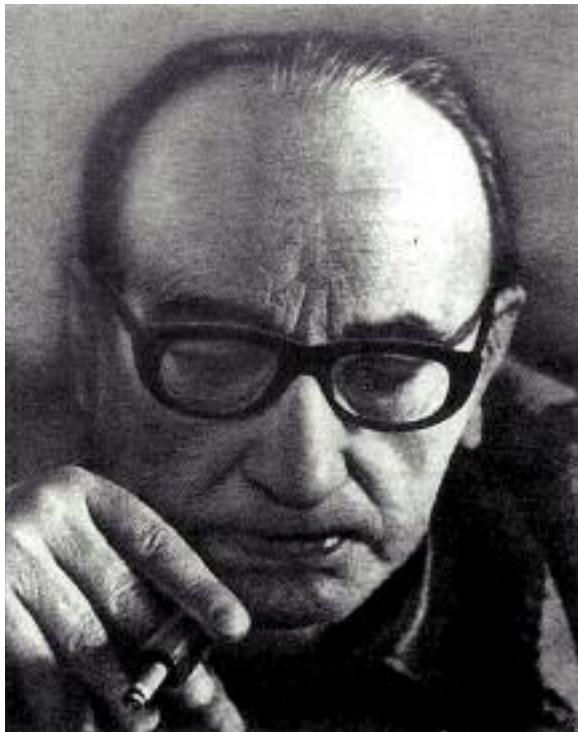
Это не значит, что в СССР все следовали этому императиву. Но даже отступая от него,

В СССР был утвержден принцип неравнодушного отношения к отчуждению как конкретно-всеобщий этический и гражданский императив, основополагающий для всех сфер советской системы и обязательный для гражданина, для государственного деятеля и для творца.

человек осознавал это как нарушение основополагающего принципа не только общества, но и своего достоинства и совести. Это так же, как люди Средневековья, которые грешили против своей совести и после совершения греха калялись в нем, в отличие от эпохи Ренессанса, где люди, совершая самые дикие преступления, ни в какой мере в них не калялись. И поступали они так потому, что последним критерием для человеческого поведения считалась тогда сама же изолированно чувствовавшая себя личность. Но значение императива разотчуждения состоит в том, что он предполагает именно практическое преодоление отчуждения, формой которого является деятельностьный акт, но свершаемый именно как этический поступок. А ведь,

выражаясь языком Михаила Бахтина, реально мы говорим о приобщении индивида к «целому» как к единственному бытию (которое существует в единстве исторической и культурной реальности) через акт его личностной деятельности, то есть через его поступок (акт активной нравственности). Именно это действие-поступок соединяет объективное бытие и субъекта («Я») в то целое, где бытие становится бытием-событием, а индивид — его субъектом. И суть этого поступка — ответственность, а точнее — «единство ответственности».

Именно диалектическое единство объективного бытия и субъекта и превращает реальность в живую жизнь, а анонимного индивида, используя выражение Анатолия Луначарского, в выпрямленного

Выражаясь языком Михаила Бахтина (на фото), речь идет о приобщении индивида к «целому» как к единственному бытию (которое существует в единстве исторической и культурной реальности) через акт его личностной деятельности, то есть через его поступок (акт активной нравственности).

Человека.

Императив и вектор деятельности на основе разрешения ее тяжелейших противоречий задавал такое пространство-время СССР, которое становилось основой зарождения «царства свободы». Эта красная нить СССР, выражавшая становление «царства свободы», и стала основой Победы над фашизмом, для которого главным врагом был прежде всего коммунизм, утверждающий принцип неотчужденного отношения к отчуждению. Многим известны слова о равнодушии, принадлежащие чешскому коммунисту и журналисту Юлиусу Фучику: «Бойся равнодушных! Это с их молчаливого согласия совершается всё зло на земле». Кстати, фашизм базируется на равнодушии к отчуждению, неслучайно его социальная база — мещанин, не-

зависимо от того, к какому социальному классу он принадлежит.

Именно «царство свободы» как красная нить советской истории, пробивающаяся через разрешение сложнейших противоречий XX века, является причиной того, что к теме СССР сегодня обращаются молодые.

А есть ли сегодня такой неписаный закон, который определяет законы и правила во всех сферах общественной жизнедеятельности? Да, такой закон есть и сегодня, но про него нигде не сказано в документах, хотя про него знают все, даже дети, которые не умеют читать. Суть этого главного закона: частный интерес как личное обогащение лю-

чеслом зрителей, а не вложенными в него миллионами долларов, как это принято в «цивилизованных» странах.

Поворот третий: тоска по радости труда

Современный российский капитализм, являющий собой его реверсивную (попятную) форму, имеет одну принципиальную особенность: если «естественно-исторический» капитализм имманентно исключал гуманизм как вектор общественного развития, то российский реверсивный капитализм развернулся на основе именно разрушения гуманистического потенциала СССР как его важнейшего достояния. Преступление здесь состояло в том, что гуманизм (человечность) культуры нельзя «сделать», его можно только вырастить как лес из редких пород деревьев. Закономерным следствием уничтожения гуманизма явилось и разрушение культурного достояния,

причем не только СССР, но и того, что было наработано в ходе дореволюционной и мировой истории.

А вместе с культурным достоянием российский капитализм, как ему и положено, упразднил и понятие «человек» как идею развития, как базовую основу всей системы ценностей и, наконец, — как мерило общественных отношений. Но если слово «человек» лишено какого-либо значения, то тем самым упраздняются и все сопутствующие ему понятия, и прежде всего — «труд», а значит, и все связанные с ним смыслы.

Доказательством этого является то обстоятельство, что сегодня трудщен социального — и потому гуманистического — смысла. Может быть, поэтому современная поэзия на тему труда так безнадежно онемела?

А ведь тоска по осмысленному труду звучала еще в чеховских пьесах. И дело не в характере труда. Например, железные дороги строить труднее, чем торговать на рынке, но песен о рыночной коммерции нет, а про строительство дорог есть и в русской, и в советской поэзии. Месить бетон зимой в сорокоградусные морозы, как это было в 1930-е годы на строительстве Магнитогорского металлургического комбината, уж куда тяжелее, чем быть банковским служащим, но стихи про строительство комбината есть, а вот стихов про финансовые спекуляции и кредиты — нет.

А ведь есть такое понятие, как «радость труда».

Где эта радость труда сегодня? Слова, которые в СССР воспринимались в качестве избитого лозунга с полинявших от дождей и снега заводских транспарантов, сегодня кажутся настолько фантастически недостижимыми, что даже почти исчезли из речевого оборота.

Конечно, трудно согласиться с тем, что в условиях современного капитализма возможно подобное — уже хотя бы потому что капитал сегодня нередко просто отделен от труда. И одним из доказательств этого является сам генезис российского капитала, который поднялся на основе криминальной приватизации, ваучеризации, природной ренты (газ и нефть) и финансовых спекуляций. А не нужен труд — не нужна и наука, вот почему все ее реформы как раз и связаны с превращением ее в приданок капитала и, соответственно, — в еще одну территорию рынка. То же самое можно сказать и про отечественные кино и театр, которые превратились в очередную отрасль бизнеса. Так что

российский попятный капитализм, эlimинируя понятие «человек», привел к устрани-

Где эта радость труда сегодня? Слова, которые в СССР воспринимались в качестве избитого лозунга с полинявших от дождей и снега заводских транспарантов, сегодня кажутся настолько фантастически недостижимыми, что даже почти исчезли из речевого оборота.

нию и всех форм идеального, посредством которых индивид может мыслить мир и его противоречия. А без них, то есть вне понятий и образов, человек не может мыслить действительность, и потому ему остается только одно — рефлексировать и комментировать.

Может быть, поэтому возникает разворот к советскому искусству?

Поворот четвертый: между героическим и криминальным

Российский капитализм преподнес всем находящимся в его активном обороте и своим уроки: умение изворачиваться в лапах криминального бизнеса и коррумпированной буржуазии, навыки тройной бухгалтерии — для казенных бумаг, для хозяина и для себя, жесткость отстаивания своего

НА ОТДЫХ

Жизнь в той или иной степени до сих пор хранит законы и ценности советского трудового колlettивизма в противоречивом единстве с коллективностью патриархальной: человек должен трудиться, родителей – не бросать, детям – помогать, друзей – поддерживать в трудную минуту, с соседями – считаться.

частного интереса любой ценой и посредством грязной конкуренции. Одновременно этот капитализм заставляет увидеть и прочувствовать на себе законы его варварской изнанки, равно как и самого человека: всю силу власти денег над ним, меру его слабости и подлости, смелости или без-

думья рисковать собой во имя финансовых афер и многое другое.

Но это одна сторона реальности. Другая сторона – это та жизнь, которая в той или иной степени, но до сих пор хранит законы и ценности советского трудового колlettивизма в противоречивом единстве с

коллективностью патриархальной: человек должен трудиться, родителей – не бросать, детям – помогать, друзей – поддерживать в трудную минуту, с соседями – считаться. А день 9 мая отмечать как главный праздник, святой день, ибо Победа над фашизмом – это то, что соединяет человека, его семью, страну и мир в одну историю, делая культуру всеобщей для каждого, как известная песня «День Победы». День, который снимает чувство экзистенциональной неприкаянности и тоски от обреченности на одиночество. И марш «Бессмертного полка» в юбилейный год Победы над фашизмом – тому доказательство.

Эти две стороны реальности создали такие жернова противоречий между этической традицией человека, в которой он был сформирован, с одной стороны, и бесчеловечностью сегодняшней жизни – с другой, что одних они сломали, а у других – вызвали поначалу глухой, а затем уже и открытый протест. Вот эти остройшие противоречия и являются своеобразным генезисом «простого» российского индивида, личностно по-разному и очень противоречиво отражая свою неразрешенность. Но почти перед каждым стоит вопрос: на что сегодня опереться в этой жизни человеку? На дружбу, которая сейчас вылилась в такую симулятивно-виртуальную форму, как «одноклассники»?

На коллектив, в котором каждый сам за себя и где постоянно витает напряженный вопрос: кто следующий на увольнение?

На соседей, которые в больших городах даже не знают друг друга по имени?

На родственные круги, на поддержку отношений с которыми всё меньше остается времени, сил и денег? А в случае спорных вопросов, касающихся

ся собственности и наследства, эти отношения нередко превращаются в болезненное противостояние.

На семью, которая сегодня под тяжестью социально-экономических проблем вынуждена всё чаще жить врассыпную и прежде всего не в географическом, а в содержательном смысле? Можно ли тут говорить о семье как о пространстве культурно-личностного развития индивида, когда основное жизненное время человека сегодня уходит на заработки, подработки, огороды и решение жёлковско-бюрократических и бытовых вопросов? В остатке от такой жизни для близких людей человека остается главным образом усталость, раздражение и тяжесть от безрадостности существования. Конечно, радость обретения новой стиральной машины или завершения очередного ремонта также имеет право на существование, но ограниченность событийного ряда жизни лишь этими фактами рано или поздно рождает чувство пустоты бытия, которая начинает разрушать человека.

А может ли быть по-другому? Может ли семья стать союзом таких родных людей, которые одновременно являются еще и творцами-товарищами одного большого по своему культурно-историческому замеру дела? Но даже если взять такой тяжелый период в нашей истории, как Великая Отечественная война, то даже в этих условиях семья в большинстве случаев была спаяна не только взаимной любовью, заботой и противоречиями, но и отвечала этим принципам.

Итак, выше мы показали лишь некоторые параметры современного российского мира, в котором чаще всего не живет — существует человек. Напомним еще раз основные параметры этого мира: лавочный дух, глухое пространство

и мертвое время, бессмысленный труд, лишенный радости смысла, бесчеловечность окружающего мира, отсутствие идеального, позволяющего мыслить реальность во всей полноте ее противоречий. Но такой образ российской реальности возникает, если к его измерению подходить с позиции мира культуры, а значит — с позиции человека как представителя рода Человек.

И совершенно иная картина той же самой реальности возникнет, если ее оценивать с позиции частного индивида, утверждающего господство частного интереса любой ценой, для которого отчуждение и дух рыночных отношений есть его «культурная» органика.

Но за последнее время общественные настроения, казалось бы, начали меняться. И чем сильнее чувствуется запрос на эти перемены, тем более определенно и внятнее звучит вопрос: каким курсом дальше?

Поворот пятый: Новый человек vs. частный человек

В своем предисловии к книге Василия Катаняна о Владимире Маяковском Виктор Шкловский упоминает о том, что в английском флоте, чтобы не крали канатов, в него вплетали красную нить, чтобы легче было отыскать украденное. Используя этот пример, можно сказать, что СССР вплел коммунистическую нить в канат мировой истории, хотя в его собственном канате она была не единственной, там были и достаточно крепкие антикоммунистические нити (от Иосифа Сталина до Михаила Булгакова и Александра Солженицына). Многие нити советского каната по мере решения исторических задач разрывались от действительных противоречий советской

эпохи, другие — от их неразрешенности, а третьи — наоборот от противоречий и прежде всего от их разрешения становились еще крепче.

Как показал XX век, в канате СССР наиболее плодотворными оказались те нити, которые в первую очередь были связаны с идеей Нового человека.

Новый человек, персонифицирующий императив преобразования окружающего мира на основе действительного снятия господствующих форм отчуждения, в своей практике социального творчества не только выявлял общественные противоречия советской системы, но и сам их разрешал, причем в непрерывной борьбе еще и с «контрой» (мещанином от революции), и с советской бюрократией. И именно благодаря этому Новый человек сумел сотворить то, что до сих пор позволяет нам гордиться: провести культурную революцию в 1920-е, осуществить индустриализацию в 1930-е, победить мировой фашизм в 1945-м, первыми в мире выйти в космос в 1961-м и сотворить новую всемирную культуру — советскую.

А какова была прочность самой этой «красной нити»? Каковы ее собственные противоречия? Если откровенно, то это вопрос о противоречиях собственно уже самого Нового человека. И здесь можно ответить словами Максима Горького: «Одни люди своими "личными" противоречиями выступают выразителями противоречий лишь своей эпохи, другие "выламывались" из своего класса или эпохи, третья воплощали историческое будущее».

Так вот, Новый человек не только нес в себе противоречия своей эпохи, не только «выламывался» из нее, но и выражал противоречия того будущего, которое сам же соз-

Новый человек, персонифицирующий императив преобразования окружающего мира на основе действительного снятия господствующих форм отчуждения, в своей практике социального творчества не только выявлял общественные противоречия советской системы, но и сам их разрешал, причем в непрерывной борьбе еще и с «контрой» (мещанином от революции), и с советской бюрократией.

давал и которое сам же воплощал.

И это будущее создавалось через диалектику встречного движения, с одной стороны, естественно-исторического вырастания нового общества (Карл Маркс) в форме социального творчества масс, а с другой — через творчество личности (Владимир Ленин, Владимир Маяковский), создающей и реализующей историю как культурный проект будущего.

Генезис СССР показал precedent того, как можно развиваться, поймав — а если надо, то и развернув — ветер истории в свои паруса, и одновременно следовать самостоятельно

создаваемому вектору и проекту развития. Причем речь идет о таком проекте, который, с одной стороны, содержал ключ к разрешению противоречий эпохи, а значит, и своей страны, а с другой — сам был гуманистическим вызовом истории.

Другими словами, СССР показал тот тип генезиса, который, с одной стороны, отвечал законам исторического развития, а с другой — соответствовал принципу самодетерминации опережающего развития, что закономерно вос требовало принцип творческой субъектности. Кстати, то обстоятельство, что опережающее развитие востребовало субъекта творчества, подтверждает концептуальную со стоятельность СССР как культурного проекта. Противоречие между «естественно-историческим» ходом развития системы и самодетерминаци

чался в режим бюрократического «автопилота». Победы СССР подтвердили первое, его распад — второе.

Следует подчеркнуть, что если Октябрьская революция сама определила стратегию опережающего развития страны, причем на основе глубинного научного понимания диалектики исторического развития, сделав тем самым вызов себе и всему миру в целом, то программа перестройки не имела внятных целей (речь не идет о риторике) и тем более стратегии опережения. А ведь, как хорошо известно, даже для того чтобы догнать поезд, надо находиться в положении опережения по отношению к нему. В отличие от перестройки у ельцинской власти стратегия была сформулирована четко: «Только не обратно в СССР!» Уже одна эта формулировка откровенно демонстрировала, что во власть пришел самый опасный тип — частный индивид без исторического мышления и научного понимания общественного развития, а без этой основы он мог быть только политиканом и никогда — политиком. Так, в 1990-е во власти оказался частный индивид, использующий государство для реализации своего частного интереса, суть которого всегда одна — обогащение, ибо это для него есть субстанциональная основа, единственное, во что он верит и с чем себя идентифицирует. Ельцинский период закончился, но вопрос о том, куда и как двигаться дальше, остается открытым до сих пор. Этот вопросстал сегодня и перед всем миром: перед США, Украиной, Донбассом, Грецией и многими другими странами. Он стоит и перед Россией. Каким курсом следовать дальше? Это вопрос прежде всего не политический и не экономический, а вопрос исторического развития. Вне понимания вызовов современной ис-

тории, ее противоречий и ловушек ответа не найти. А любая попытка подмены исторического развития новым политическим конструированием, как бы прочно в финансовом и военном отношении оно ни было обеспечено, все равно обречена на поражение.

Так на какие исторические маяки ориентироваться России сегодня? Этот вопрос тем более значим, так как сегодня для российского общества и государства наступил особенно трудный период. Обострение геополитической ситуации и достаточно серьезные проблемы внутренние заставляют нас взяться за очень неприятное дело — подсчет катастрофических потерь отечественной экономики, «социалки», науки и культуры, но прежде самого человека от саморазрушительного пристраивания в охвостье мировой капиталистической системы, как это было с нашей страной после распада СССР. Трудности внешнего и внутреннего положения показывают, что прежняя парадигма «развития», отстаивающая приоритет олигархических интересов, ведет Россию к блокированию перспектив будущего и потере достояния прошлого.

Вот почему перед российской системой объективно и, может быть, в последний раз всталась задача перезагрузки стратегии дальнейшего развития — перезагрузки, вызванной нарастающим глобальным кризисом. Но как это возможно, когда геополитические противоречия заставляют Россию в отставании своих интересов на поле внешней политики быть самостоятельным субъектом, а ее внутренняя экономическая политика отдана на откуп олигархов, которые в погоне за прибылью вывозят за пределы страны «свои» (на самом деле — общества) капиталы и природные ресурсы?

Современный геополитиче-

Принцип субъектности, проявляемый в практике совместного и творческого преобразования действительности, высвобождающего ее от власти отчуждения (разотчуждение), и определил принцип интернационализма советской истории и всемирности советской культуры. И в этом была сила советской системы и советского общества — сила, позволявшая решать проблемы мира как свои, и свои — как проблемы мира.

ский кризис вызвал нарастание как внешних, так и внутренних противоречий российской системы, а растущее напряжение от их неразрешенности заставляет всё активнее обращаться к тому историческому опыту — и прежде всего СССР, — который имел практики разрешения пусть других, но не менее, а может быть и более острых общественных противоречий. Причем, как показала история СССР, это было такое разрешение, которое рождало пусть трагическое (как это было в условиях сталинского режима), но высокое бытие, при котором человек человеку был не конкурентом и не партнером, а товарищем по делу преобразования действительности. И то, что этот исторический опыт рождал высокое искусство, которое востребовано до сих пор, есть убедительное тому доказательство. Может быть, поэтому сегодня всё чаще обращаются к практикам СССР? Но что ищут, поворачиваясь в сторону СССР, причем когда назад, а когда вперед?

Можно условно назвать три основных разворота на СССР:

- ◆ сталинско-имперский;
- ◆ социально-патерналистский;
- ◆ субъектно-освободительный (романтический).

А теперь посмотрим, в рамках какого из этих разворотов возможно разрешение тех противоречий и вызовов, которые сегодня стоят перед миром и Россией?

По мнению автора, главный вызов современности связан с проблемой становления индивида как общественного, творчески деятельностиного субъекта разотчуждения, без которого невозможно никакое историческое — и потому культурное — развитие. Вот поэтому мы и рассмотрим проблему субъектности как главную из тех, которые за-

ставляют нас повернуться и всматриваться в практики СССР.

Поворот шестой: герой vs. функция капитала

Для власти капитала, рынка и бюрократии сегодня индивид нужен лишь в одной ипостаси — как функция. И это есть имманентный закон мира отчуждения, из которого он сам пока вырваться не может, но самое страшное — не очень-то и хочет. Да, быть функцией тяжело и неприятно, но быть субъектом — это значит решать проблему смысловой перезагрузки своей субстанции. Приспособливаться к этой реальности трудно и больно, но самому определять ее — хотя бы в горизонте собственной личности — сложно и страшно, ибо это требует от индивида позиции, поступка и самое главное — персональной ответственности. Одним словом — той принципиальности бытия, без которой невозможно быть субъектом истории и культуры. Именно эта проблема есть гордиев узел современного индивида, общества и культуры, то есть всего того, что составляет потенциал их исторического развития.

В условиях рыночного тотализма на бессубъектность существования обречены все: и малоимущие, и средний класс, и особенно богатые. Понятно, что функциональное существование нивелирует личность индивида, подчиняя его деятельность, взгляды, стиль, вкус одному — рыночному канону, который есть не что иное, как стандарт общего. Тем острее становится вопрос: где и как индивид сегодня может формироваться как общественный субъект, если формат личностного бытия исключен даже в культуре? Достаточно посмотреть на большую часть современных российских фильмов, в кото-

рых найти хотя бы один художественный образ — большая удача, причем даже маски — большая редкость, преимущественно — безликость. Но существуя в условиях отчуждения, индивид тем не менее имеет и живые связи с миром культуры, включая отечественную — русскую и советскую. А эта культура всегда несла в себе понятие «героическое». И это неслучайно: принцип субъектного бытия, утверждающий себя через разрешение остройших противоречий советской истории и культуры, объективно требовал от индивида героического напряжения сил: позиции, воли к поступку, его свершения — и нередко ценой собственной жизни. Вот почему «героическое» явилось, во-первых, контрапунктом советской истории и культуры, во-вторых, основой их диалектического единства и, в-третьих, измерением человека как представителя рода Человек.

Но само это понятие не могло возникнуть из идей — даже самых революционных. Героическое бытие советского человека было обусловлено самой практикой преодоления тяжелых условий жизни как следствия международной борьбы за дерзкую попытку утверждения общества справедливости, труда и культуры (социализма), трагического противостояния бюрократизму и сталинизму, гасившим этот исторический порыв, массового энтузиазма, открытия нового мира и вдохновенного созидания советской культуры как всемирной культуры.

В сущности, строго по Борису Пастернаку: «Человек — действующее лицо. Он герой постановки, которая называется “история” или “историческое существование”». Так, практики СССР показали земную — не приземленную — основу «героического», возникающего на основе решения

насущных вопросов жизни для всех и каждого, а значит, и для себя. И в этом — гуманистическая суть «героического», в отличие от супергероев, имена которых воспринимаются уже как символы современной масскультуры (Человек-Паук, Супермен, Бэтмен, Капитан Америка и др.).

В советской культуре «героическое» понималось как некий поступок в истории, суть которого заключалась в деятельностном (не метафизическом) высвобождении действительности — а значит, и самого человека — от господства реальных форм отчуждения. Кстати, в этом заключалась и суть общественного идеала советской культуры.

Именно принцип субъектности, проявляемый в практике совместного и творческого преобразования действительности, высвобождающего ее от власти отчуждения (разотчуждение), и определил принцип интернационализма советской истории и всемирности советской культуры. И в этом была сила советской системы и советского общества — сила, позволявшая решать проблемы мира как свои, и свои — как проблемы мира.

Императив субъектности пронизывал и всё советское искусство, выстраивая его драматургию, рождая эффект живого движения (развития) отношений и определяя его главного героя.

Более того, он был субстанцией и общественного поступка, который в советском обществе был настолько значимым,

участвовать в некотором историческом созидании — да еще и не одному, а совместно с другими, — то за это буквально хватались как за спасение. Проблемой смысла жизни были пронизаны лучшие произведения советского искусства 1960-х. Например, в фильме Марлена Хуциева «Мне двадцать лет» герои пытаются лично ответить на новый вызов идеи героического бытия уже в условиях мирного времени. И даже в фильмах 1970–1980-х ставится эта проблема, но здесь уже показана внутренняя трагедия человека, его надлом из-за того, что он либо не может найти этот высокий смысл («Отпуск в сентябре» режиссера Виталия Мельникова — по

Как говорил Леон Баттиста Альберти (на барельефе): «<...> будь убежден, что человек рождается не для того, чтобы влечь печальное существование бездействия, а чтобы работать над великим и грандиозным делом». А классика развития СССР — это разотчуждение, которое посредством деятельностного высвобождения связывает будущее с наследием не только отечественной, но и мировой культуры, более того — развивает их.

что невозможность его свершения в условиях нарастания социального прозаизма 1970-х нередко рождала и такое решение: если в истории невозможно героически действовать, то тогда дайте в ней во имя большого дела хотя бы героически погибнуть. Конечно, обрыв человеческой жизни — это трагедия, но еще большей трагедией для советского творца-романтика тех лет являлось внутреннее угасание самого энтузиазма, ломающее людей изнутри, обрекающее человека на бессмысленность существования. А уж если предоставлялся случай

мотивам пьесы Александра Вампилова «Утиная охота», либо отказывается от него («Сталкер» режиссера Андрея Тарковского — по мотивам романа «Пикник на обочине» Аркадия и Бориса Стругацких).

Может быть, поэтому советские фильмы, ставящие эту проблему, до сих пор притягательны. Вот некоторые современные отзывы зрителей о фильме Юлия Райзмана и Евгения Габриловича «Коммунист» (1957 год):

«Какая сильная энергетика от фильма исходит, прямо всё

Франц Кафка (на фото):

«Человек отказался от участия в созидании мира и ответственности за него. <...> Но большинство людей живут без сознания сверхиндивидуальной ответственности, и в этом, мне кажется, источник всех бед».

внутри переворачивается. Это настоящее искусство!»

«На основе таких фильмов мы будем строить новую жизнь». «Спасибо! Советские фильмы самые лучшие, показывают человеческую сущность, а не звериную, к которой за последние 20 лет мы, к сожалению, привыкли».

«Вообще-то фильм не про идеологию! Идеология коммунизма – обычная справедливость и отрицание собственных интересов! Порочность идеологии придумали буржуи (по-

рочные насказы) – одним словом, все должны думать об общем деле, буржуев заботит лишь своя персона: человек человеку – волк! А ведь так оно и есть теперь! Волки вокруг! И всем плевать на всё, кроме своей тушки! Коммунисты жертвовали собой ради общего дела и это почитали за честь! Кто теперь это может хоть как-то понять?»
«Не знаю, как оно, но то, что показано в фильме, – это Идеал Человека. Это и есть то, что я бы хотел видеть в Будущем. Такого человека».

Поворот седьмой: альтернатива миру отчуждения – освобождение, а не свобода

Отказ от субъектности, в сущности, есть отказ от идеи человека, а значит, и от вопроса: зачем ты живешь? Неужели для того, чтобы только получать приличное жалованье в фирме, честно платить налоги, делать удачные покупки на Рождество и бодрить себя на страсти лет туристическими поездками? Или всё же жить в истории с ее принципом субъектности?

Кстати, следует отметить, что если в СССР слово «мещанин» служило презренным приговором, то после распада СССР началась его этическая легитимация. Сегодня презирать мещанина не принято – лавочная глобализация его этически и «культурно» узаконила. Теперь быть мещанином не стыдно, равно как и пошляком. Пошлость сегодня превратилась в «художественный» метод частного человека от культуры (точнее – лавочника от культуры), утверждающего частный взгляд на частного человека.

А те, кто противостоит мещанству или не совсем омешанился, сегодня уходят либо в формы патриархальной жизни, либо в те или иные маргинальные по своей сути субкультуры, либо в анонимность виртуальной (цифровой) реальности Интернета. Ну, а тот, кто пытается найти альтернативы либеральным формам отчуждения, причем в логике порожденного им же мира симуляков, нередко сам попадает в их ловушки (национализм разного окраса, фундаментализм, фашизм, бандеровщина и т.п.).

Но есть и те, кто сегодня ищет прорыв в движение истории, чтобы совместно с другими решать сложнейшие проблемы времени. И это, если использовать образное выражение Юрия Олеши, не тот разговор, «когда один говорит, а другой молчит и слушает, а разговор, когда двое, очень близко прижавшись друг к другу, обсуждают, как бы найти наилучший выход».

Неужели такое может быть? А ведь такое было – и было в СССР, – и потому мы разворачиваемся к нему с вопросами опять и опять. Это ностальгия?

В свое время Ренессанс развернулся – не оглянулся (!) – в сторону Античности. Это ностальгия? Нет. Ностальгия –

Ответ на этот вопрос определяет выбор и соответствующей стороны баррикады культурно-гражданского противостояния, которая сохранилась на протяжении всей истории СССР. Сегодня она представляет противостояние между двумя онтологическими принципами: принципом субъектного бытия (в культуре и истории) и принципом комфорtnого небытия частного индивида (мещанина) в пространстве отношений купли-продажи.

это попытка облечь настоящее в прежние формы, может быть, и хорошие, но исторически снятые. Ренессанс же развернулся к Античности, чтобы схватить и понять классику развития (ее законы) культуры, без чего невозможно прорываться в будущее.

Обращение к практикам СССР сегодня – это попытка понять, как можно вырваться из ловушек лавочной глобализации, в которой человеку нечем дышать, нечем мыслить, не для чего жить и в которой нет Другого, а значит – и его самого.

Поэтому поворот в сторону СССР сегодня – это объективная потребность человека и общества понять классику развития истории, чтобы определить для себя вектор дальнейшего развития того большого дела, которое и есть суть «красной нити» СССР. Или, как говорил Леон Баттиста Альберти: «<...> будь убежден, что человек рождается не для того, чтобы влактие печальное существование бездействия, а чтобы работать над великим и грандиозным делом».

А классика развития СССР – это разотчуждение, которое посредством деятельностного высвобождения связывает будущее с наследием не только отечественной, но и мировой культуры, более того – развивает их.

Так, например, понятие «свобода», дарованное Великой французской революцией, будучи сопряженным с «субъектом истории», получило свое качественное развитие в понятии «освобождение». Понятие «освобождение» принципиально отличается от «свободы», выражая не то, что нужно искать или ждать как чье-то дарование (царя, барина, героя, начальника, спонсора), а то, что можно и нужно самому творить – и, как правило, не в одиночку, а совместно с

другими. Как сказал один из героев Эрнеста Хемингуэя по имени Гарри Морган из романа «Иметь или не иметь»: «Всё равно человек один не может ни черта».

Не свобода, а именно освобождение с его принципом деятельностной субъектности как раз и становится основой самодетерминации индивида. Или, как писал Гегель, «живая субстанция <...> есть бытие, которое поистине есть субъект <...> поскольку она есть движение самоутверждения».

Современная же цивилизация связывает понятие «свобода» с формальным и абстрактным понятием «права человека», хотя значение самого человека как общественной ценности и уж тем более цели развития прочко отсутствуют. Свобода же с ее принципом толерантности сводится к императиву: ты не трогаешь меня – я не трогаю тебя. Цивилизация «прав человека», устанавливающая между людьми светофоры формально-бюрократических отношений, не только не снимает существующего между ними отчуждения, но наоборот – многократно его усиливает. Вот и получается, что не только социум, не только межличностные отношения, но и экзистенциональная сторона человеческой жизни сегодня пронизаны отчуждением.

Где сегодня человек имеет свободу выстраивать свои отношения не как частные, а как отношения мира культуры? На работе? В метро? На рынке?

Где сегодня человек имеет свободу творческого преобразования не своего частного пространства (дачи и квартиры), а окружающей действительности по законам города-сада? Без субъектно преобразующей деятельности свободы как таковой нет. У частного индивида есть один вид свободы – свободы потребления сотво-

ренного не его руками, в том числе и города-сада. Без того, чтобы быть субъектом социального освобождения, индивиду остается одно – быть лишь «мышкой» при господствующей власти капитала.

Вот почему совместное и творческое преобразование общей на всех действительности, несущей смысл труда и человеческой жизни и потому рождающей песню (как это было в СССР), и есть живая альтернатива этому мертвенному императиву «прав человека», претендующему быть основополагающим законом мира человеческих отношений. А ведь когда-то мыслящие люди Европы за этот императив принимали принципиально иные вещи.

В связи с этим уместно привести отрывок из одного интервью, которое дал Франц Кафка чешскому журналисту Густаву Яноуху:

«Густав Яноух: Стало быть, вы считаете, что человек больше не является сотворцом мира?»

Франц Кафка: Вы опять не поняли меня. Напротив, человек отказался от участия в созидании мира и ответственности за него. <...> Но большинство людей живут без сознания сверхиндивидуальной ответственности, и в этом, мне кажется, источник всех бед».

Человек как творец истории и герой культуры – есть суть проекта СССР, который в принципе завершить нельзя, как нельзя завершить развитие человека.

Именно практики и противоречия, победы и трагедии советского человека являются причиной поворотов в сторону советской действительности, ибо СССР – это прежде всего мастер-класс творчества истории как мира культуры, а не музей – может быть, и дорогих, но воспоминаний.

Юлия Сергеевна Черняховская –

кандидат политических наук, заведующая
учебно-научным сектором политической
культуры Научно-образовательного центра
«Высшая школа политической культуры»
Московского государственного института
культуры

Языком советской фантастики Научно-технический романтизм как форма политического сознания

Принято считать, что официальной доктриной советского искусства был социалистический реализм — в его определенном противопоставлении, с одной стороны, романтизму, с другой — критическому реализму. Эту доктрину долго и много хвалили — и потом ниспровергали. Сутью соцреализма можно считать тезис: «Изображать действительность такой, какой она должна быть». Причем те, кто наиболее вдумчиво критиковал этот подход, утверждали, что сам метод был чужд реализму — так как скорее соединял в себе черты классицизма и романтизма, чем и противостоял самому романтизму. Не касаясь сейчас этих искусствоведческих споров, хотелось бы сказать о другом: о том, выражением какого философско-предметного — точнее даже, философско-политического, политico-культурного — отношения к миру была данная доктрина. И дело здесь не в самой по себе мировоззренческо-идеологической доктрине — дело в типе политической культуры, в типе отношения к миру. Этот тип следует определить

как политическую философию — и политическую культуру — научно-технического романтизма. Суть такой философии и культуры — в единении не классицизма с романтизмом, то есть идеально должного с опьяняюще идеальным, а рационально и научно-технически обоснованного с идеально желаемым. В конченом счете, это мир той же «Утопии» — места, которого нет, но понимаемого не как место, которого не может быть, а как место, которое хотелось бы и можно было бы создать. Запрос на создание подобного мира возник не в советский период, а заметно раньше — в эпоху научно-технических революций XVIII-XIX веков. Советский период стал результатом воплощения — и притом главным — указанного запроса.

Любая политическая культура определяется несколькими дилеммами:

- ◆ человек (социум) либо принимает мир как нечто неизменное и подчиняется этой данности, либо относится к нему как к тому, что можно изменить;
- ◆ человек (социум) в своем отношении к миру либо принимает базовые

Павел Андреев. На Магнитке. 1960 год

ценностные основания этого мира, либо разрушает их;

- ◆ человек (социум), выстраивая свои отношения с миром, либо подчиняется ему (считается допустимым «прогибаться под изменчивый мир»), либо готов вступить с ним в противостояние;
- ◆ человек (социум) в своем отношении к миру либо соглашается на отказ от собственной человечности, либо встает на ее защиту.

В основе научно-технического романтизма, рожденного научно-техническими революциями Нового времени, создавшего советский строй и ставшего его политической философией, лежит, как представляется, такой тип политической культуры, при котором:

- ◆ мир рассматривается как не самый совершенный и подлежащий изменению;
- ◆ изменение основывается не на разрушении базовых ценностей этого мира, а на приведении мира в соответствие с ними;
- ◆ человек не подчиняется данному состоянию мира, а принимает вызов противостояния ему;
- ◆ человек сохраняет и утверждает собственную человечность в любых противостояниях и в любых проявлениях борьбы за свои идеалы.

Суть философии и культуры научно-технического романтизма – в соединении не классицизма с романтизмом, то есть идеально-должного с опьяняюще идеальным, а рационально и научно-технически обоснованного с идеально желаемым.

Это – в основе. Но не менее важным для самого этого типа политической культуры является то, что опорой и инструментом для изменения мира является не абстрактное моральное долженствование и не «нетерпение потребованной совести», о порочности которого писали Стругацкие, – а разум, научное осмысление мира, весь объем научно-технического инструментария, созданного человечеством в своем развитии. Основной постулат научно-технического романтизма: мир познаем и изменяем; мы можем познать его – благодаря научному исследованию, изменить – благодаря достижениям науки и техники, но при этом остаться людьми, сохранив все то идеально значимое, что создано в этом мире. Собственно, научно-технический романтизм – это суть и квинтэссенция советского мира.

При всей возможной критике политики Сталина, анализируя политические настроения 40–50-х годов, необходимо признать мобилизующую силу, которая придавалась общест-

ву существовавшей в тот момент накаленной идеологией Общества Фронтира. Общеизвестным является факт, что смерть вождя советские люди в массе своей восприняли как личное горе.

В письме к брату от 5 марта 1953 года Аркадий Стругацкий высказывал свою реакцию на это событие: «Умер Сталин! Горе, горе нам всем. Что теперь будет?

[Далее красным карандашом:]
Не поддаваться растерянности и панике! Каждому продолжать делать свое дело, только делать еще лучше. Умер Сталин, но Партия и Правительство остались, они поведут народы по сталинскому пути, к Коммунизму. Смерть Сталина – невосполнимая потеря наша на дороге на Океан (здесь стилизация под роман Леонида Леонова “Дорога на Океан”. – Ю.Ч.), но нас не остановить.

Эти дни надо пережить, пережить достойно советских людей!»

Шок от ухода лидера был – но было и чувство уверенных в себе победителей: за плечами социума была Победа над фа-

Аркадий Стругацкий и художник-фантаст Андрей Соколов

Аркадий Стругацкий:

«Умер Сталин, но Партия и Правительство остались, они поведут народы по сталинскому пути, к Коммунизму. Смерть Сталина – невосполнимая потеря наша на дороге на Океан, но нас не остановить».

шизмом, названное на Западе чудом восстановление экономики, новые мощные гидроэлектростанции Сибири, созданная атомная энергетика. СССР вел широкое геополитическое наступление по всему миру, и уверенность в истинности тезиса «мы рождены, чтобы сказку сделать былью», утвердилась как искреннее чувство победителей, при-

нявших вызов, признавших мир не самым лучшим из возможных, согласившихся на построение нового – и чувствовавших явные успехи своего прорыва.

В 1957 году СССР запустил первый искусственный спутник Земли. Это событие можно считать началом эры научно-технического романтизма. «Начало 60-х годов – вре-

мя беспредельной веры в могущество науки, особенно физики. Именно тогда физики успешно побеждали лириков, конкурс в физические вузы зашкаливал, а самым популярным мужчиной в стране был Алексей Баталов, сыгравший физика Гусева в «Девяти днях одного года», – отмечает современный общественный и политический деятель, автор книги о творчестве братьев Стругацких Борис Вишневский.

В то время бурно развивалась наука. В материалах июньского 1959 года пленума ЦК КПСС говорилось: «<...> за время, прошедшее после XX съезда партии, в нашей стране сделан новый крупный шаг в развитии и техническом совершенствовании всех отраслей народного хозяйства. За этот период создано и освоено в серийном производстве свыше 5 тысяч новых, более совершенных типов машин, механизмов, аппаратов и приборов, разработаны и внедрены в больших масштабах прогрессивные технологические процессы в промышленности и строительстве, значительно повысился уровень механизации, особенно тяжелых и трудоемких работ, осуществлена автоматизация многих производственных операций на промышленных предприятиях, в строительной индустрии и на транспорте». Широко внедрялась в жизнь атомная энергетика и реактивная авиация, были запущены первые в истории человечества искусственные спутники Земли, состоялся полет человека в космос. XXI съезд принял решение в течение семи лет ликвидировать тяжелый физический труд, проводя комплексную механизацию производственных процессов в промышленности, строительстве, на транспорте, в сельском хозяйстве и торговле. Планировались замена и мо-

дернизация устаревшего оборудования, внедрение новых высокопроизводительных процессов, быстрое развитие электрификации страны, автоматизация и дальнейшая специализация производства, всемерное использование достижений и открытий науки и техники, особенно в области радиоэлектроники, радиоактивных изотопов, полупроводников и ядерной энергии, превращение строительного производства в механизированный поточный процесс сборки и монтажа зданий.

Иными словами, в течение семи лет предполагалось внедрить в жизнь все достижения техники, которые описывали фантасты, в том числе практически достичь технического уровня, обозначенного Стругацкими в их романе «Полдень, XXII век». Программа семилетки полностью повторяла технический антураж фантастических произведений 1930–1950-х, и ее появление было обусловлено успехами предыдущих пятилеток.

Переломным для развития советской фантастики событием стал запуск первого искусственного спутника Земли, на что Аркадий Стругацкий откликнулся в письме к брату короткой, но многозначительной репликой: «ЗА СПУТНИК – ГИП-ГИП-УРА-УРА!!!» О тех же эмоциях вспоминал в 2004 году и Борис Стругацкий: «Это был сплошной телячий восторг — песни, пляски, карнавалы и сатурналии. Наша компания в Пулкове сочинила целый фильм о спутнике — рисованный, с музыкой и стихами, записанными на лабораторный магнитофон. Ночами работали, сгорая в пламени энтузиазма. Это было — счастье и ощущение прорыва в будущее». Приведенная реакция Бориса Стругацкого тем более примечательна, что в своих поздних воспоминаниях он редко давал

В 1957 году СССР запустил первый искусственный спутник Земли. Это событие можно считать началом эры научно-технического романтизма.

каким-либо событиям положительные оценки.

Выход в космос и начало его освоения были для Стругацких не какими-то оторванными от жизни событиями. Они воспринимались братьями как наступление новой эры. Осенью 1959 года Аркадий Стругацкий писал в газете «Литература и жизнь»: «И вот пришел день, когда лунный перелет стал фактом. Мечта осуществилась. Человек дотянулся до космического тела — пока только до ближайшего. Вероятно, в скором времени первые космонавты ступят на почву Луны, и Луна перестанет быть объектом научной фантастики».

Таким образом, если европейский романтизм XIX века явился отторгающей реакцией на научно-технический прогресс, то советский романтизм 60-х органично его дополнял. Ему также было свойственно утверждение самоценности духовно-творческой жизни личности, изображе-

ние сильных страстей и характеров, но активность человеческой натуры вырисовывалась как направленная на научное познание и совершенствование общества. В XVIII веке романтическим называли всё странное, фантастическое, существовавшее в литературе, а не в действительности. Да и романтизм XIX века часто обращался к прошлому — отсюда такая популярность его преломления в исторических романах той эпохи. Научно-технический романтизм, напротив, нацелен в будущее и вовне, он не отвергает экзистенциальных начал, но считает их принципиально познаваемыми. Его романтика направлена на знание неведомых далей, изучение космоса, строительство нового мира — он ведь возник из соприкосновения чудесного и реального, что и произошло с наступлением космической эры во второй половине 50-х — начале 60-х. Прорыв в космос виделся ре-

альным воплощением мечты, о которой прежде говорилось лишь в разного рода фантастических — а то и откровенно сказочных — произведениях. Не потому ли всего лишь несколько лет спустя советские люди с такой естественностью отнеслись к принятой на XXII съезде новой Программе КПСС, которая для иного современного человека выглядит как политическая утопия. Философская концепция научно-технического романтизма переходила в плоскость политического сознания — ее выводы затрагивали взгляды людей и начинали влиять на их общественное поведение. Этот процесс постепенно проходил в СССР с начала 60-х: восхищение успехами НТР при поддержке партии, активно содействовавшей тогдашней инноватике, перерастало в интерес к социальному проектированию, а затем и моделированию политических утопий и антиутопий.

Это было таким же важным фактором формирования мировоззрения поколения «шестидесятников», как и смерть Сталина (во всём спектре ее трактовок), как и XXII съезд и все те политические события, которые произошли позже. Научно-технический романтизм порождал готовность к кардинальным переменам в обществе, и эту готовность высказывал Аркадий Стругацкий в цитированной выше статье в «Литературе и жизни»: «Но мечта не стоит на месте. Ее провозвестники, писатели и поэты, тянутся дальше, в коммунистическое будущее мира. <...> В превосходном научно-фантастическом романе “Туманность Андромеды” Иван Ефремов показывает нам, что и в далеком будущем не прекращается борьба, гигантская благородная борьба Человека против природы. Человек уже не обороняется, он наступает. Эскадры звездо-

летов летят к далёким мирам, пытливая мысль бросает Человека на новое, невиданное захватывание — на преодоление физической природы пространства и времени».

Преодоление физической природы пространства и времени и преодоление политической инерции социальных процессов сливаются как в утопии Ефремова, так и в ранних идеалах его последователей — Стругацких. Успехи НТР порождают завышенные социально-политические ожидания. Подтверждение такого слияния — в той же статье Аркадия Стругацкого: «<...> мечта получила мощное научное обоснование. Но она еще оставалась мечтой. Путь к ее осуществлению лежал через долгие годы большевистского подполья, через залпы “Авроры”, через создание первого в мире социалистического государства. Он, этот путь, обеспечен был преображением нашей родины из нищей страны в “страну мечтателей и ученых”, вооруженную мощной индустрией, мощным сельским хозяйством, обладающую огромными энергетическими возможностями, вырастившую великолепные кадры рабочих, техников и ученых. Нет, совсем не случайно первые вымпелы землян, сброшенные на лунную поверхность, украшены гербом Советского Союза. Именно Советскому государству, которое в силу социалистического строя способно сконцентрировать на решении той или иной проблемы самые лучшие кадры, самые лучшие предприятия и самые лучшие материалы, суждено было стать родиной первых искусственных спутников и космических ракет, как и первой атомной электростанции, первого по мощности ускорителя элементарных частиц, первого атомного ледокола».

Подобная социализация эйфории, вызванной научно-техническими свершениями, привела на первых порах к тому, что Стругацкие обозначили появление двух новых социальных групп, или — в их терминах — «типов человека». Первый тип — массовый научный работник. Стругацкие отмечали, что «только в нашей стране численность работников, непосредственно занятых научной деятельностью, перевалила за миллион человек». Причина появления этой социальной группы — распространение НТР, что фантасты считали фактором важнейшего политического значения. Они рассматривали массового научного работника как новый «горизонтальный пласт общества» — что в какой-то мере сопоставимо с сегодняшними представлениями о среднем классе. Стругацкие утверждали, что «отпечаток», который накладывался на личность такого массового научного работника «спецификой условий научной работы, прекрасно соизмерим с формирующим влиянием, скажем, обстановки крупного промышленного предприятия на личность квалифицированного рабочего». Хотя массовый научный работник, по мнению братьев, и не оправдал возлагавшихся ранее на него надежд, но в целом он, по их мнению, развивался в общем ключе социального прогресса.

Второй тип по Стругацким — это «Массовый Сытый Невоспитанный Человек», «мештанин» или «кадавр, не удовлетворенный желудочно». Появление этой социальной группы стало следствием того, что люди получили доступ к материальным благам, но культура их осталась на прежнем феодальном уровне. Здесь намечалось первое разногласие Аркадия и Бориса Стругацких с официальными постулатами марксизма, так как

они считали приоритетно необходимым именно культурное развитие человека. Сам факт возникновения этой социальной группы Стругацкие называли удивительным, что позволяет говорить о том, что изначально в вопросе развития и распространения материальных благ они были сторонниками марксизма. На протяжении 60-х годов разрастание этой социальной группы Стругацкие считали главной угрозой на пути построения коммунизма, с которой призывали активно бороться. Таким призывом фактически стал их роман «Хищные вещи века».

Свое понимание современности начала 60-х годов Аркадий и Борис Стругацкие высказали в статье «О советской фантастике», в которой выделили

Преодоление физической природы пространства и времени и преодоление политической инерции социальных процессов сливаются как в утопии Ефремова, так и в ранних идеалах его последователей – Стругацких. Успехи НТР порождают завышенные социально-политические ожидания.

три фактора, которые, по их мнению, формируют историческую реальность.

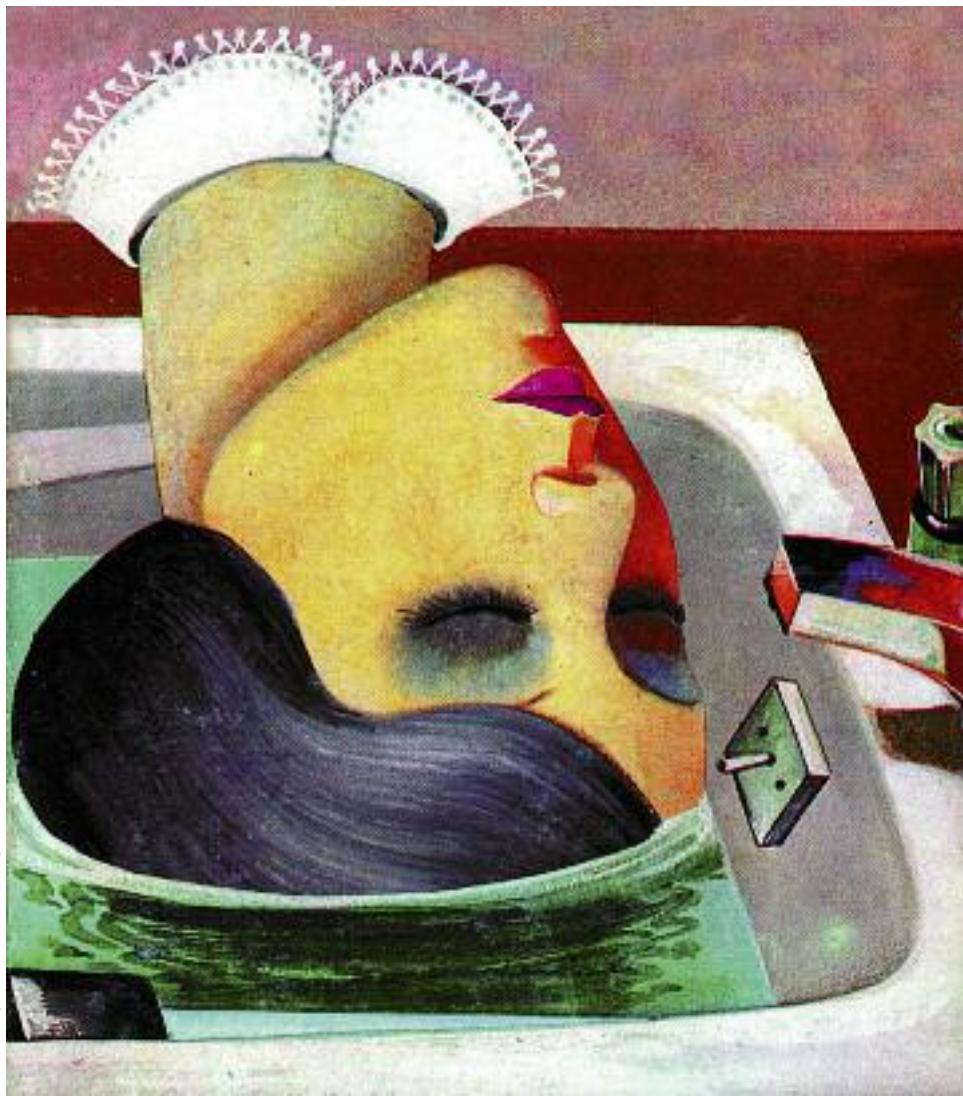
Первый фактор: «Третья часть человечества, не дожидаясь остальных двух третей и невзирая на все связанные с этим трудности, приступила к построению коммунистического общества, в котором открываются неограниченные возможности для свободного развития человеческого духа».

Второй фактор: «Современная наука открыла, а темные силы немедленно приняли на вооружение чудовищные средства разрушения, способные

навсегда прервать историю или, во всяком случае, отбросить человечество далеко назад».

Третий фактор: «Специфические обстоятельства – страх перед Третьей мировой войной, необычайное обострение идеологической борьбы, разлагающее влияние империалистической пропаганды на Западе и огромные трудности послевоенного периода, тлетворные последствия господства культа личности у нас – привели к необычайной активизации мирового мещанства. Это выражается в усиении

Иллюстрация к одному из изданий «Хищных вещей века»

Братья Стругацкие:

«Специфические обстоятельства – страх перед Третьей мировой войной, необычайное обострение идеологической борьбы, разлагающее влияние империалистической пропаганды на Западе и огромные трудности послевоенного периода, тлетворные последствия господства культа личности у нас – привели к необычайной активизации мирового мещанства».

тунеядских, потребительских тенденций, в небывалом пре-небрежении интересами со-циума и каждого человека в отдельности, в стремлении переложить ответственность за свои действия на совесть дру-гих, в нежелании думать и учиться. Всё это отчетливо видно на примере стран Запада, но и наша страна в немалой степени оказалась заражена тем же недугом».

Взращенная научно-техниче-ским романтизмом массовая

готовность к чуду давала осно-вание для формирования и развития новой идеологиче-ской мотивации. Так, на XX съезде КПСС было заявлено о существовании «многообра-зия форм перехода к социализ-му» и подчеркнуто, что граж-данские войны и насильствен-ные потрясения не являются необходиым этапом пути к новой политической формаци-и. Съезд отметил, что «могут быть созданы условия для про-ведения мирным путем корен-

ных политических и эконо-мических преобразований». Тезис о «многообразии форм перехода к социализму» озна-чал, что теперь становилось возможным публично раз-мышлять о перспективах раз-вития социализма и о том, как будет выглядеть будущее ком-мунистическое общество. Иными словами, будущее после XX съезда позволялось разглядывать не только на пять, но и на пятьсот лет впе-ред. С этого доктринального разворота, по мнениюполь-ского исследователя литера-турного наследия братьев Стругацких Войчеха Кайто-ха, и началась пропаганда строительства утопии в на-учной фантастике. Стало рас-пространяться мнение, что научно-фантастическая лите-ратура должна, наконец, соз-дать коммунистическую уто-пию, а в книгах технологиче-ского направления надлежа-щее место следует уделять по-казу социальных последствий описываемых достижений.

Данная установка получила развитие на XXII съезде КПСС в октябре 1961 года. На съезде был принят новый Устав пар-тии, содержавший «Мораль-ный кодекс строителя комму-низма», и новая Программа КПСС, в которой, в частно-сти, утверждалось, что к 1980 году будет создана материаль-но-техническая база коммуни-стического общества. Между тем общество поняло это как обещание построения непо-средственно идеального об-щества к 1980 году. На разли-чие этих понятий указывали, в частности, Стругацкие, раз-рабатывая проблему мещан-ства. В своих ранних статьях они писали о том, что матери-альная база для идеального общества уже создана, теперь дело за педагогикой.

Приведенные в новой пар-тийной Программе характе-ристики коммунизма можно разделить на три группы:

- ◆ экономические условия, которые могут обеспечить столь мощное развитие производительных сил (в особенности кибернетики и автоматики), чтобы завалить человечество доступными для всех благами;
- ◆ политические изменения: ликвидация классов и социальных прослоек, замена государства самоуправлением, основанным на самодисциплине;
- ◆ последствия экономических и социальных перемен для жизни отдельной личности (всестороннее развитие каждого, воспитание в людях естественной, крепкой потребности в труде).

Последнюю проблемную группу официальные партийные документы освещали довольно скромно, да и создавать на их основе конкретный образ будущей жизни мог далеко не каждый. Отсюда и внезапный интерес «ответственных органов» к научной фантастике, на который с готовностью ответили Стругацкие и другие фантасты. Так, братья взялись за разработку фактически философии и мировоззрения будущего. Тогда же они начали конструировать политическую модель идеального общества, чем впоследствии продолжали заниматься до начала 90-х.

Если первый проект коммунистической утопии – это «Туманность Андромеды» Ефремова, то следующей комплексной моделью коммунистического общества стал «Полдень, XXII век» Стругацких. Но обе эти модели, став наиболее известными, вовсе не являются единственными. Кроме активно работавших представителей фантастики «ближнего прицела» (которая занималась популяризацией научно-технических достижений, концентрировалась на ближайшем будущем и отличалась довольно слабой проработкой собственно лите-

ратурных образов и их внутреннего мира), то есть Александра Казанцева, Георгия Гуревича, Александра Шалимова, которые сумели приспособиться к новым требованиям, и уже давно специализировавшегося в фантастическом политическом памфлете Лазаря Лагина, а также «отца» новой научной фантастики Ивана Ефремова, на переломе 50–60-х дебютировала многочисленная плеяда новых авторов: Георгий Мартынов (1955), Генрих Альтов (1961), Илья Варшавский (1964), Евгений Войскунский и Исаи Лукодьянов (1961), Север Гансовский (1963), Геннадий Гор (1961), Ариадна Громова

В СССР Стругацкие стали первыми, кто начал трактовать фантастическую форму не как цель, а как способ преподнести свои идеи. Американский писатель-фантаст Харлан Эллисон (на фото) предложил новую разновидность научной фантастики называть не научной фантастикой, а фантастикой размышлений.

(1962), Анатолий Днепров (1962), Михаил Емцов и Еремей Парнов (1964), Валентина Журавлева (1960), Ольга Ларионова (1965), Владимир Михайлов (1962), Игорь Росоховатский (1962), Владимир Савченко (1959), наконец – Аркадий и Борис Стругацкие (1958), ставшие лидерами этого движения. В эти же годы впервые в советской научной фантастике появились профессиональные литературоведы и критики, для которых она стала объектом постоянного и довольно длительного интереса: Кирилл Андреев, Евгений Брандис, Владимир Дмитриевский, Анатолий Бритиков, Юлий Кагарлицкий, Борис Ляпунов, Всеволод Ревич, Юрий Рюриков. Это новое поколение, оставаясь под впечатлением от фактов, революционизировавших науку и технику, проявляло интерес и к общественно-политической проблема-

тике. Однако мир коммунистической утопии никогда не сформировался бы в советской фантастике и никогда не обрел бы такой популярности, если бы не ясно выраженные голосами критиков и совпадавшие с кампаниями XXI и XXII съездов КПСС пожелания партийного руководства: пишите о коммунизме, представляйте коммунистическое будущее. Причем ни в руководстве страны, ни среди читателей, ни среди писателей никто изначально не считал эту тему фантастической – напротив, она соответствовала всем требованиям соцреализма.

На этой волне в советскую фантастику вошли и Стругацкие. Их первые работы появились еще в конце 50-х, и писатели выглядели одновременно и непосредственными учениками, и в то же время оппонентами Ефремова. Начав писать в духе фантастики

По результатам опроса, проведенного во второй половине 60-х Клубом любителей фантастики МГУ, самыми популярными среди читателей оказались Лем, Стругацкие, Брэдбери, Азимов и Ефремов – все перечисленные авторы писали не научно-техническую, а философскую фантастику. А наиболее популярной книгой все возрастные группы опрошенных назвали «Трудно быть богом» Стругацких.

«ближнего прицела», они вскоре отказались воспринимать жанр подобного рода литературы в качестве сугубо инструмента для пропаганды научных достижений. В СССР они стали первыми, кто начал трактовать фантастическую форму не как цель, а как способ преподнести свои идеи. Американский писатель-фантаст Харлан Эллисон предложил новую разновидность на-

учной фантастики называть не научной фантастикой, а фантастикой размышлений. Сами Стругацкие называли ее философской фантастикой. Можно сказать, что проза Ефремова и Стругацких задала две основные стилевые и содержательные линии в советской фантастике второй половины XX века: с одной стороны, литература ответов, глобальных прогнозов в от-

ношении будущего – преимущественно социального плана, а с другой – литература вопросов, оригинальных предположений, гипотез, берущих начало в настоящем, отличающихся философским подходом к осмысливанию действительности.

Согласно опросу, проведенному издательством «Молодая гвардия» во второй половине 60-х среди читателей советской фантастики, 53 из 112 любителей фантастики были старше 20, но моложе 40 лет, то есть относились к категории активно работающих и развивающихся людей. 37 человек имели среднее образование, а 38 – высшее. Преобладали люди с городскими профессиями. Читателей интересовали «идеи, выдвинутые не только для развития сюжета», и проблемы «философско-социального направления». Наряду с морально-этической тематикой читатели высказывали желание увидеть в фантастических произведениях «этапы формирования коммунистического общества в ближайшее после окончания за кладки социалистического фундамента время». Среди наиболее популярных произведений называли «Туманность Андromеды», «Сердце Змеи», «Лезвие бритвы» Ефремова и «Трудно быть богом», «Хищные вещи века», «Далекую радугу», «Улитку на склоне», «Понедельник начинается в субботу» Стругацких.

Буквально в то же самое время Клубом любителей фантастики МГУ был проведен другой – более презентативный – опрос, в котором приняли участие 304 студента (группа «С», или «студенты») МГУ, ЛГУ и Владимирского педагогического института (естественные факультеты), 215 представителей московской и ленинградской интеллигентуальной элиты (группа «И», или «интеллигенция»), а

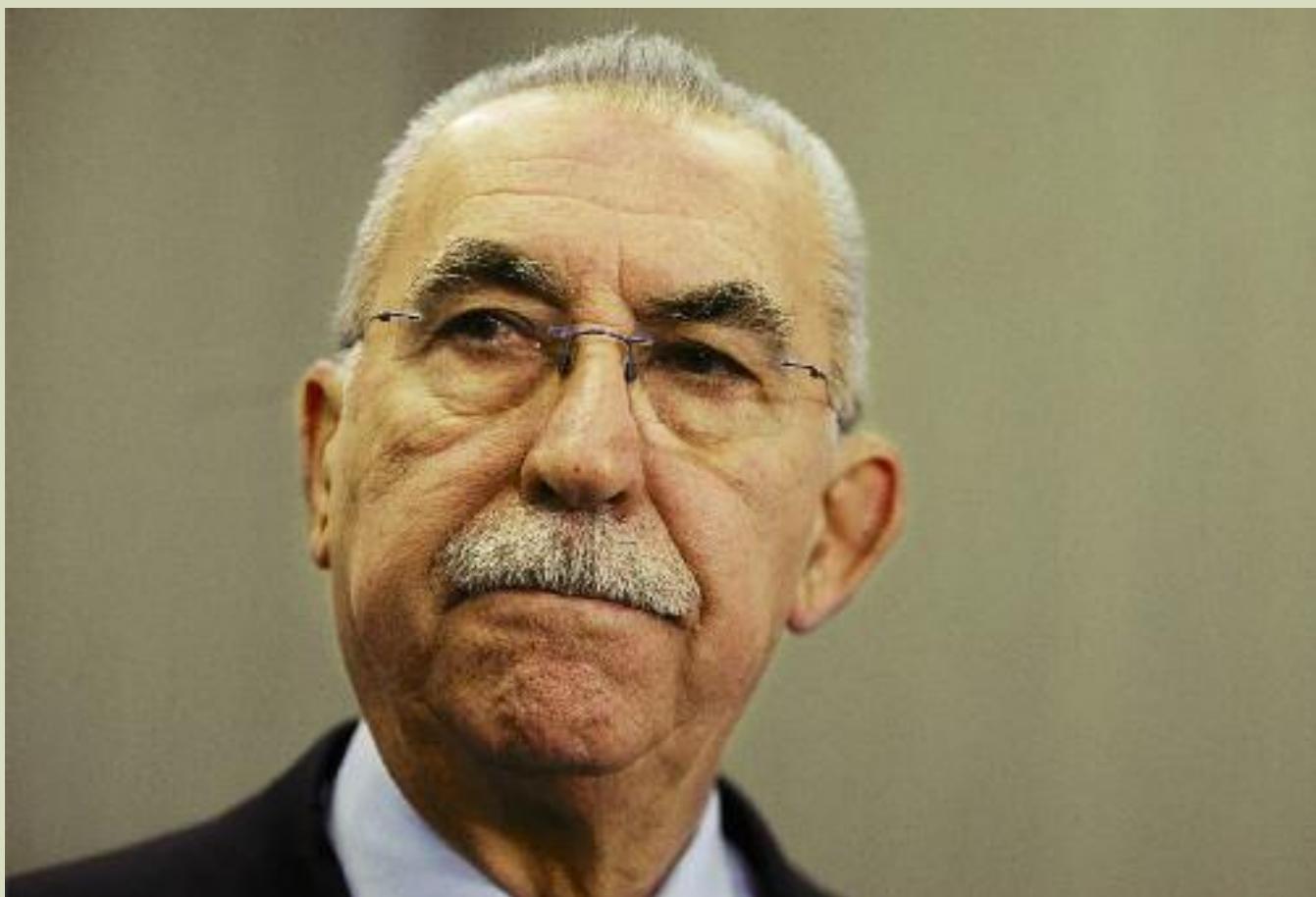
также 185 школьников (группа «Ш», или «школьники») разных городов (100 человек из двух школ Москвы, 30 – из Ленинграда, 30 – из села Селижарово Калининской области, 25 – из поселка Вигим Якутской АССР). Средний возраст группы «Ш» был 15 лет, «С» – 20 лет, «И» – 32 года. Анкеты заполнили также 36 писателей-фантастов из Москвы, Ленинграда, Киева, Баку, Калининграда и Свердловска («литераторы», или группа «Л») и 33 московских и ленинградских критика, журналиста и редактора, занимавшихся фантастикой («журналисты», или группа «Ж»). По результатам опроса самыми популярными среди читателей оказались Лем, Стругацкие, Брэдбери, Азимов и Ефремов (опрос проводился не только по отечественной, но и по иностранной фантастике) – все перечисленные авторы писали не научно-техническую, а философскую фантастику. А наиболее популярной книгой все возрастные группы опрошенных называли «Трудно быть богом» Стругацких.

Опрос также показал, что в каждой из пяти групп не менее трети проявляли интерес к научной фантастике и следили за ее новинками. Большинство читателей групп «С» и «И» считали, что отечественной фантастике недостает смелости в постановке общественных проблем, предвидения социальных последствий развития науки, что говорит об интересе к остросоциальной фантастике. 16 процентов школьников, 56 процентов студентов, 60 процентов представителей интеллектуальной элиты, 70 процентов литераторов и 64 процента журналистов искали в фантастике прежде всего размышления о тех последствиях, преимущественно социальных, к которым приведет научно-техни-

ческое развитие. 30 процентов школьников, 38 процентов студентов, 41 процент интеллигентов, 53 процента литераторов и 54 процента журналистов искали в фантастических произведениях изображение будущего, его структуры и социальных проблем. В ответах на вопрос «Кто ваши любимые писатели-фантасты?» Аркадий и Борис Стругацкие занимали второе место во всех возрастных группах, кроме группы «Ш» (четвертое место). Авторы опроса вывели формулу коэффициента читательского восприятия романов в зависимости от количества прочитавших книгу, количества тех, кому она особенно понравилась или не понравилась, где 50 означало равное количество отрицательных и положительных оценок. Мнение о различных произведениях Стругацких колебалось от 73 до 81, причем по Москве – от 77 до 85.

То есть интересы читательской аудитории в 60-е годы в СССР всё более обращались к фантастике философской или утопической, хотя эти темы отчасти выглядели навязанными редактурой (64 процента представителей группы «Ж» хотели видеть фантастику социальной, изображение же будущего в романах хотели видеть 53 процента писателей, 54 процента журналистов или редакторов и только от 30 до 41 процента читателей по разным группам). Читателей же в первую очередь привлекала «логика раскрытия тайны» – 50 процентов среди школьников, парадоксальность и неожиданный взгляд на привычные вещи – среди студентов и интеллектуальной элиты (соответственно 70 процентов и 62 процента). Но на вопрос «Чего недостает современной фантастике?» более половины опрошенных по каждой группе (кроме школьников) ответили: «Смелости в

постановке общественных проблем» («Ш» – 14 процентов, «С» – 42 процента, «И» – 58 процентов, «Л» – 72 процента, «Ж» – 70 процентов). Таким образом, по мере входления советского общества в 60-е годы с их новой социально-политической повесткой и возросшим уровнем жизни, в том числе не только материальным, но и образовательным, увеличивался новый слой – массовый научный работник. Этот слой и становился носителем философской системы научно-технического романтизма. В основе этой системы находились три столпа: вера в научный прогресс, вера в коммунистическое будущее и стремление к демократическим свободам. Последнее придавало научно-техническому романтизму политический оттенок, превращало его в доступный и легальный способ задумываться и дискутировать о будущем социалистической системы в стране. Жанровой формой научно-технического романтизма стала советская социальная фантастика, а его ведущими мыслителями – Аркадий и Борис Стругацкие. Но особо нужно подчеркнуть, что эта яркая и ставшая знаменитой советская научная фантастика, по форме являясь типовым сверхмодным жанром, была гораздо большим началом, нежели просто феерическое явление 50–60-х годов. Она была лишь фоном и конкретно-историческим проявлением политico-философского феномена, который на сегодня остается во многом неосознанным: особого мировоззрения и мироощущения, выступающего одновременно и в качестве политической философии особого типа, и политической культуры – политической философии и политической культуры научно-технического романтизма.

Джульетто Кьеза

75
лет

4 сентября 2015 года исполнилось 75 лет известному итальянскому журналисту, общественному и политическому деятелю Джульетто Кьезе. В это даже как-то трудно поверить, потому что, несмотря на столь почетный возраст, ему по-прежнему, до сих пор присущи удивительная работоспособность и творческий азарт – качества, которые по идеи должны быть основными профессиональными журналистскими характеристиками, но которыми тем не менее обделены подавляющее большинство представителей этого цеха, причем и гораздо более молодые. А Джульетто Кьеза – всё такой же трудоголик, каким он был более трех десятилетий назад, когда приехал в Советский Союз в качестве московского корреспондента газеты итальянских коммунистов «Унита». Он с завидной регулярностью издает книги, активно участвует в политической жизни у себя дома, в Италии, и вместе с тем всегда чутко откликается на происходящее в остальном мире и, в частности, в России и на постсоветском пространстве. Так, например, Джульетто Кьеза внимательно следит за событиями, вот уже более полутора лет происходящими на Украине, равно как и за всеми теми переменами в глобальной политике, которые они вызвали. А в последнее время много сил уделяет своему новому проекту – интернет-телевидению *PandoraTV*.

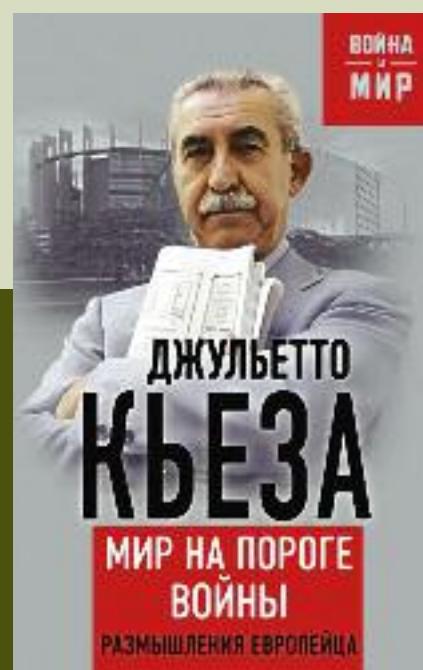
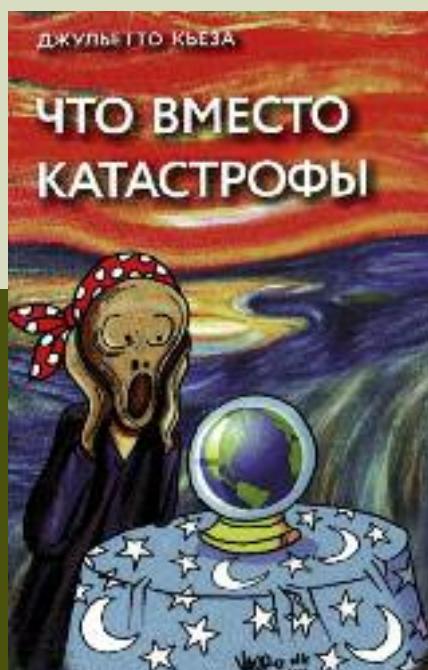
Подобная кипучая деятельность журналиста является не просто его увлечением, следствием многолетней привычки находиться в мейнстриме политических событий – хотя, безусловно, и этим тоже, – но самой настоящей борьбой. Борьбой против той модели глобального

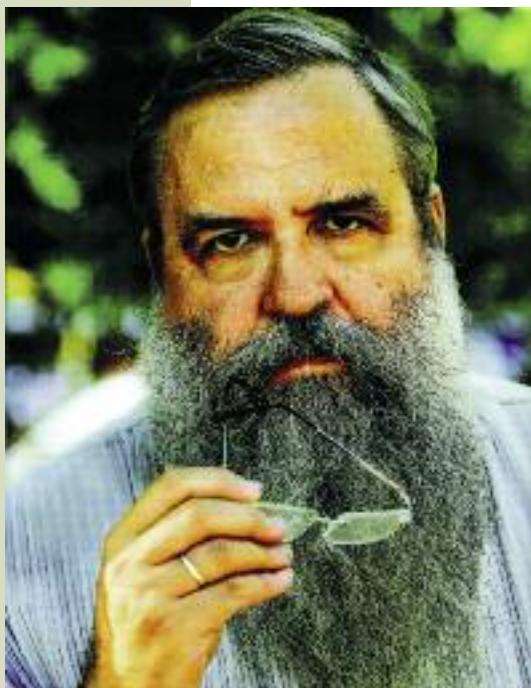
мироустройства, которая в очередной раз вплотную подвела нашу цивилизацию к порогу, за которым – война. Возможно, эта многолетняя борьба Джульетто Кьезы против угрозы новой планетарной катастрофы в каком-то смысле является проявлением национального политического характера. Журналист в прошлом – ученик и соратник Энрико Берлингера, а итальянские коммунисты – как, впрочем, и вообще итальянские левые – всегда были неугомонными борцами, будоражили Европу, отстаивали идеи справедливости как что-то глубоко личное. (Ну, по крайней мере, так было раньше, и вряд ли этот поведенческий стереотип в наше время полностью исчез: да, конечно, он во многом стал другим, однако диктуемая им энергетика социального действия в каких-то своих проявлениях ощущается до сих пор.) Но все-таки, наверное, главным объяснением этих не исчезающих с годами борцовских качеств Джульетто Кьезы является сочетание его обостренного чувства персональной ответственности за происходящее сегодня на нашей планете с высочайшей компетентностью как политического аналитика, умеющего тонко вслушиваться в глобальный «эфир», вылавливать оттуда едва заметные сигналы и интерпретировать их, находить в открытых СМИ случайно или неслучайно просочившуюся в них закрытую информацию – и в результате всего этого строить свои прогнозы, которые всегда сбываются. Из-за этого Джульетто Кьезу часто называют – во всяком случае, в России – политическим прорицателем, хотя сам он всегда отказывается объяснять точность собственных прогнозов какими-то иррациональными аргументами и считает, что его предсказания исполняются исключительно по той причине, что над ними приходится основательно и кропотливо работать. Иными словами, никакого чуда: просто, перефразируя советского классика, переполачиваешь единой догадки ради тысячи тонн информационной руды. И тем не менее позволим себе здесь не согласиться с

Джульетто Кьеозой. Всё правильно, успех прогнозирования напрямую зависит от информированности и навыков того, кто им занимается. Но вместе с тем нельзя сбрасывать со счетов и иные факторы – талант и чутье. И того и другого Джульетто Кьезе не занимать, а потому одним лишь внимательным просеиванием «руды» не объяснить, почему он своими прогнозами всегда попадает в «десятку».

Редакция альманаха поздравляет Джульетто Кьезу с юбилеем. Мы признательны ему за сотрудничество с «Развитием и экономикой», за те интервью, которые он дал нашему изданию и которые неизменно вызывали интерес у наших читателей. Желаем Джульетто Кьезе и дальше оставаться таким же нетривиально мыслящим интеллектуалом, видящим подспудные течения большой политики и щедро делящимся этими своими наблюдениями со всеми теми, кто хочет знать, как и кем на самом деле вершатся судьбы мира. Надеемся, что Джульетто Кьеза и далее будет радовать российскую читательскую аудиторию своими новыми книгами и работами, в которых всегда в том или ином виде имеются наблюдения и суждения, отсутствующие у других политических аналитиков. Наконец, мы верим, что и впредь сможем рассчитывать на Джульетто Кьезу как на безусловно расположенного к России человека, не устающего дезавуировать мифы, фабрикуемые про нашу страну ее оппонентами, и открыто противостоящего официальным евросоюзовским кругам, послушно отрабатывающим навязанную им из-за океана антироссийскую программу действий. Наверное, это и есть позиция настоящего, подлинного европейца – позиция, которой стоит поучиться многим из тех, кто выставляет себя радетелем за европейские ценности и одновременно отказывает России в праве действовать сообразно с ее идентичностью – в том числе и в geopolитическом измерении.

Д.А.

Владимир Игоревич Карпец –
член Союза писателей России, кандидат
юридических наук

Исцеление (от) права*

Престройка, по словам одного из ея «архитекторов», члена Политбюро и секретаря ЦК КПСС Александра Яковlevа, была заведомым и спланированным «сломом тысячелетней парадигмы». Важнейшей ея составляющей стала «правовая реформа». Формально была провозглашена «демократизация советского права», а фактически произошла ломка всей правовой системы: «советское право» за несколько лет исчезло. Но далеко не только оно. Что взамен?..

В теории государства и права существует понятие рецепции права. Это, согласно «Юридическому словарю» 1953 года издания, «займствование чужеземного права». Такое заимствование «происходит в тех случаях, когда чужеземное право является значительно более развитым, чем право заимствующей страны, и соответствующим в большей или меньшей степени общественным отношениям данной страны, интересам господствующего в ней класса». И далее уточнялось, что «наиболее широко

происходила рецепция римского права в Западной Европе в XII–XVI веках», а «отдельные случаи» заимствования «известны в настоящее время. Так, в некоторых восточных странах (Турция и др.) отдельные кодексы представляют собой более или менее точную копию кодексов той или иной европейской страны». Здесь крайне важна установка на то, что «европейское» всегда заведомо выше, чем «местное». А ведь это 1953 год. Еще послевоенная «золотая осень»... Даже и тогда?

В Европе первые опыты заимствований из римского правоведения приходятся на VI век. Рецептирование проходит несколько стадий, и в конце концов в XII веке германский император Фридрих Барбаросса назвал римское право «всемирным правом». В XVI веке его называли «писаным разумом» и «юриспруденцией, висящей в воздухе». В XIX веке юрист Моддерман назвал его «правом общим, высшим и научным». С этого времени начинается агрессивная экспансия не только

* Статья публикуется с сохранением авторской орфографии и пунктуации. Ред.

Николаус Гайгер. Фридрих Барбаросса. Фрагмент памятника «Башня Барбароссы». 1896 год

римского, но и вообще европейского права как часть также и мировой европейской экспансии, начатой еще Каролингами в VIII-IX веках.

Марксизм был также одной (хотя и уже поздней) из форм той же самой экспансии, и естественно, что советские правоведы, выступавшие «под знаменем марксизма», не могли не признавать любую рецепцию «прогрессивной». В этом состояла глубочайшая системная ошибка, сделавшая советскую правовую науку по сути безсильной и открывшей дорогу «правовым реформам» конца прошлого столетия.

«Слом парадигмы» был запланирован еще задолго до перестройки. Более того, не просто запланирован, а заложен. Ему открыла дорогу сама же официальная идеология СССР – марксизм – как часть «западного проекта».

Нелли Гридчина в своей диссертации «Развитие теории правового государства в отечественной юридической науке 60-х гг. XX в. – начала XXI в.» пишет: «С принятием 12 декабря 1993 г. Конституции РФ в развитии российской теории правового государства наступил новый этап, для которого характерна рецепция либеральной западноевропейской доктрины правовой государственности. Эта рецепция означает восприятие всех основных положений доктрины правовой государственности и, таким образом, изменение всей парадигмы государственно-правовой и политико-правовой теории».

Всё начиналось как введение формулы о приоритете международного права над национальным. Надо иметь в виду, что впервые она вошла в конституции государств, потерпевших поражение во Второй мировой войне, – Италии 1947 года, Японии 1947 года, ФРГ 1949 года. А в 1993 году и Россия была окончательно присо-

В XII веке германский император Фридрих Барбаросса назвал римское право «всемирным правом». В XVI веке его называли «писаным разумом» и «юриспруденцией, висящей в воздухе». В XIX веке юрист Моддерман назвал его «правом общим, высшим и научным». С этого времени начинается агрессивная экспансия не только римского, но и вообще европейского права как часть также и мировой европейской экспансии.

единена к побежденной стороне. В докладе Бориса Ельцина о проекте Конституции, опубликованном 10 октября 1993 года, было официально объявлено, что «проект прошел экспертизу за рубежом». Но уже в признанной Советским Союзом «Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН» (1970 год), были сформулированы «семь принципов международного права», среди которых, с одной стороны, «невмешательство во внутренние дела», с другой – «всеобщее уважение прав человека». Одно дезавуирует другое. Если права человека первичны, то всякое вмешательство во внутренние дела государств заведомо является оправданным и всё дело только в том, кто провозгласит себя борцом с мировым злом, кто назовет себя условно хоббитом, а другого – орком. Собственно,

«britанский мудрец» всё расписал заранее.

Надо иметь в виду, что сама по себе система международного права есть явление специфически западное и уходит корнями, с одной стороны, в «авраамический договор» (*brith*), а с другой – в *ius gentium*, римское право народов. Правовое учение Джона Локка, Томаса Гоббса и особенно Гуго Гроция, справедливо считающегося основателем современной доктрины международного права, оказалось теоретическим увенчанием всего «средиземноморского» мировоззрения, собственно и являющегося юридическим мировоззрением в подлинном смысле этого слова. В центре этого мировоззрения изначально стоит именно индивидуум, но по мере «обрезания» Божественной вертикали его «права» сами по себе становятся религией. При этом «религия прав человека» унижает собственные онтологические, «иудеохристиан-

Михиль ван Миравелль. Портрет Гуго Гроция. 1631 год

Правовое учение Джона Локка, Томаса Гоббса и особенно Гуго Гроция, справедливо считающегося основателем современной доктрины международного права, оказалось теоретическим увенчанием всего «средиземноморского» мировоззрения, собственно и являющегося юридическим мировоззрением в подлинном смысле этого слова. В центре этого мировоззрения изначально стоит именно индивидуум, но по мере «обрезания» Божественной вертикали его «права» сами по себе становятся религией.

ские» источники. Некоторые удивляются концу «старой Европы». Удивляться нечему. Для нас же главным переломным рубежом стало подписание так называемого Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1 августа 1975 года — «начало новой главы в истории Европы», по словам

тогдашнего премьер-министра Великобритании Гарольда Вильсона. Работу Совещания разделили на три «корзины». Первая «корзина» имела политico-военное измерение и была посвящена прежде всего закреплению итогов Второй мировой войны. Во второй «корзине» рассматривались экономические и экологиче-

ские вопросы. Третья «корзина», или «человеческое измерение», включала в себя «защиту прав человека» и «развитие демократических институтов» — единообразных для всех. И важные для СССР первые две «корзины» были на мертво увязаны с третьей.

Ален де Бенуа в работе «Религия прав человека» писал: «Вера в какое-то “естественное право” происходит последовательно от утверждения о существовании абстрактной “человеческой” личности. <...> В этом мы видим, что идеология прав человека — натуралистическая. От Фомы Аквинского <...> до Клода Леви-Стросса <...> эта идеология предполагает, что существовало или может существовать некое “природное состояние” человека. И целью общества является либо восстановить это состояние (Руссо), либо создать его (Локк). Это убеждение связывает классическое иудеохристианство (католицизм и протестантизм. — В.К.), которое верит в “природный порядок”, с современным рационализмом, который использует в качестве своих аргументов якобы “объективные” факты и якобы “универсальные” законы. Сегодня это так называемое природное состояние ставится выше не только народов, обществ и государств, но и самого конкретного, живого человека в его данности. Человек подлежит уничтожению во имя его прав».

Перед Советским Союзом уже в 1975 году стал выбор — или принять эту «религию» и в конце концов самоупраздниться, или начать выход на более органические пути, или хотя бы твердо стоять на том, что есть. «Летом 1975 года Брежnev подписал Заключительный акт, не очень-то и прочитав, — вспоминал ветеран советской дипломатии профессор Юрий Кашлев. —

Однако вскоре документ довольно внимательно прочитали такие деятели, как секретарь ЦК по идеологии Суслов <...>. И сложилась смешная ситуация: за Женеву и Хельсинки Брежнев и Громыко наградили нас, членов делегации, орденами, а затем руководителя делегации Анатолия Ковалева (его помощниками были Валентин Зорин и Лев Менделевич. – В.К.) Суслов включил в “черный список”, вычеркнув его из кандидатов в члены ЦК КПСС и Верховного Совета». Суслова поддержало тогда руководство Вооруженных сил. Надо сказать, что именно Суслов, которого иногда называли «советским Победоносцевым», стремился, с одной стороны, сделать марксистскую доктрину формально незыблемой, с другой – лишить ее изначального «левого яда»: Суслу и его сторонникам удалось тогда почти на десятилетия «заморозить» ситуацию – в буквальном, чисто леонтьевском смысле «подморозить Россию».

Напомним: именно Суслу принадлежало определение «реальный социализм», то есть скрытое противопоставление сложившейся на Русской земле партийно-советской системы «идеальному» марксистско-ленинскому социализму, «социализму по книге».

Советская теория права была основана на так называемом юридическом позитивизме: в качестве права признавался только закон. Государство по отношению к праву первично, а само оно – в соответствии с марксизмом – носитель «воли господствующего класса». В русской дореволюционной науке в целом было то же самое – разумеется, за вычетом классового подхода, справедливо поглощаемого историей народа в целом, его верой, культурой, географией, военно-политическим положением. Таким образом, можно

рассматривать дореволюционную русскую и советскую теорию внутри одной парадигмы. В целом «советское» продолжало «русское», хотя и заявлено его сужало. Нормальным путем перестройки в области правосознания была бы его «достройка» – от марксизма к историзму.

«Законы, – писал Шарль-Луи Монтесье, – находятся в столь тесном соответствии со свойствами народа, для которого они установлены, что только в чрезвычайно редких случаях законы одного народа могут оказаться пригодными и для другого народа. Законы должны соответствовать природе и принципам установленного правительства; физическим свойствам страны и ее климату – холодному, жаркому или умеренному; качествам почвы; образу жизни ее народов – земледельцев, охотников или пастухов; степени свободы, допускаемой устройством государства; религии населения, его склонностям, богатству, численности, торговле, нравам и обычаям. Совокупность всех этих отношений можно назвать “духом законов”». Против этого-то «духа закона» (или «законов») была направлена «правовая реформа». И дело, конечно, не в коммунизме, каковой после «контрреволюции» конца 30-х стал лишь внешним оформлением устройства «месторазвития».

Петр Савицкий (1895–1968) применил это понятие к анализу взаимосвязи и целостности социально-исторической и географической сред. «Месторазвитие» – это «географический индивидуум», или ландшафт, аналогичный термину *Raum* в немецкой geopolitике: «Социально-политическая среда и ее территория должны слиться для нас в единое целое, в географический индивидуум или ландшафт. Разумеется, речь идет прежде

всего о историко-географически предопределенном единстве природного, исторического, государственно-правового, военно-политического, религиозного, культурного и бытowego миров <...> цивилизации, возникшей и совпадающей с территорией Российской империи и почти повторяющей ее территорией Советского Союза».

Таким образом, «дух законов» для древнего, средневекового, имперского и советского Русского (евразийского) мира не может не быть един. Причем речь идет именно о Русском праве, Русском законе. Вадим Кожинов писал: «Ведь все турецкие народы, за исключением поволжских, то есть сравнительно многочисленные, вошли в состав Российской империи не более 200 лет назад. <...> И я думаю, что когда мы говорим о евразийской сущности России, то мы должны иметь в виду именно русских людей, вне каких-то других: именно и прежде всего русские – евразийцы».

В целом в истории мы обнаруживаем две основные парадигмы государства и права. Современная теория государства и права условно называет их западной и восточной. Для первой характерен примат собственности над властью, для второй – напротив, власти над собственностью. Но есть и еще одно разделение, как бы «обратно дублирующее» первое, – в самой структуре правовой нормы: «Хорошо бы, если бы...» (в древнем «желательном падеже»), – «дхармическое право», арийская, ведическая структура. И «если..., то..., иначе...» – авраамическое право, «греко-иудейская» (Жак Аттали) цивилизация. Арийская цивилизация – на самом деле Восток, а не Запад. Древнейшее право ариев связано с понятием *rita* (у славян – *rota*), означающим то,

Михаилу Суслову (на фото) и его сторонникам удалось почти на десятилетия «заморозить» ситуацию – в буквальном, чисто леонтьевском смысле «подморозить Россию».

что возникает при изведении Порядка из Хaosа через перво-расчленение Пуруши.

Об исторических Индии, Персии мы здесь не говорим. Нас интересует Русь, Россия и их продолжение – СССР и сегодняшний Русский мир. «Что касается семантики этого термина (*rota*)», – пишет исследователь древнейшей Руси Михаил Серяков, – то различные источники свидетельствуют, что, как и *рита* в Индии, *рота* на Руси означала вселенский закон, согласно которому обязаны жить и боги, и люди. Нарушение же *роты* <...> ставило под угрозу само устройство Космоса и потому обрекало преступника на гибель».

Рота становится законом княжеским и санкционируется великим князем. Так, в тексте договора 971 года читаем: «Азъ

Святославъ, князь руский, якоже кляхъся, и утверждаю роту свою». Серяков продолжает: «В тексте договора Игоря 945 года <...> говорится, что мир между Русью и Византией заключается на все лета, “додне же съять солнце и весь миръ стоять”. Мир, основанный на *роте*, заключался на вечные времена и был обязателен для русов-язычников на все времена существования Вселенной, а не одной лишь Земли – на это однозначно указывает ссылка на Солнце. И наоборот: договор считался утратившим силу в случае гибели Вселенной или, говоря другими словами, когда мировой космический закон перестанет действовать. В этой связи показательно, что в Индии понятие “путь Солнца” было фактически эквивалентно “пути *риты*”».

После Крещения Руси

ское государство» – тоже в идеи «государство правды», хотя «правды» усеченной до одной лишь «социальной справедливости».

Средиземноморская правовая традиция – с Христианством она полностью сливаются, строго говоря, только во времена кодификации Юстиниана, – противоположная по значению и смыслам, по самому «духу законов», возникает как следствие представлений о радикальной инаковости Сущего и тварности («из ничто») человека, между которыми возможны лишь отношения договора (*иер. – brith*, что неточно переводится как «Завет»). «Первый договор» метафизически парадоксален: власть над «царями земстами» в обмен на обрезание крайней плоти («если..., то..., иначе...»).

«Из всех древних народов только одни евреи дошли до развенчания государства <...> с точки зрения глубочайших религиозных верований. Можно даже сказать, что такое развенчание божественного авторитета государственной власти было историческим призванием еврейского народа», – писал выдающийся правовед Николай Алексеев (1879–1964). И далее: «И что самое главное, еврейская теократия, с недоверием относившаяся к монархии, в то же время не лишина целого ряда черт, сближающих ее с демократией. В ветхозаветной теократии общественная власть устанавливалась, в сущности говоря, в результате “общественного договора”, сторонами которого являлись Егова, его пророки и народ». Между тем римское право утверждает принцип священности частной собственности. Иудейский и римский принципы оказываются поразительно «комплементарны». А «обрезание» вертикального, метафизического измерения «договора» («обрезание

обрзания») привело уже к договорной теории Нового времени – вне Сущего (Томас Гоббс, Джон Локк, Жан-Жак Руссо). Интересно, что современная постсоветская теория права, прежде всего так называемая либертарно-юридическая школа (Владик Нерсесянц, Владимир Четвернин и др.) признает собственно «правовой» только эту традицию. Главной среди рецептированных правовых идей, безусловно, были «права человека».

Советская правовая система в целом базировалась на идее обязательств человека перед государством и обществом. Сама идея «прав человека» считалась «буржуазной» (что верно, но далеко не исчерпывающе). Так называемые гражданские и политические права граждан оценивались как второстепенные в сравнении с социально-экономическими. Как показали последние десятилетия, и это тоже было верно. Однако идеология марксизма-ленинизма не могла дать этому адекватного объяснения, и когда она рухнула, «права человека» оказались мгновенно возведенными на пьедестал.

Отношение к «правам человека» не может не быть связано с самыми общими представлениями об уделе человеческом. Если жизнь (в самом широком смысле) не ограничена условиями физического существования во времени, то сами эти условия не имеют принципиального значения. Более того, если рассматривать посмертное существование как вечное, то всё здешнее либо не имеет значения вообще, либо имеет его лишь как подготовка к вечности или некое искупление (исправление). Таким образом, сами по себе «права человека» вообще лишаются всякого смысла. Более того, их «утеснение» в своем роде искупительно. Это на самом деле содержится в любой тради-

Жан-Франсуа Роден. Монтескье. Около 1770 года

Шарль-Луи Монтескье:

«Законы находятся в столь тесном соответствии со свойствами народа, для которого они установлены, что только в чрезвычайно редких случаях законы одного народа могут оказаться пригодными и для другого народа».

ции, но в православно-христианской, основанной на аскезе и борьбе с грехом, – сугубо. Формально «ударив по коммунизму», «права человека» еще более «ударили» по России как таковой.

Вопрос стоит только так: есть бессмертие – нет прав человека, нет бессмертия – есть права человека. Это как раз вопрос о «бытоулучшительной партии», о которой говорил

Николаю Мотовилову преподобный Серафим Саровский. Тайну «прав человека» неожиданно приоткрывает переписка Царя Иоанна Грозного с князем Андреем Курбским – одним из первых на Руси «правозащитников». Государь объясняет, что казнь изменника спасает душу последнего для посмертья, искупая временной болью и тугой вечные муки (то есть тем самым вы-

Миниатюра из Радзивиловской летописи. Конец XV века

Рота становится законом княжеским и санкционируется великим князем. Так, в тексте договора 971 года читаем: «Азъ Святославъ, князь руский, яко же кляхъся, и утверждаю роту свою».

ступает как своего рода епитетия). Малая кара избавляет от большой. В случае же наказания невинного «от меня, стропотного царя», пострадавший становится мучеником, а Царь (что дается ему в помазании) — прямым проводителем к вечному блаженству и славе. Тем самым идея «прав человека» (у князя Курбского — в ее «раннем варианте») противопоставляется учение о сотериологическом (спасающем) значении «царской грозы». Да, для современного позитивистского сознания это может звучать как чуть ли не безумие, но если всерьез отнести к бессмертию и жизни вечной, все окажется строго так и только так. «Права человека» оказываются тем, что лишает его жизни вечной. Что, а точнее, кто за этим?

Ален де Бенуа пишет: «На вопрос, как получилось так, что столь многие представители сравнительно различных идеологий смогли сойтись на понятии “прав человека”, один из членов той комиссии, которая была уполномочена разработать Всеобщую декларацию прав человека, решение о кото-

рой было принято ООН в 1948 году, ответил так, что, действительно, согласие вокруг этого понятия существует — при условии, однако, что никто не задает вопрос “почему”».

Выдвигая для России (в ее тогда советской форме) строго вместо категории «прав человека» понятие «правообязанности», Алексеев писал: «В жизни нашей получилось поражающее несоответствие между юридической формой и бытом: усвоив западную юридическую форму, мы, однако, не выработали соответствующей ей техники; в то же время не вполне отрешившись от своих собственных форм, мы теряли постепенно все то положительное, что им было свойственно. <...> В государстве трудящихся правообязаны все — и властвующие, и подчиненные. И начало правообязанности проникает здесь не только в отношения политические, но и в отношения частные — право собственности, право договоров. Таким образом, диктатура прав угнетенных силою вещей превращается в организм трудовой демократии, построенной на внутреннем сочетании прав и

обязанностей всех и каждого. Мы убеждены в том, что в этом направлении — разрешение русского революционного процесса».

Однако советское правоведение этих вопросов не разрешало. Оно умалчивало о преемстве его же основных линий (также, например, представлений о «единстве прав и обязанностей») с дореволюционной русской наукой. Как и другие гуманитарные области, оно, обрубая свои же исторические корни и сводя их к заимствованию лишь одного из западных направлений мысли, само готовило конец СССР. В этом его урок.

Вторая после теории «прав человека» «рецептированная мнимость» — теория «разделения властей», справедливо отвергавшаяся до середины 80-х годов прошлого века. В таких основополагающих работах, как «Теория государства и права» Андрея Денисова (1948 год) и «Сущность права» Николая Александрова (1950 год) принцип «разделения властей» характеризовался как «буржуазный» и в принципе неприемлемый. Эти представления господствовали до начала перестройки. Однако, к сожалению, в критике этой действительной химеры советскими правоведами, как это часто было в то время, отсутствовало конкретное содержание. При этом надо иметь в виду, что теорию «разделения властей» до 1917 года отрицали не только «консерваторы» или «славянофилы», но и русские либералы. Так, Борис Чичерин в «Курсе Государственной науки» указывал, что «Верховная власть едина, постоянна, непрерывна, державна, священна, ненарушима, безответственна, везде присуща и есть источник всякой государственной власти. <...> Это полновластие неразлучно с самым существом государства». И далее: «Всякие ея ограниче-

ния могут быть только нравственные, а не юридические». Еще в большей степени либеральный Максим Ковалевский подчеркивал, что «теория разделения властей <...> сводится на деле к разделению суверенитета». Именно это последнее было неприемлемо для русской правовой науки, и даже кадетские историки и юристы избегали этой темы. Русский суверенитет был предметом общего согласия. Вообще под идеей «разделения властей» подразумевается то, что будто бы государственная власть должна быть разделена между независимыми друг от друга (но при необходимости контролирующими друг друга) ветвями — законодательной, исполнительной и судебной. Впервые эта идея была предложена Джоном Локком, а сам термин введен Монтескье.

Наиболее подробную и обоснованную критику теории «разделения властей» — и не только в России и для России — предложил на рубеже прошлого и позапрошлого веков Лев Тихомиров. И хотя развернут этот сюжет в его «Монархической государственности» (1907 год), он далеко выходит за пределы собственно темы монархии и касается природы власти вообще. При этом Тихомиров исходил как из учения Аристотеля о трех типах власти «правильных» (монархия, аристократия, полития) и трех «неправильных» (тирания, олигархия, демократия (охлократия)), так и из православного учения о том, что народ не создает власть, а молится о ней и получает от Бога просимое в свою меру. Власть — или есть, или ее нет. Поэтому она по своей природе монадична и не может быть разделена. Разделяться может только управление.

«Верховная власть нигде не бывает сложной: она всегда проста и основана на одном из

Вопрос стоит только так: есть безсмертие – нет прав человека, нет безсмертия – есть права человека. Это как раз вопрос о «бытоулучшительной партии», о которой говорил Николаю Мотовилову преподобный Серафим Саровский.

трех вечных принципов: монархии, аристократии или демократии. Основное различие между властью верховной и правительственною сопровождается совершенно различным строением той и другой. Верховная власть всегда основана на каком-либо одном принципе, едина, сосредоточена и нераздельна. <...> Современное Государствен-

ное право, точнее сказать конституционное право, забывая различие между властью верховной и управительной, постоянно приписывает первой то, что имеет место лишь во второй. Таким путем в XIX веке утвердились две научно ложные, а практически вредные доктрины о “сочетанной верховной власти” и о “разделении властей”, распростра-

Борис Чичерин (на портрете Владимира Шервуда):
«Верховная власть едина, постоянна, непрерывна, державна, священна, ненарушима, безответственна, везде присуща и есть источник всякой государственной власти».

ненном и на саму Верховную власть», — говорит Лев Тихомиров. Эта химера отравляет уже не только российскую правовую действительность, но и мировую.

И наконец, теория «правового государства»... Сама же по себе эта идея, направленная против «платонической иерархии», а на самом деле — против арийской варновой системы и дхармического, то есть «множественного и различного», права в пользу однородного,

есть именно продолжение «сократо-платоновой идеократической революции». Современный теоретик правового государства Ричард Беллами пишет: «Восприятие права как общественного блага (*sic!* — В.К.) *<...>* связывает правовое государство с концепциями гражданства и равенства». Но это и есть проявление «забвения бытия» — строго по Мартину Хайдеггеру. При этом то, что для Запада в своем роде логично (в прямом смысле — от «за-

падного логоса»), в иноцивилизационной России было проделано как «гешефт».

Алексеев считал, что Советское государство, пойдя по пути развития российских, а не западных правовых традиций, заключало в себе возможности для перехода к обрисованному выше типу правоотношений: «Организация государства трудящихся *<...>* ставит правителей вовсе не в положение односторонних управомоченных, а подчиненных — не в положение односторонних обязанных». К несчастью, всё оказалось совсем иначе.

Сравнительно подробный разбор рецепции мы можем найти в работе Сергея Ткаченко «Правовые реформы в России: проблемы рецепции западного права». У автора совершенно справедливое понимание ея почти «садомазохистской» природы: «*<...>* в большинстве случаев рецепция осуществляется именно принудительно. *<...>* И здесь население, как правило, выступает в качестве заложника, которого не только нещадно эксплуатируют, но и заставляют говорить на иностранном юридическом языке, применять правовые институты иностранного происхождения.

При этом всячески внушается, что нахождение в качестве заложника — прогрессивный шаг для самого заложника, потому что только так можно избавиться от некоей природной лени, тупости и глупости». Такую рецепцию он называет «декоративной».

Ткаченко удачно, на наш взгляд, вводит понятия донона (самой инородной системы) и реципиента: «Здесь наивреднейшим мифом является декларируемое бескорыстие донона, его незаинтересованность в *полномасштабной* (курсив наш. — В.К.) рецепции. Внутреннее содержание “декоративной” формы рецепции

приводит к закономерному предположению о наличии экспансии (открытой или закамуфлированной) донора, которая выражается, помимо прочего, в навязывании правовой идеологии». И далее: «Рецепция вредоносных политico-правовых идей для российской цивилизации выражается в заимствовании идеологии либерализма, института президентства, концепции правового государства, федерализма, конструкции гражданского общества. При полной реализации их в заданном правящей политической элитой русле они закономерно приведут к недееспособности российской государственности». «Среди стран – доно-ров России особо выделяются США», – разъясняет автор. Можно уточнить: вся транснациональная сеть, включая США, Европу и мировую банковскую систему, включая «космополитов», доминирующими уже с 1956 года и прямо захвативших власть в 1991 году. Но при этом Ткаченко не вполне принимает «русский ответ» на рецепцию. В частности, скептицизм у него вызывают положения «Русской доктрины» под редакцией Виталия Аверьянова и Андрея Кобякова: «быть носителем не показной раскрепощенности, а “тайной” – творческой – свободы», «аскетический образ жизни не как полная нищета, но как презрение к “сверхпотреблению”».

Что же тогда, по его мнению, не «утопично»? Так вот, как раз не «утопичную», а действительно выросшую – пусть коряво, но «чисто по жизни» – реальность он бранит пуще всего. Почему? Ответ оказывается простым: как и сторонники рецепции, Ткаченко в «споре идеологии и жизни» отдает предпочтение идеологии: Россия, дескать, «должна быть демократией не для избранных, но – для всех». Вместе с

Миниатюра из Радзивиловской летописи. Конец XV века

Первый же сохранившийся памятник русской православной политico-правовой мысли – «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона Киевского – содержит два основных посыла: отбрасывание иудейского (а косвенно – и греко-римского) законничества во имя благодати, данной Иисусом Христом, и – одновременно – сугубое возвеличение миссии Православного Монарха.

тем он отмечает: «В нашей стране на традиционном фундаменте сложилась сегодня закрытая и самовоспроизводящаяся правящая корпорация, своего рода “выборная самодержавная монархия”. <...> Конечно, институт президентства соответствует народным представлениям о монархии». Так, казалось бы, за «народные представления» как за естественный путь к возвращению своего и следовало бы ухватиться... А вот нет.

Едва ли не большими оппонентами, нежели либералы или «смирившиеся» с рецепцией, для Ткаченко оказываются «анонимные авторы» «Проекта “Россия”», которые в 2006 году писали: «У России нет ни единого шанса сохранить свою целостность в условиях демократии. <...> Тот факт, что она до сих пор сохраняет свою целостность, иначе как чудом не назовешь». Эти же авторы считают, что «принцип монархии, адаптированный к современным условиям,

образует новую модель, обращенную в XXII век и в третье тысячелетие». К сожалению, идею монархии авторы «Проекта» благополучно «слили», в следующих томах заменив сначала на «теократию», а затем и вовсе на «власть креатива». Но дело не в них, а в Ткаченко.

Не будем о «третьем тысячелетии» – «нам бы только день простоять – да ночь продержаться», хотя при этом, конечно, вопрос возвращения *во своя си* – вопрос не «дня» и «ночи». Ткаченко подчеркивает симпатию к идеи «служения земному Отечеству как образу Отечества Небесного». Однако в чем она состоит конкретно, он внятно выразить так и не может.

Или же ему всё же нужна не «декоративная», а «полномасштабная рецепция»? Демократия?

Но в таком случае...

Если снова тупик, то в чем выход? Попробуем его нашутать – пока приблизительно.

При Екатерине II была создана система судебных учреждений, в которую входили уездные и земские суды для дворян, губернские и городские – для горожан, нижняя и верхняя расправа – для свободных крестьян. Действовало «инородческое право», включавшее в себя шариат, шаманское право, а после присоединения Западного края – кагальное право. На самом деле это и была «цветущая сложность».

Право есть объективная, Богом данная реальность, необходимая для жизни государства и народа. Однако право не самоценно. Современная юриспруденция, возводя право в «абсолютную ценность», тем самым в лучшем случае «отмыливает» вопрос о его происхождении, в худшем – превращает право в идола.

Древние арии говорили о *rōte*. Православное Христианство видит в праве действие Святого Духа, «иже везде сый и вся исполняй», Духа истинного и животворящего, чьи действия многоразличны и личны. Поэтому нет и не может быть какого-то «единого права». Право – «правъ» – то есть то, с помощью чего правят, определяется подданством Царю, религиозной верностью, принадлежностью к народу и этносу, социальной (сословной) принадлеж-

ностью, возрастом, семейным положением, профессией и профессиональной подготовкой. Не может быть «равного доступа» к ядерному реактору физика и художника, к операционному столу – хирурга и медсестры. Профессионально управлять государством и судить об этом может только тот, кто знает все его «входы» и «исходы», в том числе государственную тайну. «Права человека» – абсолютная абстракция, которую можно сравнить разве что с нефигуративной живописью (и то и другое, кстати, из одного источника). Право жизненно и конкретно.

Фундаментальным является уже упоминавшееся понятие «правообязанность», введенное Алексеевым, который так его расшифровывает: «Это органическое сочетание прав и обязанностей в многосторонних отношениях. <...> Право-

обязанностям на одной стороне могут соответствовать односторонние положительные обязанности с другой. Идеальным случаем подобных отношений мог бы быть тот непограниченный монарх, который рассматривал бы свою власть не как право, но и как обязанность по отношению к подданным, как служение им. <...> Правообязанностям с одной стороны соответствуют правообязанности с другой». Такой «общественный идеал» «мог бы быть осуществлен в том случае, если бы ведущий слой государства проникся бы мыслью, что власть его не есть право, а и обязанность; и если в то же время управляемые не были бы простыми объектами власти, не были бы только носителями обязанностей, положительных и отрицательных, но и носителями правомочий. <...> В таком государстве поистине свобода была бы идеально соединена с повиновением <...> как свобода органической принадлежности к целому». Каждое право есть и обязанность. Право занятия государственной должности должно предполагать обязанность пройти соответствующую моральную (включая службу в армии) и профессиональную подготовку. Свобода слова предполагает знание того, о чем говоришь. Право на жизнь – с момента зачатия, что предполагает запрет абортов. Право на труд есть также и обязанность трудиться – разумеется, при безусловном разнообразии форм труда.

Введение понятия «правообязанность» неизбежно ведет к пересмотру представлений о праве, к «исправлению имен», то есть к возвращению изначальных, лежащих в его основе смыслов. Гарантом правообязанностей является стоящая над всеми социальными слоями Верховная власть.

Современное евро-американское, выдающее себя за «универсальное» право, основанное на Ветхом Завете, с одной стороны, и римском *ius civile* – с другой, характерно «однородностью и изотропностью» «правового пространства». Точно так же, как на принципе однородности и изотропности пространства физического была основана вся наука Нового времени.

Не будем здесь и сейчас говорить о предхристианской эпохе. Желающих отсылаем к блестящему труду Михаила Серякова «Вселенский закон. Незримая ось мироздания» и другим книгам этого автора. Но отметим: первый же сохранившийся памятник русской православной политico-правовой мысли – «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона Киевского (в схиме – преподобного Никона) – содержит два основных посыла: отбрасывание иудейского (а косвенно – и греко-римского) законничества во имя благодати, данной Иисусом Христом, и – одновременно – сугубое возвеличение миссии Православного Монарха. Высшее воплощение идей Илариона – эпоха Иоанна Грозного (оклеветанного) с наивысшим подъемом власти Царя («десница и шуйца» из писем к князю Андрею Курбскому) при наивысшем же подъеме местных вольностей (земская и губная реформы).

Со времени Киевской Руси суд творился лично князем («княжое право»), затем, на Москве – Царем и от его имени. При всех «эксцессах» XVIII века судебно-правовая система еще имела возможность развиваться органически. При Екатерине II была создана система судебных учреждений, в которую входили уездные и земские суды для дворян, губернские и городские – для горожан, нижняя и верхняя расправа – для свободных

крестьян. Действовало «инородческое право», включавшее в себя шариат, шаманскоe право, а после присоединения Западного края – кагальное право. На самом деле это и была «цветущая сложность». Увы, недоразвившаяся и обрубленная.

Навязанная России в рамках судебной реформы 1864 года европейская однородность вела к тому, что, используя выражение русского экономиста Владимира Безобразова, «одно крепостное право, то суровое, то мягкое, заменилось другим, всегда суровым и никогда не смягчающимся». Реформа была антимонархической по своей природе. Отказавшись от «царева суда», вменив государству в лице назначаемых Императором прокуроров исключительно обвинение, реформа сделала его (и Царя) «вечным врагом» собственного народа. Одновременно защиту стало возможным покупать за деньги, а сама адвокатура оказалась заинтересованной в наличии революционного движения, обеспечивавшего ей популярность процессов и огромные доходы. Так сложился союз либеральной интеллигенции (главной силой которой были именно присяжные поверенные) и революции. В целом примерно такое же положение сохраняется по сей день. «Правовая рецепция» – в значительной степени дело вот этой «юридической интеллигенции».

Прокуратура (за которой остается надзор за соблюдением законов и борьба с коррупцией) от функции государственного обвинения должна быть освобождена. Обвинение и защита осуществляются в рамках одного сословия (трудового объединения) правоведов – не за гонорары, а в рамках выполнения профессиональных обязанностей и в перспективе карьерного роста. Профессиональные суды на-

значаются пожизненно и могут смешаться за совершенные правонарушения Верховной властью, от имени которой оглашается приговор и которая является высшей апелляционной инстанцией. Могут также создаваться сословные (профессиональные) суды (по типу советских товарищеских судов, но с реальными, в том числе уголовно-процессуальными, полномочиями), военные, церковно-православные, казачьи, шариатские суды, суды обычного права малых народов и т.д. – при возможности подачи апелляций на их решения Верховной власти. В случае, если один из участников процесса не подлежит такому суду, обязательно привлечение всех участников процесса к Верховному суду.

Возможно существование двух «уровней права» – общегосударственного (имперского) и местного, включая местное обычное и религиозное (шариат, шаманскоe право народов Севера и т.д.), как это было в Российской империи. Разумеется, местное право может быть использовано только внутри местных и этнических общностей, а при иных принадлежностях участников правоотношения применяется имперское право. Возможно также существование сословного права – более широкого, чем нынешнее корпоративное, вплоть до создания сословных судов. Так соотносится единое правовое пространство и право как «мера свободы» в его многообразии. Тем самым право избавляется от своего отчужденного характера и начинает жить жизнью.

Это и должно стать избавлением-исцелением от права и одновременно избавлением-исцелением самого права, путем к его «auténtичному экзистированию» (Мартин Хайдеггер), «сродности» (Григорий Сковорода).

Александр Владимирович Коврига –

кандидат экономических наук, директор
Центра междисциплинарного
прогнозирования общественного развития
Харьковского национального университета
имени В.Н. Каразина

Глобальный кризис и переустройство государственного дела: **вспомним камерализм?**

В современном мире полно- масштабный суверенитет, значимые цивилизационные инициативы и, естественно, государственная политика импортозамещения возможны лишь при условии мировоззренческой, идеологической самостоятельности. Прежде всего в понимании мировой истории и в производстве знаний о государстве, мировом и общественном развитии. Знание о реальном институциональном устройстве и динамике общественных систем, государств и «мирового целого» становится всё более сложным. Со времен построения регулярного европейского государства знание о его действительном устройстве имеет стратегический, по сути, тайный характер.

Есть все основания предполагать, что мир вошел в состояние бифуркации, приближаясь к началу нового многосотлетнего цикла, в котором евроатлантоцентричность власти и миропорядка уже не просто подвергается основательной критике и легитимации, но утрачивает свою абсолютную роль. Совершенно особое место в этих процессах будет занимать Россия — как в полной мере испытавшая на себе практически весь спектр культурного и тектологического влияния со стороны «Большого Запада» и Евроатлантиki, но в то же время еще сохранившая ряд принципиальных характеристик суверенной цивилизационности и государственности. Наряду с передовой мыслью, вместе с обладанием технологией ее вопло-

щения суверенность и способность народа участвовать в мировой истории связаны прежде всего с постановкой практики общественных образовательных процессов — с общенародным извлечением уроков истории. Народ, не удерживающий канвы своего цивилизационного развития, может быть сбит с пути. Презрение к истории не остается безнаказанным. Мы вошли в эпоху, когда история будет столь же важна для мира и государственного дела, его спасения и общественного развития, как были важны для него естественные науки с начала XVII и до XX века включительно. Действительно благочинные, прагматичные и ответственные действия теперь еще более будут связаны с переосмыслением, переживанием заново и переусвоением множества уроков мировой и отечественной истории.

В условиях уже развернувшихся и грядущих тектонических трансформаций мироэкономики и geopolитики чрезвычайно важно осознание способа, которым в современном мире и в России было конституировано «регулярное государство», государственное дело. Важно различие цивилизационных и институциональных стратегий построения государственности в странах современного трансатлантического ядра и в континентальной Европе. Без этого невозможно суверенное развитие.

Мы полагаем, что одной из центральных задач в этом деле должно стать осознание действующего наследия и исторических уроков камерализма. Забегая вперед, отметим, что понимание того, что породил камерализм как систему государствостроительных практик и соответствующих стратегий домонопредметного и донаучного производства знаний,

Один из ведущих американских идеологов Уолтер Рассел Мид (на фото) в своем исследовании 400-летней истории победоносной борьбы англофонных сил с историческими соперниками и врагами показывает, как надо понимать англо-американоцентричную капиталистическую динамику развития мира, где «капитализм предстает как социальная и экономическая сила, действующая в истории универсально: она рассекает культурные и цивилизационные границы, налагает свою логику и реальность на людей повсеместно, независимо от того, что они думают или желают».

может быть ключом к выявлению оснований и разгадки ряда наиболее сложных и скрытых моментов в организации современного мирового порядка, его основных кризисных тенденций, конфликтов и напряжений.

В результате доминирования в последние 150 лет научно-дисциплинарной, монопредметной организации производство знаний о процессах развития и мировой истории превращено в «предметные ряды» и тоннельные представления. Реконструкция традиции камерализма как практики государственного дела до эпохи доминирования научного подхода и позитивизма может позволить преодолеть эти ограничения историчности и монодисциплинарности.

Глобальный цивилизационный кризис и государственное дело

Судьба суверенного государства как основного и исключительного агента, а также и условия развития — сегодня едва ли не главный вопрос мировой повестки. Роль государства неизмеримо возрастает в связи с исключительной важностью переустройства содержания, форм и методов geopolитического контроля в рамках формирующегося миropорядка и в ходе посткризисной промышленной и экономической реорганизации планеты. Перед лицом глобальных рисков, присущих исключительно сложной и в равной степени хрупкой сети экономической, культурной

Созданы экстремальные условия для всех типов гуманитарных практик, науки, промышленности и общественного развития в целом: при всех оговорках, в центр российского мироздания поставлен «успешный человек» – стяжающий прибыль и личную выгоду эгокультурный и эгоцентричный *homo oeconomicus*.

и политической взаимозависимости современного мира, государство вновь должно будет сыграть роль катехона. При этом переустройство и обновление самого государственного дела и суверенной государственности – в их отношении к глобальной экономике, geopolитике, культуре и цивилизационному развитию – неминуемы. *Status quo* уже не удержать.

Наряду со стихией глобального финансово-экономиче-

ского кризиса нашу эпоху определяет кризис геоцивилизационный, смена всей топологии и geopolитического измерения мирового развития. Если политика решает вопросы организации жизни человеческих сообществ в рамках определенной цели и мировоззрения, то фундаментальный компонент политики, естественно исходящий из территориальности человеческих сообществ, – это geopolitika. С древнегреческих времен до-

мом – *oikos* – для человека является Земля – *geo*, отсюда и geopolitika. Поэтому экономическое – *oikonomia*, – государственно-геополитическое и геоцивилизационное измерения трансформации миропорядка являются неразделимыми проблемами.

Сохранится ли суверенное национальное государство как институт? Или транснациональный класс, надгосударственные группы интересов окончательно подорвут не только культурно-исторические основания и все политэкономические условия его существования и развития? Это острейший вопрос мировой повестки дня ближайшего десятилетия.

Завершающие десятилетия XX века доминирующей была западноцентрическая англосаксонская ноополитика – политика представлений о мире и способах его восприятия – как самая технологично изощренная, подкрепленная силовым интеллектуально-военно-промышленно-финансовым потенциалом. Глобальная индустрия управления представлениями (ГИУП) – *global perception management industry*, – построенная трансатлантическим миром на протяжении нескольких веков и наиболее интенсивно в ходе холодной войны, проецирует на весь мир абсолютно идеализированное представление о «рыночной демократии», «свободном предпринимательстве» и «рыночной экономике».

В эту эпоху большинство современных практик и систем производства знаний не только опираются на «предсказания» и специально вменяемые представления-верования о мире, но вынужденно пребывают в зависимости от целого ряда стратегических мифов. Чтобы вырваться из этой клетки исторической предрассудленности и фатализма, необходимо не только осо-

знать ее наличие, но и понять, как она устроена. Для совершения какого-либо действия необходимо выйти за границу этих индустриально вменяемых представлений, увидеть когнитивные сети, стреноживающие проектоспособность, суверенность и право на историческое творчество и развитие.

Кризис знания о государстве, как и общемировой цивилизационный кризис, впрямую обусловлены еще и тем, что наука «о рынках» стала доминантной, вытеснила все представления о мире, заменила собою науку об обществе и развитии. Среди прочего в своих принципиальных и фундаментальных моментах данная ситуация связана с вытеснением камерализма в последние 200 лет либеральной организацией общества и экономики. В рамках установки глобального капитала на увеличение прибыли национальные государства трактуются главными источниками непроизводительных издержек – трансакционных расходов, – в стратегическом плане они подлежат ослаблению или полному устраниению. Государства создают «суверенные риски», регуляторные разрывы на границах, мешают глобальному регулированию и глобальной деятельности финансового и промышленного капитала. Принято считать, что недостатки работы глобальной финансово-инвестиционной и экономической системы напрямую связаны с этими трансакционными расходами. Хрестоматийным примером здесь является современная история Европейского союза, события вокруг Греции. В ответ на глобальный кризис трансатлантический мир наметил следующий сценарий: ведущие корпорации США и ЕС приводят замысел нового мирового экономического порядка, ликвидации

государственных «конституционных преград» для более свободной торговли, расширения рынков. В этом и состоит основной смысл и задачи проекта Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП) Евросоюза и США. В июле 2015 года Европейский парламент уже принял резолюцию-рекомендацию о продвижении к соглашению о ТТИП. По замыслу, учреждение ТТИП ликвидирует «барьеры» для коммерции не только в Европе, но также и во всём мире. То есть демонтаж государств определен в качестве центральной задачи. Вслед за согласованиями на Давосском форуме в 2012 году «Рабочая группа высокого уровня для Генерального директората ЕС по отношениям США–ЕС» рекомендовала преодолеть, наконец, иллюзию о возможности национальных суверенитетов в Евросоюзе. В XXI веке евро-американское Трансатлантическое партнерство должно выступить трамплином для новых норм и правил всего мирового управления во всех сферах. Согласно плану-прогнозу Жака Аттали, самое позднее в 2050 году должна быть развернута окончательная деконструкция государств, «капитализм придет к своему пределу: уничтожит всё, что ему не принадлежит. Он превратит мир в огромный рынок, судьба которого не будет связана с судьбой наций и который будет свободен от требований и ограничений “сердца”». Как и в 1919-м, начале 1940-х и 1970-х, этот план построения нового мирового порядка основан на фундаментальных «метатеоретических допущениях» о мировых историях и развитии, мировой цивилизационной иерархии, предназначении и роли государств.

Игра вокруг трактовки сути и содержания государственно-

сти и государственного дела на усиление или ослабление государств, их моши и деятельного потенциала – непрерывный процесс европейской и мировой истории. С получением к середине XVII века Северо-Западной Европой относительных структурных преимуществ и развитием сильного государственного механизма работа по выделению мировой периферии, где государственный механизм ослаблялся, стала едва ли не ключевым фактором. Как только образовалась разница в силе государственных машин, в действие вступил неравный обмен, навязываемый сильными государствами слабым. С того времени евро-атлантический капитализм использует не только присвоение прибавочной стоимости, производимой в пределах национальных экономик ядра, но за счет структурных преимуществ и сильного государства – и присвоение прибавочной стоимости, производимой в мировой экономике в целом. В этом и состоит политэкономический смысл политики глобализации и соответствующих изменений государственного дела.

Мифология и базовые «метатеоретические допущения» Запада основываются на представлении об уникальном характере и превосходстве западной цивилизации над неевропейскими народами. Данная «идеология» является ядром исторического сознания Западной Европы и созданных европейскими колонизаторами государств Содружества и США. В форме ли превосходства христианства, демократии, отношений свободного рынка, прав собственности и прав человека – она используется для оправдания западного доминирования. Идея западного превосходства широко распространялась среди всех неевропейских народов.

Антон Ханак. Последний человек

В этом мире, где большие вопросы решены, а geopolитика может быть подчинена экономике, теперь уже всё человечество будет выглядеть как нигилистический «последний человек», описанный Фридрихом Ницше: самовлюбленный потребитель, предел мечтаний которого – следующая поездка в торговый центр.

Важнейшим условием усиления этой мифологии оказалась гибель СССР и трансформация постсоветского мира и ассоциированных с ним стран. С этого времени предполагается, что история закончилась. Теперь главный приоритет для Соединенных Штатов и Запада в целом – упрочение и продвижение либерального мирового порядка. В соответствии с «объективными» итогами холодной войны, чтобы выжить, государства должны принять принципы либерального капитализма, стать похожими на Запад. Один из ведущих американских идеологов Уолтер Рассел Мид в своем исследовании

400-летней истории победоносной борьбы англофонных сил с историческими соперниками и врагами – Испанией, Францией, коммунизмом, «Аль-Каидой» – показывает, как надо понимать англо-американоцентричную капиталистическую динамику развития мира, где «капитализм предстает как социальная и экономическая сила, действующая в истории универсально: она рассекает культурные и цивилизационные границы, налагает свою логику и реальность на людей повсеместно, независимо от того, что они думают или желают. Это означает, что как только одна страна или часть мира по-серьезному встают на капиталистический путь, все другие должны или поспевать за технологическим, экономическим и социальным развитием мировых капиталистических лидеров, или утратить способность контролировать свою судьбу, поскольку власть утекает быстро и неотразимо к тем, кто способен совладать с новой динамикой». Более того, отношения эти носят тотальный и принудительный характер, «культура, которой не нравится капитализм или если она не очень подготовлена, чтобы играть в нем какую-то особую игру, будет всё менее и менее довольна тем путем, которым идет мир. Странам, которые не любят ангlosаксонский капитализм и ангlosаксонскую культуру, не будет нравиться и мировой порядок, в котором доминируют ангlosаксонская сила и ангlosаксонские ценности. Они также останутся позади, будучи неспособными освоить новые технологии или развить новые промышленности и компании, могущие приобрести выгоды в этой глобальной системе. Они будут становиться всё беднее и слабее в сравнении с культурами, которые лучше приспособлены для этой конкретной игры. Всё это приведет к тому, что они еще менее будут любить капитализм, и сделает их еще менее способными играть в эту игру. Странам ужасно легко впасть в этот цикл отчуждения и падения». По мнению этого автора, эгокультура и отношения тотальной конкуренции, взращенные в ангlosаксонской системе, должны теперь стать лейтмотивом организации жизни и власти в мировом масштабе: «Способность конкурировать в формирующейся капиталистической рамке является наиболее важной силой в глобальном распределении власти и богатства. Поскольку культура так

важна для формирования индивидуальных устремлений и представлений, от которых зависят страсть и способность к капиталистической конкуренции, сама задача продвижения капитализма делает культуру еще более сильным фактором в определении глобальной структуры власти».

Поэтому в ближайшие десятилетия вопросы государственности и стратегии построения государственного дела, политики импортозамещения будут ключевыми для всех стран, стремящихся к обретению суверенности. Для постсоветского мира импортозамещение на уровне технологий, товаров и продуктов потребления, образа жизни и ценностных ориентаций станет возможным только тогда, когда произойдет избавление от импортных мировоззрений и концепций построения общества и государства.

Глобальный кризис и государственное дело России

За прошедшие века симбиотического взаимодействия и со-вместной с Западом эволюции евроцентризм прочно занял в России место основной историософской доктрины. Более того, прошедшая четверть века впервые в истории России и постсоветского мира проходила под знаком цивилизационной вторичности, идеологии возврата в «подлинную историю» и «воссоединения» с евро-атлантическим «цивилизованным» миром. Отказ от якобы неэффективных общественных и государственных порядков сопровождался и забвением понимания источников государственности и своей цивилизационной программы. Постсоветский мир всеми своими ресурсами был включен в воспроизводство глобальной евроатлантоцентричной матрицы власти как несущей миру

универсальные и цивилизационно превосходящие «западные ценности», соответствующие политические, экономические, социальные и культурные порядки.

Такого рода представления доминируют даже среди философской общественности: «<...> именно Запад начиная с XVII столетия и Петра I выступает для российского хозяйства и экономики “зоной ближайшего развития”, чтобы там, преследуя корыстные интересы, время от времени ни утверждали наши правители и

Эндрю Кимбрелл (на фото), директор Американского фонда исследований экономических тенденций: «<...> всё более и более американцев продают себя: свою кровь, сперму, яйцеклетки и даже новорожденных. Всё более и более исследователи и корпорации формируют рынки человеческих “продуктов”, включая органы, части внутриутробных плодов, ткани, клетки и гены. Эскалация цен создала настоящий бум на рынке человеческих тел».

элита. В частности, потому что Россия включена в мировую экономическую систему и участвует в жизни Европы и других стран мира (туризм, торговля, культурный обмен, совместные проекты и прочее). Да, ассимиляция западных технологий и представлений в России происходит по «принципу маятника» (то шаг вперед, то назад), и все-таки, пусть медленно, пусть с колебаниями, но мы усваиваем и осваиваем западный опыт. До-статочно указать на такие всем известные примеры, как создание российских университетов, науки, промышленности, учреждений здравоохранения. Все эти институты первоначально сложились на Западе и затем с большими усилиями и издержками были привиты на русской почве», — пишет философ Вадим Розин.

Евроатлантоцентрическая матрица власти проецируется на политические и экономические системы, школьное и университетское дело, здравоохранение и общественные

коммуникации постсоветского мира. В ряде принципиальных моментов и культурная политика подчиняется диктатуре глобального рынка. (Например, Минэкономразвития РФ отказалось ввести налог на иностранные фильмы для поддержки развития отечественной киноиндустрии.) При этом экономика трактуется как автономная, но доминантная сфера, где основное отношение — наращивание прибыли и конкуренция, а частная собственность — священное понятие. Высшая цель прогресса — развитое общество потребления.

Неолиберализм, захвативший господство в западном мире во второй половине XX столетия, впервые в российской истории стал главной государствостроительной идеологией. Созданы экстремальные условия для всех типов гуманитарных практик, науки, промышленности и общественного развития в целом: при всех оговорках, в центр российского мироздания постав-

Фейт Людвиг фон Зекендорф – немецкий историк, впервые описавший феномен камерализма в своем сочинении «Немецкое княжеское государство» (1656 год)

Камерализм, сформированный в XVII-XVIII веках, сыграл огромную роль в развитии европейской цивилизации, существенно повлиял на становление обществознания и моделей капитализма континентальной Европы, американской школы политической экономии, на образование экономической профессии, социологии и социальных исследований в США, на складывание англо-саксонской версии административных наук.

лен «успешный человек» – стяжающий прибыль и личную выгоду эгокультурный и эгоцентричный *homo oeconomicus*. Это может казаться невероятным, но вслед за Западом место наук о государстве и обществе в постсоветском мире заняла наука «о рынках». Уже четверть века всё инфраструктурное обустройство

страны и институциональное строительство центрированы на создании условий для обслуживания «институтов» развития отношений конкуренции и «процессов» рынка, новой культурной и финансово-имущественной стратификации, отзеркаливающей новый мировой порядок. Силою вещей благородный муж, пре-

данный делу развития общества и государства, культуры и миростроительства в целом, вытеснен на периферию и обладает статусом вторичности. Своей институциональной и политэкономической организацией в рамках данной идеологии общество и государство нацелены на возвышение и обслуживание экономически предпримчивого, адекватного глобальной рыночной конъюнктуре меньшинства.

Системные социальные последствия доминирования такого подхода широко известны. Недавнее обсуждение лидерами Общероссийского народного фронта вопросов организации движения за освобождение школ Москвы от наркотиков, невероятное падение уровня образования, сокращение рождаемости, разрушение институтов фундаментальной науки и промышленности, обеспечивавших суворенное развитие страны на протяжении нескольких веков, – лишь некоторые свидетельства этой ситуации.

Глобальный кризис и Grand Strategy

Хотя коллапс Советского Союза для историков, политэкономов, аналитиков и стратегов по-прежнему остается основным величайшим стратегическим сюрпризом прошедшего столетия, до 2014 – начала 2015 года общим консенсусом для трансатлантического мира было согласие в том, что история закончилась, то есть в стратегиях государственного и мирового развития ничего принципиально нового не предвидится, что либеральный капитализм и постисторический ницшеанский человек наконец-то пришел к глобальной власти. В этом мире, где большие вопросы решены, а geopolitika может быть подчинена экономике, теперь уже всё человече-

Бартоломеус ван дер Гельст. Торжество по случаю подписания Мюнстерского договора. 1648 год

ство будет выглядеть как нигилистический «последний человек», описанный Фридрихом Ницше: самовлюбленный потребитель, предел мечтаний которого — следующая поездка в торговый центр.

События начала XXI века вскрыли и вынесли на поверхность не только глубочайшие деградационные кризисные тенденции, но и множество латентных установок и верований транснационального класса и мирового идеологического истеблишмента. Одним из ключевых концептов, которыми фактически пользуются эти инженеры глобальных мировоззрений, являются так называемые структуры, стимулирующие и направляющие восприятие, — *perceptual incentive structures*. Смысл этого концепта состоит в том, что фигуры, вовлеченные в глобальную политику, разработку проблем и стратегий национальной безопасности, национального и международного развития, в своем мышлении о будущем не только зависимы от доминирующего когнитивного порядка, но подвержены использованию определенных штампов. Эти штампы ограничивают понимание современности и способность предвидения. Среди таких штампов — пред-

С 1648 года — с заключением Вестфальского мирного договора — и по начало XVIII века были запущены процессы формирования современной системы межгосударственных отношений, в которой перекрецивались отношения между гетерогенными феодальными конфликтными единицами, а иерархические системы империи и папства были заменены отношениями между современными «независимыми государствами».

ставление о современном государстве и источниках и возможностях суверенной государственности.

Основной комплекс вопросов, которыми до недавнего времени были поглощены активно действующие мировые идеологи-стратеги типа Фрэнсиса Фукуямы, Роберта Кагана и Уолтера Рассела Мида, состоял примерно в следующем:

- ◆ как сохранить состояние конца истории, то есть фактически ограничить историческое воображение и проектные начинания других стран и народов американским трансатлантическим образом рыночной экономики и либеральной демократии;

- ◆ как упрочить благоприятный для Соединенных Штатов мировой либерально-капиталистический (экономический) порядок;
- ◆ как предотвратить появление каких-либо стратегических сюрпризов (в точном смысле слова — *No More*

Sputnik), не допустить социально-культурных и научно-технологических достижений, способных пошатнуть «непреходящее» мировое научное и военно-технологическое лидерство Америки.

Сегодня же очевидно, что в стане идеологов и теоретиков мирового развития в духе конца истории царит определенное замешательство. С одной стороны, мы видим неприкрытую радость, так сказать, возврата истории — geopolитической борьбы и возможностей новых противостояний, — как у Уолтера Рассела Мида, Роберта Кагана или Джона Айкенберри. Но с другой стороны, кризисные тенденции в мироэкономике и перспективы образования многих полюсов обострили все разнотечения о будущем государственности и возможных типах государств. Проблематизирована евроатлантоцентричность грядущего миропорядка. Нарастают опасения невозможности повсеместной реализа-

Уtrechtский договор 1713 года

Между мирным договором в Вестфалии в 1648 году и в Утрехте в 1713 году был дан старт образованию современных форм межгосударственных отношений в Европе. Для существования государств в этой новой среде требовалась новая система знаний и технологии управления – так появился спрос на функцию, которую стал выполнять камерализм.

ции принципов трансатлантической рыночной цивилизации. С этим связывают риски достижения абсолютной безопасности и сохранения доминирования и превосходства. Дело в том, что американская «Большая стратегия» (*Grand Strategy – GS*) прочно укоренена в либеральных идеологических основаниях. Как показывают американские историки, истеблишмент США уже более века убежден, что страна, ее экономика и образ жизни могут быть безопасны только в мире, живущем по принципу «открытых дверей», основанном на американской либеральной идеологии.

Либеральная идеология и онтополитика предопределяют формулировку и интересов, и опасностей существования политэкономии США. С самого начала *GS* основывалась на предположении, что единственной основой ликвидации уязвимости страны является достижение абсолютной безопасности. Было принято такое идеологическое экстерриториальное определение безопасности США, в соответствии с которым какие-либо преграды для действия или закрытость мира главным американским идеологическим и экономическим ценностям оказывается угро-

зой либерализму и внутри страны. Утверждается, что «здоровая» реализация либеральных ценностей и институциональных порядков в США полностью зависит от успешности и масштаба экспансии этих ценностей и институтов во всём мире. Как полагают ведущие американские научные школы международной политэкономии, американская миссия распространения демократии и либеральных экономических порядков никак не является альтруизмом, она вырастает из веры, что американские свободы не смогут выжить внутри страны, если безопасным для демократии не станет мир в целом. США станут чувствовать себя в безопасности и сумеют развивать свою политэкономию, только если будут окружены идеологически подобными государствами. Как отмечает профессор международной политэкономии

школы управления Техасского университета Кристофер Лейн, оказывается, что политическая философия американского либерализма вообще «нетерпима к другим политическим идеологиям. <...> Американский либерализм полагает, что для того чтобы быть в безопасности внутри страны, он должен элиминировать враждебные идеологии за рубежом; он может сохранять гегемонию в стране, только обретая гегемонию за ее пределами. Американский либерализм, соответственно, – это гегемонная идеология дома и идеология гегемонии за рубежом, и это первоисточник американских имперских амбиций».

Воспроизводственная несостоятельность трансатлантизма

Важнейшее следствие мировой экспансии принципов либерализма – катастрофическая ситуация в сфере экологии и воспроизводства жизни. Объективным индикатором цивилизационного кризиса является прокреационная составляющая современного западноцентричного миропорядка. За фасадом общества изобилия и потребления скрывается фундаментальная биологическая безбудущность, прокреационная несостоятельность стран евро-атлантической цивилизации, условно объединенных в рамках Организации экономического сотрудничества и развития (*OECD*). Фактически с начала 1960-х, но особенно в ходе кризиса с 2007 года, стали очевидными неуправляемые тенденции физического вымирания большинства народов, подвергшихся в последние столетия наиболее интенсивной обработке либеральными порядками. В текущем году Германия достигла самой низкой в истории страны фертильности – в 1.36. Этот фено-

мен называют *Schrumpfnation Deutschland* – «сокращающаяся Германия». Фертильность в 1.36 означает, что каждая новая генерация на одну треть малочисленнее предыдущей. Даже в относительно благополучных странах – во Франции, США и Скандинавии – фертильность едва дотягивает до 2.0, что также ниже необходимого показателя воспроизведения – более 2.1. В период кризиса – между 2008 и 2014 годами – уровень фертильности продолжил падение в более чем двух третях стран *OECD*. За последние 50 лет произошло драматическое снижение фертильности во всех странах *OECD*. Сегодня можно утверждать, что выстроенный в последние два века научный и дисциплинарный инструментарий трансатлантической капиталистической экономики не обеспечивает биологического воспроизводства стран европейской культуры. В условиях либеральной государственности проблема депопуляции пока не разрешима, депопуляция государств европейского мира продолжается более четверти века.

Следствием противопоставления принципов государства как института воспроизводства целого и неолиберальной программы, экспансии неолиберализма и экономической картины мира оказалось формирование рыночной цивилизации. Универсализированная рыночная метафора стала всеобщим дисциплинарным механизмом. Дисциплинарные процедуры и требования неолиберализма проецируются на все типы отношений. Как говорила Маргарет Тэтчер, «альтернативы нет», и «невозможно сопротивляться рынку». Ничто не может избежать превращения в товар. Человеческое тело уже давно стало предметом открытой купли-продажи. По словам

Эндрю Кимбрелла, директора Американского фонда исследований экономических тенденций, «всё более и более американцев продают себя: свою кровь, сперму, яйцеклетки и даже новорожденных. Всё более и более исследователи и корпорации формируют рынки человеческих «продуктов», включая органы, части внутриутробных плодов, ткани, клетки и гены. Эскалация цен создала настоящий бум на рынке человеческих тел». Фундаментальный переворот совершен также и в Католической церкви. По словам ведущих профессоров крупнейших иезуитских университетов Северной Америки, «всё имеет свою цену», универсальным основанием современности являются рыночные принципы, а потому – пребывало выше всего.

К новой повестке дня

Мировой тектологической задачей ближайшего десятилетия (в духе Александра Богданова) является «историософская деколонизация» – избавление от тоннельного европоцентрического мировоззрения, от диффузионистской трактовки мировой истории, в которой европейский культуропорождающий центр – Запад – исключительно благодетельно цивилизует мир, распространяя свои превосходные институты, свое влияние и власть на весь остальной мир.

«Европейский тоннель» как лоно мировой истории и мирового институционального процесса проблематизирован, вопрос о выходе к многоцивилизационному, многополярному миру переносится в практическую плоскость. Подвергается сомнению важнейший миф, на котором основан современный мировой порядок, – вера в то, что европейская цивилизация, «Большой Запад», обладает историче-

Людовик XVI и Мария-Антуанетта

Государство раннего Модерна не было государствоцентричной, национальной, этнической, деноминационной, геостратегической, топографической, культурной или лингвистической конструкцией, но являло собою результат изменчивых династических брачных политик и поддерживаемых войнами территориальных перераспределений.

ским преимуществом, уникальными расовыми качествами и высшей культурой, особой средой и возвышенным духом, которые «объективно» обеспечивают превосходство над всеми другими сообществами, во все исторические времена и по настоящее время. В силу радикальности и масштаба трансформаций исчезают отношения нормальности, культурно-исторической и политической нейтральности. Все действия – даже повседневность – теперь пронизаны отношениями к нисходящим (деградационным) и восходящим (перспективным) мировым трендам. Мы своим существованием и дей-

ствиями так или иначе вносим вклад в тот или иной тренд, поддерживаем воспроизведение кризиса или содействуем построению посткризисного мира.

Вместе с тем вполне очевидным становится грядущее новое глобальное финансово-технологическое зонирование и «огораживание», внутри отношений нового – поствестфальского – конституционализма и в рамках нового образовательного и идеологического ландшафта складываются невиданные ранее режимы доступа/открытости истории, «современных богатств» и будущего. Различным – с точки зрения способности знания и

действия – народам приоткрываются различные возможности, шансы исторического творчества, суверенного развития и самодеятельности.

Знание о государственном деле и для него: значимость камерализма

Построение современного государства, его эффективная интеграция в международную среду и обеспечение экономического развития немыслимы без создания, освоения и развития соответствующей системы знаний, без включения в процессы развития знания, задаваемые лидирующими geopolитическими проектами и знаниевыми сообществами. Для самоопределения и построения современной стратегии институционального развития государства и хозяйства необходимо

дим анализ их истории, эпистемологических и онтологических оснований базовых идей. Особое место должна занять история содержательных начал камерализма. Камерализм, сформированный в XVII-XVIII веках, сыграл огромную роль в развитии европейской цивилизации, существенно повлиял на становление обществознания и моделей капитализма континентальной Европы, американской школы политической экономии, на образование экономической профессии, социологии и социальных исследований в США, на складывание англосаксонской версии административных наук. Необходимо новое прочтение истории политической экономии в ее взаимодействии с камерализмом. Ну и самое важное – камерализм сыграл исключительную роль в создании регулярного государства, построении Академии наук и университетского дела в XVIII-XIX веках в России.

Итак, стоит проблема онтологии политэкономии, которая свертывала бы в себе, «снимала» ключевые аспекты и проблематику современного глобализирующегося, основанного на знании капитализма в его динамичном взаимодействии с региональными и национальными экономиками. Построение такой онтологии потребует анализа истоков государствостроительных дисциплин: политической экономии в широком смысле слова, административных и политических наук.

Контекстом для оформления и развития камерализма служил процесс образования государств и межгосударственных отношений в поствестфальской Европе. Отсюда так важна его содержательная реконструкция в современной ситуации, в условиях грядущего глобального «реструктурирования», когда намечен, по

сути дела, демонтаж вестфальских принципов. Доминирующей политикой глобализации развернута интенсивная работа по гомогенизации и образованию институционально и идеологически единого пространства глобального капитализма. Трансатлантический мир устремлен к полному воплощению в жизнь неоклассических экономических моделей, основанных на теориях либерализма. Намеченное в ближайшее время создание упоминавшегося ТТИП и Транстихоокеанского партнерства (ТТП) должно окончательно реализовать либеральную идею единого и гомогенного политэкономического пространства, лишенного государственных и национальных препятствий – границ.

Мы проводим здесь прямую историческую параллель и с постсоветским периодом, когда появилось множество «новых государств» и все они оказались в ситуации сложного реформирования, государственного и институционального строительства, и с современным реструктурированием миропорядка.

Сегодняшняя ситуация характерна активными действиями по глобализации мероприятий по экспорту институтов и экспансии способствующей этому транснациональной «идеологической помощи».

Реконструировать институциональный смысл тех или иных доктрин и технологических принципов общественной (рыночной) организации возможно только на фоне достаточно широкого исторического анализа – институты, их эволюция видны только в контексте истории и масштабных эволюционных изменений. Надо отметить, что практика камерализма была вытеснена либеральной программой, предана забвению и не получила значимого статуса ни в исторических, ни в

экономико-методологических работах советского периода. В силу языковых, понятийных и этимологических различий многие ученые, работающие в англосаксонской традиции, также трактуют камерализм лишь как германскую версию меркантилизма. Это делает, например, Иммануил Валлерстайн в своем фундаментальном труде по истории европейской и мировой экономики. Подобное же отождествление мы находим и в «Энциклопедии социальных наук», написанной ведущими англоязычными учеными в конце 20-х годов XX века.

Все эти неразличения затрудняют понимание истории политической экономии и фундаментальных аспектов институциональной эволюции государственности в европейской цивилизации. Осложняют выделение достижений советского периода, оснований «институциональной инерции» и кризисные моменты постсоветской государственности, как и глобального капитализма. Мы также разделяем позицию, что камерализм как специфическая доктрина и практика государственного строительства, которые оформились в континентальной Европе, должен рассматриваться в качестве одного из главных факторов, определивших историю, мировое технологическое лидерство и превосходство Европы и европейской культуры. Изучение его достижений и извлечение уроков имеет важнейшее значение для развития политической экономии, построения знаний для государственного дела в постсоветском мире.

Стратегический контекст образования камералистики

Как и всякое масштабное социокультурное и политэкономическое явление, камера-

лизм имел множество «источников» и оснований для образования и расцвета. Мы здесь не претендуем на их полномасштабную реконструкцию и методологически скрупулезное выделение — для нас важны наиболее критические аспекты.

В европейской истории национальные экономики, доктрины их построения и управления ими складывались под решающим влиянием «транснационального контекста». Государства «лепили себя» в теснейшем идеологическом, торговом, военном и культурном взаимодействии друг с другом.

В рамках конвенциональной интерпретации предполагается, что с 1648 года — с заключением Вестфальского мирного договора — и по начало XVIII века были запущены процессы формирования современной системы межгосударственных отношений. В этой системе перекрецивались отношения между гетерогенными феодальными конфликтными единицами, а иерархические системы империи и папства были заменены отношениями между современными «независимыми государствами». Политический суверенитет и дискурс государственного дела — *raison d'Etat* — секуляризировали международные отношения, религия стала оттеняться как доминирующая форма их легитимации. Международное право предполагало взаимное признание, невмешательство и религиозную толерантность. Универсальные институционально-политические концепции империи или *res publica christiana* — иерархически организованной христианской республики — уступили место действию баланса сил как естественного регулятора конкурентных отношений государств в контексте многополярной и анархической среды.

Разделение между политикой и религией и утверждение идеи «самоопределения наций» закрепило признание принципа мирного сосуществования среди юридически равных членов международного сообщества.

Между мирным договором в Вестфалии в 1648 году и в Уtrechtе в 1713 году был дан старт образованию современных форм межгосударственных отношений в Европе. Для существования государств в этой новой среде требовалась новая система знаний и технология управления — так появился спрос на функцию, которую стал выполнять камERALИЗМ. Он оказался ответом на послевоенный кошмар. В буквальном смысле камералисты стали советниками глав государств, имели прямую обязанность выработки государственно-политических, управленических и хозяйственных решений.

Новые государственные образования, ставшие в результате разрушения Священной Римской империи независимыми, должны были обеспечивать множество функций, традиционно выполнявшихся институтами Церкви. Несмотря на установление мира, оборона оставалась важнейшим вопросом — создавались профессиональные армии и технологии финансирования войн. Война рассматривалась как *ultima ratio regis*, то есть предельное основание существования и наращивания могущества и роста государств. Непрерывная вовлеченность в войны требовала не только совершенствования технологии ведения войны, но и всеобъемлющей рационализации общества и хозяйства.

В связи с конкуренцией «суверенных» принцев и князей друг с другом сведения об успешных проектах государственного строительства и финансирования быстро распро-

странялись, часто благодаря быстрым переводам сформулированных доктрин с латинского на французский и немецкий.

Геополитический и геоэкономический контексты

С конца периода Средневековья международная система прошла через драматическую трансформацию взаимопересякающихся юрисдикций феодалов, императоров, королей и церковных иерархов — эти взаимодействия породили территориальную детерминацию власти.

Природа и динамика геополитических систем существенным образом определялась тем способом, каким конституируются институты и политico-экономические единицы — основанные на специфических отношениях собственности. Вариации режимов собственности транслировались в вариации государственных форм и далее, соответственно, — в вариации форм и динамику международных систем. В XVII–XVIII веках изменился характер геополитических отношений: от логики персонализированных суверенитетов раннего Модерна, основанных на предкапиталистических, династических отношениях собственности, — к «деперсонализированной логике» суверенности Модерна, основанной на капиталистических отношениях собственности.

Государство раннего Модерна не было государствоцентричной, национальной, этнической, деноминационной, геостратегической, топографической, культурной или лингвистической конструкцией, но являло собою результат изменчивых династических брачных политик и поддерживаемых войнами территориальных перераспределений. Наиболее важные аспекты

Рембрандт. Ночной дозор. 1642 год

формативного контекста камерализма – это образование и конституирование отношений прав собственности и отношений исключительной территориальности. Главным механизмом конституирования были не внешние отношения вновь образованных государственно-политических единиц по поводу собственности, но институционализация прав собственности внутри формируемых территориальных границ, то есть механизмы и процессы учета, инвентаризации, национализации, урегулирования и распределения прав и отношений собственности в пределах суверенной юрисдикции данных государств.

Фундаментальный разрыв со старой логикой территориального накопления и территориального расширения международных отношений произошел с развитием капитализма в Англии.

Иерархии наследственных статусов разрушались повсеместно. Привилегии, региональные различия и традиционные права князей и гильдий в городах были атакованы и аннулировались задолго до Французской революции. Появлялись субъекты с правами собственности без унаследованных рангов. Формировались права индивидуальной собственности.

Мир конца XVII – начала XVIII века еще не был капиталистической системой. Поскольку большинство доминирующих европейских государств основывалось на предкапиталистических отношениях собственности, Англия балансируя и вела «территориальную борьбу» с Испанией и Францией. Для осуществления экспансии капиталистических отношений и проведения революций «сверху», аграрно-капиталистических реформ и «введения отношений капитализма» необходимо было «деперсонализировать» отношения собственности. Иерархии наследственных статусов разруша-

лись повсеместно. Привилегии, региональные различия и традиционные права князей и гильдий в городах были атакованы и аннулировались задолго до Французской революции. Появлялись субъекты с правами собственности без унаследованных рангов. Формировались права индивидуальной собственности. Только после того как капитализм получил общеевропейское распространение, «невидимая рука рынка» – и одновременно капиталистического балансирования – могла регулировать абстрактную сферу экономических обменов «деперсонализованных государств». Онтология *homo*

oeconomicus стала доминировать, и доходы могли накапливаться частным образом — и внутри страны, и на международном уровне. После серии европейских революций в период XVII—XIX веков и открытия национальных рынков для мирового обмена новая логика спонсированной Англией торговли между капиталистическими государствами позволила реализовать экстерриториальную логику накопления и присвоения доходов.

Власть, собственность и индивидуализация

Появление частной собственности и образование отношений, «закрытых» для государственного вмешательства, — это революционная инновация в праве, существенным образом реструктурировавшая отношения власти, превратившая их в «частное дело». Участие государства в социальном воспроизводстве стало «нелегитимным». Рынок получил ведущую роль и в материальном, и в идеальном общественном воспроизводстве. Общественная власть и функции государства редуцировались до предоставления условий, в которых граждане «наслаждались» бы пользованием своей собственностью. Было трансформировано само содержание и смысл понятия «общество». Перестали существовать такие феномены, как «общее происхождение» или общинные общности и т.п., ликвидировалась традиция синойкизма, главными стали институты накопления, реализации и подтверждения собственности индивидуумов. Отношения индивидов перестали опосредоваться правилами или понятием общности. Новые отношения истолковывались как вне- или предполитические, поскольку согласие о признании собствен-

ности и ее защите предшествовало каким-либо политическим формированиям. Политика могла завершать, «шлифовать», но никак не трансформировать «собственнические основы» этого гражданского общества. Вместо устанавливаемых по рождению, традиции или заслугам общественных рангов отношения между членами гражданского общества теперь стали регулироваться через призму отношений к вещам, которыми те владели. Это позволило выделить и эмансицировать экономическую деятельность от объемлющих социальных и политических отношений, аристотелевская позиция, исключавшая «хремастический способ производства», была преодолена. Политика стала преследованием частных и индивидуальных интересов и потеряла смысл заботы об общем — как о том, чем мы обладаем коллективно. Задачи государства стали сводиться к защите собственности, поддержанию эффективности рынка и общей обороны. Насколько далеко вела данная концептуальная революция, особенно заметно в области институционализации индивидуализма. Индивидуумы теперь уже не были членами конкретных и исторически длительных сообществ или групп, но проявляли свою единичность и особенность как собственники своего тела и способностей, в которых труд стал наиболее важным аспектом дифференциации. Джон Локк усматривал основания собственности именно в самом человеке как «хозяине самого себя» и как «собственнике своей личности, действий и труда». Однако при последовательной реализации принципов капитализации труд превратился в товар и стал существовать в отчужденных формах. Именно на это

указывал Маркс начиная свою критику капиталистического способа производства — когда приобретение богатства становится единственной целью хозяйства, оно порождает отчуждение труда, когда сам человек уже «не может определять свою судьбу».

Контрконцепцией для данного модернистского проекта служили германские социально-политические науки, которые были ориентированы на старую аристотелевскую традицию и понятие патриархального правила, в котором правитель был связан, с одной стороны, с Богом, а с другой — с «добрым отцом семейства», который опекал и обеспечивал свое окружение и тех, кто был «под ним».

Институционализация камерализма

Науки об экономике в Германии получили подчиненный характер и являлись скорее реалистически-ориентированными теориями организации управлеченческой деятельности правительства. Экономика не стала независимой наукой о хозяйственных отношениях и достижении экономического богатства в независимых от форм правления рамках, в которых они существовали.

Первым основоположением для камералиста — администратора-консультанта — была территория, полученная по правилам наследования. Обладание природными ресурсами должно было рассматриваться как естественное и предзданное, в отличие от торговли и промышленности, которые могут быть предметами искусственного совершенствования.

Начиная с XVIII века германская концепция общественно-политической науки, или учения о задачах государства и государственном строительстве, включала исследование общества и хозяйства, ис-

пользуя аристотелевские концепции ойкоса (дома) как хозяйства и полиса (города-государства) как государственной организации. Понятие государства использовалось как основополагающее для социально-политической организации общества в целом, что отражало немецкий перевод аристотелевской «Политики», в котором государство и общество были синонимизированы. Такой симбиоз государства и общества — как самоочевидный момент — отражал также теологические основы гуманистического знания XVII–XVIII веков и сохранялся на протяжении всего развития камерализма, затем перекочевал в концепцию «национального хозяйства» в XIX веке.

Одним из первых квазитеоретических трудов по камералистике в Германии стал «Завет», написанный в 1555 году Мельхиором фон Оссе. Фон Оссе описывал «обязанности совершенного правителя», который хотел бы управлять процветающим, успешным государством. «Владыка, или правитель, имеет обязанности перед народом в трех планах: он должен поддерживать состояние процветания, которое образуется, если люди живут целомудренно, когда поощряются образование, искусства, когда многие образованы и мудры и могут инструктировать остальных, он (правитель. — A.K.) не позволяет сваливаться в темноту и невежество и поддерживает всё что полезно для совершенствования общества».

В первых работах камералисты излагали своего рода нормативные требования к содержанию государственных предметов ведения. Эти требования включали в себя: обеспечение необходимого числа докторов, предоставление снабжения чистой водой и доступ к ней, мусороудаление, хорошее образование, ликви-

Джон Локк (на портрете Михаэля Даля) усматривал основания собственности именно в самом человеке как «хозяине самого себя» и как «собственнике своей личности, действий и труда».

дацию ростовщичества и денежных спекуляций, подавление паразитов (игроков и мошенников) и обеспечение условий и средств, при помощи которых каждый подданный сможет вести пристойную жизнь. Задача правительства и камерализма — предоставить такую организацию и технику, которая обеспечивала бы сохранение не толькоенного мира и порядка, но и нравственности граждан. «Цель таких установлений должна достигаться при помощи под-

держания права, мира и богатства или благополучия страны и людей», — считал фон Оссе. Концептуальные работы камералистов могут считаться одними из первых современных практико-методических трудов в области государственной политики.

Камералисты ставили вопрос о ненадежности — в смысле точности — представлений о состоянии германских государств, о необходимости создания достоверной системы учета. Задачей камералистов было

Эдвард Мунк. Рабочие идут домой. 1913-1914 годы

При последовательной реализации принципов капитализации труд превратился в товар и стал существовать в отчужденных формах. Именно на это указывал Маркс начиная свою критику капиталистического способа производства – когда приобретение богатства становится единственной целью хозяйства, оно порождает отчуждение труда, когда сам человек уже «не может определять свою судьбу».

сформировать систему знаний о своих странах и политику их хозяйственного развития. В описания они включали следующие элементы.

Во-первых, прояснение имени, происхождения, источников и обстоятельств появления/образования государства, то есть:

- ◆ откуда данное государство «получено»;
- ◆ как возник суверенитет данной страны;
- ◆ географические и топографические особенности территории;
- ◆ необходимы карты, кото-

рые представляют все данные особенности.

Во-вторых, учет всех подразделений страны и зависимых территорий, то есть:

- ◆ в соответствии с естественными границами;
- ◆ в соответствии с различными искусственными мерами, договорами и установлениями;
- ◆ распределение территории между различными должностными лицами;
- ◆ подразделение административных и судебных юрисдикций страны;
- ◆ более детальное описание каждого подразделения стра-

ны согласно такой схеме: улицы, мосты, проходы и т.п.

В-третьих, учет «качества и изобилия» территории, то есть:

- ◆ изобилие страны в целом;
- ◆ производительные возможности страны;

◆ специальные темы, которые необходимо рассмотреть для освещения производительности конкретной страны.

В-четвертых, учет жителей страны, то есть:

- ◆ неопределенность естественного размещения населения;
- ◆ классовые различия населения;
- ◆ более детальные социальные дифференции, включая религиозные различия, различия интересов бургевров и должностных лиц в имперских и свободных городах и т.п.;
- ◆ индивидуальные и личные особенности суверенов (в

смысле их различий в типах прав наследования – то есть политические, конституционные и юридические различия). В-пятых, ростер (административная структура) служащих правителя и правительства. Именно эти части впрямую отражают задачи планирования управления государством в рамках квазиабсолютизма: в первом параграфе представлены вопросы правления, обеспечения реализации суверенитета и властных полномочий правящих принцев в целом. В соответствии с данной концепцией правление страною должно быть устроено на основе средств автократии, автократически. На языке камерализма это означало, что не кто иной, как именно Бог обладает правом «дисциплинировать» принца (короля), поскольку именно он ответственен перед божественной властью, которая любезно сделала его сувереном данного народа.

Филипп Вильгельм фон Хорник ввел различие между частным и государственным сектором в экономике. Он разработал девять правил для государственной экономики, которые включали:

- ◆ максимально возможно широкое производство всего необходимого непосредственно внутри страны;
- ◆ минимальную зависимость от других стран;
- ◆ полноценное использование местных природных ресурсов.

Данная важная работа переиздавалась 16 раз между 1684 и 1784 годами. На немецком языке это был самый издаваемый труд того периода. Фон Хорник сформулировал главные правила ведения государственного хозяйства:

- ◆ точное обследование земель, а также экспериментальная проверка для точного определения ее продуктивных возможностей, в особен-

ности в области драгоценных металлов;

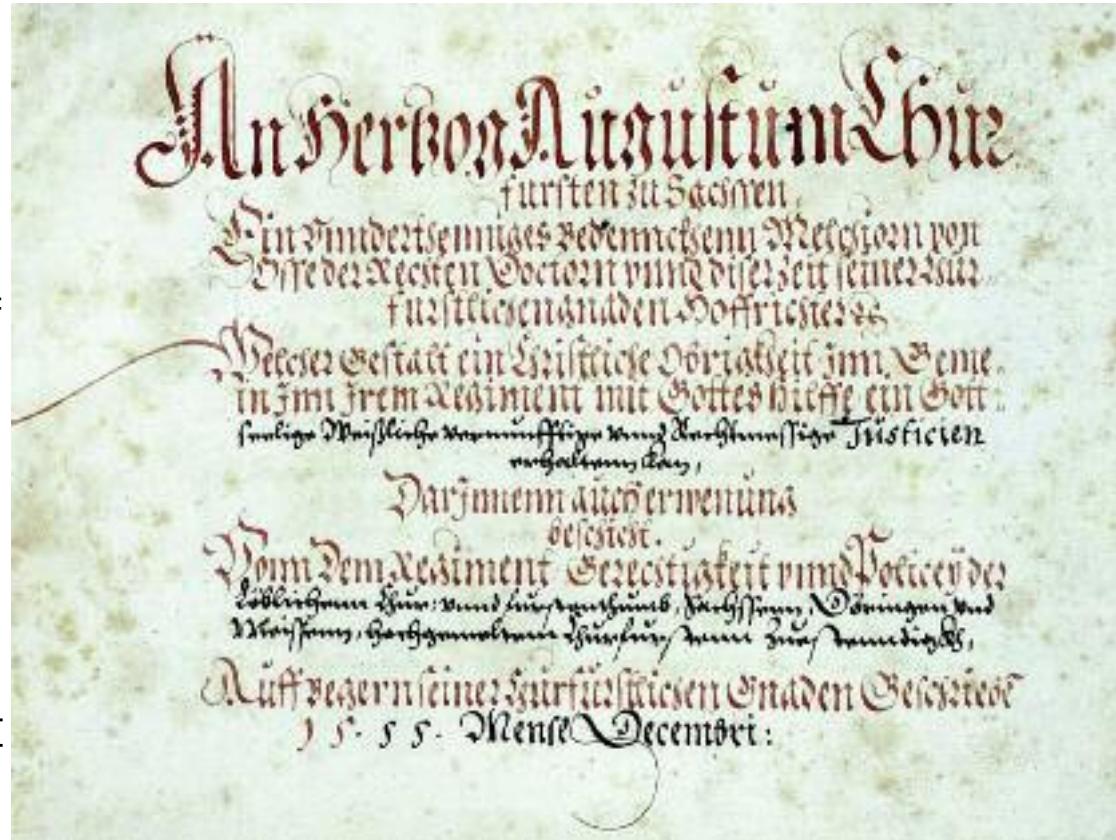
- ◆ переработка непосредственно в стране всего сырья, если невозможно его использование в натуральном виде;
- ◆ предельное увеличение числа и обеспечение занятости подданных;
- ◆ недопущение экспорта или тезаврирования (бесполезного накопления) золота или серебра;
- ◆ ограничение использования, насколько это возможно, продуктов не промышленного, а кустарного изготовления;
- ◆ необходимое иностранное оборудование должно обмениваться, по возможности, за производимые в стране товары, а не за деньги;
- ◆ насколько это возможно, такое оборудование должно приобретаться в промышленно необработанной форме;
- ◆ максимально возможный экспорт местных товаров и продуктов и их излишков должен предпочтаться экспорту золота или серебра;
- ◆ должен быть запрещен импорт тех товаров, которые имеются в достатке, такого же качества и могут быть произведены в стране.

Он подчеркивал, что «будет гораздо лучше, несмотря на то как ни странно это может выглядеть для плохо информированных, платить два талера за приобретение оборудования, если талеры остаются в пределах страны, вместо оплаты одного талера – если он уходит за границу». Горная промышленность должна поощряться даже в случае, если затраты на ее ведение не покрывают доходов: «Как все издержки, так и то, что добывается из недр, всё равно остается в стране». Фон Хорник основывает свои взгляды на дифференциации между бережливостью и накоплениями индивидов и стран, или, говоря современным языком,

между частной и государственной экономикой. Определяет время его замечание о том, что камеральное управление является «специфическим управлением». Оно возможно только при условии общей бережливости, культивируемой в государстве в целом. Это главная причина того, почему внимание государства не может быть ограничено улучшением работы собственно казначейства.

В 1758 году один из самых известных успешно практиковавших и теоретизировавших камералистов Йохан Генрих Готтлиб фон Юсти написал книгу «Государственное хозяйство», где провозгласил себя «универсальным камералистом». Самой важной задачей этой профессии он считал «следование первому и универсальному принципу, согласно которому вся государственная деятельность должна быть организована так, чтобы служить средством достижения счастья», народ «не существует ради правителя», первичной целью республики является достижение общего счастья населения. Для этого важны всемерное развитие наук и образования, свобода, защита собственности, расцвет национальной промышленности, рост населения.

Христиан Фрейер фон Вольф считается первым и наиболее влиятельным политическим экономистом Германии. Он обращал внимание именно на значение правовых и институционально-политических рамок, в которых государственная экономическая политика должна реализовываться, так как игнорирование этой действительности может привести к полной невозможности применения результатов теоретической экономии на практике. Ключевую роль в его теории играет представление о государстве

Мельхиор фон Оссе:

«Владыка, или правитель, имеет обязанности перед народом в трех планах: он должен поддерживать состояние процветания, которое образуется, если люди живут целомудренно, когда поощряются образование, искусства, когда многие образованы и мудры и могут инструктировать остальных, он не позволяет сваливаться в темноту и невежество и поддерживает всё что полезно для совершенствования общества».

благосостояния: «Совершенство очевидно, что индивидуальные домохозяйства не могут обеспечить себя всем необходимым для удовлетворения своих первичных потребностей, условий и благоденствия, то есть богатства. Они не могут сами по себе быть уверены, что будут способны насладиться плодами своей собственности и обеспечить реализацию своих прав собственности. Не могут они также защитить себя от внешней агрессии. Поэтому нам необходимы общие социальные усилия, то есть общество, через которое индивидуальные домохозяйства смогут достичь максимума в

своем благосостоянии». Основной единицей политэкономического анализа у фон Вольфа выступает домохозяйство, а государственная политика привязана к общему социальному благосостоянию, но при этом она ограничивается способностью домохозяйств к самостоятельному «решению своих проблем» — и государство благосостояния должно всемерно повышать эту способность, — включая условия для полной занятости, школьного образования, стабильность финансовой системы, попечения о бедных и т.д. То есть всё эти меры весьма близкие к социальной политике в рамках

концепций социальной рыночной экономики.

Политическая экономия образовалась как наука, необходимая для администрации и управления активно действующего государства благосостояния. Именно поэтому предметный смысл и объектная деятельность политической экономии на немецком передаются словом *Staatswissenschaften*, то есть наука о государстве, а *Volkswirtschaftslehre* — хозяйство, экономика — происходит от *Volkswirt* — термина, который никак не может быть передан английским *economics*. Огромную роль в разработке и пропаганде идей строительства республиканского государства сыграл Готфрид Вильгельм фон Лейбниц. Он находился в центре весьма широкой и влиятельной международной политической сети, вел переписку с английскими, российскими и американскими интеллектуалами и деятелями — непосредственными участниками процессов го-

сударственного строительства. В его работе 1671 года «Общество и экономика» можно обнаружить аргументированные антитезисы открытой либеральной рыночной экономике, концепция которой была конкурентной и распространялась через сети поклонников доминантного развития трансгосударственных институтов, необходимых для обслуживания свободной и беспрепятственной торговли. Другая центральная идея Лейбница заключалась в необходимости учреждения академий для поддержки и поощрения развития искусств и наук как главного фундамента прогресса народов. Лейбниц утверждал, что прогресс национальной экономики может основываться только на развитии науки и технологии. Из планов Лейбница выкристаллизовалась идея общества всеобщего благосостояния, оппозиционная гоббсовскому универсуму, где каждый борется со всеми остальными и правительство предельно ограничено во вмешательстве в личные дела граждан. Лейбниц считал, что общество обладает великими целями и экономика должна служить их достижению. Американская Декларация независимости утвердила скорее не гоббсовские идеалы «борьбы всех против всех», а именно лейбницевские, в которых отражены аристотелевские идеи *eudaimonia*, то есть права на жизнь, свободу и достижение счастья.

Знание камералисты строили в точном соответствии с эпистемологической идеологией древних греков – в признании его принципом добродетели. Главная задача знания – обеспечение политico-нравственной регуляции процессов общества и развития общества. В этом смысле «практических наук» камерализма. Долженствование, основанное на

Христиан фон Вольф (на гравюре):

«Индивидуальные домохозяйства не могут обеспечить себя всем необходимым для удовлетворения своих первичных потребностей, условий и благодеяния, то есть богатства. Они не могут сами по себе быть уверены, что будут способны наслаждаться плодами своей собственности и обеспечить реализацию своих прав собственности. Не могут они также защищать себя от внешней агрессии. Поэтому нам необходимы общие социальные усилия, то есть общество, через которое индивидуальные домохозяйства смогут достичь максимума в своем благосостоянии».

знания, должно «подчиняться» правилам нравственной жизни и созданию условий

для счастья. Это был императивный и содержательный критерий во всей институцио-

Четыре основных принципа налогообложения присутствуют во всех учебниках начиная с 1776 года, когда **Смит** (на гравюре) опубликовал свою знаменитую работу. Фон Юсти шел гораздо дальше Смита в вопросе ограничения власти и применения права на налогообложение.

нальной организации производства знаний. Камерализм рассматривал общество как бесконечную задачу социотехнической интервенции и институциональ-

ного строительства, целью которого было создание общих благ и обеспечение благосостояния подданных — там, где усилия отдельных граждан могли быть недоста-

точными, и в тех случаях, когда граждане не понимали или не видели этих задач. Данный моральный императив выражался в доктрине «ограниченного покровительства», или «опеки для поддержания разумности». На государство возлагались задачи, относительно которых широкие массы подданных могли испытывать недостаток понимания своих интересов или же не обладали средствами их достижения. Поэтому такое «ведение неблагородной массы» становилось задачей просвещенной, рациональной государственной элиты.

Финансовая экономика и рационализация администрации: камералистский подход к государственным финансам и бюджетированию

Преодоление неопределенности, достижение стабильности и построение предвидимой организации государственного хозяйства и управления были важнейшими задачами камерализма. Это предопределило направления усилий и содержание результатов — выделенных предметных дисциплин, техник и принципов, полученных камералистами.

Период XVII–XVIII веков в европейской истории характеризовался как время великих открытий и активной территориальной экспансии и колонизации. В процессах экспансии наиболее активно использовалась военная сила. В противоположность этому камералисты — как идеологи и советники — выступали защитниками мирной торговли и планируемого экономического устройства и развития. Фон Юсти отмечал, что все непосредственные достиже-

ния, полученные войной, приведут затем к экономическим и нравственным потерям, и рекомендовал, чтобы завоевания заменились продуманной внутренней политикой. Для построения практической внутренней политики формировавшимся национально-территориальным государствам необходимо было знание о наличных ресурсах, их динамике и способах накопления. Камералисты начали складывать первые техники планирования и «контроля» будущего – всё служило снижению неопределенности, повышению стабильности и уменьшению рисков ведения хозяйства в будущем.

Среди наиболее важных практических техник были обзоры состояния хозяйства – коммунальная и национальная статистика. Оценка состояния населения на основе статистических баз данных стали достаточно точными уже в XVII веке. Было установлено количество населения и определена продолжительность жизни – так могли быть рассчитаны потенциал роста, экономической занятости и возможности военного рекрутования. Показатели продолжительности жизни служили для определения условий и сроков государственных займов или тонтины – на случай передачи государственных обязательств или распределения вознаграждений и доходов держателей займов. Построение надежных и динамично обновляемых представлений о состоянии, хозяйственном развитии и социально-экономической динамике подвластных территорий и владений было одной из наиболее сложных задач правителей и камералистов. Начиная с 1740-х годов камералистские профессора классифицировали формы знания, относящегося к государствам и их хозяйству, как статисти-

ку – знание о состоянии государства (от слова *Staat, state* – государство).

По мере накопления массивов статистической информации появились возможность и условия для создания и применения сложных математических техник и вероятностных методов расчетов. Наличие точных и всесторонних записей и счетов позволило поставить вопрос о формировании экономики как позитивной, точной, математической науки. Эта инфраструктура, призванная обезопасить бизнес от рисков рыночной неопределенности, формировалась параллельно с тем, как набирала силу идеология *laissez-faire* и либерализм проникал во все отношения. В конце XVIII века возможности уменьшить неопределенность при помощи методов экстраполяции, проектирования и разработки планов были подвергнуты критике со стороны либералов. В частности, Иммануил Кант в своих «Прологеменах» 1783 года назвал данный подход попыткой колонизации будущего: он утверждал, что «создание планов – это высокомерное, самонадеянное умственное занятие», в котором планировщик претендует на обладание некоторой творческой гениальностью, когда требует от других того, чего не может сделать или предоставить самостоятельно, или требует реализации проектов, для которых он не может найти средств. Им была подвергнута критике и возможность планового обеспечения потребностей в рамках государственной системы благочиния.

Важнейшая особенность камерализма – ориентация на использование для финансирования государственной деятельности преимущественно доходов государственных предприятий. В подходе к го-

сударственным финансам камерализм рассматривал государственные земли и предприятия как главный источник доходов и никогда – как объект субсидирования. Как источник доходов налоги всегда занимали вторичную позицию. Налогообложение – «нежелательный» и вторичный инструмент государственных финансов. Камералисты трактовали государство как участника в рамках более широкого экономического порядка. С этой точки зрения индивиды имеют свою собственность, и государство имеет свою специфическую собственность – и оно должно быть способным использовать эту собственность для генерирования доходов, необходимых для финансирования всей своей деятельности. Для камералистов было очевидно, что государство всегда будет нести большие расходы, связанные с осуществлением своих функций, однако эти расходы не должны покрываться за счет результатов хозяйственной деятельности частных субъектов. Они должны быть покрыты непосредственно из доходов от государственных земель и предприятий, конституирующих государственную собственность. И хотя камералистские государства обладали необходимой полнотой власти для установления налогов, во всех камералистских рекомендациях подчеркивалась необходимость минимизировать налоги, поскольку они могут нести вред государству и его подданным.

Поучительно сравнить подходы к налогообложению фон Юсти и Адама Смита – двух идеологов, доктрины которых традиционно трактуются как противоположные. Четыре основных принципа налогообложения присутствуют во всех учебниках начиная с 1776 года, когда Смит опубликовал свою знаменитую работу. В

число этих принципов входили следующие:

- ◆ налоги должны быть пропорциональными собственности;
- ◆ налоги должны быть точными, а не произвольными;
- ◆ налоги должны быть удобными по процедуре оплаты;
- ◆ налоги должны быть экономичными для администрирования — как для налогоплательщика, так и для государства.

Фон Юсти также достаточно ясно выражал подход к налогообложению, хотя в отличие от идей Смита его подход не был широко освоен и продвинут в литературе по государственным финансам. Фон Юстишел гораздо дальше Смита в вопросе ограничения власти и применения права на налогообложение. Он фактически в точности покрывал все принципы, сформулированные Смитом, но далее предлагал еще два дополнительных:

- ◆ налог никогда не должен лишать налогоплательщика его «принадлежностей» (собственности) или уменьшать его капитал в той мере, что он более не сможет платить налоги в будущем;
- ◆ налог никогда не должны вредить непосредственному благосостоянию налогоплательщиков и нарушать их гражданские свободы.

В случае буквального применения принципов налогообложения, сформулированных фон Юсти и Смитом, практика на основе фон Юсти будет иметь значительно более существенные ограничения во взимании налогов. То есть она будет более либеральной в традиционном смысле слова. Смит полагал налоги главным — и, по-видимому, единственным — источником государственных финансов. Более того, в его трактовке государство должно сократить свою собственность и освободиться от доходов от нее. В оппозицию этому фон Юсти

предварял свои «максимы налогообложения» изложением оснований — почему налоги должны быть «последним» (остаточным) или вторичным средством государственных финансов. По фон Юсти идеальное государство не будет облагать налогами вообще, оно действует как органический участник общественных рыночных взаимодействий и следует его экономическим порядкам. Государство находится внутри хозяйственного порядка, а не вне его. Гражданское общество и государство не противопоставлены друг другу — они неразделимы и находятся в непрерывных процессах становления и взаимного порождения. Такое рассмотрение государства в отношении к гражданскому обществу принципиально отличается от современных либертарианских конструкций, в которых государство и общество трактуются как автономные и независимые друг от друга институциональные образования. В современной конструкции государство по определению вмешивается в гражданское общество и процессы его развития. Различие между государством как участником экономического порядка и государством, вмешивающимся в экономический порядок, имеет важное теоретическое значение и многочисленные практические применения.

Смитовский идеал заключается в том, что государство — как наиболее сильная сторона — неминуемо вмешивается в экономический порядок и естественное течение хозяйственных процессов. В рамках данной традиции государство рассматривается как «существо», максимизирующее доходы, как Левиафан. Смитовские принципы налогообложения — это рецепт для сосуществования с Левиафаном при помощи таких защитных мер и

контрдействий, как «обрязание когтей» данного существа или «укорачивание зубов». Поскольку данное существоечно, то цель налоговых принципов — ограничить ущерб, наносимый этим существом всем другим экономическим агентам. Принципы налогообложения фон Юсти, взятые вместе с его предпочтением получения главных доходов от государственных предприятий, представляют принципиально иную интеллектуальную ориентацию и подход к «приручению» данного «существа». Особое внимание камералисты уделили расходам (инвестициям) на развитие человеческого капитала — наилучшему средству хозяйственного роста и увеличения доходов. Камералисты решали задачу непосредственной интеллектуальной и методической помощи своим правителям, которые находились в поиске лучшего использования имеющихся у них фискальных и других политэкономических инструментов, необходимых для содействия своим династическим и другим целям. Таким образом, исторически феномен государственных финансов был напрямую связан с постановкой правителем целей и проблемой выбора средств их достижения. Финансы — как дисциплина — должны были представить картину хозяйственных процессов и показать возможности и пределы производства и потребления, оперативные возможности для действий по поддержанию хозяйственного роста или развития.

Государственные доходы зависели от выбора правителем стратегии организации хозяйственной деятельности на всех государственных предприятиях — фабриках, шахтах, землях или фермах. Степень, в которой государственные расходы направлялись на проекты и предприятия, способ-

Фрагмент титульного листа «Левиафана» Томаса Гоббса. 1651 год

ные увеличить (или уменьшить) продуктивность, зависела от постановки целей и выбора правителя. С политэкономической и технологической точек зрения это весьма отлично от того, что мы встречаем в современных демократических режимах, где феномен государственных финансов вырастает не из проблемы чьего-то оптимизирующего выбора, а через взаимодействие многих участников фискального процесса.

Бюджетирование было усилено по уменьшению неопределенности и созданию состояния стабильности – камеральные управляющие расширяли рамки предвидимого и контролируемого. Бюджет играл роль инструмента, при помощи которого землевладельцы ориентировались в оценке того, что может быть произведено в их владениях, а затем потреблено. Правители оглядывались на бюджеты для оценки доходов и определения допустимых размеров налогообложения. Начиная с 1815

Смитовский идеал заключается в том, что государство – как наиболее сильная сторона – неминуемо вмешивается в экономический порядок и естественное течение хозяйственных процессов. В рамках данной традиции государство рассматривается как «существо», максимизирующее доходы, как Левиафан.

года профессионализированная разработка бюджетов и налогообложения была распространена во всех западноевропейских государствах. Она включала такие формальные требования, как «универсальность», то есть презентацию доходов и расходов в чистом и обобщенном виде, «специализацию» – ясное определение состава и содержания сроков расходной и доходной частей бюджета, «баланс» – уравнивание доходной и расходной частей при помощи соответствующих мер, «привязку ко времени» – например, к календарному году. Правительства государств практиковали бюджетирование на протяжении всего XIX века. Демонстрация бюджетов налогоплательщикам стала инструментом публичной

экономики и политики по мере расширения прав и институционализации демократических выборов.

Техника бюджетирования и планирования оказала влияние и на методы работы с неопределенным будущим в деловом секторе. Как известно, в США техника и процедуры бюджетирования были рекомендованы для широкого применения и приобрели популярность в сфере бизнеса в результате усилий легендарного Джеймса Маккинзи только в 1922 году – вскоре после того как в 1921 году федеральным правительством был принят закон «О бюджете и бухгалтерии». Предполагалось, что при помощи бюджетов, планирования производства и координации будет достигнута большая контролируе-

Сравнение подходов камерализма и либерального экономизма

Подход	Камерализм	Либеральный экономизм
Характеристика		
Онтология	Общество, государство и хозяйство синонимизированы.	Общество, государство и экономика – автономные сферы.
Механизм развития	Государственное благочиние и благосустроительство.	Саморегулирующийся рынок.
Место и статус институтов	Экстраэкономическое: институциональное объемлет собственно экономическое.	Экономическая деятельность первична, экстраэкономическое незначимо.
Трактовка человека	Экономическая система основана на статусах, служении и приверженности.	В основе – индивидуальные интересы.
Задачи	Решение практических задач в институционально-политических рамках. Институциональное и практическое обеспечение общего благосостояния.	Выделение естественных и универсальных экономических законов. Эманципация экономической деятельности индивидов от социальных институтов.
Формы результатов	Нормативно-методические предписания на основе целеполаганий и установлений государственной политики.	Законы и закономерности типа естественнонаучных. «Диктатура объективного знания».

мость, определенность финансовых операций и ликвидность. Однако все эти аспекты были также важны и принципиальны для казначейств, или *cameræa*, Европы эпохи камерализма, когда бюджет стал средством управления и контроля их *bougettes*, или кошельков. Основания всех институтов и способов порождения знаний современных менеджеров, бухгалтеров и актуариев были заложены во времена камерализма.

Общественно-институциональная организация, процессы образования которой были запущены с момента заключения Вестфальского мирного договора, создала условия для развития камерализма. В связи со сложными конкурентными и комплементарными взаимоотношениями институционально-политических единиц, образованных в результате договора, были развернуты и сложные процессы определения функциональной компетентности государств и их служб, а также проектирования принципов распределения и дислоцирования этих полномочий и компетентностей. Это был также процесс

формирования принципов отношений между центром и периферией.

Одним из наиболее важных достижений камерализма стало создание сети кафедр в университетах, которые осуществляли «камералистские исследования» и обеспечивали специальную профессиональную подготовку государственных служащих. Несмотря на бедноту и разруху, царившие в Центральной Европе после Вестфальского мира, первейшим советом камералистов королям германских земель было учреждение университетов. Фридрих III в Пруссии учредил университет в Галле в 1694 году, а затем Академию искусств в 1696-м и Королевское общество наук в 1700-м. Следующими акциями, направленными на создание условий для всеобщего образования и подготовки государственных служащих, были усилия прусского короля Фридриха I. Важным моментом было то, как формировались учебные курсы и учебное содержание. В 1727 году Фридрих I открыл кафедры камеральных наук в прусских университетах в Галле и Франк-

форте-на-Одере. Далее эта инициатива была повторена и в других германских государствах: в 1730 году кафедра камерализма появилась в Ринтейне, далее – в Лейпциге (1742), Вене (1752), Геттингене (1755), Праге (1763), Фрайбурге, Инсбруке и Клагенfurте (1768) и Ингольштадте (1780). Каждый король стремился к тому, чтобы на его землях обучение камералистике велось не менее чем в одном университете.

В силу отсутствия прямых «практических» указаний в теоретических трудах Аристотеля и богословов разработчики первых учебных курсов по камералистике сконцентрировались на практических проблемах. В этом и заключался новый революционный метод обучения и практической подготовки, изобретенный камералистами. Важнейшей инновацией, созданной камерализмом, оказался метод преподавания и осуществления исследований. Они институционализировали семинарские занятия как дополнение к лекционным. На семинарах студентов вовлекали в дискуссии и совместную исследо-

вательскую — расчетную и аналитическую — работу с профессорами.

В этом году, когда формально отмечается 400-летие учреждения политэкономии, и в свете огромного влияния англо-саксонской традиции на процессы самоопределения экономической науки представляется чрезвычайно важным подчеркнуть существенное различие понятий «экономика» — *economy* и *economics* — как экономической науки в английском и «национальная экономика» или «народное хозяйство» (*National-ökonomik*) в немецком. Понятие «хозяйство» как таковое в английском языке отсутствует. Термин «народное хозяйство» (*National-ökonomik*) относится к тому, что существовало в Германии XVII-XVIII веков и наилучшим способом может быть схвачено как *national management*, то есть «национальное управление». Это управление включает мораль, образование, религию, политику, дипломатию, военные вопросы, ведение финансов в гораздо более прямом виде, чем это понимается в рамках «экономических вопросов» в Англии и Америке. В этом смысле до критики экономической политики европейских государств и распространения идеологии Адама Смита в Германии экономической науки в ее «британском» смысле не существовало. Данный факт имеет важное значение для понимания всей траектории дальнейшего развития общественных наук в Германии, где до конца XVIII века те, кто занимался теоретической работой по гражданским проблемам, были «политологами» и политэкономами.

Основные достижения камерализма

Многие современные институциональные характеристики

западноевропейских государств в своей основе сформировались 250–300 лет назад. Для успешного участия в мировом институциональном процессе и современных процессах необходимо понимать, на чем они были построены. Как мы продемонстрировали, именно камерализм как доминировавший в XVII-XVIII веках подход сыграл едва ли не главную роль в институциональном и экономическом развитии континентальной Европы и европейской цивилизации в целом. В европейской истории разработка вопросов о том, какое знание необходимо для совершенного правления (то есть управления, основанного на принципах и нормах права), уходит своими корнями в работы Платона и Аристотеля, кото-

Техника бюджетирования и планирования оказала влияние и на методы работы с неопределенным будущим в деловом секторе. Как известно, в США техника и процедуры бюджетирования были рекомендованы для широкого применения и приобрели популярность в сфере бизнеса в результате усилий легендарного Джеймса Маккинзи (на фото) только в 1922 году.

ры искали структуру знания, необходимого для обеспечения блага жизни древнегреческого полиса. Однако в современной истории публичная политика и администрация — как особый предмет изучения и систематическая практика — начали формироваться под эгидой камерализма начиная с середины XVII века.

Камерализм доминировал в подготовке государственных служащих на протяжении всего периода XVII-XVIII веков. Камералисты контролировали казначейства, или «камеры» (*cameræ*), своих правителей, инициировали обучение административным наукам и финансам в университетах и сыграли важнейшую роль в становлении и развитии национальных государств Европы. Камерализм тесно связан

с эволюцией государства того времени и его систем управления. Развитие камерализма вдохновлялось общими идеями рационализма и века Пропаганды. Генеральная цель камерализма — холистическое, методологически целостное описание того, что государство и государственное управление фактически делает (должно делать), как и почему. Как общественно-политическая наука камерализм стал первым в современной истории проектом холистического, многодисциплинарного подхода к государственному управлению. В силу холистической природы этого подхода камералисты были и экономистами, и политологами, и администраторами, и адвокатами. Камерализм сыграл одну из ключевых системообразую-

щих ролей в европейской истории — прежде всего в том, что заложил ряд основ для образования современной институциональной инфраструктуры капитализации (аккумулирования) знаний.

Складывание и развертывание камерализма в Европе на протяжении XVII-XVIII веков и вплоть до середины XIX века сыграло роль инфраструктурной революции в организации европейских обществ и экономик. Ситуацией камерализма была ситуация активного институционально-государственного строительства, а не просто образования научных и академических концепций. Важ-

добных витальных вопросов. В такой ситуации невозможно было использование абстрактной экономической теории,

трансформировала германские академические занятия в современные профессии. Камерализм заложил основы высокой и общепризнанной эффективности германской системы гражданской службы. С различными модификациями эта система в целом успешно функционирует и в настоящее время. Профессия с того времени играет важнейшую роль в регулировании политэкономических процессов и сама является ключевым институтом для поддержания институциональных порядков в обществе. Бог, король, обязанности, мудрость и сознание — в таком порядке располагались руководящие принципы, которым, например, должен был следовать германский юрист или адвокат.

Профессионализация и институционализация экспертизы в Центральной Европе получили в качестве наиболее существенной и влиятельной концепции камералистский интегрированный подход. В отличие от англосаксонской традиции с высокой автономностью профессий, в Центральной Европе государство активно создавало и поддерживало формирование институтов профессии. Функция верификации стандартов и аккредитации практических всех деятельности концентрировалась в государственных органах. Камералисты установили традицию государственного утверждения учебных планов, программ и государственной экзаменации выпускников университетов. Выпускники должны были получать

Печать университета в Галле

Одним из наиболее важных достижений камерализма стало создание сети кафедр в университетах, которые осуществляли «камералистские исследования» и обеспечивали специальную профессиональную подготовку государственных служащих.

ной отличительной особенностью камерализма от объективистски ориентированной экономической теории было то, что камералисты стремились отвечать на тот «политический оппортунизм», который присутствовал в контексте институциональной эволюции и государственного строительства в XVII-XVIII веках. Руководящий принцип политики того времени был таков: позвольте каждому государству достигать своих собственных интересов. Но это означало в том числе и возможность агрессии, и необходимость защиты от агрессии, поэтому государства были вынуждены искать средства и пути для решения именно по-

описывающей естественные законы.

Камерализм достаточно резко контрастирует с традицией, которая сформировалась на основе либеральной идеологии и новой политэкономии начиная с конца XVIII века (см. таблицу сравнения камерализма как подхода с либеральным экономизмом).

Была совершена революция в построении и организации управления хозяйством, обретен первый масштабный опыт профессионализации управлеченческой деятельности в широком смысле слова. Камерализм породил импульс профессионализации гражданских служб. В начале XIX века профессионализация

государственные лицензии на право своей профессиональной деятельности. Камерализм заложил основы и для современной практики политэкономии профессий в континентальной Европе, где получение профессионального статуса зависит от государственной политики. Благодаря этой функции, даря титулы и право на практику, государство, управляемая доступом к позиционной собственности и доходами адвокатов, было источником социального и экономического капитала. Эта роль государства в процессах професионализации и – соответственно – в политэкономии и разделении труда игнорируется в большинстве англосаксонских теорий профессии. Американские теории профессии используют концепт открытой конкуренции на рынке труда, в которой каждая профессия добивается своего политического и экономического статуса в борьбе с другими.

Камералисты были непосредственно вовлечены в выработку знаний и подготовку программ институционального обустройства и политики хозяйственного развития. Идеал государства всеобщего благосостояния был рожден камерализмом.

Немецкая историческая школа, развертывание которой происходило во многом в оппозиции и в концептуальной борьбе с шотландской либеральной политической экономией, которую немецкие экономисты называли *Smithianismus*, вбрала в себя хозяйственную философию камерализма. Реализм исторической школы был возможен только в условиях развитой инфраструктуры статистики, государственного регулирования и развития профессиональной подготовки, выделения понятий «потребность» и «благо» как важнейших для благочиния и благосустроя-

ства. Обозначение в исторической школе в качестве предметов исследования действительных условий и обстоятельств, в которых «экономический человек» принадлежит определенному народу, государству и периоду истории и осуществляет свою хозяйственную деятельность в рамках сложной системы институтов, также основывалось на предшествующих трудах камералистов.

Традиционные германские политическая философия и политическая экономия и сегодня по-прежнему контрастируют с англосаксонским подходом. Государство в этой – англосаксонской – концепции трактуется не как единство и не как целостность, а лишь вторично – как «агрегат» различных автономных сфер (государства, общества и экономики). Государство никак не идентифицируется как внешнее для его граждан, как стоящее над ними, оно также не ассоциируется с правительством. В камерализме же правительство – это эманация воли принца, правителя, власть и правление которого как инструменты реализации норм права принимаются как дарованные Богом. Для камерализма государство сродни большой семье, целостность и единство которой символизированы личностью правителя. Интересы этой семьи интегрированы таким образом, что невозможно разделить личные интересы правителя и интересы государства. Также сложно было расчленить благосостояние правителя, благосостояние государства, благосостояние народа и отдельных людей – как индивидов, подданных и граждан. Все гражданские и политэкономические вопросы – прежде всего: как может быть достигнуто и упрочено благосостояние этого единого организма, – трактовались камералистами

как взаимосвязанные и внутри этой целостности.

Разработка целей, этики и принципов существования и развития государства как целостности стала основанием для конструктивной работы и институционального строительства. Камерализму как комплексному подходу к организации хозяйства и управления удалось сохраниться практически до конца XIX века – даже на фоне доминирования смитовской экономической философии и идеологии свободного рынка.

Онтологическая революция Нового времени и смена способа объективации знания привели к последствиям, в которых камерализм как холистический, практико-ориентированный подход был оттеснен позитивистской, естественнонаучной ориентацией в гуманитарном знании. С конца XVIII века на Западе намечен и далее постепенно интенсифицировался переход от камерального к экономическому обществу – сегодня ключевой идеализации, управляющей процессами государственного строительства. Несмотря на то что импульсы институционального строительства, заложенные камерализмом, претерпели существенную эволюцию от центра к периферии мирового институционального процесса, ряд принципиальных характеристик этого подхода сохраняют свою стратегическую и цивилизационную значимость и сегодня. На пути к мировоззренческой, идеологической самостоятельности как исторически ранняя контроконцепция либерализму и фактически политике неолиберальной глобализации камерализм должен быть вовлечен в работу по детальной реконструкции современных кризисных тенденций и стратегий развития суверенного государственного дела.

Александр Павлович Люсый –
старший научный сотрудник Центра
фундаментальных исследований в сфере
культуры Российского института
культурного и природного наследия, член
Комиссии по социальным и культурным
проблемам глобализации Научного совета
«История мировой культуры» при
Президиуме РАН

Куда ж нам плыть свою собственной рукой?

Советское в конфигурациях и ритмах пространства и времени

Парадокс «переломного» или «надломного» в самом себе движения — текущие десоветизация и воцерковление России идут в параллель с экономическим, политическим и эстетическим воссыревлением. Неожиданную актуальность приобретает никогда не пользовавшееся особой популярностью стихотворение Сергея Есенина «Первое мая» (1925).

Есть музыка, стихи и танцы,
Есть ложь и лесть...
Пускай меня бранят за «Стансы» —
В них правда есть.

Я видел праздник, праздник мая —
И поражен.
Готов был сгубнуть, обнимая
Всех дев и жен.

Куда пойдешь, кому расскажешь
На чье-то «хны»,
Что в солнечной купались пряже
Балаханы?

Ну как тут в сердце гимн не высечь,
Не власть как в дрожь?
Гуляли, пели сорок тысяч
И пили тож.

Стихи! стихи! Не очень лефте!
Простей! Простей!

*Мы пили за здоровье нефти
И за гостей.*

*И, первый мой бокал вздымая,
Одним кивком
Я выпил в этот праздник мая
За Солнарком.*

*Второй бокал, чтоб так, не очень
Вдрезину лечь,
Я гордо выпил за рабочих
Под чью-то речь.*

*И третий мой бокал я выпил,
Как некий хан,
За то, чтоб не сгибалась в хрите
Судьба крестьян.*

*Пей, сердце! Только не в упор ты,
Чтоб жизнь губя...
Вот потому я пил четвертый
Лишь за себя.*

Ранее я разместил это стихотворение в одной из социальных сетей, что вызвало оживленную дискуссию. «А в каком порядке теперь, в наше время, произносить тосты?» Праздничное настроение заставило в ответ бесхитростно срифмовать самому: «Нефть, газ, калий» (сама рифма тут опускается). «А четвертый – всё же “за себя”, для поддержания традиции?» Нет, структура экспорто/импортозамещения такова, что не каждому получается по Риму, но в любом случае – четвертому не быть!

Единым учебником парадоксы русской истории не объехать. В качестве скрепы для разных исторических пластов предлагаю такую развернутую метафору: пока что лучшим памятником героям Куликовской битвы 1380 года Александру Пересвету и Андрею Ослябе, философ Николай Федоров не даст сорвать, остается расположившийся было на их могилах компрессорный цех завода «Динамо». В последующих рассуждениях я попытаюсь эту метафору обосновать.

Источники свидетельствуют, что когда Сергий Радонеж-

Сергей Есенин

ский по просьбе Дмитрия Донского благословлял на подвиг этих двух уже немолодых послушников, он дал им «вместо тленного оружие нетленное». Вместо (!) стальных шлемов надлежало воинам возложить на себя схиму – матерчатый шелом ангельского образа с нашитыми на нем крестом и голгофами. Данная таким образом противнику техническая и отчасти тактическая «фора» придала дополнительную моральную силу и вследствие этого динамичность воинам, щиты и копья из рук всё же не выпустившим.

Если бы у нас был другой генералиссимус (не Сталин, организовавший даже в Испании внутри гражданской войны еще одну свою внутреннюю войну против троцкистов и анархистов, а Франко, «примиривший» соотечественников общим памятником жертвам этой войны, но в нашем случае с неизбежной евразийской составляющей), вероятно, был бы уже

воздвигнут какой-то общий памятник Пересвету и тюркскому богатырю, представителю буддистской воинской секты высшей степени посвящения Челубею. Но по-своему замечательный скульптор Вячеслав Клыков оказался все же не Сальвадором Дали и не Пикассо. Его надгробие буквально отражает тот факт, что в Церкви Рождества Пресвятой Богородицы на территории Симонового монастыря покоятся рядом павший в поединке с Челубеем Пересвет (удар получился такой силы, что погибли не только всадники, но и их кони) и Ослябя (сначала считалось, что он умер своей смертью через двадцать лет, но в последнее время прояснилось, что и он тоже пал на Куликовом поле).

Святыни закрывались и до советской власти. Во время эпидемии чумы 1771 года монастырь был обращен в карантин (иноков перевели в Новоспасский монастырь, где они все умерли от болезни), а затем –

в военный госпиталь (именно в эти годы по опустевшим кельям бродил сентиментальный литературный врачеватель Николай Карамзин). В самой церкви была трапезная. В 1795 году церковная жизнь была восстановлена стараниями духовенства и графа Мусина-Пушкина. В 1812 году не обошлось без одной из пресловутых наполеоновских конюшен.

Электротехнический завод, получивший название «Динамо» и ставший крупнейшим предприятием превратившейся в промзону Симоновской слободы, бельгийское акционерное общество – Центральное электрическое общество –

начало строить еще в 1897 году. В 1906 году завод «Динамо» перешел в руки русского электрического общества «Вестингауз», дочернего филиала американской фирмы – крупнейшей международной монополии, которой принадлежали сотни предприятий и отделений в разных частях света. Следствием социалистической индустриализации как практической реализации авангардного проекта стало поглощение монастыря заводом. Завод не стал ломать крепкие церковные стены, которые еще могли послужить на благо нового пролетарского государства. Надгробие могил Пересвета и Осляби было продано как

железный лом за 317 рублей 25 копеек. «Вместо» могил в пол церкви вырыли мощный мотор, который, работая, изо всех сил сотрясал стены. От производства полукустарным способом электрооборудования по зарубежной технической документации завод перешел к более масштабному производству электродвигателей и аппаратуры для электрического городского транспорта, краново-подъемных устройств, экскаваторов, прокатных станов и морских судов. В 1932 году отсюда вышел первый советский магистральный электровоз «Владимир Ленин». В годы Великой Отечественной войны завод выпускал оружие и ремонтировал танки.

Особенность российского имперского «надлома» заключается в том, что он изначально заложен в учреждающем имперском «коренном переломе» (петровском, большевистском, криминаль-приватизационном, реставрационном). Во всяком случае, налицо такие параллели реставрационного воцерковления/воссыревления. В 1977 году в ответ на обращение к Алексею Косыгину членов Всероссийского общества охраны памятников с просьбой принять меры к реставрации церкви в преддверии празднования юбилея Куликовской битвы моторы с могил удалили (кажется, ничего более существенного реформистски настроенному Косыгину добиться не удалось, страна вступила в застой). В 1989 году храм Рождества Богородицы вернули РПЦ, но «надломилась» уже в себе самой и перестройка «надлома». Сейчас внутреннее убранство церкви практически восстановлено, но остановившийся завод теперь уже полностью разбирается тоже на металлом, как и другие предприятия, часть которых превращается при

Вид Симонова монастыря в начале XX века

этом в музеи современного искусства. В XVII-XVIII веках, во время колонизации Урала, возникло такое явление, как « завод-крепость ». Приметой замены крепостной экономики на сырьевую стала «выставка- завод», что наглядно отразилось и в смене аббревиатур когда-то главной выставочной площадки страны: вместо ВДНХ – ВВЦ. «Отработанный» авангард опять возвращается в дистиллированное, при всей своей «экспериментальности», искусство. Время соцарта уходит, приходит каларт, зависящий от того, что там накапает из проходящей мимо местного руинированного с возможным художественным использованием завода трубы в подставленные кураторские («комиссарские»!) ладони.

Диалектику архетипически исторического (а не историописательного) «надлома» я бы представил следующим образом: учреждающий коренной

перелом – скелетно-тканевый нарост – надлом – геополитическая ампутация – сырьевая ортопедия. Когда совершенно голый Олег Кулик встал на четвереньки, залаял и стал кусать прохожих перед российскими, американскими и западноевропейскими галереями (1994–1996), он напоминал агрессивный вариант требующего милостины обезноженного инвалида войны, в условиях символической экономики приобретающего посредством прохода по глобальной электричке весь мир. Уже через несколько лет вполне традиционный «цербер» в штатском не пускал посторонних на закрытую пресс-конференцию по поводу открытия выставки *Absolut-Art* как ядра 7-й выставки-ярмарки современного искусства «Арт-Москва» (2007), куратором которой значился уже вполне респектабельно одетый художник с мировым именем Олег Ку-

лик. В целом Кулик (ходили слухи, что именно он приобрел первый в своем роде «Винзавод», хотя на самом деле он просто открыл на этой артплощадке первую персональную выставку) актуализирует и проблематизирует новую утопию нового человека-собаки, знаменующую вывернутый вовне самопоединок собаки и Ивана Павлова. Впрочем, Олег Кулик всё же не Павел Лунгин, модную позу коленопреклонения после чернушных «Такси-блузов» не принимает. Не так давно новые респектабельные музейные утопии сырьевого потребления реальных, если так можно выражаться, утопий оказались однажды практически одновременно представлены на выставках – «Футурология/Русские утопии» в Центре современной культуры «Гараж» (утопия искусства и языка), «Пространство для одиночества» (утопия одиночества) в «Про-

Электровоз «Владимир Ленин» (ВЛ19)

екте Фабрика» (Фабрика технических бумаг «Октябрь»), «Процесс» на дизайн-заводе «Флакон», где раньше действительно делали хрустальные флаконы для парфюмерной промышленности (утопия суда, посвященная последнему процессу над Михаилом Ходорковским), позже «Космическое государство трансцендентальных переворотов» (экзобиологическая утопия государства в космосе) в «Проекте Фабрика» и «19/91» в *ArtPlay*, бывший флагман приборостроения завод «Манометр» (утопия памяти). Музификация утопии — следствие утраты вкуса к утопии. Можно ли это назвать реализмом? Скорее речь идет о попытках законсервировать настоящее посредством своеобразного колдовства, сменившего религию будущего.

Для увековечивания настоящего возникают своеобразные «фабрики мысли», как называют множество экспер-

ных и аналитических центров и институтов. На самом деле большинство их представляет собой скорее PR-фирмы, неспособные предложить качественную аналитику, не говоря уже про глобальные политические стратегии. Попытаемся подкрепить нашу метафору неологизмом — историостазис. Наибольшую известность, с использованием основы *stasis* — стояние, неподвижность, приобрел термин гомеостаз — саморегуляция, способность открытой системы сохранять постоянство своего внутреннего состояния посредством скоординированных реакций, направленных на поддержание динамического равновесия, стремление системы воспроизвести себя, восстанавливать утраченное равновесие, преодолевать сопротивление внешней среды. Есть еще гемостазиограмма — оценка функционального состояния свертывающей системы крови. Роберт Шекли в

фантастическом рассказе «Билет на планету Транай» впервые использовал самостоятельно слово *стазис*, обозначающее поле, в котором преображалась всякая деятельность организма — как рост, так и распад (на Транае в этом состоянии держат жён, извлекая оттуда по мере надобности), — после чего этот термин широко распространился в сфере компьютерных игр.

Если известный тезис Фрэнсиса Фукуямы о конце истории рассмотреть сквозь призму учреждающего нуля одного из отцов авангарда Казимира Малевича, то понятие историостазиса напрашивается само собой. Утверждая нуль как Альфу и Омегу как живописного, так и философского супрематизма, Малевич, с одной стороны, смыкался с буддизмом, с другой — прозревал эпоху виртуальной реальности, для постижения которой

Церковь Рождества Богородицы в Старом Симонове

необходимы новые умозрительные способности. Более того, представляя сразу два Нуля в одноименном рисунке («Два Нуля»), дублируя их количество словесно, художник-демиург как бы делал вызов структуре самого мироздания. В дальнейшем на холсты Малевича вступили люди-нули — ярко красочные фигуры с отсутствующими чертами лиц. Знаменательно название (а особенно подзаголовок) одной из его брошюр «Бог не скинут. Искусство. Церковь. Фабрика» (1922). В теории и практике он созидал синтетичный храм религии «честного действия» — из нуль-пространства и времени. «Для мышления необходимо не только движение мысли, но и ее остановка, — об аналогичном ритме применительно к сфере исторического познания размышлял Вальтер Беньямин. — Там, где мышление в один из напряженных моментов насыщенной ситуации

неожиданно замирает, оно вызывает эффект шока, благодаря которому кристаллизуется в монаду. Исторический материалист подходит к историческому предмету исключительно там, где он предстает ему как монада. В этой структуре он узнает знакmessианского застывания хода событий, иначе говоря: революционного шанса в борьбе за угнетенное прошлое. Он ухватывается за него, чтобы вырвать определенную эпоху из гомогенного движения истории; точно так же он вырывает определенную биографию из эпохи, определенное произведение из творческого пути».

Борис Гройс в статье «Искусство как авангард экономики» описывает, в сущности, парадигмальный сдвиг в современном искусстве от производства к потреблению (что, впрочем, безосновательно трактуется при этом как проявление самой сущности ис-

кусства): «Сейчас художник больше не является рабочим, пусть даже привилегированным, но начинает рассматривать мир собирающим взглядом господина. <...> Сегодняшний художник, как фотограф, как медиа-художник или как собиратель рэди-мэйдов, конечно, находится на одном уровне с коллекционером по затратам времени и сил. Это уравнивает производителя и потребителя картин в сегодняшней временной экономике взгляда. <...> Посетитель допускается искусством — но он не есть его подлинный потребитель. Скорее он принимает определенный род потребления, который, в качестве образца, демонстрирует ему художник в своей выставке, как прежде принимали в качестве образца аристократический образ жизни. Сегодняшний потребитель искусства больше не потребляет работу художника. Скорее он вкладывает свою собственную

работу в то, чтобы потреблять как художник. <...> Если манеры сегодняшнего художника аристократичны, то его методы, соответственно нашему времени, скорее бюрократичны или, точнее, технико-управленческие. Художник выбирает, анализирует, модифицирует, редактирует, перемещает, комбинирует, репродуцирует, управляет, помещает в ряд, выставляет или оставляет в стороне. Он манипулирует произведением искусства, как огромная современная администрация манипулирует всеми возможными данными. И делает он это с такой же целью: чтобы навязать потенциальному покупателю взгляд, перспективу, которая открыла бы ему интересный, новый, волнующий вид мира. <...> Художник в наше время окончательно поменял стороны баррикады. Он не желает больше быть ремесленником или рабочим, который производит вещи, предлагающие себя взгляду других. Вместо этого он стал образцовым зрителем, потребителем, пользователем, рассматривающим, оценивающим и “воспринимающим” вещи, которые были произведены другими. <...> Как фланёр с его суверенным взглядом, художник сегодня есть тот бесконечный потребитель, чье инновативное, “ненатуральное”, исключительно искусственное потребительское отношение представляет телос любой хорошо функционирующей экономики».

В какой-то степени это соответствует политическому принципу компромисса, противопоставляемому Франком Анкерсмитом принципу консенсуса с его «плебисцитной» демократией: «Компромисс, как и сама презентация, скорее организует знания, чем добывает или пропагандирует их. Компромисс креативен в той же мере, что и презентат-

ция, и политик, которому удается сформулировать условия наиболее удовлетворительного и долговременного политического компромисса, есть политик-художник *par exellence*. Что же касается консенсуса, то он губит политическую креативность в той же мере, в какой компромисс ее стимулирует». И Анкерсмит делает набросок такой эпистемологической утопии: «Перед лицом проблем нового типа, которые пришли на смену угрозе гражданской войны и выдвинулись на первые позиции в нынешней повестке дня (это как раз те проблемы, которые презентативная демократия, так сказать, ввела в обход), главную опасность представляют для нас сегодня три искушения: установление прямой демократии, перекладывание ответственности за принятие решений на экспертов (будь то специалисты, делегированные от корпораций или от бюрократии) и погоня за консенсусом. Каждое из этих искушений чревато (для тех, кто не устоит перед ними) тяжелыми последствиями, о которых уже шла речь выше. Поэтому я предлагаю двигаться в противоположном направлении: мы должны сделать нашу презентативную демократию еще более презентативной, то есть более отвечающей эстетическому критерию оценки. Я полагаю, что нам следует стремиться к тому, чтобы эстетический зазор между рецензируемым и рецензирующим стал более широким (а это значит, что наши представители в законодательном собрании должны стать менее чуткими к каждодневным требованиям своих избирателей и более восприимчивыми ко всей картине в целом) с тем, чтобы увеличить спектр возможностей для проявления политического артистизма, то есть оставить больше пространства для твор-

ческого компромисса. Давайте выбирать депутатов, менее похожих на нас самих, более внимательных к композиции и форме (к творческой организационной комбинаторике), — вместо того чтобы отдавать свои голоса тем, кто морочит нам голову, обещая неизменно занимать твердую позицию и одерживать победу за победой. Репрезентативная система правления — это не упражнения в поисках или утверждении истины; скорее это практика принципиальной непринципиальности, работа по выявлению возможностей достижения согласия и по организации “истин” (то есть по включению их в такие “политические композиции”, которые казались прежде немыслимыми). Именно благодаря эстетическим качествам компромисса презентативная — артистически представляющая свой народ — демократия может оказаться способной найти квадратуру нынешнего, похожего на мертвую петлю, круга нашей политической истории».

Влечение постмодерна к границам и конфликтным зонам имеет прямые коннотации с экономикой как пространством сопоставления несопоставимого, объединения разнородного, а сами пограничные зоны культуры оказываются стратегическим резервом неизвестного, паралогического (и не-знания, и не-искусства), которое противостоит рассудочной рациональности и имеет в постиндустриальной культуре экономическую ценность. Являясь источником динамики, оно способно к генерированию новых эвристических смыслов.

«Рuinная эстетика» в архитектуре, как и «мусорный дизайн» в искусстве постмодернизма, не являются лишь символами полной пространственной относительности

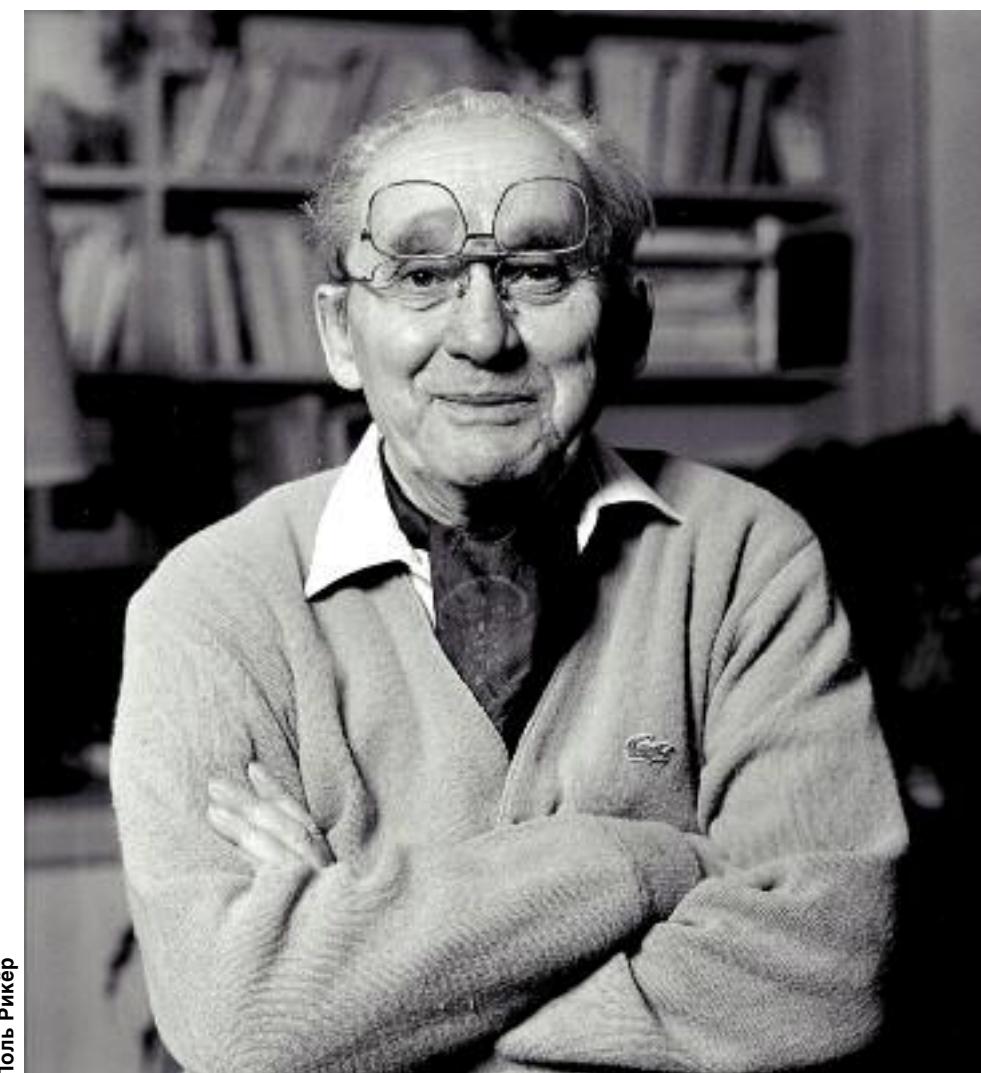
Казимир Малевич. Девушки в поле. 1928 год

внешнего и внутреннего, природного и социального, неценного и сверхценного. Они обнаруживают самое скропленное и интериоризируют внешнее в пространстве души, подтверждая тем самым тезис о том, что само снятие противоположностей есть верный признак работы подсознания, динамики желания, логики сна. Поль Рикёр пишет о проектировании эсхатологии памяти, а затем эсхатологии истории и забвения: «Эта эсхатология, сформулированная в соответствии с желательным наклонением, структурируется в диапазоне от (и вокруг) желания красивой и умиротворенной памяти, из которой нечто передается в процессе исторической практики, и до

неопределенной неясности, определяющей нашу связь с забвением». В рамках такого проекта остается высказать идею создания на одной из авангардно-сырьевых выставочных площадей ситуационного интерактивного памятника битвы истории и памяти (экстериоризирующей историю и интериоризирующей память) с целью освобождения последней из-под ига первой — с прибавочным внутренним сражением двух форм памяти.

Так имеет ли общий нарратив свою собственную познавательную ценность? Оба ответа, утвердительный и отрицательный, представляются правильными, как и то, что отношения между ними несим-

метричны, поскольку ответы эти занимают разные концептуальные территории. «Чтобы сказать, что нарратив имеет собственную познавательную ценность, скорее нужно вызвать в памяти общее <...> а не отдельное. Чтобы твердо придерживаться ответа “Да”, необходимо, таким образом, понимать историописание прежде всего как имеющее целью подтвердить или изменить способы людей видеть мир и действовать в нем. Наборот, чтобы твердо придерживаться ответа “Нет”, необходимо понимать историописание как прежде всего направленное на предложение специфических, обоснованных дескрипций и объяснений прошлой действительности,

Поль Рикер

не подтверждая и не изменяя “структуру исторического сознания” людей. <...> Но эти утверждения расположены в пределах интерпретирующей структуры, связанной с настоящим. Таким образом, ответ “Да” истинен в более широком смысле. Однако, сказав это, я также должен обратить внимание на то, что ответ “Да” не только отдает дань нарративу, но и приглашает к его критике». Нарратив – путь от теории к практике точного, методического и непрерывного конструирования, деконструирования и реконструкции исторического прошлого. Вот парад на Красной площади 7 ноября. Точнее, жанр мероприятия был в 2011 году определен как торжественный марш, посвященный 70-лет-

нему юбилею парада 1941 года, сыгравшего исключительную роль в поднятии морального духа (его участники, как известно, прямо с площади шли на фронт). Сама война в тот момент приобрела характер войны парадов, воображаемого и реального, оказавшегося равнозначным победе в большом сражении. Ведь Гитлер тоже надеялся провести свой военный парад к этому времени именно в этом месте, а когда стало ясно, что этого не получится, авиация противника делала всё, чтобы помешать состоявшемуся в реальности параду, но ПВО Москвы оказалась на высоте. И вот теперь, когда в живых остались 65 участников того парада, из которых прибыть на Красную площадь смогли

только 42 ветерана, сначала имела место историческая реконструкция парада 1941 года. Были использованы раритетная техника образца 1941 года и тогдашняя зимняя форма одежды, в которой прошли по парадному пути около 900 нынешних военнослужащих Внутренних войск МВД России со знаменами воинских частей своих дедов и прадедов. Затем по брусчатке двинулись около четырех тысяч юных представителей военно-патриотических клубов, организаций и поисковых отрядов, а также воспитанники кадетских школ города Москвы, что превращало урок памяти в урок преемственности и надежды.

Однако эксперименты держателей российского календаря, напоминающие тасование карточной колоды (даже не классическая «тройка, семерка, туз», а примитивнейший «чет-нечет»: «семерка» – «четверка»), мемориально-воспитательный эффект урока существенно ослабили. Парад 1941 года был празднованием 24-й годовщины Октябрьской революции. Теперь же этот день, сначала ставший «промежуточным» (социально примирительным и «уговорительным») постстрельным Днем согласия и примирения, вообще перестал быть красивым днем календаря, уступив место «альтернативной» дате 4 ноября – дню освобождения Москвы от польских «интервентов», которые, между прочим, были вовлечены сюда для наведения «порядка» тогдашней отечественной «семибояршиной» образца XVII века для сохранения своих властных позиций, как некогда это случилось с «варягами». В итоге 7 ноября школьники, вместо того чтобы припасть к телевизорам для опознания своих одноклассников в красочном действии уже не реконструкции, а посильной пер-

спективы, сидели на обычных уроках (организовать просмотр шествия в самих школах тоже никому в голову не пришло). Так что на твердую педагогическую «четверку» политиканствующие календарные картежники пока не тянут, оставаясь максимум — «троечниками». Неумение ментально совладать с «праздничностью» 7 ноября стало крупнейшим ментальным хронополитическим поражением России, масштабы которого в перспективе могут превзойти масштабы геополитического поражения. В сущности, это диссидентски-самозванный по происхождению календарный уход с мировой арены в мещанский схрон всыревления. Теперь диссидентами оказываются те учителя, которые на уроках рассказывают об Октябрьской революции. Мавзолей не исчезает, к чему однажды призвал Ельцын, но всё старательнее с каждым парадом маскируется гламурным драпом.

В свое время Платон в диалоге «Теэтет» обосновывал понятие *eikon* (отпечаток) как основу искусства «верного воспоминания», которое противопоставлялось *phantazma* (призрак) как искусству творить призрачные подобия. Подробно рассматривая эту пару понятий в книге «Память, история, забвение», Поль Рикёр намечает эпистемологические принципы того, что мы сформулировали бы как эйкономика истории.

С одной стороны, предлагаемый термин очевидно перекликается с всеобъемлющим понятием экономика (*oikonomia*), первоначально обозначавшим домоводство, включавшее в себя не только организационно-управленческие отношения, но и отношения ценностного и энергетического обмена, взаимодействие которых строится на принципах дополнительности. Позднейшая

неклассическая матрица «всебóжной экономии», которая была унаследована от Ницше через Батая Жаком Деррида в его принципе «экономимезиса», была представлена в исследованиях Сергея Кропотова, в которых данная концепция «позволила выявить соответствие между избыtkом коннотативных значений в искусстве (в частности, в искусстве историописания, уточним от себя. — А.Л.) и эскалацией знаковых различий в товарном производстве в постиндустриальном обществе», зафиксировать подобие функционирования прикладного и фундаментального знания оборотному и фондовому капиталу — по законам обращения денежной массы. К этому также можно добавить теорию прибавочного элемента в искусстве, сформулированную Казимиром Малевичем, но эту тему мы отдельно затронем позже.

С другой стороны, тут чисто акустическое присутствие оклика: «Эй! — в сознании автора перекликающегося с тем окликом Слова (Логоса), которым Бог в раннем христианстве окликал вещи, так вызывая их из небытия. «Не превращает ли это своего рода увековечение, осуществляющее в ходе повторения ритуалов, независимо от смерти одного за другим тех, кто участвует в праздновании, наши поминания в акт глубочайшего отчаяния, чтобы противодействовать забвению в его наиболее скрытой форме — в форме стирания следов, превращения в руины? — спрашивал Поль Рикёр. — Ведь это забвение, как кажется, действует в точке соединения времени с физическим движением, в той точке, где, как отмечает Аристотель в «Физике» <...> время “точит” и “уничтожает”». Далее следует формула, напоминающая знаменитые экономические схемы «Капитала»

Карла Маркса: «Освободительная сила работы скорби, будучи работой воспоминания, оплачивается дорогой ценой. Здесь действует принцип взаимосвязи: работа скорби есть цена работы воспоминания; однако работа воспоминания — это прибыль от работы скорби».

Переходя к мнемотехническому перевороту по части соединения мнемотехники и оккультной тайны, центральной фигурой которого стала исследовательница творчества Джордано Бруно Фрэнсис Йейтс, Рикёр размышляет об искусстве «почлененного соответствия», позволяющего «разместить на концентрических кругах “колеса” — “колеса памяти” — положение звезд, перечень добродетелей, набор выразительных жизненных образов, список понятий, чреду героев или святых, все мыслимые архетипические образы (в нашем случае — от семибоярщины до семибанкирщины. — А.Л.), короче говоря, всё то, что может быть переиздано, систематизировано». В поле зрения французского философа — начатое Сократом и Платоном перемещение дискурса об *eikon* в сферу «технических инициатив» образной инструментализации памяти. На глубинном уровне символовических опосредований действия память включается в работу по конструированию идентичности с помощью нарративной функции. Подобно тому как персонажи рассказа — а вместе с ними и рассказанная история — включаются в интригу, нарративная конфигурация способствует моделированию идентичности главных действующих лиц, а также и контуров самого действия.

Такова предлагаемая нами общая стратегическая интрига построения единого учебника, единого памятника, единой перспективы.

Олег Валерьевич Фомин-Шахов –

культуролог, директор Центра биополитических экспертиз, председатель АНО в защиту Традиции и семейных ценностей «Третий Муром», арт-директор Международного фестиваля социальных технологий в защиту семейных ценностей «ЗА ЖИЗНЬ», шеф-редактор газеты «Вифлеемский глас»

Русский уклад в XXI веке

Понять уклад

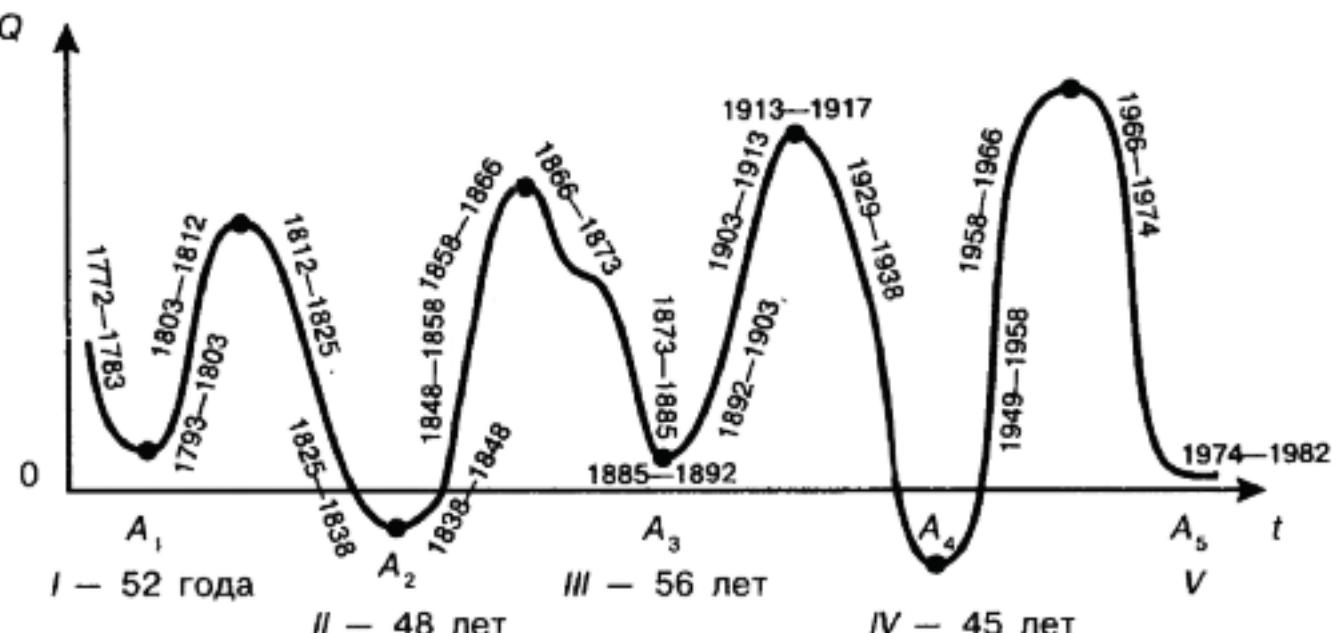
ри слове «уклад» из нашей памяти услужливо вынырывают пресловутые самовар, печь, лапти, матрешка, балалайка. Мы привыкли считать уклад синонимом старины, ретро, архаики. Но уклад может быть и индустриальным – с дымящими трубами заводов и нехлипкими бабами на разгрузке вагонов. Уклад может быть и информационным – с полной компьютеризацией, автоматизацией. Уклад, наконец, может быть нанотехнологическим.

Иными словами, уклад – это всего лишь культурно-хозяйственное устройство жизни. А вот каким он будет, уже всецело зависит от нас самих. Существует множество пониманий и определений уклада. В отдельных случаях на первый план выходят социально-культурные, в других – экономико-технологические детерминанты.

В структуре уклада можно вычленить:

- ◆ культуру духовную (метафизика, традиции, ценности, социальные нормы, литература и искусство);
- ◆ культуру материальную (всё то, что в рамках текущего уклада произведено человеком);
- ◆ средства и способ производства (то, чем и как произвел всё это человек).

Есть соблазн, чисто модернистский, сказать, что уклад – это своего рода функция от средств и способа производства и потребления. Однако было бы ошибочным полагать, что мы пытаемся осмыслить уклад через жесткий односторонне направленный материально-экономический детерминизм. Сам по себе такого рода подход ложен и безрезультативен – подобно попытке решить, бытие ли определяет сознание или сознание бытие. Культура духовная связана с культурой материальной, а культура материальная связана со средствами и способом производства. Но при этом одно не происходит от другого. Тем более в какой бы

Циклы Кондратьева

то ни было временной последовательности. Правильнее было бы сказать, что все три названных компонента в структуре уклада развиваются одновременно, будучи взаимосвязанными и взаимоопределяющими.

Развитие укладов именовать «прогрессом» было бы неточно, поскольку это определение нагружено определенными оценочными смыслами, подразумевающими некую позитивную технологическую эволюцию во благо человека. Корректнее говорить об адаптации укладов под влиянием изменений — прежде всего климатических, демографических и ресурсно-сырьевых. Принято классификационное деление укладов на:

- ◆ доиндустриальный (агарный);
- ◆ индустриальный;
- ◆ постиндустриальный (информационный).

С известной натяжкой, присущей любым схемам, и множеством оговорок эти три уклада можно соотнести с тремя онтологическими парадигмами — Премодерн (Традиция), Модерн, Постмодерн. Современные экономисты и обществоведы ведут отсчет укладов от начала индустриальной революции, как будто отказываясь замечать все то, что ей предшествовало.

Длинная волна охватывает период примерно в 50 лет с некоторыми отклонениями. Внутри нее существует несколько фаз, или волн, — повышательных и понижательных.

Считается, что сейчас мы находимся в самом начале шестого — нанотехнологического — уклада (с 2011 года), которому предшествовал пятый уклад — компьютеризации и телекоммуникации (примерно с 1971 года). Соответственно им последовательно предшествовали: четвертый уклад — нефти и ленточного конвейера (примерно с 1908 года), третий уклад — стали (примерно с 1875 года), второй уклад — пара (примерно с 1825 года), первый уклад — рождения фабрики (примерно с 1772 года).

Можно было бы назвать доиндустриальную fazу уклада нулевым укладом, или укладом-ноль. Однако и здесь мы находим не один, а несколько последовательно сменяющих друг друга укладов: охота и собирательство, огородничество, скотоводство, земледелие.

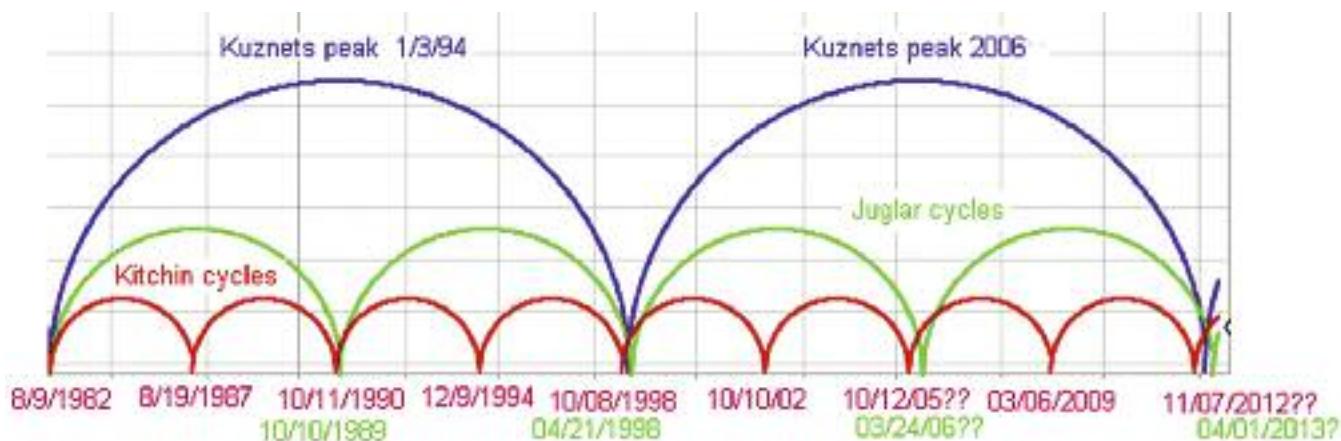
Помимо этой основополагающей классификации укладов существует также более частная классификация, в которой понятие «уклад» отчасти приближается к понятию «культура». Например, уклад степных кочевников-скотоводов или уклад приморской рыболовецкой артели. Можно вы-

делить и еще более частные типы укладов, связанные с конкретными историческими, географическими и другими обстоятельствами.

Нельзя сказать, что уклады возникают волюнтаристски, по чьей-либо прихоти. А если и возникают, то мы получаем псевдоморфозу, о которой писал Освальд Шпенглер, разбирая, в частности, культуру петровской Руси, когда на аутентичную культуру, подобно европейскому камзолу, была наялена неорганичная форма. Однако укладу можно, исходя из объективных обстоятельств, придать «наклонение», вывести на передний план один из ключевых факторов.

«Длинные волны» и «слоеный пирог»

Выдающийся советский экономист и общественно-политический деятель, аграрий Николай Кондратьев создал теорию экономических циклов, именуемых сегодня «волнами Кондратьева», или «длинными волнами». Исследовав большой объем статистических данных, касающихся экономических показателей, — на материале четырех стран почти за

Короткие волны внутри кондратьевского цикла, вероятно, можно соотнести с циклами Китчина, связанными с временными лагами в циркуляции информации на рынке. Не менее важны циклы Кузнецца, составляющие от половины до трети кондратьевской волны и определяющие связь между экономическим ростом и естественным приростом населения или общим приростом.

150 лет, — Кондратьев пришел к выводу, что экономические подъемы и спады цикличны, связаны с инновациями в области средств и способов производства. На сегодняшний день в экономике выявлено несколько таких циклов (циклы Китчина, Жюгляра, Кузнецца) и в том числе цикл Кондратьева, наибольший из них. Длинная волна охватывает период примерно в 50 лет с некоторыми отклонениями. Внутри нее существует несколько фаз, или волн, — повышательных и понижательных. Есть мнение, что короткие волны внутри кондратьевского цикла можно соотнести с циклами Китчина, связанными с временными лагами в циркуляции информации на рынке. Не менее важны циклы Кузнецца, составляющие от половины до трети кондратьевской волны. Циклы Кузнецца — демографические, они определяют связь между экономическим ростом и естественным приростом населения или общим приростом (за счет мигрантов). Длинные волны Кондратьева принято соотносить с укладами. Вообще это отдельный

вопрос, насколько могут быть сближены, а насколько противопоставлены такие понятия, как «культура», «уклад» и собственно «длинные волны» Кондратьева. Нам кажется, что в отдельных случаях они могут выступать как синонимы, поскольку узус первых двух понятий довольно размыт ввиду их терминологической неопределенности. Предполагается, что начало новому укладу кладет подъем волны инноваций в области средств и способов производства. Однако уклады не возникают механически. Нельзя сказать, что до такой-то даты мы жили в одном укладе, а после нее перешли в другой. Процесс этот континуален. Тем не менее некоторые исследователи говорят о дискретности укладов, под которой следует понимать то, что всплеск первичных инноваций — или, как их еще называют, закрывающих (закрывающих предыдущий уклад и связанные с ним рабочие места) или прорывных технологий — порождает новые средства и способы производства, новые экономические фор-

мы, по сути идущие вразрез с прежним укладом. Но это не дело одного дня или даже года. Уклады взаимопроникают друг друга, существуют друг с другом синхронно, возникают в виде предпосылок задолго до пика своей волны и продолжают существовать во время пиков волн приходящих им на смену новых укладов. Каждый раз, таким образом, единовременно на одной и той же территории мы имеем дело не с одним укладом, а с их существованием — своего рода «слоеным пирогом». Кроме того, в центре и на периферии страны, понятой как единое экономическое пространство, уклады — точнее, их «слоенные пироги» — почти всегда по понятным причинам будут разниться. Периферия инертна и консервативна. Поэтому там будут встречаться «слоенные пироги» без нового слоя. А в центре будут «слоенные пироги» без старых слоев. Центр всегда тяготеет к инновации как способу решить накопившиеся экономические проблемы радикально, качественным путем. Покрытие старых технологий осуществляется в центре (или центрах) более радикально, поэтому в «слоеном пироге» укладов центра будут отсутствовать наиболее старые слои. В частности, в городах, особенно крупных, почти всегда отсутствуют доиндустриальные слои.

Вызовы шестого уклада

В шестом укладе число рабочих мест будет сокращаться в разы. Это значит, что в городе окажется много лишних ртов, что приведет к демографическим, а затем, с большой долей вероятности, к социальным и политическим нестроениям. Целые отрасли прежней индустрии канут в небытие, миллионы людей потеряют средства к существованию, и государство окажется один на один с голодной и постепенно звереющей толпой. Как писал Кондратьев: «Социальные потрясения возникают легче всего именно в период бурного натиска новых экономических сил».

Сегодня мы находимся на развилке: либо принять на вооружение демографические методы негативной практической биополитики (депопуляция за счет абортов, контрацепции, стерилизационных программ), чего мы себе не только как православные христиане, но и как патриоты России и нашего многонационального русского народа позволить не можем, поскольку это приведет к демографическому коллапсу и утрате территории, а вслед за ней — постыдной жизни в резервациях, либо воспользоваться самой ситуацией набирающего силу шестого уклада и трансформировать наш быт. Иными словами — модифицировать уклад. В ситуации постиндустриального общества у нас есть все возможности вернуться в аграрный уклад на новом витке — с новыми идеями эффективной и малозатратной, а то и — со временем — полностью автоматизированной обработки земли, с новыми энергоресурсными технологиями, Интернетом, новейшим экологичным транспортом. Деревню у нас долго и систематически убивали весь период индустриализации, ког-

да в городе для подъема производства была нужна рабочая сила. Сегодня часто с ностальгирующими нотками говорят о возрождении русской деревни. Но чтобы возродить деревню, на самом деле не нужно предпринимать никаких волевых усилий, сгонять людей на село методами Мао, расправившегося таким образом с хунвейбинами, или, скажем, проводить насильтвенную депранизацию, к которой утопически призывал в первой трети прошлого века Александр Чаянов. Сама ситуация безработицы, нарастающей в связи с подъемом шестого уклада, сменой средств и способов производства, вытолкнет людей на село, где есть возможность добывать себе хлеб своими руками. И вот тут-то важно этот процесс возглавить и скорректировать, придать объективному стихийному исходу на землю правильный инновационный импульс, чтобы получить на селе рост и развитие, а не прозябанье и последующую деградацию. И раз уж мы сослались на Чаянова и его проект по развитию села, выглядевший почти сто лет назад утопически, то сегодня, когда его реализации ничего не мешает, самое время вспомнить о нем.

Вспомнить Чаянова

Труды этого выдающегося учёного-экономиста, основателя научной школы сельского хозяйства актуальны сегодня даже больше, чем в то время, когда они были написаны. Следует отметить, что Чаянов помимо прочего был известным краеведом, московедом, членом комиссии «Старая Москва», искусствоведом, тонким писателем-фантастом. Из-под его пера вышел ряд удивительных мистических повестей в духе Владимира Одоевского. Существует мнение, что они повлияли на Михаила Булгакова. Чаянов, уче-

ный-аграрий с мировым именем, сторонник идеи экономической автаркии больших пространств, известен и как политик. Видный работник кооперативного движения России после Февральской революции, член Учредительного собрания, в 1921–1923 годах он становится членом коллегии Наркомзема РСФСР. В 1930 году за взгляды на развитие сельского хозяйства, несовместимые с планами варварской коллективизации, Чаянов был арестован, а в 1937 году по сфабрикованному делу о так называемой Трудовой крестьянской партии расстрелян. При этом, как пишет исследователь его наследия Леонид Чертков: «Есть глухие сведения о том, что Чаянов по специальному заданию Сталина написал в конце 1920-х книгу “Автаркия” — изолированное государство». Несмотря на участь Чаянова, Stalin фактически воплотил на практике его идеи, хотя и в сильно искаженном виде.

Сегодня нам Чаянов ценен тем, что в его книгах содержится ответ на главные вопросы, задаваемые сторонникам традиционных семейных ценностей, противникам абортов и контрацепции: «Хорошо, мы перестаем делать аборты и пользоваться контрацепцией. Начинаем рожать по ребенку в год. Где нам жить прикажете? Чем кормить детей? Где им учиться?» Все доводы консерваторов, пролайферов и профэмили разбиваются об эти вопросы. А значит, нужно подвести под просемейную идеологию экономическую базу — и в этом плане Чаянов как раз и незаменим, — общий чертеж, пусть пока очень приблизительный, той жизни, когда перестанут убивать детей.

Как было сказано, не только Чаянов влиял на власть, но и власть влияла на Чаянова. Идеи Чаянова использовались

Сама ситуация безработицы, нарастающей в связи с подъемом шестого уклада, сменой средств и способов производства, вытолкнет людей на село, где есть возможность добывать себе хлеб своими руками. И вот тут-то важно этот процесс возглавить и скорректировать, придать объективному стихийному исходу на землю правильный инновационный импульс, чтобы получить на селе рост и развитие, а не прозябанье и последующую деградацию.

при создании колхозов и совхозов. Но и самого Чаянова фактически сломали, заставили топтать собственные идеи кооперации на селе, все

то, что составляло смысл его жизни, — ради торжества четвертого уклада, ради сталинской индустриализации, которая, конечно, была необхо-

дима, но ввиду приближающейся новой мировой войны вводилась карательными методами. В конце 20-х, незадолго до ареста, под влиянием травли в печати и угроз со стороны самого Сталина он пишет работу «Возможное будущее сельского хозяйства». Там он фактически отрекается от своих прежних взглядов, договариваясь даже до такого: «В сущности, будущее сельского хозяйства — правда, самое отдаленное — это отмена самого сельского хозяйства в современном смысле этого слова и переход к изготовлению питательных и текстильных материалов фабричным способом, подобно обычным продуктам тяжелой и легкой индустрии, путем асимиляции азота и углекислоты из воздуха с помощью синтетического химического процесса. В этом отдаленном будущем, когда наши питательные вещества будут получаться упакованными в ящики с фабрично-заводских складов, а материи — отливаться, как уже отливается теперь искусственный шелк “вискоза”, на долю живого растения останется только декоративное садоводство, превращающее в парки поверхность нашей планеты, да, пожалуй, изготовление некоторых фруктов и вин, тонкая ароматность и вкусовые качества которых все-таки еще долго не смогут быть заменены продуктами массового производства».

Бунт на коленях, как иногда в таких случаях говорят. Однако эту работу внутренне надломленного Чаянова надо рассматривать в паре с другим его текстом — утопией, написанной в 1919 году и сохранившейся, как и шесть мистических повестей, только потому, что она, как и те его повести, была издана под псевдонимом.

В повести «Путешествие моего брата Алексея в страну

крестьянской утопии», опубликованной в 1920 году под именем Иван Кремнев, Чаянов показывает социалистическое общество, где после крестьянской революции был издан декрет об уничтожении городов и произошел массовый исход из города на село. Один из жителей утопии — Никифор Минин — так объясняет главному герою — Алексею Кремневу — устройство новой жизни: «Население Москвы нарастает настолько сильно, что наши муниципалы для соблюдения буквы закона считают за Москву только территорию древнего Белого города, то есть черту бульваров дореволюционной эпохи. Раньше город был самодовлеющ, деревня была не более как его пьедестал. Теперь, если хотите, городов вовсе нет, есть только место приложения узла социальных связей. Каждый из наших городов — это просто место сбоярища, центральная площадь уезда. Это не место жизни, а место празднеств, собраний и некоторых дел. Пункт, а не социальное существо. Возьмите Москву, на сто тысяч жителей в ней гостиниц на 4 миллиона, а в уездных городах на 10 000 — гостиниц на 100 000, и они почти не пустуют. Пути сообщения таковы, что каждый крестьянин, затратив час или полтора, может быть в своем городе и бывает в нем часто. Вся страна образует теперь кругом Москвы на сотни верст сплошное сельскохозяйственное поселение, прерываемое квадратами общественных лесов, полосами кооперативных выгонов и огромными климатическими парками. В районах хуторского расселения, где семейный надел составляет 3-4 десятины, крестьянские дома на протяжении многих десятков верст стоят почти рядом друг с другом, и только распространенные теперь плотные кулисы тутовых и

фруктовых деревьев закрывают одно строение от другого. Да, в сущности, и теперь пора бросить старомодное деление на город и деревню, ибо мы имеем только более сгущенный или более разреженный тип поселения того же самого земледельческого населения. Вы видите группы зданий, — Минин показал вглубь налево, — несколько выделяющихся по своим размерам. Это — «городища», как принято их теперь называть. Местная школа, библиотека, зал для спектаклей и танцев и прочие общественные учреждения. Маленький социальный узел. Терпешние города такие же социальные узлы той же сельской жизни, только больших размеров».

Чаянов описывает метеорефор — машину, управляющую погодой и способную также выступать в качестве климатического оружия, — предсказывает развитие скоростного транспорта и малой авиации, новую популярность сузальских фресок XII века и Петра Брейгеля. В чаяновской утопии 1919 года есть и ряд сбывающихся прогнозов: в частности, снос Храма Христа Спасителя и великий перелом 1937 года.

Утопия 1919 года, как и футурологический прогноз 1928 года, строится прежде всего на идеи кооперации. «Для нас возможен единственный верный путь спасения, неизвестный и закрытый капиталистическим организациям, — путь этот: переложить тяжесть удара на плечи <...> русского крестьянского хозяйства. Нужна кооперативная общественная жизнь, кооперативное общественное мнение, массовый захват крестьянских масс в нашу работу», — это уже поздний Чаянов.

Есть соблазн отмахнуться от чаяновской утопии 1919 года как ранней и наивной уже хотя бы в силу того, что это

утопия — то есть художественное произведение, описывающее особое устройство жизни. Однако на сегодняшний день актуальнее представляется именно ранняя работа Чаянова. Перед нами по сути не утопия, а совершенно адекватный проект, рабочая футурологическая модель, ничем не уступающая проектам какого-нибудь Жака Фреско или Иоаннеса Папаиоанну. Разве что не снабжена 3D-иллюстрациями.

Мы видим, что в чаяновской модели происходит естественное центробежное, горизонтальное расселение граждан-горожан-сельчан. Сегодня же налицо нечто совершено противоположное: города, подобно месту столкновения тектонических плит, взмывают вверх, развиваются по вертикали. Возникает проблема компактного расселения. Драка за квадратные метры превращает домочадцев в «геополитических врагов». В Средние века, пожалуй, не столь яростно делили отцовские владения знатные отпрыски. Миллионы шекспировских трагедий разыгрываются сегодня в городских квартирах. Город убивает семьи. Желая сохранить за собой свободные квадратные метры, молодые пары не хотят рожать более одного-двух детей, а то и вовсе становятся принципиальными чайлдфри.

Единственный радикальный выход из ситуации демографического бедствия — дауншифтинг (так называют ставшую в последнее время актуальной миграцию из города в деревню, из более населенных пунктов — в менее населенные, более экологичные и спокойные). Чаяновский проект, предвосхитивший дауншифтинг, вовсе не означает утраты связи с цивилизацией. Изба может быть с центральным отоплением, санузлом, Интернетом. Жизнь поначалу бу-

дет менее комфортной, чем в городе, зато здоровой. Жизнь на земле – это Традиция, погружение в годовой цикл труда, а прозябанье «офисного планктона» жизнью назвать затруднительно. Тем более что сегодня возникает возможность удаленного офиса, на домной работы.

Дауншифтинг — это хорошо. Но явление это не массовое и очень индивидуальное. Без политической воли здесь, разумеется, по-настоящему осуществить ничего не удастся. Либеральная западная система просто так от высасывания соков из «народонаселения» не откажется. Город — средоточие власти либеральной системы — и его индустриальный уклад давно сожрали деревню. Из книги Бытия мы помним, что первый город был основан Каином. Поистине, как в первой половине прошлого века писал Рене Генон, к концу времен «Каин окончательно убьет Авеля». Иначе говоря, город убьет деревню. Логика развертывания человеческой истории такова, но это не значит, что нам не следует этому сопротивляться. Тем более, учитывая обстоятельства смеси уклада, мы должны испытывать сдержанный оптимизм, понимая, что здесь возможен объективно-исторический шаг в сторону реальной крестьянской автаркии, подлинного социализма и демократии, а не большевистской или либеральной псевдоморфозы.

Социализация земли, исходя из нужд семьи, с неизбежностью следует из логики шестого уклада. Именно на этом основана эффективность будущего сельского хозяйства. В тоже время именно и только так мы можем решить серьезную демографическую проблему. Сегодня перед руководством нашей страны по сути встает вопрос о самом существовании нашего народа. В сельском хозяйстве экономика,

развитие и демография на- прямую связаны. В «Организации крестьянского хозяйства» Чаянов пишет: «Факт тесной связи между размерами семьи и объемом ее хозяйственной и даже сельскохозяйственной деятельности считать статистически совершен- но установленным. Не размер семьи определяет объем хозяйственной деятельности семьи, а наоборот, размеры, скажем, земледельческого хозяйства определяют собою состав семьи. Говоря иначе, крестьянин обзаводится семьей сообразно размерам своего материаль- ного обеспечения. Немало демографических исследований европейских ученых отмечало факт зависимости рождаемости и смертности от материальных условий существова-ния и ясно выраженный пони-женный прирост в малообес-печенных слоях населения. С другой стороны, известно так-же, что во Франции практиче- ское малтизианство наибо-лее развито в зажиточных крестьянских кругах (то есть регулировать рождаемость бо-лее склонны богатые, нежели бедные. — О.Ф.-Ш.).» Иначе говоря, программной основой позитивной практи- ческой государственной био- политики с необходимостью должна стать крестьянская ав-таркия, ибо только в рамках этой модели сегодня возмож-на полноценная реализация традиционных семейных цен-ностей, а значит — естествен-ный прирост населения. Толь-ко под лозунгом «Назад — в избы!» возможно адекватное восстановление русского де- мографического суверенитета, когда слова «аборт» и «контра-цепция» будут известны лишь эрудитам.

Это неизбежно, поскольку, как пишет Чаянов в «Органи-зации крестьянского хозяй-ства»: «Цикл жизни нормаль-ной, без катастроф развиваю-щейся семьи: 25-26 лет. Учи-

тывая смертность детей и исходя из того, что приблизительно 1 ребенок будет рождаться в 3 года, нормой для полного цикла существования семьи будет рождение 9 детей. В первые годы, по мере роста семьи, она отягощается всё больше и больше неработоспособными домочадцами, и наблюдается быстрое увеличение числа едоков к числу работников. На 14-й год существования семьи это отношение достигает своей наибольшей величины – 1,94. Но уже на 15-й год в помощь к родителям поступает их первый ребенок, достигший полурабочего возраста, и отношение едоков/работников сразу падает до 1,64. Конечно, в действительности такого резкого скачка не бывает, так как переход от неработоспособного ребенка к полуработнику совершается более постепенно, но всё же несомненно, что около этого времени обременение работников семьи едоками начинает спадать, так как с каждым годом дети будут принимать всё большее и большее участие в работе и к 26-му году существования семьи величина отношения спадет до 1,32. Если после этого года принять, что дальнейшее деторождение у главы семейства прекратится, то в силу подрастания детей величина отношения едоков/работников будет стремительно падать, приближаясь к единице, каковую и достигнет на 37-м году существования семьи, если никто из взрослых не женится, а старики не потеряют работоспособность. В случае же если в дом войдут снохи и у них появятся дети, то в образовавшейся сложной семье снова начнется некоторое увеличение отношения едоков/работников, которое значительно возрастает при переходе родоначальников семьи в разряд неработоспособных. Параллельно с отмеченными уже изменениями в составе семьи,

Иван Куликов. Чайпите в крестьянской избе

происходящими по мере ее роста, приходится отметить нарастание по мере ее созревания числа рабочих рук, что дает им возможность применять в работе принципы сложной кооперации и тем умножать силу каждой из них. Созревшая таким образом семья в некоторый момент своего развития под влиянием каких-либо внутренних причин претерпевает катастрофу и разделяется на две или более семей, причем образовавшиеся при сем молодые семьи начинают в дальнейшем проходить вновь описанные уже нами фазы развития семьи, если они не прошли первые из них, находясь в патриархальной отчей семье».

Чаяновскую модель можно представить в виде следующих тезисов:

- ◆ деурбанизация; массовый исход в растянутые на десятки и сотни километров пригоро-

В повести «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии», опубликованной в 1920 году под именем Иван Кремнев, Чаянов показывает социалистическое общество, где после крестьянской революции был издан декрет об уничтожении городов и произошел массовый исход из города на село.

ды, в горододеревню, где станет возможной жизнь большими семьями;

- ◆ опора на семейно-кооперативное производство, где каждый заинтересован в результатах своего труда и работает не на «чужого дядю», а на семью; добровольность членства в кооперации, равноправие, выборность руководства, самоуправление;
- ◆ создание деревенской инфраструктуры, не уступающей городской; налаживание скоростных путей сообщения, связующих социальные узлы горододеревни;
- ◆ крестьянский семейный уклад без отрыва от источников высокой культуры;

- ◆ углубление содержания человеческой жизни, реализация интегральной человеческой личности.

Почему земля?

Потому что это наш национальный архетип, наш космопсихологос, по выражению философа и культуролога Георгия Гачева. Россия, Русь — женского рода. Наша Родина — Мать. Если обращаться к глубинным народным архетипам — Мать Сыра Земля. То есть стихия почвы и стихия воды, явленные в своем единстве и дающие всему как рождение, так и смерть. В силу этого архетипа у нас особое отношение к могилам предков, «к отче-

ским гробам», по слову поэта. В наших древних былинах наиболее архаичные пласти связаны со Святогором, Микулой Селяниновичем и «тягой земной» — величайшей неодолимой силой. Микула Селянинович, эпический оратай, — единственный, кто способен поднять суму со всему «тягостью земною». Оратай этимологически близок к «рота», «рать», «ротиться» (древнерус. клятва, давать воинскую присягу). Для Европы это нечто немыслимое. Какое-то переворачивание словных отношений. Опять-таки именно русские крестьяне — христиане, а не «поганые», как в Европе (*ragan* — язычник, деревенщина во многих европейских языках). То есть еще у наших предков существовало очень почтительное отношение к земледелию, к тем, кто им занимается, и к самой земле. Не к солнцу, не к луне, не к звездам, не к огню, а именно к Матери Сырой Земле.

Труд, одна из главных наших культурных ценностей, понимался прежде всего как труд на земле. То есть труд *par excellence*. У этого есть как дохристианские (Мать Сыра Земля), на что уже было указано, так и христианские основания: «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят; ибо прах ты, и в прах возвратишься» (Быт. 3:19). Таким образом, труд на земле оказывается к тому же исполнением божественной заповеди. Труд на земле сотериологичен, он спасает. Это нашло отражение во всех монастырских практиках Руси.

Бытие-в-Традиции для русского человека — это следование за годовым календарным церковно-земледельческим круговоротом. Образы возделывания земли связываются с образами Писания и Предания. Например, в Духов день нельзя трево-

жить землю, потому что она именинница — она была сотворена в этот день, нельзя копать ее, вбивать в нее что-либо и т.д. И наоборот, образы Писания и Предания проецируются на земледельческие и в целом природные циклы. Об этом много написано у самых разных авторов, что, право же, не стоит на этом останавливаться подробнее.

Древнейший способ обработки земли — общинный. Поэтому как барщина (феодальный уклад), так и работа на кулакамироеда (капиталистический уклад на селе) или колхозная работа из-под палки (военный коммунизм) воспринимались нашим народом как попрание Правды, попрание должного, искажение той фундаментальной реальности, которая нуждается в воспроизведении. Только в этом русский человек находит гармонию. Это его целит.

Сегодняшнее бытие-в-городе большинством, даже из числа родившихся здесь, воспринимается как аномалия, как нечто глубоко неправильное, как некое самоотступничество, предательство чего-то глубинного. Сакральное бытие-на-земле подменяется его симулякром — дача, «фазенда», огород, «дачный сезон», «шесть соток». Кому-то этого достаточно, кто-то стремится даже превратить свое проживание на даче в более или менее регулярное. Но разница между полноценным домом и дачей — как между любимой женой и проституткой. Само слово «дом» связано с латинским корнем *domus*, отсюда — dominaция, хозяйство, владение. Дача же — это то, что дано и в любой момент может быть отнято. Еще чудовищнее «курятники» во всё более многоэтажных зданиях, которые мы метафорически продолжаем называть домами. Однако квартира — это не дом, это «квадратик», «квадратные мет-

ры», это клетка по сути, в которой человек обездолен, у него отнято даже фактически право иметь детей, которое было у пролетариев Рима (само слово *proles* по латыни обозначало тех, кто ничего не имел, кроме потомства, детей, и в этом была их единственная заслуга перед обществом). Рожать детей в квартире — значит обрекать их на войну с собой и между собой за квадратные метры. Отсюда антихристианское контрацептивное и abortивное мышление — прямое следствие урбанизма.

Сегодня городскими жителями это всё более и более осознается. Причем не только в России, но и во всём мире. Дауншифтинг возник именно как центробежная тенденция в рамках развитого пятого уклада — информационных технологий, — когда число рабочих мест, предоставлявшихся четвертым укладом, согнавшим людей из деревень в город, стало неуклонно сокращаться. Идея дауншифтинга, если быть кратким, описывается рекламным трюизмом: «Хорошо иметь домик в деревне».

Однако западный дауншифтинг еще не означает работы на земле — точнее, не включает ее как обязательный элемент. У нас же поехать копать картошку или сажать лук-чеснок предстает чем-то едва ли не сакральным. Идея дауншифтинга у нас всегда в силу особенностей нашего менталитета, культурных кодов, цивилизационной матрицы — называйте это как угодно — ложится на семейное сельское хозяйство или на общинную кооперацию.

Аутентичный для нас путь аграрной кооперации заключается в том, что в отличие от капитализма на селе (фермерства и кулачества — как русской его формы) он избегает порочного процента, исключает

аморальный принцип прибавочной стоимости, но в отличие от социалистического типа крестьянского хозяйствования (колхоз, совхоз) он не нуждается в общественных и государственных мерах принуждения. Труд в чистом виде — а не капитал и не палка — находится в центре этого типа хозяйствования. Сам вырастил — сам съел. Необходимость потребления стимулирует труд. Избытки труда становятся залогом роста. Причем не только количественного, но и качественного.

На сегодняшний день существует ряд разрозненных практик, идей и концепций, которые удачно складываются в некий футурологический пазл, описывающий то, как можно непротиворечивым образом трансформировать ныне бедствующие сельские окраины в процветающие территории, а в итоге и сместить туда центр социального бытия. Компоненты этого пазла и раньше в отдельных случаях контаминировали друг с другом. Чаще существовали по отдельности. Порой дополнялись теми или иными экстравагантными и даже эксцентричными политическими или религиозными идеями (как, например, община Роберта Оуэна или родовые поместья сектантов «анастасиевцев»), что в значительной степени их дискредитировало. Но если отмыслить всё привходящее, академическое от этих деталей пазла, мы получим возможную модель русского уклада в XXI веке — не только непротиворечивую, но и имплицитно содержащую в себе последовательность развития.

Вот первые шаги, необходимые для пересоздания русской деревни:

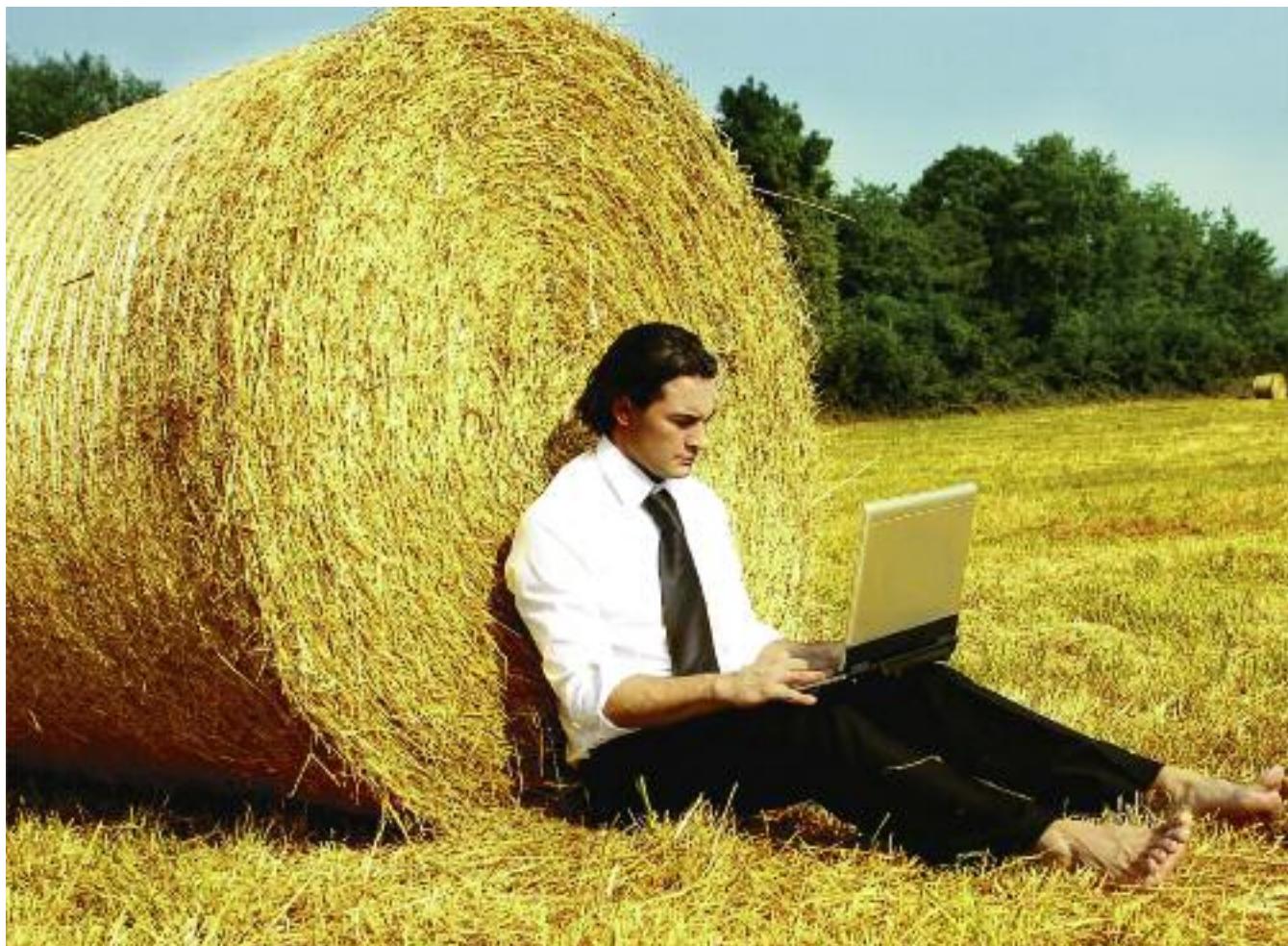
- ◆ кооперация по Кондратьеву и Чаянову;
- ◆ дауншифтинг, удаленный офис, «родовое поместье» и самоколонизация;

Александр Чаянов:

«Для нас возможен единственный верный путь спасения, неизвестный и закрытый капиталистическим организациям, — путь этот: переложить тяжесть удара на плечи <...> русского крестьянского хозяйства. Нужна кооперативная общественная жизнь, кооперативное общественное мнение, массовый захват крестьянских масс в нашу работу».

- ◆ пермакультура и производство органической еды;
- ◆ ландшафтный дизайн и новые технологии: пассивный дом, энергоавтотаркия, автоматизация, роботизация на селе;
- ◆ деурбанизация, малоэтажность, горододеревня;
- ◆ терраформирование пустынь севера и юга;
- ◆ реинтеграция ценностей русской цивилизации, не-

Единственный радикальный выход из ситуации демографического бедствия – дауншифтинг. Чаяновский проект, предвосхитивший дауншифтинг, вовсе не означает утраты связи с цивилизацией.

офорк, русский стиль («Общество возрождения художественной Руси» как матрица).

Автаркия большая и малая

Шестой уклад может существовать в рамках различных социально-экономических моделей, типов хозяйствования. Это может быть как капитализм, так и социализм. Однако у каждой из моделей в рамках шестого уклада есть свои уязвимые места. В случае капитализма – это паразитирование на технологиях устаревшего уклада, поскольку переход на новые технологии обременен потерями и рисками. Так, например, углеводород-

ное лобби не дает развиваться разработкам и проектам, связанным с продвижением альтернативных источников энергии, замещающих углеводородные энергетические технологии. Это ведет к технологической стагнации и в конечном итоге к экономическому отставанию от стран – вероятных противников, к ослаблению суверенитета страны. Иными словами, здесь существуют опасности стратегического ущерба. В социализме нас ждет противоположная опасность. Да, инновации внедряются быстро, и хотя проблемы с их финансированием есть, они себя в конце концов окупают с лихвой.

Однако конкуренция на внутреннем и внешнем рынках не развита. А значит, мелкие улучшающие технологические инновации оказываются нереализованными, поскольку они не стимулируются никоим образом, кроме плана и палки. Более того, они противоречат нормам, назначенным сверху, например, ГОСТу. В этой ситуации «инициатива наказуема». Значит, в итоге мы имеем тактический ущерб.

Поэтому в рамках шестого уклада наиболее адекватным ответом на его вызовы – прежде всего исчезновение прежних профессий в связи с развитием закрывающихся технологий и внутреннюю миграцию из города на село – с неизбежностью должна стать автаркия – как третий альтернативный базовый тип хозяйствования. Модель «осажденной крепости» диктует не-

обходимость прорывных инновационных технологий. Ибо врага можно разбить не собственным качеством, а собственным преимуществом: распущие снизу кооперативные хозяйства конкурируют друг с другом, внося в средства и способы производства мелкие инновации, позволяющие всему государству эффективно конкурировать с государствами-конкурентами.

Таким образом, перед нами большая и малая автаркии. Большая автаркия – автаркия государства. Автаркия малая – автаркия семьи, шире – автаркия кооператива, еще шире – совета кооперативов. Это вертикальный рост от корней к кроне. В конечном итоге сама структура власти изменится. По сути, именно здесь и только здесь мы получим последовательную демократию, передачу полномочий из рук в руки. Впрочем, насколько демократия, отчего-то непременно соотносимая с республиканской формой правления, в действительности нужна нашему народу, насколько противоречит, а насколько соответствует органическим архетипам русской власти – совершенно отдельный разговор. Однако, на наш взгляд, автаркийное хозяйственное устройство страны никак не противоречит – а скорее, может дополнять – любую форму государственного правления. Например, монархию. При этом не следует забывать о возможностях развития горизонтальных профессиональных связей, которые автаркия с неизбежностью приведет в полное или относительное соответствие с собой. Цеховая, профессиональная кооперация может явиться нам в совершенно новом обличии. Об этом также следовало бы сказать отдельно и в другом месте, но вовсе не упомянуть данного обстоятельства мы не могли.

Похожее разделение на малую автаркию, возможную уже сейчас, и большую автаркию как государственное хозяйственное устройство в целом мы встречаем у Михаила Туган-Барановского, хотя самих этих терминов он и не употреблял. У этого крупного теоретика кооперации разделены понятия кооперативного движения и кооперации как таковой. Кооперативное движение нацелено в будущее, оно футуристично. Это «большая автаркия», проект государства-кооператива. Кооперація же возможна *hic et nunc*, здесь и теперь, она может существовать в рамках текущей политico-экономической конфигурации. Если угодно, это и есть малая автаркия.

Чаянов, бывший отчасти продолжателем дела Туган-Барановского, видел переход от малой автаркии к большой таким образом: «Вся система качественно перерождается из системы крестьянских хозяйств, кооперирующих некоторые отрасли своего хозяйства, в систему общественного кооперативного хозяйства, построенную на базе обобществления капитала, оставляющую техническое выполнение некоторых процессов в частных хозяйствах своих членов почти что на началах технического поручения».

Что же такое – эта пресловутая автаркия, откуда она завелась и что означает? Одно из первых упоминаний автаркии находят во фрагментах Демокрита: «Пребывание на чужбине учит автаркии образа жизни: ячменная лепешка и соломенная подстилка – вот самые сладкие лекарства от голода и усталости». Автаркия здесь – самодостаточность, способность довольствоваться исключительно тем, что имеется в данный момент в наличии. Грекам слово понравилось. И его стали употреблять часто, к месту и не

к месту – метафорически. И в морально-этическом смысле, и в медицинском, и в экономическом, и даже в теологическом (у Платона, в частности, автаркиино тело Космоса).

Экономическое осмысление термина начинается с Аристотеля. Во всей его «Политике» настойчивым лейтмотивом звучит это понятие – «самодовлеющий» (автаркийный): «Общество, состоящее из нескольких селений, есть вполне завершенное государство, достигшее, можно сказать, в полной мере самодовлеющего состояния и возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради достижения благой жизни». «Оно (государство. – *Перев.*) появляется лишь тогда, когда образуется общение между семьями и родами ради благой жизни, в целях совершенного и самодовлеющего (автаркии. – *О.Ф.-Ш.*).» «Государство есть нечто самодовлеющее, рабство же несовместимо с самодовлением (автаркией. – *О.Ф.-Ш.*).» Таким образом, еще Аристотель видел автаркию в качестве того, что является целью государства-полиса.

В каком-то смысле можно сказать, что понятие автаркии очень близко к понятию суверенитета. Точнее было бы сказать, что это понятие суверенитета, взятое в его экономическом аспекте.

Исторически, в рамках укладаноль, аграрных, доиндустриальных укладов мы видели множество примеров автаркии. Это, например, Спарта, а если рассматривать более близкие к нам по времени примеры – Япония «периода Эдо» (1603–1868 года).

Принято считать, что в Новейшее время так или иначе автаркийной модели придерживался СССР, иногда говорят, что к автаркии тяготели и некоторые страны оси. Хотя это и не совсем так.

Разумеется, абсолютная автаркия является абстракцией,

Кайн убивает Авеля. Витраж Шартрского собора. Между 1205–1215 годами

Город – средоточие власти либеральной системы – и его индустриальный уклад давно сожрали деревню. Из книги Бытия мы помним, что первый город был основан Каином. Поистине, как в первой половине прошлого века писал Рене Генон, к концу времен «Каин окончательно убьет Авеля». Иначе говоря, город убьет деревню.

она недостижима в конкретике. Понятно, например, что СССР практически во всё время его существования занимался внешней торговлей. Причем не только со странами СЭВ. Наша страна вполне успешно торговала с рядом капиталистических стран. Тоже можно сказать и применительно к другим примерам автарткии в Новейшее время. Однако экономика СССР была самодостаточной. Нас не могли бы задушить санкциями или с помощью какой-либо другой формы экономической блокады, по-

скольку всё необходимое имелось в наличии, хотя ценой за это порой оказывался дефицит на некоторые товары. Современной России следовало бы обратить самое пристальное внимание на экономическую теорию выдающегося немецкого экономиста Фридриха Листа, с именем которого обычно и связывают современную теорию автарткии. И фактически это уже сделано. Ведь идея Таможенного союза – точнее, название экономической формы, развиваемой сегодня со-

временной Россией, – впервые была предложена именно Листом, а реализована с его подачи в 1834 году союзом германских государств, сложившихся позже именно благодаря этому в единую империю. Сегодня Россия движется по тому же пути, и это правильно. Однако мы должны не забывать предостережений Листа и помнить, что подлинная автартка – это не только система льготных таможенных сборов для участников союза, это прежде всего государственный протекционизм с его политикой максимального закрытия границ от более развитых рынков и максимальное открытие рынков на территориях «больших пространств».

Текущая ситуация с нелепыми санкциями как нельзя лучше способствует реализации таких планов с нашей стороны, при этом Запад копает сам себе могилу. В случае со вступлением в ВТО ситуация выходит обратная: бусы для «русских туземцев» взамен ценных ресурсов для «наших европейских партнеров». Несколько вне темы, но трудно удержаться и не добавить, что ВТО противопоказана России не только с экономической, но и с биополитической точки зрения. В подавляющей своей массе европейские продуктовые товары наносят России непоправимый демографический ущерб, так как в них содержатся ГМО, а также другие вредные пищевые добавки, нацеленные на подрыв fertilitnosti, а значит – на стратегическую депопуляцию страны – вероятного противника. Наоборот, продукты из той же Белоруссии – высококачественные, натуральные и здоровые. И если они пока и не относятся к категории «органической еды», поскольку белорусы по старинке используют различные консерванты

и другие пищевые добавки, хотя и довольно безобидные и не в таком количестве, как у всех остальных, то в дальнейшем у Белоруссии есть все шансы стать крупнейшим поставщиком «живой еды», по крайней мере, на территории Таможенного союза. Да и у нас сама ситуация с сельскохозяйственной продукцией некритическая. Так что в условиях санкций самое время покинуть ВТО.

Лист так сформулировал главный закон автаркии: «Повсеместное и тотальное установление принципа свободной торговли, максимальное снижение пошлин и способствование предельной рыночной либерализации на практике усиливает то общество, которое давно и успешно идет по рыночному пути. Но при этом ослабляет, экономически и политически подрывает общество, которое имело иную хозяйственную историю и вступает в рыночные отношения с другими, более развитыми, странами тогда, когда внутренний рынок находится в зачаточном состоянии». Что это значит? А это значит, что более развитая в рыночном отношении страна в условиях ничем не сдерживаемого свободного рынка превращает менее развитую в колониальный рынок сбыта и в конечном итоге убивает экономику такой страны, а ее жителей обращает в финансовое рабство. В этом отношении у нас у всех перед глазами ярчайший свежий пример — Греция.

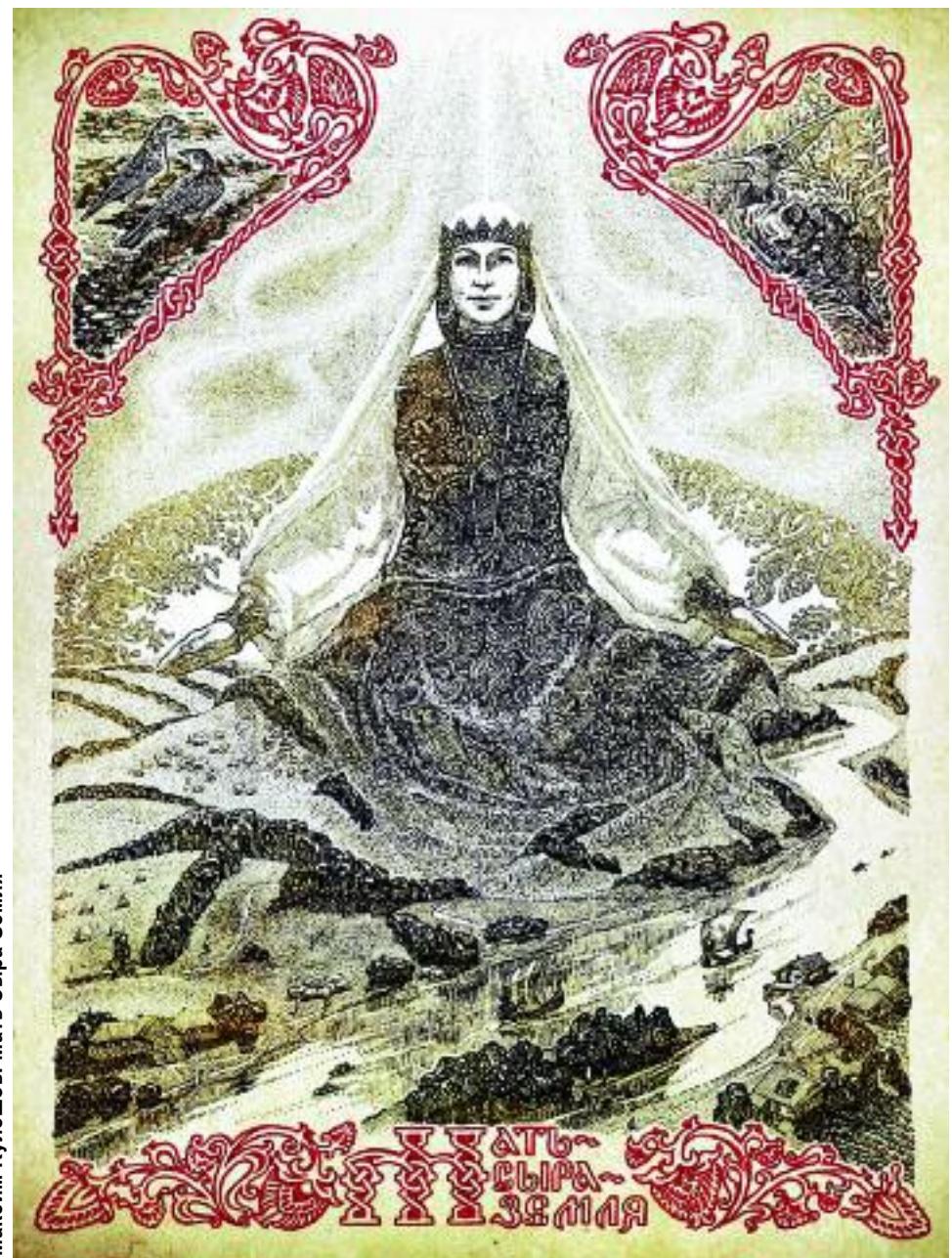
В книге «Национальная система политической экономии» Лист пишет о тогдашней России (первая половина XIX века) такие актуальные и на сегодняшний день слова, практический рецепт экономического процветания: «Благодетельные последствия восстановления (в Российской империи. — О.Ф.-Ш.) протекционной системы не менее,

чем вредные последствия восстановления свободы торговли, способствовали тому, что принципы и уверения теоретиков были окончательно дискредитированы. Иностранные капиталы, умственные и рабочие силы устремились из всех цивилизованных стран, а именно из Англии и Германии, чтобы принять участие в выгодах, предоставленных русской промышленной предприимчивости новым таможенным тарифом. Дворянство брало пример с правительства. Не находя внешних рынков для своих произведений, дворянство постаралось разрешить обратную задачу, а именно — приблизить к себе рынки; оно устроило фабрики в своих имениях. Вследствие спроса на тонкую шерсть со стороны вновь возникших шерстяных фабрик начало быстро улучшаться овцеводство страны. Заграничная торговля вместо того чтобы уменьшиться, возросла, в особенности же торговля с Персией, Китаем и другими соседними странами Азии. Торговые кризисы совершенно прекратились, и достаточно лишь посмотреть последние отчеты русского Министерства финансов, чтобы убедиться, что Россия благодаря этой системе достигла высокой степени благосостояния и что она гигантскими шагами подвигается по пути национального богатства и могущества.

Нет смысла в том, что в Германии (читай: в Евросоюзе, лидером которого является сегодня Германия. — О.Ф.-Ш.) хотят умерить эти успехи и жалуются на те убытки, которые были причинены русской системой северо-восточным провинциям Германии (речь идет о Восточной Пруссии, а на сегодняшний день геоэкономическая параллель — Прибалтика. — О.Ф.-Ш.). Всякая нация, как и всякий человек, не имеет более дорогих инте-

ресов, как свои собственные. России нечего заботиться о благосостоянии Германии. Пусть Германия занимается Германией, а Россия — Россией. Вместо того чтобы жаловаться, надеяться и ждать Мессию будущей свободы торговли, было бы гораздо лучше бросить космополитические системы в огонь и поучиться на примере России. Если Англия (сегодняшний ее преемник по военно-торговой функции в мире — США. — О.Ф.-Ш.) относится с завистью к торговой политике России, то это совершенно естественно. Россия благодаря этой политике эмансирировалась от Англии. Благодаря этой политике она будет в состоянии явиться соперницей Англии в Азии. Если Англия имеет преимущество дешевизны своих изделий, то эта выгода при торговле в Средней Азии будет уравновешиваться соседством с Азией и политическим влиянием империи. Если сравнительно с Европой Россия является еще малообразованной страной, то по отношению к Азии она страна цивилизованная».

Сообразуясь с процитированным, России необходимо максимально закрыть свои рынки для США, Европы, Канады, Японии и ряда других стран. Не только в рамках санкций, но и в долгосрочной перспективе. Для этих стран должно действовать такое правило: продавать им только те товары, для получения которых не было затрачено сверх усилий и в которых Россия является региональным или мировым монополистом, а значит — может диктовать свою цену (например, газ), а покупать только то, что сама Россия либо не может производить, либо производит существенно хуже и затратнее. И напротив, для стран, готовых вступить в Таможенный союз и чьи экономики слабее рос-

Максим Кулешов. Мать Сыра Земля

Россия, Русь – женского рода. Наша Родина – Мать. Если обращаться к глубинным народным архетипам – Мать Сыра Земля. То есть стихия почвы и стихия воды, явленные в своем единстве и дающие всему как рождение, так и смерть. В силу этого архетипа у нас особое отношение к могилам предков, «к отеческим гробам», по слову поэта.

сийской, необходимо создать самые благоприятные условия. Чуть менее льготные, но всё же льготные условия могут быть созданы для стран сопоставимых с нами экономик. Это те, с кем мы можем торговать на паритетных условиях. Речь, разумеется, в первую

очередь идет о странах БРИКС. Это и есть автаркия больших пространств – по Фридриху Листу. Под малой автаркией следует понимать способность семьи и, шире, кооперативного хозяйства быть самодостаточными, обеспеченными всем

самым необходимым: собственным защищенным от внешнего произвола жильем («мой дом – моя крепость»), собственной едой («сам вырастить – сам съел»), собственной альтернативной энергией, получаемой от солнечных батарей, ветряков, минигидроэлектростанций и т.д. («солнце, ветер и вода – наши лучшие друзья»), собственным экологичным внедорожным транспортом («куда хочу – туда лечу»), самоорганизуемыми культурой, образованием и досугом («сам себе и швец, и жнец, и на дуде игрец»). Иными словами, возможность выжить собственными силами, не выклянчивая у государства никаких льгот и пособий и не терпя значительного ущерба от холода, голода и информационной изоляции, можно назвать малой автаркией. Совершенно очевидно, что она осуществляется только в сельской местности. Городу придется очень сильно видоизмениться, чтобы обрести способность к малой автаркии. И видимо, рано или поздно это случится. Но в нашей стране сначала должна произойти малоэтажная колонизация на восток. Рост по вертикали имеет смысл лишь тогда, когда предельно, подобно мицелию, проработаны горизонтальные связи. В то же время активно заселяемая сельская местность в силу совершенно новых средств и способов производства совсем не будет похожей на патриархальную деревню прошлого. А в более отдаленной перспективе нас, вероятно, ждет появление горододеревни. Это наше неизбежное будущее. Но, по видимости, всё же относительно отдаленное – не в пределах одного-двух поколений. И здесь, кажется, мы вплотную приблизились к необходимости дать краткий очерк такого явления, как пермакультура.

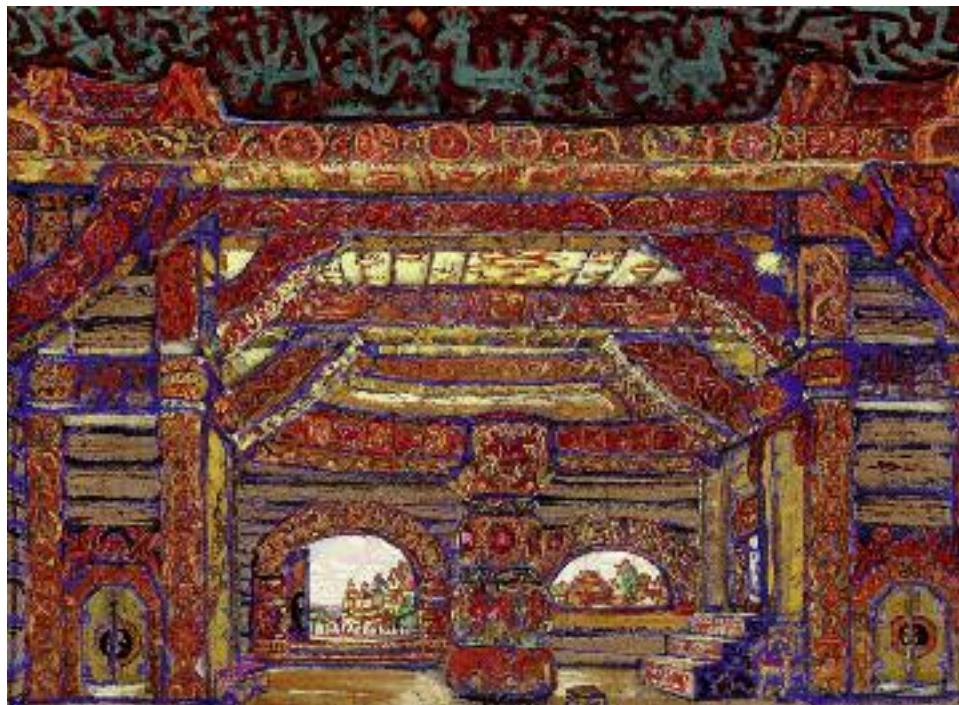
Открытие пермакультуры

Понятие пермакультуры (от англ. *permanent agriculture* – перманентное сельское хозяйство), стремительно набирающей сегодня популярность, прочно связано с именем выдающегося австрийского агрария Зеппа Хольцера.

Пермакультура стала возможной в XX веке благодаря массовому разочарованию не только в урбанистическом укладе, но и в современных способах ведения сельского хозяйства – от варварского применения химикатов, а затем и ГМО до нефункционального использования естественных сил природы. Дауншифтинг – еще не пермакультура, поскольку тот, кто решил уехать из города ради семьи, ради спокойной жизни на земле, ради, наконец, здоровья, совсем не обязательно обратится к новейшим методам ведения сельского хозяйства и, скорее всего, если займется обработкой земли, станет делать это привычными методами: обязательной вспашкой, классическими грядками, пестицидами и т.д.

Что же такое пермакультура? Это особый способ аграрного производства, основанный на принципах, наблюдаемых в естественных экосистемах. Почему она перманентная? Прежде всего потому что она не истощает почв, как обычное земледелие, ведущее к опустыниванию (лес – поле – луг – пустыня). Но также и потому, что сельскохозяйственные работы ведутся практически круглый год, хотя и требуют значительно меньших затрат.

В основе пермакультуры лежит подсмотренное у природы использование симбиоза растений и животных, избегание монокультурных посадок, и напротив, насаждение разнообразных видов (как в природе), а также функциональный

Николай Рерих. Берендеево царство. Рисунок к сказке Александра Островского «Снегурочка»

Большая автаркия – автаркия государства. Автаркия малая – автаркия семьи, шире – автаркия кооператива, еще шире – совета кооперативов. Это вертикальный рост от корней к кроне. В конечном итоге сама структура власти изменится. Поэтому, именно здесь и только здесь мы получим последовательную демократию, передачу полномочий из рук в руки.

дизайн компонентов – природных (почва, солнце, ветер, вода) и рукотворных (дренажные системы, изгороди, пруды, плодовые деревья, выпасы, фермы и загоны, жилые постройки). Это сближает ее с концепцией пассивного дома, о чем будет сказано далее. Термин «дизайн», особенно если речь идет о пермадизайне, который иногда смешивают с ландшафтным дизайном, у нас принято понимать неправильно – как некое украшательство, декорирование. Речь же идет прежде всего о правильном размещении существенных хозяйственных компонентов. Английское слово *design* (проект, обозначение) можно метафорически сблизить с немецким понятием *Dasein* (вот-бытие). Стало быть, создать дизайн – значит обналичить что-либо в бытии. Следовательно, дизай-

нера можно назвать также и дизайнером, придавая таким образом ему некие демиургические функции. Речь идет, конечно, не о лингвистическом родстве этих слов, возникшем в исторический период. Тут скорее поэтическое осмысление. Но что такое язык, как не квинтэссенция поэзии?

Особое внимание в пермакультуре уделяется хольцеровским грядкам. Это один из важнейших компонентов функционального дизайна. Хольцеровские грядки больше похожи на вытянутые в длину холмики. Эти холмики устроены особым образом, чтобы служить одновременно солнечной ловушкой, ветрозащитой и водоулавливателем, образуя особую микросреду, в которой осуществляется эффективное земледелие. Холмики формируются из раз-

Фридрих Лист (на портрете Йозефа Крихубера):

«Повсеместное и тотальное установление принципа свободной торговли, максимальное снижение пошлин и способствование предельной рыночной либерализации на практике усиливает то общество, которое давно и успешно идет по рыночному пути. Но при этом ослабляет, экономически и политически подрывает общество, которое имело иную хозяйственную историю и вступает в рыночные отношения с другими, более развитыми, странами тогда, когда внутренний рынок находится в зачаточном состоянии».

личных слоев: здесь и пиломатериалы, и дерн, перевернутый травою вниз, и мульча — например, сено. В это трудно поверить, но именно формирование такой микросреды позволяет совершать почти невозможное в сельском хозяйстве.

На одном из выступлений в России Хольцер высказался об аграрных перспективах нашей страны: «Россия — самая богатая страна в мире по территориальным и земельным ресурсам. Если Россия поймет свой огромный шанс, который у нее есть, то перспективы самые благоприятные. Сейчас самое главное, с моей точки зрения, — хозяйствовать на земле, обрабатывать землю, земля при-

надлежит гражданам, а основная задача власти — содержать это всё в порядке. Сейчас уже понятно, что традиционные методы ведения сельского хозяйства не работают, а ведут к банкротству. Большинство стран забюрократизированы. В России больше свобод. И у России, безусловно, есть шанс. Когда граждане России поймут, какое богатство есть в их распоряжении в виде земельных ресурсов, когда появится интерес к земле, экологическому движению, к правильной обработке земли, тогда страна будет цвести. Здоровая земля, здоровые животные, сельское хозяйство без химии, отсутствие монокультур, бережное содержание животных — это, я считаю, и есть будущее России».

формировали защиту от потоков холодного воздуха, но при этом чтобы туда попадали солнечные лучи, нагревая поверхность земли. Ветер уносит также и влагу, а благодаря защитному валу влага будет задерживаться. Большое значение в этой среде имеют камни — с их помощью также можно формировать микроклиматические зоны. Нагреваясь от солнца, они создают эффект печки. Вообще камни имеют многоцелевое назначение: они отдают минеральные вещества в почву, под ними собираются резервуары с водой, под камнями хорошо себя чувствуют черви, которые необходимы для разрыхления почвы. На таких микроклиматических участках землю можно формировать, как пластилин, — можно сделать высокие гряды, дать возможность растениям расти в высоту, тогда урожай удастся повысить в 5–10 раз. Можно выращивать такие культуры, как огурцы, кабачки, морковь, горох, фасоль, капусту, кукурузу, подсолнечник. Урожай, собранный с одного гектара такой земли, способен прокормить 3–4 семьи». То есть здесь мы фактически вплотную подходим к идеи терраформирования бесплодных почв. Таким образом, со временем мы сможем заселить не только пустующие плодородные земли «русским миллиардом», но и зоны рискованного земледелия и даже зоны холодных пустынь севера и жарких пустынь юга — «русскими миллиардами». Пермакультура способна совершить подлинный прорыв в сельском хозяйстве в рамках шестого уклада. Однако сегодня государство ничего не предпринимает для того, чтобы пермакультура стала стратегической реальностью в сельском хозяйстве. Зато тему пермакультуры плотно оккупировали разного рода сек-

танты: неоязычники, так называемые анастасиевцы и прочий паноптикум. Эту ситуацию надо срочно менять. Как именно — будет сказано ниже.

Пассивный, активный, умный

Сегодня мы всё чаще слышим такие выражения, как «пассивный дом», «умный дом», «активный дом». Выражения, еще четверть века назад показавшиеся бы бредом сумашедшего, сегодня входят в тезаурус шестого уклада, находятся на самом передовом крае его проблематики.

Меж тем, речь опять-таки идет всё о том же функциональном дизайне/дизайне компонентов: способе разместить окна, жилые пространства, системы вентиляции и рекуперации без «мостиков холода», организовать сбор солнечных лучей и защиту от ветров для наименьших энергозатрат.

Пассивный дом уже давно придуман, опробован и показал свою эффективность. Энергозатраты на отопление, освещение и вентиляцию такого дома доходят до 10 процентов по отношению к энергозатратам на обычное жилье. Активный дом характерен тем, что в нем используются не только энергосберегающие технологии, но и технологии получения альтернативной энергии. Это прежде всего солнечные батареи, ветряки, минигидроэлектростанции и др. Владелец такого дома становится не только потребителем, но и поставщиком электроэнергии, к нему начинают приходить счета с отрицательными цифрами, которые он может обналичить. Это дает возможность одновременно и экономить энергоресурсы, и не загрязнять окружающую среду. И такие дома уже тоже существуют.

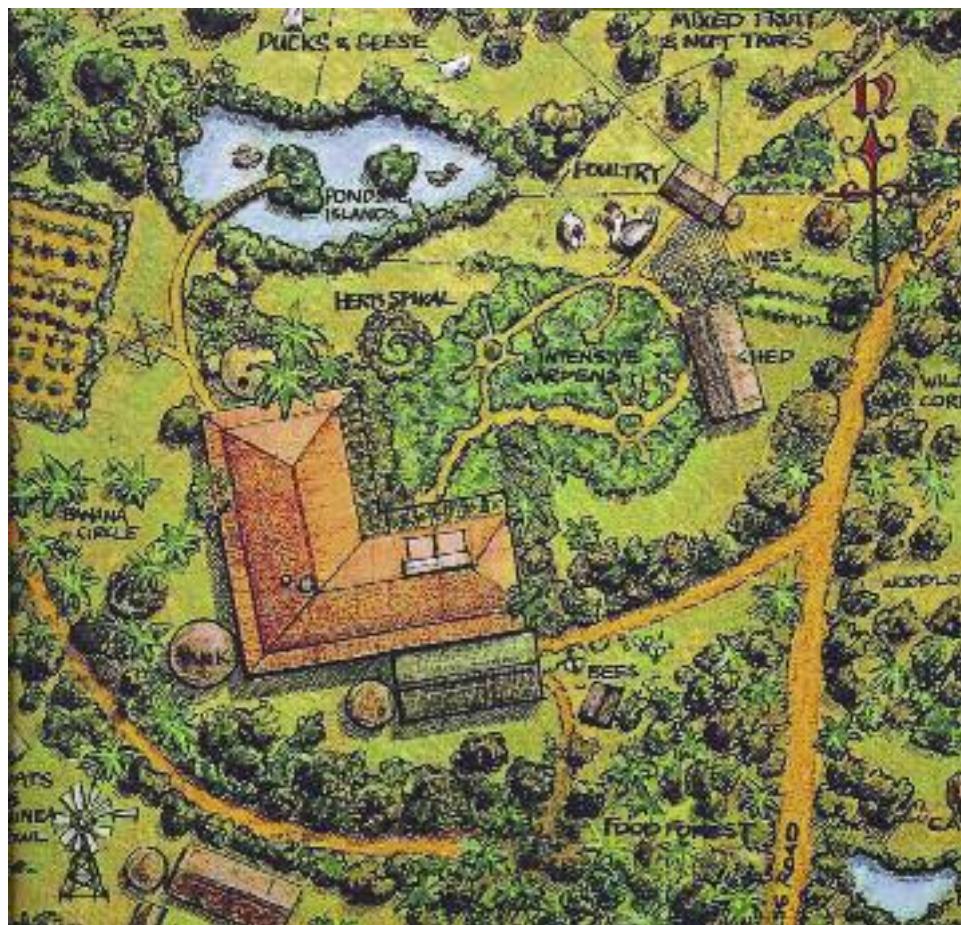
Умный дом — следующий шаг на пути развития новейшей концепции дома и его функ-

Пермакультура стала возможной в XX веке благодаря массовому разочарованию не только в урбанистическом укладе, но и в современных способах ведения сельского хозяйства — от варварского применения химикатов, а затем и ГМО до нефункционального использования естественных сил природы.

ционального дизайна. Он берет на себя автоматический контроль за сбережением ресурсов и собственной охраной. Также в нем может быть заложено множество других функций, делающих быт более комфортным.

В настоящее время умные дома уже существуют, но в России они только-только появляются. Чрезмерной нужды в них нет, в отличие от пассивного и активного домов. Это скорее предмет роскоши для людей очень состоя-

Термин «дизайн», особенно если речь идет о пермадизайне, который иногда смешивают с ландшафтным дизайном, у нас принято понимать неправильно – как некое украшательство, декорирование. Речь же идет прежде всего о правильном размещении существенных хозяйственных компонентов.

тельных. Что неплохо, но не должно внедряться в общем порядке. Что же касается пассивного дома, то он просто обязан стать нормой по умолчанию.

Сегодня уже существуют 3D-принтеры, способные за очень короткое время «распечатывать» такие пассивные дома. Например, для жителей Сибири, пострадавших в последние годы от пожаров и паводков и лишившихся жилья, это стало бы экономичным решением проблемы. Технология 3D-печати домов сейчас только в разработке, но завтра она станет реальностью, что полностью изменит цены на строительные работы и силь-

но удешевит жилье, по крайней мере новое.

Агроботы

Пермакультура сегодня с необходимостью должна идти рука об руку с автоматизацией и роботизацией на селе. То, что еще 20 лет назад показалось бы совершенной утопией, сегодня воплощается на практике в странах с развитым пяттым укладом – прежде всего в Европе, а также в Японии и в США.

«Робот на селе» сегодня – это, конечно же, не андроид с лопаткой и садовой лейкой для полива грядок и лампочкой вместо носа. Правильнее было бы говорить о системах авто-

матизации на селе, или агробеспилотниках.

Автоматизировать и роботизировать можно практически любую из сфер сельского хозяйства. Сегодня в Японии, например, роботизирован анализ почв (так называемое точное земледелие), а в США автоматизирован контроль со стороны госструктур за качеством мяса. Специальные аппараты, напоминающие томографы, отправляют данные со всех пунктов по разделке мяса в единый центр. Это позволяет поддерживать всегда высокий уровень качества и безопасности сельскохозяйственной продукции.

Агроботы в автоматическом режиме, сообразуясь с климатическими условиями, ведут полив посевов, и это уже стало реальностью во всем мире. Беспилотные аппараты проводят посевные и другие работы, различные виды агроботов-харвестеров приспособлены для аккуратного сбора самых разных культур: от огурцов до клубники, и от болгарского перца до кокосов. По сути дела, это автоматизированные комбайны, в которых задействованы высокие технологии.

Сегодня роботизация активно применяется и в мясном животноводстве. Это и автопоилки, и системы автоматической уборки свинарников, и устройства по контролю за микроклиматом, и автомойки. Хорошо известно, что животные, которые содержатся в грязи, в плохо вентилируемых помещениях, становятся нервными, а мясо животных, испытавших стресс перед бойней, оказывается менее качественным. В Германии, например, развито движение за гуманное отношение к сельскохозяйственным животным. И это не истеричный «Гринпис» или радикальные сыродеды. Наоборот, это люди, которым не всё равно, какое мясо они едят.

Что касается молочного животноводства, то здесь крупным достижением стало появление робота-дояра, позволяющего двум-трем фермерам держать стадо из 300 коров. Причем такой робот всегда будет работать с одинаковой интенсивностью, давая в качестве поощрения за доение особенно вкусный травяной корм. Для таких коров не нужна специальная ферма, они сами подходят к роботу, и он их доит таким образом, что молоко ни на одном из этапов, включая бутилирование, не соприкасается с воздухом. Надо значительно выше, так как робот контролирует, когда можно доить корову, а когда еще рано. И никогда не запаздывает со своей работой.

Агроботы никогда не устают, не делаются вдруг менее аккуратными, а главное — они позволяют разгрузить работу фермера. Фермер по сути превращается в оператора роботов и автоматов. Одна крестьянская семья даже при частичной роботизации своего хозяйства способна производить растительной, молочной и мясной продукции больше, чем средний совхоз. Такой тип хозяйства однозначно эффективней чудовищных агрохолдингов, которые сегодня не дают развиваться российскому сельскому хозяйству.

Одним словом, если соединить пермакультуру и роботизацию на селе, то мы уже получим стремительный экономический рост в сельском хозяйстве. Кроме того, сегодня у нас есть все возможности сделать так, чтобы агроботы были экологичными: их двигатели реально сделать электрическими, аккумуляторы заряжать от генераторов, установленных на ветряках, или от солнечных батарей. Однако здесь мы вплотную подходим к проблеме утилизации незэкологичных отходов эко-

логичных электромашин и фотоэлементов солнечных батарей.

Рециклирование и зеленое электричество

России необходима эффективная система рециклинга. Наши леса, наши деревни, наши города испакощены, осквернены, отравлены, всюду валяются пластик, пакеты из полиэтилена, поливинилхlorida, батарейки, которые не разлагаются в природе. Всё это не только позор России, чем нам постоянно досаждают и тычат иностранцы, но и причина демографического урона, поскольку многие из неутилизированных отходов, попадая в окружающую среду, весьма быстро начинают контактировать с подземными водами, нанося вред здоровью в целом и женской fertильности в частности. Подрывается наш человеческий потенциал. И ситуацию эту невозможно исправить никакими очистными фильтрами. Поскольку проблему пытаются решать с другого конца.

Есть и совсем вопиющие случаи, когда, например, места захоронения промышленных отходов первого класса находятся в непосредственной близости от воды, поступающей в водопровод. Сфера эта крайне коррумпирована. Однако, наверное, не нам начинать войну против этой бесчеловечной машины. Это дело государства — ловить и наказывать экологических преступников. Поэтому кратко обозначим проблему с твердыми бытовыми отходами, которая частично решаема. Во многих странах мира принята их сортировка. Повсеместно используются раздельные баки для органических отходов, для пластиковой тары, для металлов, для текстиля и т.д. Это еще не зеленая технология в чистом виде, но хотя бы первый шаг к

ней. Если мусор может быть переработан, он должен быть переработан. У нас, к сожалению, такие раздельные баки существуют лишь в некоторых элитных районах Москвы и, возможно, еще нескольких мегаполисов. Если в ЕС захоронению подвергаются 40 процентов отходов, что тоже очень много, то у нас — свыше 90 процентов, и это по сути — экологическое преступление. В СССР с утилизацией твердых бытовых отходов всё было значительно лучше. В качестве упаковочного материала использовался не полиэтилен, а пищевая бумага разных сортов — в зависимости от того, для чего она предназначалась. Сливочное масло, например, заворачивали в лощеную бумагу. Активно использовались одноразовые бумажные стаканчики. Также в автоматах с газированной водой и у продавщиц, торговавших соками и водами в розлив, всегда были стеклянные стаканы, кружки и моющие устройства. Бумага и картон быстро разлагаются в природной среде, не нанося экологии ущерба.

Что касается вторичного сырья, то государство руководило этими процессами, и поэтому стоимость переработки закладывалась в стоимость продукции. Главвторсырье и Центросоюз занимались сбором отходов. Были ГОСТы на стеклотару, сдать ее можно было в шаговой доступности, всем были известны расценки на нее. Часто родители давали детям на карманные расходы не деньги в чистом виде, а бутылки и банки. Также легко можно было сдать в специальных пунктах металлом и макулатуру. Более того, в обществе велась государственная пропаганда по сдаче бытовых отходов. Такая активность поощрялась. Например, за определенное количество макулатуры можно было получить дефицитные

книжные издания. Этот советский опыт было бы неплохо вернуть.

Сегодня же производителю невыгодно использовать материалы, которые могут быть подвергнуты вторичной переработке или утилизации. То есть, может быть, теоретически он, наверное, и не против. Но платить за это он не намерен. Например, выгодна пластиковая тара. Пластик стоит дешево, удобен в перевозке, поскольку не бьется, можно заказать собственный, оригинальный дизайн для тары. Однако ПЭТ-тара в природе не разлагается и, хуже того, содержит дибутилфталат, вредный в целом и в том числе для женской fertильности. Вследствие настоящего обстоятельства подобного рода тара может рассматриваться как биополитический инструмент, способствующий депопуляции в РФ, а также в тех странах, где настоящая тара распространена. Почему же в России государство разрешает такую вредную тару, наносящую ему демографический ущерб? Ответ очевиден: идет ее лоббирование в силу коррумированности всей цепочки. Государство делает запрос в экспертные сообщества, а те аффилированы с международными структурами, действующими в интересах нашего потенциального геополитического и актуального биополитического противника. Это может быть по виду и не прямой «иностранный агент», но работают они в связке. Одни получают деньги, другие – возможность биополитического контроля.

Не хочется распыляться на частности, но, к примеру, по поводу содержания в ПЭТ-таре дибутилфталата президент Российской союза химиков Виктор Иванов заявил: «Наличие дибутилфталата в ПЭТ невозможно. Это противоречит законам химии, ми-

ровому опыту и многочисленным российским и зарубежным исследованиям». Однако мы общались с другими профессиональными химиками и слышали от них совершенно противоположные оценки. При этом на сайте Российского союза химиков черным по белому написано: «Российским союзом химиков ведется плодотворная работа по глобальной программе устойчивого развития “Ответственная забота” (*Responsible Care*), утвержденной и рекомендованной ООН всем странам. Действие программы *Responsible Care* распространяется в сферах техники безопасности, охраны труда и экологии и направлено на использование в работе лучших практик реализации программы в мире. В 2007 году Россия, в лице Российского союза химиков, вступила в лидер-группу стран (*RCLG ICCA*) по реализации программы и стала 53-м государством, работающим по стандартам *Responsible Care*. Напомним, что «устойчивое развитие» – социально-политический тег биополитической комиссии Бруннтланд (она же – Всемирная комиссия по окружающей среде и развитию, *WCED*), проводившей в жизнь идеи практического неомальтизианства, включая косвенную депопуляцию населения стран второго и третьего мира в целях перераспределения мировых ресурсов в пользу населения стран «золотого миллиарда», под видом заботы о всеобщем благосостоянии не только нынешнего, но и грядущих поколений. Таким образом, мы сталкиваемся с тем, что государственную экспертизу выполняют иностранные агенты, враги нашего государства и народа. Ряд подобных примеров наш независимый Центр биополитических экспертиз мог бы при желании продолжить. Однако тема нашего

обозрения более общая. И цель в данном случае была лишь в том, чтобы показать, в какой трудной ситуации мы находимся и насколько востребованными оказываются жесткие меры, предпринимаемые государством.

Нужны здоровые альтернативы пластику и полиэтилену. Требуется такая упаковка, которая могла бы достаточно быстро в природе разлагаться. Сегодня, к слову сказать, в качестве альтернативы ПЭТ предлагают картонную упаковку, пригодную в том числе для любых напитков, технология «Тетра Пак» уже давно и эффективно используется. Подходящая замена полиэтилену – бумажные пакеты, биополиэтилен, пленка на основе метилцеллюлозы и белковых комплексов. Однако принять радикальные меры в этой области может только государство.

Если мы собираемся развивать автаркическое сельское хозяйство, особенно в случае самоколонизации Сибири, нам необходимо научиться использовать зеленые технологии и рециклинг на селе, чтобы Сибирь не стала жертвой отходов этой самоколонизации.

Кроме того, в рамках набирающего силу шестого уклада США, Европа, Китай, Индия и Япония уже вступили в гонку технологий зеленой энергетики. Энергетика углеводородов будет уходить в прошлое. И те страны, которые позже других осознают безальтернативность, простите за каламбур, альтернативной энергетики, окажутся проигравшими. Дорогая углеводородная энергетика будет в целом подрывать экономику таких стран, делать их неконкурентоспособными. Не получив развитую альтернативную энергетику, такие страны не получат дешевый альтернативный транспорт, а для нашей страны это будет означать демографиче-

ский коллапс, поскольку пронизанность разнообразными путями сообщения определяет степень заселенности региона, отсутствие разнообразных транспортных артерий или перегруженность трафика ведет к оттоку населения, что критично, например, в случае Сибири, которая является нашей ресурсной базой, и ее потеря равносильна для нас закрытию проекта «Россия». Кроме того, мировое сообщество в лице своих биополитических институтов с совершенной очевидностью не замедлит воспользоваться таким выгодным для себя обстоятельством и будет предпринимать санкции по отношению к странам – «экологическим преступникам».

Сегодня в дискредитации альтернативной энергетики заинтересовано углеводородное лобби. Поэтому в Интернете можно найти много критики в адрес тех или иных технологий зеленой энергетики. Между тем дыма ведь без огня не бывает. Поэтому давайте попробуем разобраться в проблеме. Что касается солнечных батарей, конечно, их производство вредно, однако не в той степени, как использование углеводородных технологий. Причем есть возможности этот вред минимизировать. Проблема утилизации солнечных батарей и, в частности, содержащегося в них свинца преувеличена. Это не большая проблема, чем проблема переработки никель-кадмевых или никель-металл-гидридных элементов. При этом, что показательно, достаточно покрыть, например, всего лишь 1 процент поверхности Сахары солнечными батареями, и электроэнергии хватит, чтобы обеспечить всё население Земли. Что, кстати, и предлагал в свое время Чаянов. Это, конечно, чисто теоретически. А вот практика. Компании *Siemens* и *Deutsche Bank* уже

Умный дом – следующий шаг на пути развития новейшей концепции дома и его функционального дизайна. Он берет на себя автоматический контроль за сбережением ресурсов и собственной охраной. Также в нем может быть заложено множество других функций, делающих быт более комфортным.

вложились в проект по застykле части территории Сахары солнечными батареями и терраформированию части пустыни. Объем инвестиций составит 400 миллионов евро. На реализацию, по различным прогнозам, уйдет от 10 до 15 лет. После этого Европа сможет полностью обеспечить себя электричеством. Для России это не очень хорошие новости, учитывая нашу ресурсную политику последних лет. По большому счету, Россия надо бы как следует вложитьсь в проекты шестого уклада, и прежде всего в технологии зеленого электричества, чтобы не прийти к концу этой гонки в хвосте.

Не менее интересный вариант – ветряки. Это самая экологичная энергетика. Однако ветряки критикуют за то, что они убивают птиц и летучих мышей. И дело тут не только

в этическом аспекте – при повсеместном их использовании нарушается экологический баланс. Меньше птиц – больше насекомых. Больше насекомых – больше насекомых-вредителей. Больше насекомых-вредителей – меньше урожай. Кроме того, ветряки производят сильный шум, и если их будет слишком много, наступит акустический ад для всех. Однако сегодня уже появились малошумные ветряки, врачающиеся даже от незначительного движения воздуха, с какого бы направления оно ни приходило, и безопасные для птиц и летучих мышей.

У Советского Союза был богатый опыт постройки гидроэлектростанций. Поначалу это казалось очень экологичным способом получения энергии, поскольку выбросы как таковые отсутствовали. Но нега-

Агроботы никогда не устают, не делаются вдруг менее аккуратными, а главное – они позволяют разгрузить работу фермера. Фермер по сути превращается в оператора роботов и автоматов. Одна крестьянская семья даже при частичной роботизации своего хозяйства способна производить растительной, молочной и мясной продукции больше, чем средний совхоз.

тивные последствия для экологии тем не менее оказались значительными. Это и затопление территорий, а значит – переселение множества людей (вспомним здесь хотя бы «Прощание с Матёрой»), и заболачивание, и гибель рыб, и помеха нересту. Казалось бы, минигидроэлектростанции лишены таких серьезных недостатков. И всё же они есть. К тому же проблем, конечно, меньше, но и выход электричества тоже меньше. Однако сегодня существует замечательный проект гравитационно-водоворотной станции, в котором недостатки прежних ГЭС устранены. Австрийский изобретатель Франц Цотлёттер предложил не перегораживать реку плотиной, что,

безусловно, вредно, а отводить часть потока в специальный канал, направляющий воду к турбине. Турбина особенная: это бетонный цилиндр, к которому вода стекает по касательной. Образуется эффект водоворота. При этом лопасти движутся синхронно с водой, а не рассекают ее, благодаря чему рыба остается целой и невредимой. КПД такой станции высок. Цотлёттер на своей экспериментальной ГЭС получил 73 процента. Мощность мини-ГЭС достигает 9,5 киловатт. Это, конечно, вариант не для индивидуальной энергетики. Но крупное кооперативное хозяйство вполне могло бы взять такой проект на вооружение. Существует технология, позво-

ляющая конвертировать в электричество жар дровяных печей, которые всё равно еще долгое время будут оставаться обыденной повседневностью на селе. Современные электрогенерирующие печи – например, «Индигирка» – дают немного электроэнергии, но ее хватает на несколько энергосберегающих лампочек, питание ноутбука, зарядку гаджетов. При этом перед нами полноценная отопительно-варочная печка. Она греет, на ней можно готовить. Конечно, она не может быть основным источником электроэнергии, но как вспомогательный и в отдельных случаях экстренный генератор вполне сгодится. К тому же на «Индигирке» свет клином не сошелся. Если есть «Индигирка», могут появиться и более мощные печи. Особенно перспективным представляется гибрид такого генератора с традиционной русской печью. И если уж, например, небезызвестный Герман Стерлигов ратует за традиционную рус-

скую печь и в то же время выступает против ветряков из-за их шумности и солнечных батарей из-за проблем с их утилизацией, то почему бы ему не профинансировать такой проект скрепя сердце, как говорится, посодействовать с «проклятыми колдунами-учеными» хотя бы в таком деле. Ведь сокращение потребления электроэнергии на селе при росте населения невозможно. Если мы хотим «русский миллиард» и «русские миллиарды», то нам придется признать, что для этого нужны мегаватты и мегаватты зеленого электричества. Конечно, гибрид русской печи с генератором нельзя назвать зеленой технологией, но это однозначно лучше, чем ТЭЦ, и на переходный период послужит отличным подспорьем.

Особо следует упомянуть геотермальные станции. Хотя это уже технологии совсем не для частного применения. Скорее, это забота государства о себе самом. Геотермальная энергия у нас буквально под ногами. Запасы ее практически неисчерпаемы. Особенно это касается территории на краю континентальных плит, где земная кора тоньше. Например, на Камчатке и Сахалине нам сам Бог велел строить такие станции. И они уже есть. Однако потенциал геотермальной энергетики пока у нас используется все равно недостаточно. Пять станций работают чуть ли не в экспериментальном порядке. Весь российский Кавказ, Ставропольский и Краснодарский края могут использовать эту даровую энергику. Но здесь есть и определенная проблема. Геотермальные воды часто содержат соли токсичных металлов. Отработанные геотермальные воды ни в коем случае нельзя сливать в водоемы на поверхности. Эти воды должны возвращаться

в свой горизонт. Очевидно, что здесь требуются серьезные затраты и серьезное проектирование, поэтому для развития настоящего вида энергетики, конечно, должно быть принято государственное решение. Это не ветряк и не солнечная батарея.

Однако существует и такое доступное решение в области подобного рода энергетики, как геотермальные тепловые насосы. Эта технология основана на использовании разницы температур в земле и позволяет снизить расходы на отопление дома, осуществить подогрев воды, а также, например, теплиц. Как известно, на глубине 15–20 метров земля всегда имеет температуру 10–12 градусов – в любое время года. Почвенный коллектор, представляющий собой длинную трубу, погружается в землю (существует несколько вариантов укладки этой трубы, включая использование грунтовых вод или вод ближайших водоемов) и становится своего рода передатчиком тепловой энергии. Сюда необходимо присовокупить, что существуют перспективные разработки, позволяющие трансформировать разницу температур, снимаемых такой трубой, в электричество. Кроме того, эту трубу можно также использовать как артезианскую скважину или ее дубль, что уменьшает расходы на бурение. Таким образом, мы решаем сразу несколько задач: чистая вода, холодная и горячая, центральное отопление, электричество. В принципе, это технологии активного дома, но о них следовало сказать именно в этом разделе, поскольку речь здесь идет также и о зеленом электричестве. Нет никаких сомнений в том, что эта технология будет незаменимой при самоколонизации Сибири и позволит превратить север нашей Родины в цветущий рай.

Русский культурно-цивилизационный стиль

Теперь следовало бы сказать о самом главном – о том, вокруг чего, как вокруг незыблевой оси, должно вращаться всё что было описано прежде. И если этого не будет, то вся описанная выше биономика – излишня и даже вовсе не имеет смысла, поскольку механическое продолжение существования ради существования – самое страшное, что может постигнуть русского человека. «Русского», разумеется, не в этническом отношении, ибо что это такое сегодня, определить довольно трудно, поскольку в древности под русскими понимались подданные русского царя, а сегодня мы живем при республиканском правлении, как бы к этому ни относиться. Поэтому сегодня правильнее было бы говорить о наследии великой русской культуры многонационального русского народа, питающем большой Русский мир, тяготеющий к многовариантной «цветущей сложности» (в смысле Константина Леонтьева) и всемирной «всечеловечности» (в смысле Федора Достоевского).

В основе русского бытия в XXI веке с неизбежностью должны лежать три наши главные традиционные культурные ценности: правда (устав), труд (уклад) и семья – если шире, то совет и собор (устой). Напомним, что мы начали этот большой очерк с вычленения в структуре уклада:

- ◆ культуры духовной (метафизика, традиции, ценности, социальные нормы, литература и искусство);
- ◆ культуры материальной (всего того, что в рамках текущего уклада произведено человеком);
- ◆ средств и способа производства (того, чем и как произвел всё это человек).

Отсюда видно, что уклад сам в себе – подобно матрешке

внутри матрешки — содержит подобное же тройное членение. Внутри уклада также есть свои устав, уклад и устой. Культура духовная — устав, культура материальная — уклад, средства и способ производства — устой.

Начнем с устоя, с семьи, так сказать, с тела будущего русского бытия. Русская семья, несмотря на всё то, что с ней пытались сделать в XX веке, тяготеет к традиционным семейным ценностям, пусть даже некоторые из них извращены и растоптаны такими практиками, как, например, серийные преднамеренные убийства по предварительно муговору (абORTы).

Тем не менее русская семья находится в более благополучном положении, нежели семья западная, окончательный демонтаж которой осуществляется на наших глазах путем легализации однополых браков, усиления бесправия в семье мужчины, попрания целомудрия и дозволенности прелюбодеяния как чего-то само собой разумеющегося. Не говоря уже о насаждении новейших ювенальных технологий.

Что касается преимуществ некоторых восточных и южных типов семьи, то все они перекрываются полным неприятием новозаветных слов: «Мужья, любите своих жен» (Еф. 5:25). Взамен там правят бал исключительно ветхозаветные слова: «<...> к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою» (Быт. 3:16). Насилие, пытки и издевательства по отношению к женщинам и вообще к женщинам в некоторых странах Юга и Востока — совершенно в порядке вещей.

Православная цивилизация в этом отношении являла совершенно другой образец семьи, опираясь на слова апостола: «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу <...>.

Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь» (Еф. 5:22, 25). Здесь нет ни равенства, как на Западе, ни порабощения, как на Востоке и Юге. Причем Запад, после того как он отклонился от традиционной христианской модели, прошел в этом отношении три стадии: сначала дискриминация женщин мужчинами, затем суфражизм и нелепое «равенство полов», и наконец — дискриминация мужчин женщинами, что имеет сегодня место, увы, и в российском обществе: женщина может сделать аборт без согласия мужа, в случае развода суд всегда на ее стороне относительно раздела имущества, а дети после развода, как правило, достаются матери. На Западе это еще дополняется рядом других преднамеренно сфабрикованных дискриминационных концептов и следующих из них законов, народе секуального домогательства, которое, оказывается, может выражаться даже просто в «неприличном взгляде», который не понравился женщине, не говоря уже о слове или тем более действиях. В любых судебных разбирательствах суд заведомо на стороне женщины, и слово ее весомее.

Традиционные семейные ценности православной цивилизации являются не равенство или неравенство полов, а иерархию, основанную на признании различия функциональных особенностей мужчины и женщины. Женщина не может стать мужчиной, как белочка не может стать ежиком — не потому что она плохой ежик, а потому что она белочка.

Феминистки и другие представители либерального сообщества тщатся представить «домострой» как некий аналог мусульманского или староевропейского «патриархата», как «мачистский» концлагерь для

женщины, ссылаясь на отдельные исторические примеры. Однако «Домострой» — это всего лишь учебник по домоводству, семейной экономике, живописующий традиционный образец традиционной русской семьи: что должен делать хороший муж и что должна делать хорошая жена: как, например, правильно солить огурцы или грудину. А любые примеры, факты — ничто без интерпретации. История XX века, казалось бы, должна была нас этому научить. Оценки разных событий, людей и явлений менялись в нашей стране так часто, что ценность любого факта, даже в данный момент происходящего на наших глазах, сегодня весьма сомнительна. Если говорить предметнее, то традиционные семейные ценности это:

- ◆ чадородие и многочадие, неприемлемость контроля за рождаемостью;
- ◆ святость человеческой жизни от зачатия до естественной смерти, неприемлемость абортов и эвтаназии;
- ◆ половозрастная иерархия, подразумевающая уважение к старшим, защиту младших, главенствующую роль мужчины-воина и труженика в обществе, почитание женщины-матери, нелицемерная любовь к детям и всеобщая забота о них;
- ◆ целомудрие, благородство и супружеская верность;
- ◆ знание своей родословной. Отношения в семье, как во внутреннем домашнем совете, проецируются на всё общество, давая основы для соборности — подлинной демократии, основанной не на компромиссе, не на праве большинства или тем паче на терроре меньшинства, а на единогласии, согласии, симфонии. Только такая крестьянская автаркия, только такая кооперация в России действительно преуспеет. Это то, что касается

устоя — иначе говоря, принятого устроения жизни в ее плотском, родовом, кровяному и телесном аспекте.

Однако, как заметил один современный профессиональный философ, будучи приглашенным на научную конференцию по вопросам биополитики и пронатализма, организованную одноименным институтом: просто размножаться во что бы то ни стало — «добродетель кроликов». Замечание справедливое, и это действительно глубокий философский упрек пролайфу, вознесшему жизнь как таковую на свои знамена и хоругви. Надо четко осознавать, что жизнь сама по себе не является целью бытия человека на земле. Школьный стилистический троп обретает здесь свое неожиданно свежее буквальное прочтение: «У кого нет в жизни ничего милее жизни, тот не в силах вести достойный образ жизни».

Разумеется, ничто не может быть оправданием для ее искусственного прерывания. Никакие соображения «целесообразности», «экономики», «прав женщины» здесь не могут браться в расчет, поскольку права на убийство быть не может ни у кого из людей. За пределы права может выходить лишь война, когда убивают, защищая жизнь ближних. Казнить смертью преступников может лишь суворен, Государь, а не демократическая республика. Дающий закон Государь превышает закон. Эта мысль прослеживается через всех теоретиков государственного права от Никколо Макиавелли до Карла Шmitta. Поэтому совершенно справедливо, что в некоторых республиках смертной казни нет.

При этом сама ценность жизни не может определяться, исходя из себя самой, поскольку над ней мы видим нечто ее превышающее и тем опреде-

В рамках набирающего силу шестого уклада США, Европа, Китай, Индия и Япония уже вступили в гонку технологий зеленой энергетики. Энергетика углеводородов будет уходить в прошлое. И те страны, которые позже других осознают безальтернативность альтернативной энергетики, окажутся проигравшими.

ливающее, определяющее. Это бытие духовное. Оно является источником жизни, и жизнь в конечном итоге к нему возвращается, как к своему источнику. Для нас, православных традиционалистов, сoteriологический аспект, аспект перехода из жизни нынешнего века в жизнь вечную является важнейшим в жизненной телесии, подобно тому как телесия гусеницы — превращение в бабочку, телесия яйца — превращение в курицу, телесия эмбриона — превращение в человека. Жизнь вечная — вот что нас движет вперед. Возможно, вечность и есть то, что Аристотель называл энтелехией, некоей конечной целью. Так что гуманисту XV века Ермолаю Варвару во все незачем было искать дьявола, чтобы тот объяснил ему, что это такое и как это слово переводить на латынь. Достаточно было быть хорошим христианином. Жизнь вечная — она уже здесь и сейчас, «Царствие Божие внутрь вас есть» (Лук. 17:21). «Его же Царству

несть конца», — как сказано в дораскольном Символе веры, что подразумевает вневременность духовного мира и Царства Божьего, которое не когда-то там будет, а было, есть и никогда не денется.

Исходя из этого, правдой и оправданием крестьянской автаркии должна быть духовная цель. Не кооператив, не община, не артель, даже не семья подлинно объединяет русских людей, а Церковь. «Русский — значит православный», — привыкли мы слышать. Кто-то, возможно, возразит, что наша страна многоконфессиональная и незачем так педалировать эту тему. Но речь тут идет о том, что именно православное византийское наследие явилось становым хребтом нашего государства и в конечном итоге — нашей культурной идентичности. Остальные народы и религиозные субкультуры внесли свой вклад в ее формирование, но не самый главный. Они как планеты, врачающиеся вокруг огромного солнца традиционных

Эль Греко. Святое семейство

Традиционные семейные ценности это: чадородие и многочадие, святость человеческой жизни от зачатия до естественной смерти, половозрастная иерархия, почитание женщины-матери, любовь к детям и всеобщая забота о них, целомудрие, благородство и супружеская верность, знание своей родословной.

православных ценностей. Где-то традиционные православные ценности могут совпадать с субкультурными ценностями других религий, где-то – нет, где-то может происходить их взаимопоглощение, взаимоассимиляция, они могут что-то перенимать друг у друга в культурном отношении, но совершенно очевидно, что эта

культура-цивилизация – православная, даже учитывая значительное число на сегодняшний день атеистов, неязычников и прочих сектантов. Но даже они – люди внутренне православные, их нельзя сравнивать с атеистами или язычниками Запада или Востока. Как бы они ни отрицали существование Божье, как бы

ни проклинали православие, внутренне они всё равно православные. Как внутренне православными были большевики. Они сколько угодно могли считать себя атеистами, убивать верующих и взрывать храмы, но они были православными русскими атеистами, поскольку это наш цивилизационный культурный код. Евангелие выжгло изнутри нас такую форму, которая, даже когда свет Евангелия для многих погас, понуждала двигаться в том же направлении всемирного братства и всемирной любви по инерции. Говоря одно, а делая другое.

Однако без подлинной духовной пищи стареющие культурные формы, некогда наполненные светоносными евангельскими смыслами, постепенно превращаются в пустые мертвые скорлупы. А пусто место, позволим себе перфразировать известную пословицу, свято не бывает. На Западе этот процесс уже давно завершен. И мы видим, во что превращается общество, когда из него ушел христианский дух. Какими бы полезными и облегчающими жизнь ни были человеческие изобретения, какими бы экологичными они ни представляли перед нами, всё это только на погибель падшему человеку.

Поэтому в центре любого крестьянского поселения с неизбежностью должна быть церковь, и не только как здание: само поселение должно быть прежде всего крестьянской-христианской общиной, Церковью. До революции литургийный год формировал изнутри наш уклад, праздники, крестьянские обряды и сельскохозяйственные работы. В этом был залог здоровья общества, залог его самовоспроизведения и ежегодной обновляемости. Священник (выборный в допетровской Руси, представляющей идеал святости для русского человека) и

староста на селе были неким аналогом патриарха и царя. Ни одно серьезное дело не решалось без их согласия.

Сегодня у Русской православной церкви очень большие проблемы с заформализованностью — и у клира, и у мирян. Клир и мир отгородились друг от друга. Сама Церковь начинает пониматься как нечто отдельное от рядовых прихожан, только как церковная иерархия. Много ли сегодня приходов, где есть совместный труд, совместные трапезы? Сегодня в храм часто приходят как на некий бал-маскарад, наскоро прикрыв голову платочком из подручных средств и надев на лицо боголепную мину. Троекратно цеплются и говорят друг другу «брать», «сестра». Сегодня это уже даже не лицемерие... В самом клире господствует любоначалие, любостяжание и такие грехи, о которых не хочется и поминать. Церкви необходимо вернуть живое, общинное измерение, каковое было у нее до революции, а еще лучше — до Раскола, пагубные последствия которого мы расхлебываем до сих пор — последствия, которые необходимо исцелить взаимным покаянием и взаимным прощением новообрядцев и старообрядцев.

Крестьянская автаркия с неизбежностью должна в основании своем положить духовное начало, устав, правду («Христос — Солнце Правды»). Наше подлинное бытие может быть только бытием воцерковленным. Или не быть во все. Воцерковленность означает следование уставу — богослужебному кругу, дневному и годовому. Подлинная воцерковленность — это устремленность к богослужебной полноте, традиционной каноничности икон и храмов, знаменного пения, а в итоге — и к каноничности быта. Нам нужно перешагнуть через те полуме-

ры, которые сейчас существуют в этом отношении, перешагнуть через археомодерн, прекратить цепляться за ложные ценности, воспринятые нами от Запада. Неважно, когда они были восприняты — вчера, два, три или четыре века назад.

Об этом стоило бы говорить много, гораздо больше, чем о другом. Но задача нашего очерка несколько иная, и нам надо двигаться дальше. Итак, мы говорили на сей раз о духе, о уставе.

Цели человека на земле не исчerpываются телесной и духовной сферами. Подлинный уклад представляет собой творческий труд, являющийся выражением души. Именно в укладе оказывается душа. В том, чтобы не просто спасаться и не просто жить, а в том, чтобы жить непременно хорошо. Наши предки, которые стремились к этому, создали обычай, ремесла и промыслы, художественные произведения. Они нашли форму, уложив в нее (отсюда уклад) спасаемую плоть. Эта форма — мостики, связующий биологическое существование (и его «добродетель кроликов») с жизнью будущего века.

Композитор и культурфилософ Владимир Мартынов, стоящий в целом на традиционалистских позициях, пишет, что нашей культуре предшествовала иконосфера. Под иконосферой, дистинктивно выделяемой из того, что мы обычно в целом понимаем под культурой, когда, например, говорим о культуре Древней Руси или культуре Византии, Мартынов имел в виду примерно то же самое, что Флоренский, когда говорил про культ, противопоставленный культуре.

В иконосфере невозможна дискотека (от слова «скот») и стадион (от слова «стадо»), невозможен «Дом-2», невозможны «Пусси райт» и «Синие

носы», невозможны куклы Барби и «Макдоналдс». И слава богу! Зато она дала вершины духовной художественной культуры, и поныне недостижимые. Понятно, что в иконосферу мы уже никогда при всем желании не вернемся. Как говорил культурфилософ Владимир Микушевич, перафразируя загадку эдипова сфинкса, современный человек стоит на трех ногах, техника — его костиль. Мы вечерние люди и должны себе в этом отдавать отчет. Но мы можем сделать так, чтобы наши дети были лучше нас — ненамного, но лучше, а чтобы их дети были еще лучше. Для этого нужна осознанная целенаправленная и очень жесткая — даже, возможно, жестокая — культурполитика.

Формирование русского будущего, русского уклада в XXI веке неотрывно связано с развитием нашего аутентичного, незаэмного культурно-цивилизационного стиля. Культуру спустя века обычно описывают и определяют по господствующим архитектурным канонам, по предметам быта. Если предположить, что нашу культуру-цивилизацию откопают через тысячу лет, то как ее назовут? Цивилизацией квадратно-гнездовых бетонных могильников? Культурой беспроводных гаджетов? В погоне за тем, чтобы всем нравиться, в страсти человека-годничества мы растеряли свой культурный идиостиль, напялили на себя чужую одежду, позволили совершить над собой, а потом и сами совершили над собой псевдоморфозу. А ослик всё равно не станет ни бабочкой, ни даже ее куколкой. И совсем не потому, что он плохая бабочка.

Что единит современную застройку российских мегаполисов и нашу традиционную уникальную архитектуру, которой восхищаются и на Западе, и на Востоке, на которую едут

посмотреть в Сузdalь, Кострому, Ярославль, Ростов Великий, Владимир? Правильный ответ: ничего. Нынешняя архитектура — архитектура манекутров, глобалистская и постмодернистская. В лучшем случае это китч а-ля рус лужковского периода. Но Лужков хотя бы пытался что-то делать в этом направлении. Ну что ж, ему было не дано. Но у нас ведь есть прекрасные архитекторы, прекрасные скульпторы, декораторы, художники интерьеров. Почему же сегодня не существует современного русского стиля в архитектуре?

На это есть несколько причин. Это дорого, невыгодно, неэкономично — в отличие от бетонных многоэтажных курятников. Отсутствует государственный заказ. И последнее обстоятельство — пожалуй, решающее. Государство при этом должно осознавать, что без объединяющей наш народ самобытной культуры само государство не состоится. Того, что сегодня делается в нашей культурной политике, совершенно недостаточно. Нужна государственная консервативная культурная революция.

Наша относительно недавняя история, даже если оставить в стороне сталинскую «культуру-2», имевшую определенные аутентичные черты, содержит пример заботы государства о возрождении национального стиля. В 10-е годы XX века фактически по государственному заказу и фактически под контролем царской охранки было создано Общество возрождения художественной Руси, куда входили не только крупные учёные, издатели и государственные мужи, но и такие творцы, как Виктор Васнецов, Иван Билибин, Константин Маковский, Михаил Нестеров, Николай Перих, Алексей Щусев. Общество занималось собираением лучших образцов рус-

ской художественности. Дораскольная церковная и гражданская теремная архитектура, белокаменная резьба, изразцы, теремная роспись, глухая резьба, книжная миниатюра и так далее, и так далее — всё наше культурное наследие попадало в поле их зрения, рассматривалось чуть ли не под микроскопом. И не просто рассматривалось, а пересоздавалось и в буквальном виде, и вариативно, будучи образцом для подражания и развития. Ведь наша аутентичная культура так и не была развита. Она была сбита на взлете. У Запада была и своя архаика в искусствах, и своя зрелость, и своя дряхлость. Мы же не имели своей зрелости. Наши сириньи, китоврасы, семарглы и алконосты не дожили до возраста европейских грифонов, мелюзин, химер и горгулий. Наша зрелость была западной — как, например, в великой архитектуре Петербурга. Это прекрасная, но западная архитектура. Речь же шла о возрождении и продолжении нашего, родного.

Общество возрождения художественной Руси в лице одного из его организаторов — полковника Дмитрия Ломана — инициировало постройку в Царском Селе Феодоровского (Русского) городка, где и были воплощены эти по сути археоавангардистские идеи. В концертных программах Русского городка принимали участие создатель оркестра русских народных инструментов Василий Андреев, Сергей Есенин, Николай Клюев и многие другие знаменитые музыканты, поэты, актеры.

Родственную деятельность на полстолетия раньше осуществляла «Могучая кучка» (Миляй Балакирев, Модест Мусоргский, Александр Бородин, Николай Римский-Корсаков, Цезарь Кюи, Владимир Стасов), фактически создавшая на основе русского

поэтического и музыкального фольклора, летописей и древней русской литературы русский национальный эпос. Но речь в первую голову не об эпосе, хотя и о нем тоже. Просто для нескольких поколений «Снегурочка», «Борис Годунов», «Хованщина», «Князь Игорь» и «Сказание о невидимом граде Китеже» были подлинным «телевидением», формировавшим ценности и погружавшим в национальную систему образов. То же можно сказать и о балетах Игоря Стравинского — «Весна священная», «Петрушка», «Жар-птица».

Страшно даже представить себе, что будет собой представлять поколение, воспитанное «Веселыми лесными друзьями», «Игрой престолов», «Аватаром» и прочими расчеловечивающими системами культурного перекодирования, когда оно войдет в зрелый возраст. Какое боевое или трудовое перевоспитание этим беднягам потребуется... При этом сегодня в обществе существует колоссальный запрос на народность. Это прежде всего увлечение подростков славянским фэнтези в литературе и компьютерных играх. Фолк-музыка у молодого поколения становится популярнее поп- и рок-музыки. Массовые и — главное — многочисленные этнофестивали сегодня представляют собой повседневную реальность. Стиль этно в одежде становится ультрамодным. И это, как правило, не реплики, а творческое развитие народного стиля. Образовалась особая неофолковая субкультура. Сегодня, к великому сожалению, тему художественного фольклора у нас в стране оседлали неоязычники, на которых как раз есть заказ — только с Запада. Это очень удобное неформальное сообщество, которое негативно относится к российским властям именно как

властям «христианским», якобы виновным во всех бедах наших предков – от «насильственного кровавого крещения» до легальности абортов.

У этого неофолк-движения колоссальный антигосударственный потенциал. Если российские власти не перехватят тему неофолка у язычников, она с большой долей вероятности будет использована сетевыми агентами Запада как таран против нашей государственности.

И всё же, сетя на современную российскую культурную политику, не хотелось бы впадать в излишний ригоризм и морализаторски заламывать руки – ни себе заламывать, ни тем более другим, поэтому перейдем сразу к практическим предложениям.

Если мы собираемся развивать автаркийное малоэтажное строительство, рано или поздно мы приедем к распечатке домов на 3D-принтере. Теоретически это означает, что мы можем использовать как типовые, так и индивидуальные

В центре любого крестьянского поселения с неизбежностью должна быть церковь, и не только как здание: само поселение должно быть прежде всего крестьянской-христианской общиной, Церковью.

проекты для застройки. Всё упирается лишь во вкус и архитектурную квалификацию проектировщиков. Теремная архитектура может получить свою новую жизнь в крестьянской автаркии. Более того, учитывая концепции пассивного, активного и умного домов, внешний вид таких современных зданий может сильно измениться в силу определенных эргономических особенностей зеленого дизайна/дизайна.

Среди наук о жизни существует такая дисциплина, как бионика, она же биомиметика. Эта наука изучает возможности применения технологий живой природы в социологии, технике, архитектуре. Например, бионике мы обязаны молнией и липучкой, применяемым в производстве одежды. Бионика «подсмотре-

ла» у природы множество архитектурных решений. Например, структуры пчелиных сот оказались необыкновенно эргономичными в некоторых проектах как планировки, так и застройки.

Давно замечено, что в больших городах люди подвержены стрессу и психической нестабильности из-за несобразных с естеством однотипных, повторяющихся форм архитектуры (синдром «Иронии судьбы»). Возможно, пониженная fertильность в мегаполисах тоже связана с настоящим фактором. Данная тема еще только ждет своего исследователя.

Первые подходы к бионике мы видим еще в архитектуре Антонио Гауди, восхищавшегося готическим наследием Европы и перетолковывавшего его в бионическом ключе.

Сразу узнаваемые «оплытывшие» органические формы — не подражаемые черты уникального архитектурного стиля Гауди. Идеи Гауди развивались разными архитектурными направлениями. Но свое подлинное функциональное продолжение они нашли именно в бионической архитектуре, своего рода стиле био-тек, как бы оторвавшемся от законов евклидовой геометрии. Формы бионической архитектуры часто напоминают гигантские растения и плоды. Самый, пожалуй, известный дом в стиле био-тек — лондонский «Огурец» архитектора Нормана Фостера. Архитектура — по сути, мондиалистская, расчеловечивающая человека через тему биологизации («человек — животное»), тогда как хай-тек расчеловечивает через тему механизации («человек — машина»). Но ничего подобного мы не найдем у того же Гауди, который отталкивается от традиционной европейской готики. И нам также следовало бы искать пути в архитектуре на стыке нашего старинного теремного зодчества и органической школы, бионики. Причем речь должна идти именно о малоэтажном строительстве. Градостроение знает множество типов застройки: прямоугольную, радиальную, радиально-кольцевую, лучевую, комбинированную и произвольную. Но так уж получилось, что во всех наших новых городах и в малоэтажной сельской застройке до недавнего времени господствовал прямоугольный тип. Как уже было сказано, «разлинованность» застройки неэргономична и давит на психику. Наши предки интуитивно это понимали. И там, где не было жесткого диктата относительно плана застройки, люди уходили от таких форм. Поэтому в старину на Руси преобладала произвольная — можно

даже сказать, хаотическая — застройка.

Но есть здесь и еще один важнейший — демографический — фактор, который как раз и обусловливал такой тип застройки. В многодетной семье, а таких было на Руси большинство, старший сын, когда собирался жениться, ставил себе дом неподалеку от родительского. Это объяснялось тем, что хозяйство всё еще велось совместно и часто продолжало вестись совместно довольно долгое время, по крайней мере, пока были живы родители и другие братья не женились (как образовывались новые трудовые семьи, подробно показано в работе Александра Чаянова «Крестьянское хозяйство»). Дом вблизи от родительского, а затем, возможно, и второй, и третий «взламывали» план застройки, улицы изгибались, прерывались тупиками, раздавливались. План застройки наших старых поселений, таким образом, представлял собой в некотором смысле историю и «карту» родов.

Сегодня мы можем спланировать застройку поселения бионическим образом — в виде скругленных линий или даже круга: с церковью и правлением общиной в его центре, находящимися, возможно, рядом с коллективным прудом или площадью как местом схода общиной. В таком случае каждое новое поколение будет получать своего рода «годовые кольца» — новые круги домов. Число детей будет расти, но и круг будетшириться и шириться. Или, если учитывать некоторые идеи бионики и пермакультуры, возможно, более эргономичными в плане ведения сельскохозяйственных работ будут даже не круги, а спирали. Не исключено, что спирали более будут подходить для аграрных и комбинированных поселений, а круги — например, для научных город-

ков, жители которых не специализируются на сельскохозяйственном производстве.

Кстати, если мы посмотрим на планы древних городов, содержащиеся в письменных источниках (например, Экбатаны) или подтверждаемые результатами раскопок (например, Аркаим), мы везде увидим радиально-кольцевую застройку. Прямоугольная застройка, вероятно, появилась в Индии в связи с членением общества на варны. То же самое мы видим и в Древнем Риме с его декуманусом (дорогой, ориентированной с востока на запад) и кардо (дорогой, ориентированной с севера на юг). Весь город делился на такие кварталы. И оттуда подобная традиция застройки городов пришла в Европу, а позже, в XVIII веке, и в Россию. При Екатерине Великой подавляющее большинство наших старинных городов было перепланировано. Аутентичная архитектурная Русь, подобно легендарному Китежу, скрылась под водой. Но в нашей культурной матрице бессознательно старая архитектурная Русь всё еще живет. И сегодня мы можем извлечь ее на поверхность, но уже в обновленном виде. Традиция и наука здесь будут действовать заодно. И у нас есть шанс сделать наш уклад в XXI веке не только праведным и сытым, но и прекрасным. А красота — это то, что прежде всего дает людям желание жить.

Шаги навстречу друг другу

Государству и малой автаркии (семье, артели, общине, кооперативу) необходимо понять, в каких формах возможно им эффективно взаимодействовать.

Должно быть движение кооперативных, артельных хозяйств навстречу государству, но и движение государства навстречу малой автаркии. Только

действуя вместе, сообща, народ и власть смогут достигнуть большой автаркии, где они в конечном итоге сольются до неразличимости. Что, впрочем, дело весьма отдаленного будущего.

В чем же должно выразиться движение кооперативных хозяйств навстречу государству? Ну, во-первых, в том, что малая автаркия разгружает тяготы государства, редуцирует социальные дотации для села, поскольку община всегда поддержит отдельные нуждающиеся семейные хозяйства. Во-вторых, в значительной степени такие хозяйства будут находиться на самообеспечении — по крайней мере, это касается жизненно важных продуктов. Более того, эти хозяйства способны стать продуктовым донором для всей страны, а также крупнейшим экспортером органической еды, что частично избавит нас от зависимости от мировых цен на энергоресурсы. Хотя со временем, по мере развития шестого уклада, этот фактор и не станет играть той решающей роли, какую он играет теперь. В-третьих, общины, будучи семейными, а по логике развития семейного хозяйства — и многодетными, окажутся демографическим фондом, человеческим потенциалом страны. В-четвертых, это повлечет за собой устранение имеющихся сегодня проблем с комплектацией армии. К слову, жители села, выросшие на здоровом воздухе и органической еде, с юных лет занятые физическим трудом, «кровь с молоком», что называется, сделают нашу армию несокрушимой не только с технологической точки зрения. Ну и, разумеется, окраины России, заселенные крепкими многодетными семьями, будут отбивать охоту и у прямых агрессоров, и у наших «партнеров», предпочитающих действовать тихой сапой, постеп-

Композитор и культурфилософ Владимир Мартынов (на фото) пишет, что нашей культуре предшествовала иконосфера. Под иконосферой, выделяемой из того, что мы обычно в целом понимаем под культурой, когда, например, говорим о культуре Древней Руси, Мартынов имеет в виду примерно то же самое, что и Флоренский, когда говорил про культ, противопоставленный культуре.

пенно вытесняя и замещая коренное население. В-пятых, это, конечно же, налоги. Чем эффективнее хозяйство, тем больше попадает в государственную казну через систему налогообложения. Это же касается и демографического роста, неизбежного в настоящих условиях, что отмечал еще Чаянов. Больше людей — больше тружеников-производителей, больше тружеников-производителей — больше налогов, больше налогов — больше бюджета, больше бюджета — сильнее страна.

Что должно сделать государство для движения навстречу кооперативным хозяйствам? Во-первых — не мешать. Дать возможность развиваться самоуправлению на местах. А желательно бы и подтолкнуть

процесс, учитывая все выгоды от такого дизайна государства. Сельские территории, особенно на окраинах Российской Федерации — на Дальнем Востоке и в Сибири, — следует сделать территориями опережающего развития. Надо отдать должное — в этом направлении многое делается уже сейчас. Что касается невмешательства в самоуправление на селе — это замечательно. Но стихийная малая автаркия не так производительна, как направляемая. Поэтому задача государства: не вмешиваясь напрямую — в виде бюрократических структур, на корню убивающих инициативу, производство и рост, — «окультурить дичок», предоставить специалистов — своего рода советников на селе.

Во-вторых – помочь во всём, что касается продовольственной инфраструктуры. В силу особенностей районирования каждый регион имеет избытки и недостачу в различных продуктах. В одном месте, например, превалирует рыбное хозяйство, а в другом – садоводство. Государство, возможно, на первых порах должно выступить в роли посредника во внутреннем товарообороте. Нужны закупочные базы – пусть и не в шаговой, но всё же в доступности.

В-третьих – это социальная инфраструктура. В первую очередь, разумеется, больницы и школы, которые должны быть на селе действительно в шаговой доступности. Со временем речь встанет и о вузах в крупных социальных узлах горододеревни. К тому же вопрос о возможности/необходимости дистанционного виртуального образования стоит на повестке дня уже сегодня. В-четвертых – транспортная инфраструктура. Это ключевой момент, без которого ничего не состоится. Важнейшее условие для поступательного демографического и экономического роста на селе – создание сети высокоскоростных трансконтинентальных транспортных нитей. Прежде всего поездов на магнитной подвеске, способных развивать скорость до 600 километров в час, а теоретически – до 1000 километров в час. Опять-таки теоретически подобные поезда-маглевы могли бы пересекать Россию с запада на восток (около 10 000 километров) меньше чем за сутки. Разумеется, такие скорости – дело не сегодняшнего и даже не завтрашнего дня. Но эти магистрали начинать строить надо сейчас. Железнодорожные магистрали – артерии, в которых пульсирует живая кровь страны. Чем их больше, чем разветвленнее они, чем выше их провозная, пропускная способность, пас-

сажиропоток, скорость поездов, тем полнокровнее живет страна. За маглевами будущее. Идеальны они для самоколонизации Сибири. Экологичность этих поездов, движимых электричеством, убережет леса Сибири от загрязнения. Огромная скорость, развиваемая ими, позволит в короткое время преодолевать необозримые просторы востока нашей страны.

Не следует также забывать, что вся Сибирь, являющаяся для нас наиболее перспективной и стратегически важной на сегодняшний день территории, пронизана естественными транспортными артериями – реками, глубокими и широкими. Речное судоходство во все века было основой русской логистики. В случае Сибири, где проложено мало железнодорожных путей и автомагистралей, его значение трудно переоценить и сегодня. Необходимо вернуться к позитивному советскому опыту постройки и эксплуатации скоростных судов на подводных крыльях.

Также на сегодняшний день существуют перспективные разработки ЦКБ Ростислава Алексеева и «ЭКИП» Льва Щукина. Речь идет об экранопланах и экранолетах. Особенно об экранолетах, немногого напоминающих фантастические летающие тарелки. Если же говорить об экранопланах, существенно, что они не требуют дорог, мостов, взлетных полос, аэропортов, аквапортов. Они способны со скоростью самолета, но гораздо меньшим расходом топлива переносить гораздо большие грузы и/или число пассажиров на значительные расстояния. Единственное требование – гладкая поверхность: тундры, степи, поля, моря, реки, озера – причем неважно, покрыты они льдом или нет. Экранопланы, давно существующие не только в

виде разработок, летают низко-низко над поверхностью, поэтому их в любом случае можно использовать в перевозках по рекам Сибири. Но у «ЭКИПов» (модель Л4-2) и таких ограничений нет: эта модель способна подниматься на высоту от 3 до 10 000 метров, что сопоставимо с авиацией, нести полезный груз до 200 тонн на расстояния до 8600 километров. Иначе говоря, перед нами и грузовое, и пассажирское средство перевозки, способное без пересадки осуществить перелет из Москвы практически в любую точку Российской Федерации и ближнего зарубежья. К тому же «ЭКИП» оснащен уникальным экологичным двигателем (отсюда и название: «экология и прогресс» – «ЭКИП»), работающим на особой водоэмульсионной смеси, содержащей до 58 процентов воды. Судя по проекту, двигатели также могут работать на керосине или даже водороде, получаемом фактически из обычной воды. Все эти качества делают «ЭКИП» совершенно незаменимым в условиях Сибири, как будто специально сберегавшейся для нас Богом от крупномасштабного освоения – до тех пор пока мы не перейдем к экологически безвредному топливу. Весьма перспективно новейшее дирижаблестроение. Проблема этого вида транспорта только в том, что он появился не в свое время. Катастрофы дирижаблей-гигантов – таких, как немецкий LZ129 «Гинденбург» (1937 год) и нескольких советских дирижаблей СССР-В6, – поставили крест на этом экономически крайне выгодном типе транспорта, способном без дозаправки и посадки совершать трансконтинентальные рейсы, по длительности превышающие 130 часов (свыше 5 суток), без значительных затрат, поскольку топливо не

расходуется на подъемную силу. Проблемы старых дирижаблей, однако, были в том, что в первой половине XX века, во-первых, в качестве наполнявшего их газа применялся взрывоопасный водород, во-вторых, отсутствовали надлежащие навигационные приборы, делавшие такие перелеты путем вслепую. Однако сегодня такие приборы есть, вместо водорода используется инертный гелий, а конструкции предполагают делать из сверхлегкого стеклопластика, что увеличивает грузоподъемность дирижаблей. Сегодня дирижабль может стать к тому же экологическим видом транспорта. Уже предлагалось оснастить их электродвигателями, а поверхности гондолы покрыть солнечными батареями. Теоретически такой дирижабль может совершить даже кругосветное путешествие без единой посадки, не израсходовав на это ни единой капли топлива. Особенно незаменимы такие дирижабли-гиганты были бы в Сибири. Причем как грузовые, так и пассажирские. К тому же они не требуют посадочных полос. Единственное требование для их разгрузки и высадки пассажиров – специально оборудованная причальная мачта, да разве что эллинги-ангары в крупных транспортных узлах. Заменой автомобилям в тех местах, которые недостаточно пронизаны транспортными «ручейками», – например, опять-таки в Сибири – могла бы выступить малая авиация, прежде всего гиропланы, или – как их чаще называют – автожиры («куда хочу – туда лечу»). Их строительство уже довольно развито и в России, и в целом в мире. Самые дешевые модели автожиров по ценам сопоставимы с ценой, скажем, нового «Хаммера». Расход топлива такой же примерно, как у внедорожников.

Константин Маковский. За чаем

Наша относительно недавняя история содержит пример заботы государства о возрождении национального стиля. В 10-е годы XX века фактически по государственному заказу и фактически под контролем царской охранки было создано Общество возрождения художественной Руси, куда входили не только крупные ученые, издатели и государственные мужи, но и такие творцы, как Виктор Васнецов, Иван Билибин, Константин Маковский, Михаил Несторов, Николай Рерих, Алексей Щусев.

Автожиры идеальны для частных перевозок на относительно небольшие расстояния – до 500 километров. Их можно использовать для того, чтобы легко добраться до ближайшей станции маглева, оставить на специальной охраняемой парковке, а потом, на обратном пути, после заправки вернуться домой. Существуют гибридные автожиры, способ-

ные совершать посадку и на воду (винтокрылый аналог «летающих лодок»). Сегодня автожиры в основном используются охотниками, егерями, для фото- и видеосъемки, для развлечений. Между тем для Сибири это был бы идеальный частный транспорт. На сегодняшний день уже введены в эксплуатацию автожиры вертикального взлета и очень ко-

роткой посадочной дистанции (5–20 метров). Они не требуют постройки дорогостоящих посадочных полос и способны садиться практически на любую ровную поверхность. Вероятно, к тому же в ближайшие годы они будут сильно дешеветь и станут еще более доступными. Они могут со временем стать экологичным транспортом. Нам известен патент на автожир с электродвигателем. Есть, конечно, и минусы в эксплуатации автожиров. Связаны они в основном с тем мифом, что автожир так же прост в управлении, как автомобиль. Это, конечно же, не так. Хотя он во многом проще и самолета и, тем более, вертолета. К тому же это относительно безопасный летательный аппарат. Что связано с самим принципом его устройства. Даже если глухнет двигатель, винт раскручивается потоком воздуха, и это позволяет совершить более или менее мягкую посадку. Насколько нам известно, ни один из полетов на автожире еще не закончился смертельным исходом. Хотя сами автожиры при неумелом управлении или будучи самодельными — а значит, плохо просчитанными — часто выходили из строя при посадке. Но разбитая машина и человеческая жизнь — это не одна и та же цена. В любом случае автожиростроение надо развивать: только путем проб и ошибок можно научиться делать действительно абсолютно простые в эксплуатации машины, гораздо менее шумные, более экологичные и более грузоподъемные.

Также очень важно, чтобы повсеместно была распространена сотовая связь и быстрый Интернет. Это даст возможность управлять транспортными системами, электронными компонентами умных домов, не говоря уже об удаленной работе и дистанцион-

ном образовании. Причем эти вопросы уже сегодня довольно легко решаемы. В-пятых — но по важности данный пункт, вероятно, самый главный — это уравнительная социализация земли. Будучи реалистами, мы прекрасно понимаем, что в настоящий момент государство ни при каких обстоятельствах на это не пойдет. Однако уже сейчас вполне возможно было бы реализовать такую экономическую модель в качестве пилотного варианта на особых территориях — территориях опережающего развития. Не имеет смысла сколь бы то ни было пространно описывать конкретные возможные модели. Любые наши построения натолкнутся на грубую стену реальности гораздо скорее, нежели всё остальное из предложенного нами.

Три столпа русского уклада в XXI веке

Крестьянская автаркия основана на деурбанизации и направлена на активное заселение обширных пустующих территорий, внедрение аграрного уклада на новом витке развития, обустройство экономико-культурных региональных узлов и налаживание высокоскоростных транспортных коммуникаций между ними. Это бытийная, онтологическая часть русского будущего, его душа. Мы понимаем, что в какой-то мере в рамках развития шестого уклада массовое вытеснение жителей городов на село неизбежно — в связи с отпадением устаревших средств и способов производства, а значит — и целого перечня профессий. Индустриальное производство будет всё более и более автоматизироваться. Так что жизнь на земле станет единственным способом выживания населения. Другой вопрос, каким содержанием будет наполнен шестой уклад.

Нам представляется, что крестьянская автаркия должна идти рука об руку с православным традиционализмом (приверженностью традиционным целям и ценностям нашей культуры-цивилизации — таким, как правда, труд и семья) и демографическим суверенитетом (продуктом позитивной государственной биополитики, направленной на процветание традиционной семьи, против абортов, контрацепции, ювенальных технологий, однополых браков, секспросвета). В этом и только в этом, на наш взгляд, залог здорового функционирования шестого уклада.

Крестьянская автаркия решает экономико-демографические задачи, создает возможности для погружения человека в годовую литургию труда, целит социальные болезни, возвращает от нездоровья к здоровью, в том числе и психическому. Но без обращения к традиционным ценностям, без традиционализма лишается смысла и ориентиров на конечные цели в этом мире — спасение в вечности и творческую самореализацию в мире этом. Без правильной демографической политики, позитивной биополитики крестьянская автаркия перестает быть самовоспроизводимой, вновь начинаются депопуляционные процессы, растет число абортов «за амбаром» и в банях, начинается использование «народной» контрацепции. Что касается зерен разврата, сексуальной распущенности, то они, взрастая, становятся самыми страшными сорняками — губителями цивилизаций. Не только библейский Содом был стерт с Земли сверхъестественным вмешательством. Тут даже нет нужды во вмешательстве высших сил. У нас перед глазами примеры Карфагена, где убивали детей, содомитских Рима и современ-

Антонио Гауди. Саграда фамилия в Барселоне

ной Европы, где всеобщее разложение нравов и нормализация извращений привели к депопуляции, ослаблению общества, армии, в целом человеческого потенциала, что способствовало приходу на их территории других – варварских – народов, не отягощенных «ценностями цивилизованного общества». Итак, за крестьянской автаркией объективное будущее. Вопрос только в том, поможет ли государство процессу ее становления, будет ли проводить биопротекционистскую политику или пустит ситуацию на самотек. Последнее было бы чревато социальными и экономическими потрясениями для всего российского общества.

Подводя итог

Сегодня в рамках не только рождающегося шестого, но и предыдущих укладов накопилось большое число инноваций в самых разных сферах. Некоторые уже опробованы

Антонио Гауди отталкивается от традиционной европейской готики. И нам также следовало бы искать пути в архитектуре на стыке нашего старинного теремного зодчества и органической школы, бионики.

и развиты, другие только-только появились или находятся на стадии испытаний.

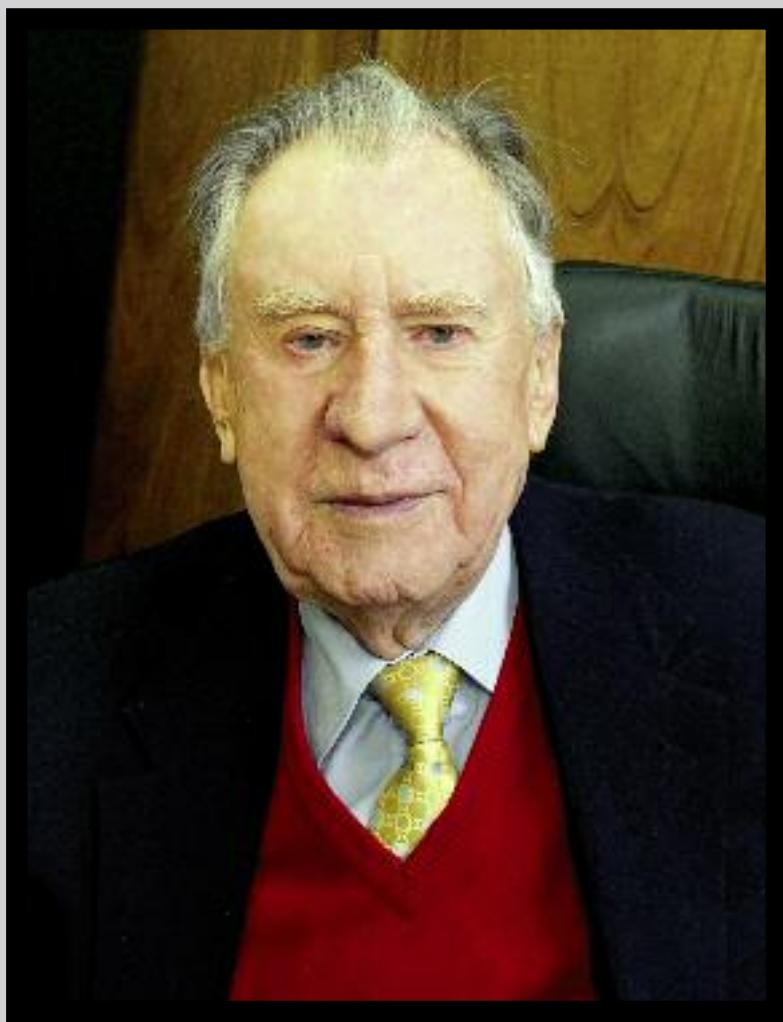
Кратко повторим их, выделив существенное:

- ◆ экономические инструменты (автаркия);
- ◆ социальные инструменты; технологии управления, взаимодействия и кооперации; информатизация на селе; работа в удаленном доступе;
- ◆ пермакультура; экологичная и эффективная технология обработки земли;
- ◆ автоматизация и роботизация на селе;
- ◆ экологичные пассивный, активный, умный дома; 3D-принтер-строитель; быстрое и дешевое строительство;
- ◆ экологичное получение и использование энергии солнца, ветра, воды и земли;
- ◆ новые и обновленные виды

дешевого, скоростного и экологичного бездорожного транспорта (маглевы, дирижабли, экранопланы, «ЭКИПы», автомобили);

- ◆ русский стиль; стилистический синтез архаики с авангардом.

Все эти инновации пока не интегрированы. Но только их синтез позволит сделать качественный цивилизационный рывок. Та страна, которая сделает его первой, окажется стратегической победительницей в культурном, экономическом, а в итоге и военном противостоянии цивилизаций, ибо и война – это прежде всего экономика. У России есть для этого колossalный и властный, и экономический, и культурный, и – пока еще – демографический потенциал. ☰

Олег Тимофеевич Богомолов

20 августа 1927 – 14 августа 2015

Олег Тимофеевич успел сделать в своей насыщенной событиями долгой жизни очень много. Окончив в 1947 году Институт внешней торговли, он через два десятилетия уже возглавлял кафедру экономики МГУ, а вскоре – и академический Институт международных экономических и политических исследований. И научная, и административная карьеры Олега Тимофеевича развивались блистательно. Не прерывая своей научно-исследовательской работы, он работал и в Министерстве внешней торговли СССР, и в Секретариате СЭВ, и в аппарате ЦК КПСС. Однако, несмотря на «близость к власти», идеи и рекомендации Олега Тимофеевича и возглавляемого им института не находили своего адекватного практического воплощения в виде надлежащего реформирования советской экономики.

Проблема невостребованности практических рекомендаций, предлагаемых Олегом Тимофеевичем «властям», к сожалению, осталась нерешенной и в «новой России». Еще в годы перестройки Олег Тимофеевич избирался народным депутатом СССР (1989–1991), затем стал депутатом Государственной Думы Федерального Собрания РФ первого созыва (1993–1995), был членом фракции Демократической партии России, заместителем председателя Комитета по международным делам. Входя в состав Консультативного совета при Ельцине, он выступал против «реформ» Гайдара, ясно понимая их разрушительный эффект. Богомолов не только не был услышан, но и его вывели из этого совета. Однако ученый не изменил своих взглядов на экономику, ее роль в обществе, продолжая указывать на ошибочность избранного пути. Вместе с пятью другими академиками РАН и пятью американскими Нобелевскими лауреатами он дважды обращался к президентам РФ с письмами о необходимости радикального изменения экономического курса.

В последние годы Олег Тимофеевич занимался одной из наиболее сложных и, по-видимому, одной из важнейших проблем: взаимовлияние экономики и общественной среды. Так называемые неэкономические грани экономики были им утверждены в качестве самостоятельного междисциплинарного направления исследований. Объединив вокруг себя крупнейших специалистов из разных отраслей – философов, историков, социологов и других, – он подготовил и издал два тома научных и публицистических очерков по широкому спектру проблем, акцентируя важность духовной составляющей, общественного сознания в модернизации российского общества.

Именно эта тема стала для альманаха «Развитие и экономика» не только стартовой, но и сквозной. В конце ноября 2010 года мы совместно с Олегом Тимофеевичем организовали и провели в Пицунде круглый стол, использовав в качестве его темы название междисциплинарного проекта «Неосознанное взаимовлияние экономики и общественной среды». Материалы круглого стола легли в основу первого номера альманаха, вышедшего в сентябре 2011 года. Все последующие годы наше сотрудничество не прекращалось. Последняя работа академика Богомолова – «Перед вызовом кардинальных перемен» – была опубликована в 12 номере альманаха, вышедшем в феврале текущего года. В ней Олег Тимофеевич продолжает настойчиво подчеркивать «ущербность так называемого мейнстрима западной экономической мысли, который российские реформаторы приняли на вооружение», указывать на «его очевидную неадекватность постсоветским условиям».

До последних дней Олег Тимофеевич оставался исключительно работоспособным, ясно и трезво мыслящим ученым с необыкновенной широтой и глубиной взглядов, подлинным русским интеллигентом, излучавшим неотразимое обаяние на каждого, кому посчастливилось с ним общаться.

Сохраняя светлую память о выдающемся ученом и замечательном человеке, еще раз повторим его слова, звучащие и как призыв, и как завет для всех нас, продолжающих борьбу за развитие страны: «России предстоит выбрать такую модель и стратегию общественно-экономического развития, которая бы органически сочетала социальную и демократическую ориентацию деятельности государства с его командными позициями в управлении плановой экономикой и контроле за рыночной экономикой. Нельзя игнорировать тот факт, что здоровая экономика имеет важный и неотъемлемый гуманитарно-общественный компонент, что нравственная экономика бесперспективна. Будущее за обществом, ориентированным на удовлетворение насущных нужд современного человека, на социальную справедливость, на развитие культуры, образования, науки, улучшение здоровья нации и т.д. На этих направлениях государственной политики должен быть сделан упор. Результаты в стратегическом плане проявятся не скоро, через годы, но они будут иметь ключевое значение для восстановления моци и величия страны».

С.Б.

annotated table of contents

EDITORIAL COLUMN

Mikhail Baidakov, Sergey Belkin

Unsolved problems – 4

The publisher and the editor-in-chief of the literary miscellany in the article which is an introduction to the topics of the volume, emphasize that the issue is the need to understand: what problems solved by the people during the Soviet period were “historical”, that is, posed by the process of our existence on earth, and the desire to fulfil the earthly mission, to realize the purpose? These problems should be realized in time to see their return in the new times: historical problems will not go away, unless solved.

THE USSR AND DEVELOPMENT

Interview with Vitaly Tretyakov

“The Soviet experience, the Soviet system should be seen as the greatest civilizational values” – 6

The famous Russian journalist, dean of the Higher School of Television of the Moscow University talks about his perception of the Soviet experience of Russian history and bonds of the Russian civilization. He discusses what is this civil society in Russia, and calls on not to try to reform Russia on the basis of models alien to its nature. Vitaly Tretyakov considers the Soviet experience and the Soviet system the greatest civilizational values. In his view, Russia moves with evolutionary leaps in the history and therein lies the specific model of development. One of these leaps was made, when Russia was trying to realize the Communist dream.

Spartak Nikanorov: the thinker and the era – 32

The editorial board of the literary miscellany introduces two analyses of Spartak Nikanorov’s ideas with a biographical sketch, which retraces the major milestones of his life and covers a range of problems he dealt with which are worked out by his disciples. It lists principal works by Nikanorov and his followers, who continue to publish his legacy in order to bring to the public his ideas, which are extremely relevant for present-day Russia.

Sergey Belkin

Reflecting on the “Lessons of the USSR” – 34

The editor-in-chief of the literary miscellany reflects on what the Soviet Union was in connection with the study of Spartak Nikanorov “Lessons of the USSR. Historically unsolved problems as factors of the emergence, development and decay of the USSR” published a few years ago. The concept of Spartak Nikanorov is reviewed critically in the article. His article is an attempt to justify the vital value of the “Lessons of the USSR”, without assimilation of which there can be no strategic planning of the development of modern Russia and the world in general.

Interview with Zakhirdzhan Kuchkarov

“Control cannot be restored without conceptual planning” – 54

The literary miscellany publishes an interview with the director of Company for innovations and high technologies *Concept* Zakhirdzhan Kuchkarov, in which he talks about working with his teacher – Spartak Nikanorov, – who was engaged in conceptual designing of complex systems and new social and economic forms in Soviet times. Zakhirdzhan Kuchkarov gives some results of the analytical interpretation of patterns of the Soviet system, its defects and problems, and expresses some observations on the current socio-political structure of Russia and possible potential of its development, stresses the need to reform administrative staff.

Gennady Bordyogov

Professionals and Soviet authorities: View from and for our time – 80

The author believes that the idea ingrained in the public mind that the main internal political conflict was the confrontation of government and society during the Soviet era, is inaccurate. In his opinion, it is much more correct to speak about the conflict of government and professional community. Such community largely assumed the functions of civil society, but at the same time did not distance itself from the government and cooperated with it. This article describes the features of such cooperation. The author points out the lessons that the government and society of modern Russia should learn from such a complex dialogue between the authorities and professionals in the Soviet era.

Sergey Cherniakhovsky

Romance and Hardness. Once, the country was significantly stronger... – 98

Sergey Cherniakhovsky offers his answer to the question: “What is the ‘Soviet’”? From his perspective, it is primarily the world of realized dreams. It is the belief that consumption is less important than creation, material well-being is a secondary side of life, friendship is more important than money, and a society where everyone is a friend is real. It is faith in the triumph of freedom and justice. It is an attempt to challenge the entire previous history and the rest of the world – and to create a special, never-seen world. The central point of the Soviet legacy and the Soviet world – is the belief that the world can be changed, experienced and created.

Lyudmila Bulavka-Buzgalina

The USSR – An unfinished project. Seven turns – 108

Lyudmila Bulavka-Buzgalina considers that the appeals to the historical and cultural practices of the Soviet Union not only did not stop, but are becoming more frequent. These turns toward the Soviet Union are dictated by the fact that today’s world, faced with the growth of social and cultural conflicts caused by globalization and the “clash of civilizations”, “market fundamentalism” and media manipulation, dehumanization and hegemony of mass culture, is looking for ways to overcome these and other challenges of the 21st century. The author also turns in the direction of the USSR, to see the vector of breakthrough from the pitfalls of the present into the space of the future development.

Yulia Cherniakhovskaya

In terms of Soviet science fiction. Scientific and technical romanticism as a form of political consciousness – 122

Yulia Cherniakhovskaya reflects on phenomenon of Soviet science fiction and characterizes the official doctrine of Soviet art – socialist realism – as opposing to, on the one hand, the romanticism, and the other to the critical realism. She shows by the example of Soviet science fiction that the type of Soviet political culture should be defined as a political philosophy and political culture of scientific and technological romanticism. The essence of this philosophy and culture lies not in the mix of classicism and romanticism, that is, the proper ideal with the intoxicating ideal, but of the rational, scientific and technically sound with the perfectly desired.

CONGRATULATION

Giulietto Chiesa's 75th birthday – 132

The editorial board of the literary miscellany congratulate famous Italian journalist and politician, interviews with whom were twice published in this issue, with his 75th birthday. The collective of the literary miscellany notes the popularity of Giulietto Chiesa's works, stresses that especially now the Russian audience is interested in unbiased analysis of contemporary global processes – both overt and secret, manifested only indirectly. The work of the Italian thinker devoted exactly to this topic, and it is impossible not to note the special analytical and journalistic skill with which he conveys judgments and estimates to his readers.

LAW AND DEVELOPMENT

Vladimir Karpets

Healing (from) of Law – 134

Vladimir Karpets argues that one of the results of perestroika was “legal reform”, which actually meant breaking of the whole legal system under the slogan of “Democratization of Soviet law”, the characteristics of which are considered by the author. “The breakdown of the paradigm” planned long before perestroika, was laid out in the official ideology of the USSR – Marxism – as part of the “Western Project”. From the point of view of the author, for Russia, the law, that is, that which is used to rule, is defied by allegiance to king, religious devotion, belonging to a nation and ethnic group, social (class) origin, age, marital status, occupation and vocational training.

Aleksandr Kovriga

The global crisis and reconstruction of state affairs: Let us recall cameralism? – 146

According to Aleksandr Kovriga, in today's world, a full-scale sovereignty, significant civilizational initiatives and public policies of import substitution are possible only under condition of worldview and ideological independence, where heritage and historical lessons of cameralism will be very useful. Cameralism viewed society as an infinite task of socio-technical intervention and institution building, the purpose of which was to create common benefits and ensure the welfare of the subjects where the efforts of individual citizens could be insufficient, and in

cases when the citizens did not understand or did not see these problems.

ORGANIZATION OF LIFE AND DEVELOPMENT

Aleksandr Lyusy

Where are we to go by our own hand? The Soviet in the configurations and rhythms of space and time – 174

Aleksandr Lyusy stresses that the “crucial” movement of desovietization and churching of Russia goes along with economic, political and aesthetic process of enslavement of the country by commodity dependence. The author reflects on the Russian cultural space, the shift in contemporary art from production to consumption, on the political principle of compromise. He proposes to make the Russian representative democracy more representative, that is more corresponding to the aesthetic evaluation criteria and seek to ensure that the aesthetic gap between the represented and representing became wider.

Oleg Fomin-Shakhov

Russian way of life in the 21st century – 184

Oleg Fomin-Shakhov explains what the Russian way should be in the 21st century, that is, cultural and economic organization of Russia's life. He notes that at the moment a large number of innovations in various fields has been accumulated. However, none of these innovations is integrated yet. The author also believes that their synthesis only will enable the country to make a qualitative civilizational leap to become a strategic winner in the cultural, economic, and eventually in a military confrontation of civilizations. In his opinion, Russia has a huge powerful, economic, cultural and demographic potential for this.

IN MEMORIAM

Oleg Timofeevich Bogomolov

(August 20, 1927 – August 14, 2015) – 220

The editor-in-chief of the literary miscellany remembers the recently deceased Oleg Bogomolov – milestones of his biography, writings, main directions of academic and socio-political activities. His cooperation with literary miscellany, where Oleg Bogomolov's works were published several times from the very first issue, is discussed separately. The editor-in-chief stresses the importance of the ideas and works of Oleg Bogomolov for our days and for Russia's development in the future, and quotes the scientist on the necessity of bringing the solid moral foundations in the economy, without which this branch of knowledge is simply unable to participate in the construction of tomorrow.

ANNOTATED TABLE OF CONTENTS

Annotated Table of Contents in English – 222

ANNOUNCEMENT

Results and Perspectives – 224

Founders of the literary miscellany sum up the issue's materials and announce the main themes of the following issue.

Итоги и перспективы

Тема «уроков СССР», к которой мы прикоснулись в этом номере, далеко не закрыта: слишком значимым во всех смыслах был этот период в жизни нашей страны. Тот эволюционный скачок, который совершила наша страна в своем развитии в советский период, еще долгие годы будет объектом исследования, источником анализа и заимствования новаторских решений в сфере государственного управления. Авторы этого номера убедительно показывают, что в советском наследии практически важного и полезного для дней сегодняшних очень много, что ограничивать обращение к этому наследию лишь критикой и пропагандой не только нерачительно, но и опасно: можно не увидеть грозный возврат старых проблем в новой оболочке. Надеемся, что вслед за опубликованными статьями последуют новые аналитические размышления о советской цивилизации, и через некоторое время мы сможем продолжить эту тему.

Несмотря на неблагоприятную внешнюю ситуацию — и экономическую, и политическую, — невзирая на не самые верные, с нашей точки зрения, решения во многих сферах внутренней политики, Россия продолжает развиваться, общество и его элита стремятся осознать и дать оптимальные ответы на вызовы времени. Следующий номер альманаха выйдет тогда, когда до начала большого избирательного цикла, старт которому будет дан думскими выборами в следующем сентябре, останется меньше года. Уже сейчас, как мы можем наблюдать, ощущается приближение этой горячей поры. Все политические силы, все элитные сегменты, и без того пришедшие в движение на волне нового всполоха холодной войны против России, развернули основательную подготовку к этому циклу. Кто-то инвентаризует потенциал своих возможностей. Кто-то пытается осмыслить грядущую экономическую и социально-политическую конъюнктуру, на фоне которой следующей осенью будет проводиться думская кампания. Кто-то прогнозирует возможную динамику положения России в мире: насколько усилятся холодная война, какими окажутся результаты санкций и к каким переменам во внутренней жизни страны они приведут. И все без исключения напряженно прощупывают нынешние настроения избирателей и строят прогнозы об их вероятных изменениях — в видах приближающегося избирательного цикла, — просчитывают шансы тех или иных альянсов сил и балансов между идеологиями, а также экономическими и властными интересами.

Словом, атмосфера, и без того предельно политизированная на фоне новой холодной войны, объявленной Россией из-за проявленной ею принципиальной позиции в ситуации украинского кризиса, становится еще более наэлектризованной. Разумеется, альманах, всегда стремящийся реагировать на текущую — а если получается, то и на ожидаемую в будущем — повестку, не может остаться в стороне от всех тех вопросов, которые сейчас переходят в разряд наиболее злободневных, и намерен посвятить их анализу свой следующий номер. Однако мы сразу обозначаем, что собираемся рассматривать именно повестку, а не текучку, порождаемую этой повесткой и активно обсуждаемую в электронных СМИ и блогосфере, а также в тех из печатных периодических изданий, которые выходят гораздо чаще «Развития и экономики». Как и прежде, мы намерены обозревать переживаемый момент сквозь собственную оптику, сфокусированную на фундаментальных основаниях идущих процессов, их глубинной природе и ожидаемой вариативности. И самое главное — сопрягающую окружающую и разбираемую эмпирику с проблемами развития. Именно такой обстоятельный подход к происходящему здесь и сейчас делает нас вполне конкурентоспособными в медийном пространстве — даже на фоне более регулярных СМИ — и позволяет демонстрировать свой собственный оригинальный почерк, а также ту стилистику подачи материала, к которой привыкли наши читатели: говорить о злободневном, но вместе с тем преходящем, стремительно меняющемся и трудноуловимом, не ставя во главу угла детали и частности, но выяснявшая тенденции, формулируя закономерности, строя прогнозы и делая рекомендации — что следует и чего не следует предпринимать, если ориентироваться на национальные интересы, воспринимаемые как инструменты развития. Мы намерены оценивать предвыборную диспозицию как бы на расстоянии, чтобы мелочи и разного рода второстепенности не помешали нашему восприятию и интерпретации всей картины в целом. Пожалуй, лишь такой способ оценивать современность позволяет не следовать за навязываемыми в иных медиа штампами, а формировать собственный критический и вместе с тем обязательно опирающийся на незыблемое ценностное основание взгляд.

Учредители

миллениум банк^{зАО}

миллениум банк^{зАО}

Приближаем к цели.

www.kbmil.ru

www.devec.ru

интернет-портал
«Развитие и экономика»